

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 3 (175)
май — июнь 2023

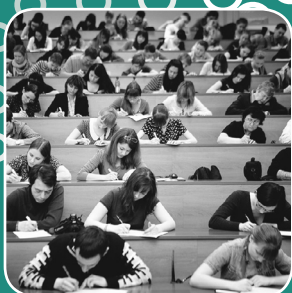
СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

СОЦИОЛОГИЯ
ГОРОДА

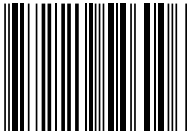
ИССЛЕДОВАНИЯ
ТЕХНОЛОГИЙ

СОЦИОЛОГИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2023. — № 3 (175). — 298 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

- А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова*
От социологии алгоритмов
к социальной аналитике искусственной социальности:
анализ кейсов API и ChatGPT 3
- С. Г. Ушкин, Е. А. Коваль*
Алиса, ты следишь за мной? Восприятие конфиденциальности
в нарративах пользователей «умных» колонок.....23
- Е. А. Гаврилина*
Агентность не-человеков: взаимодействие людей и социальных роботов 41
- А. А. Космарский, Н. В. Гордийчук*
Изучение профессиональных репутаций как игра: социология знания,
теория игр и токенизированные реестры56
- С. П. Моисеев, Т. Е. Щеглова, Д. В. Мальцева, А. Жнидаршич,
А. Баггия, Б. Вербер, В. Беванда*
Мифы и убеждения о медицинских микрочипах-имплантах в России,
Украине и Словении 78

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

- Д. Е. Серебренников*
Инфраструктура как камера-обскура социальных классификаций:
системы городского видеонаблюдения в малых городах 104
- А. Б. Белоусов, Д. А. Давыдов*
Городские конфликты и трансформация локального политического режима
в Екатеринбурге..... 130
- Е. Н. Рассолова, К. А. Галкин*
Новые практики городского активизма в постиндустриальном
русском городе 153
- Д. Б. Литвинцев, Н. В. Абрамова, Д. С. Романов*
Раздельный сбор мусора: институциональные проблемы формирования
проэкологических практик повседневности..... 169

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

- Мониторинг мнений: май — июнь 2023..... 186

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Е. С. Балацюк, Е. А. Гладченко

Социальный капитал молодых предпринимателей
в условиях пандемии COVID-19: на примере владельцев
крафтовых пространств Санкт-Петербурга 199

Н. Н. Куницына, Е. И. Дюдикова

Масштабы занятости в неформальном секторе экономики:
парадоксы измерения 217

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Н. А. Авдеенко

Имплементация обучения на основе проектов в школе: анализ высказываний
учителей в контексте системной модели креативности 239

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

Р. К. Тангалычева

Феминистская волна в женском кинематографе Южной Кореи 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. Ю. Милованова, Е. А. Ирсетская

Гендерный баланс и социальная справедливость как основа здорового
общества. Обзор по материалам международной научно-практической
конференции Первые Шанявские чтения 279

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2384](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384)

А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова

**ОТ СОЦИОЛОГИИ АЛГОРИТМОВ
К СОЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКЕ
ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ:
АНАЛИЗ КЕЙСОВ API И CHATGPT**

Правильная ссылка на статью:

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 3—22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384>.

For citation:

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2023) From the Sociology of Algorithms to Social Analytics of Artificial Sociality: Reflecting on the Cases of API and ChatGPT. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 3–22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384>. (In Russ.)

Получено: 11.02.2023. Принято к публикации: 17.04.2023.

ОТ СОЦИОЛОГИИ АЛГОРИТМОВ К СОЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКЕ ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ: АНАЛИЗ КЕЙСОВ API И CHATGPT

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, руководитель Международной исследовательской лаборатории ТАНДЕМ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: rezaev@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3918-835X>

ТРЕГУБОВА Наталья Дамировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

Аннотация. Статья рассматривает два примера информационных технологий — API и ChatGPT, — стремительно набравших популярность в последние несколько лет. Авторы описывают каждый из кейсов и анализируют, какие проблемы распространение этих технологий ставит перед социальными учеными. Отдельно рассматривается влияние ChatGPT и сходных технологий на сферу образования в рамках более общей тенденции — развития универсальных технологий искусственного интеллекта. В заключении обсуждается взаимосвязь между рассмотренными технологиями, которая определяется развитием онлайн-культуры и взаимозависимости «человек — алгоритм». Авторы формулируют тезис о необходимости перехода к новым исследовательским вопросам об искусственной социальности в рамках социальной аналитики и иллюстриру-

FROM THE SOCIOLOGY OF ALGORITHMS TO SOCIAL ANALYTICS OF ARTIFICIAL SOCIALITY: REFLECTING ON THE CASES OF API AND CHATGPT

Andrey V. REZAEV¹ — Prof. Dr. habil., Director of International Research Laboratory TANDEM
E-MAIL: rezaev@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3918-835X>

Natalia D. TREGUBOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Chair of Comparative Sociology
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

¹ St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Abstract. Building on understanding AI as a set of rules that simulates humans' goal-oriented rational actions, this paper conceptualizes and offers a framework for analyzing two cases of currently developed technologies: API and ChatGPT. The authors probe the approach they introduced recently to parse out how these two cases shape the development of social sciences in studying human-machine interdependence. They formalize the problems that the technological advancement of API and ChatGPT generate for society. Specifically, the paper considers the impact of ChatGPT on education. The authors characterize the relationships between API and ChatGPT regarding online culture and human-algorithm interdependence advances. Questioning how and why ChatGPT is to be used in different societies and cultures, they argue that new social analytic needs to be developed to approach further questions

ют его на примере анализа использования ChatGPT в разных обществах и культурах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственная социальность, взаимозависимость «человек — алгоритм», ChatGPT, API, новая социальная аналитика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства по науке и технологиям Тайваня в рамках научного проекта № 21-511-52002. Авторы выражают искреннюю благодарность двум анонимным рецензентам за внимательное отношение к работе, ценные замечания и рекомендации.

Введение

Цель настоящей статьи — рассмотреть два примера ставших популярными технологий, API и ChatGPT, с точки зрения развития искусственной социальности и ее осмысления в социологии. В наших публикациях, посвященных развитию современных информационных технологий [Rezaev, 2021; Резаев, Трегубова, 2019, 2022], мы рассуждали об искусственном интеллекте (ИИ), искусственной социальности, онлайн-культуре, формировании взаимозависимости «человек — машина/алгоритм». Были предложены соответствующие определения [Резаев, Трегубова, 2019: 40—43], сформулированы ключевые теоретико-методологические тезисы о том, что и как исследовать социальным ученым в связи со стремительным вхождением технологий ИИ в повседневную жизнь общества.

Наш первый и основной тезис состоит в том, что технологии ИИ, ранее направленные на решение инструментальных задач, становятся активными посредниками и участниками социальных взаимодействий.

Второй тезис заключается в том, что люди и вычислительные машины/алгоритмы — принципиально разные сущности, и понять их взаимодействие и его результаты в принципе можно, только если помнить об этой разнице и понимать ее.

Третий тезис состоит в том, что, несмотря на острую необходимость в осмыслении процессов и явлений, связанных с развитием искусственной социальности, социологи здесь пока хронически отстают. При этом обращение социологов (и шире — социальных ученых) к проблематике ИИ могло бы помочь социологии справиться с ее современным кризисом.

То, что мы будем обсуждать в настоящей статье, опирается на сформулированные тезисы, раскрывает их и — в этом отношении — не характеризует принци-

coming to the fore with a new reality — artificial sociality.

Keywords: artificial intelligence, artificial sociality, human-algorithm interdependence, ChatGPT, API, new social analytics

Acknowledgments. The study was supported by RFBR and MOST, the research project No. 21-511-52002. The authors acknowledge valuable comments and recommendations provided by two anonymous reviewers of the paper's earlier draft.

ально новые теоретико-методологические положения. Однако здесь проблемы искусственной социальности мы рассматриваем на материалах двух конкретных кейсов. Один кейс — это широкое распространение *класса* технологий API и, соответственно, популярность *API management*. Второй кейс — конкретная технология ИИ, которая приобрела известность и необычайную популярность, — ChatGPT.

В рамках статьи мы попытаемся ответить на следующие вопросы: что такое API? Что такое ChatGPT? Что нового привносит каждый из кейсов в развитие искусственной социальности и в формирование взаимозависимости «человек — алгоритм»? Есть ли связь между развитием этих технологий? Что могут и чего не могут социологи, анализируя подобные кейсы?

Однако перед тем как перейти к характеристике искомым технологий, необходимо сделать несколько замечаний об идее взаимозависимости «человек — машина/алгоритм».

Информационные технологии в условиях развития взаимозависимости «человек — машина/алгоритм»

Развитие агентов ИИ невозможно представить без их постоянного взаимодействия с людьми, но и жизнь современного человечества практически немыслима без использования технологий ИИ. На современном этапе технологического развития уже недостаточно говорить о том, что искусственный интеллект является активным участником и посредником во взаимодействиях между людьми, то есть о формировании искусственной социальности. Возникает нечто новое — *взаимозависимость* между человеком и машиной/алгоритмом (*human-machine interdependence*) [Rezaev, 2021]. Полный цикл этой взаимозависимости проходит три этапа. Сначала человек создает машины, затем передает контроль над автоматами алгоритмам, включая алгоритмы ИИ, а на завершающем этапе возникает положение, когда человек не может организовывать и проживать свою жизнь без алгоритма, становится зависимым от него¹.

Формирование взаимозависимости между людьми и алгоритмами в значительной степени связано с характером данных. Те данные, которые сегодня используются в бизнесе, в управлении, в организации взаимодействий между людьми, — колоссальные по масштабу, разнообразию и скорости поступления, и поэтому уже не могут быть проанализированы человеком или группой людей. Здесь нужны алгоритмы, которые способны не только анализировать информацию, но и принимать промежуточные решения, при этом конкретные варианты использования подобных алгоритмов могут быть очень разными². Вместе с тем и сами алгоритмы не могут работать без людей, они вынуждены постоянно с ними взаимодействовать — как для принятия решений, так и для сбора данных пользователей, чтобы было на чем обучаться другим алгоритмам.

При этом для формирования взаимозависимости важны как сами технологии ИИ, так и иные информационные технологии, обеспечивающие их эффек-

¹ Насколько нам известно, данное определение взаимозависимости «человек — машина» в специальной литературе формулируется впервые. Однако сходные процессы, хотя и в иных терминах, неоднократно описаны и обсуждены в литературе на стыке социальных и технических наук (см., например, [Ли, 2019; О'Нил, 2018]).

² Наиболее очевидный пример — сфера высокочастотной торговли (*high-frequency trading*) [MacKenzie, 2018].

тивную деятельность. В качестве примера первых в настоящей статье выступает ChatGPT, в качестве примера вторых — API.

Представляется, что сегодня вопрос уже не в том, возможно ли будущее без искусственного интеллекта, — вопрос в том, каким станет будущее с ним. И здесь перед социальными учеными встает вопрос, в каких терминах анализировать и как исследовать новые явления и процессы, связанные с формированием взаимозависимости «человек — машина/алгоритм».

В социальных науках предлагаются разные концептуальные решения для анализа вхождения технологий ИИ в жизнь общества и роста взаимозависимости между людьми и этими технологиями.

Одно из наиболее популярных направлений — STS (*science and technology studies*), к которому мы относим и акторно-сетевую теорию. Здесь подобного рода вопросы начали обсуждаться еще в конце 1980-х годов [Woolgar, 1985; Law, 1990]. Исследования в рамках данного направления изначально фокусируются на процессах взаимосвязей и взаимозависимостей между людьми, вещами, идеями и т. д. В этом их преимущество для анализа процессов формирования взаимозависимости между людьми и ИИ, однако в этом и их ограничение. Суть дела в том, что в STS интерес ученых направлен на конкретные технологии в конкретных ситуациях их создания / распространения / использования. Поэтому исследовательские подходы в рамках STS позволяют ухватить специфику конкретных кейсов, однако плохо пригодны для обобщения таких проблем, как «технологии ИИ и их влияние на современный мир», — да они и не ставят перед собой подобную задачу. Если же обобщение имеет место, то обычно оно происходит сразу до «алгоритмов» (см., например, [Lee, Larsen, 2019]), что не позволяет поставить вопрос об отличительных чертах ИИ. Нам известна лишь одна последовательная и серьезная попытка в рамках STS проанализировать специфику ИИ — это работы Гарри Коллинза [Collins 2018; 2021]. Однако и здесь автор для теоретизирования об ИИ вынужден обращаться к «внешним» источникам — к микросоциологии и философии языка.

Еще одно направление исследования взаимозависимости «человек — алгоритм» в современных социальных науках связано с анализом новых информационных технологий как агентов коммуникации. Причем особый интерес вызывают не работы, отталкивающиеся от исследования медиа, где ИИ остается своего рода «черным ящиком» (см., например, [Guzman, Lewis, 2020]), а исследования, основанные на социологических подходах к анализу коммуникации. Здесь необходимо выделить работы Елены Эспозито, которая использует лумановскую теорию коммуникации для анализа возникновения и функционирования новых технологий, не умеющих думать, но способных поддерживать коммуникацию [Esposito, 2017; 2022].

Наконец, отдельные социологические исследования фокусируются на социальной критике вхождения технологий ИИ в жизнь людей, рассматривая вопросы о трансформации существующих видов неравенства и формировании новых его видов [Jouce et al., 2021]. Большинство подобных исследований сосредоточено на текущих тенденциях, что не позволяет их авторам увидеть контуры новой взаимозависимости «человек — машина». В качестве исключения следует упомянуть прежде всего теорию «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф [Zuboff, 2019].

Основным ограничением для всех трех выделенных направлений оказывается то, что ученые склонны рассматривать ИИ как «еще одну» технологию (совокупность технологий). Исследования Г. Коллинза, Е. Эспозито, Ш. Зубофф — важные исключения. Вместе с тем в социальных науках, помимо упомянутых работ, существуют и иные концепции, в рамках которых ИИ понимается как особого рода технология — и похожая, и непохожая на человека [Dreyfus, 1992; Wolfe, 1993; Turkle, 2005]. Именно эта игра сходств и различий и делает искусственный интеллект особенным с точки зрения социальной теории — и именно здесь, мы полагаем, лежит ключ к пониманию того, как анализировать процессы формирования взаимозависимости «человек — алгоритм». Далее мы попытаемся применить данную установку к анализу API и ChatGPT.

API: от коммуникации между машинами к взаимодействию между организациями

Аббревиатура API означает *application programming interface*. На русский язык данный термин чаще переводится как «программный интерфейс приложения» или вообще остается без перевода. «Интерфейс» обозначает границу, «стык» между компьютерными системами (приложениями, программами, частями одной программы), выполняющими некоторые функции по обработке информации. Для конкретной программы или приложения программируются правила о том, как другие программы могут обмениваться с ней информацией: эти правила и есть API. В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с их применением, например, когда приложение, информирующее нас о погоде, посылает запрос в метеослужбу³. Возможность совершить покупку онлайн⁴ или зарегистрироваться на некотором сайте через аккаунт в социальных сетях⁵ также определяется работой API искомым сайтов и банка / социальной сети.

Итак, API — это правила обмена информацией одной компьютерной системы с другими. Здесь необходимо выделить несколько аспектов:

1) API определяет правила в одностороннем порядке. При этом правила могут быть разными для разных внешних программ. Скажем, некоторый банк разрешает оплату для одних сайтов, но запрещает для других.

2) Правила API можно рассматривать в юридических терминах — как контракт (договор)⁶.

3) API позволяет программам взаимодействовать так, что их внутренние процессы остаются скрытыми друг от друга⁷. Таким образом, API позволяют разработчикам открывать информацию на свое усмотрение. Однако пользователи часто остаются в неведении о том, какие данные получают внешние приложения и программы.

³ Что такое API? // AWS. URL: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/api/> (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Что такое API // Хабр. 2019. 19 августа. URL: <https://habr.com/ru/post/464261/> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Что такое API. Объясняем простыми словами // Секрет фирмы. 2021. 30 октября. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-api-obyasnyаем-prostymi-slovami.htm> (дата обращения: 10.02.2023).

⁶ Что такое API // Хабр. 2019. 19 августа. URL: <https://habr.com/ru/post/464261/> (дата обращения: 10.02.2023).

⁷ Что такое API и как он работает // Skillbox Медиа. 2022. 26 октября. URL: https://skillbox.ru/media/code/chto-takoe_api/ (дата обращения: 10.02.2023).

4) Использование API может осуществляться как без участия человека⁸ (например, приложение погоды запрашивает информацию у метеостанции), так и при его участии (например, вы регистрируетесь на сайте через аккаунт в социальной сети). Во втором случае над API «надстраивается» пользовательский интерфейс⁹.

API — это широкий класс технологий¹⁰, используемых давно и повсеместно: в программировании, в работе операционных систем, при взаимодействии сервисов в интернете¹¹. Почему же API и API management стали популярными именно в последние годы?¹²

Ответ на эти вопросы заключается в том, что сегодня API все чаще рассматривается не как программный код, а как продукт, который одни организации (платно или бесплатно) предоставляют другим¹³. То есть, оставаясь инструментом коммуникации между компьютерными программами, API становится средством для выстраивания взаимодействия между организациями.

Почему так происходит? Сегодня многие покупки и — шире — многие взаимодействия и активности осуществляются онлайн: развивается то, что в специальной литературе именуется «платформенной экономикой» и «алгоритмическим управлением» [Радаев, 2022]. API позволяют организации превратить ее продукты в платформы, предоставляя их внешним пользователям¹⁴. И здесь, разумеется, необходимо решать, что, в каком виде и на каких условиях предоставлять. Как следствие, возникают идеи о необходимости новых форм управления, API management [Mathijssen, Overeem, Jansen, 2020], обсуждаемые в связи с цифровой трансформацией (*digital transformation*)¹⁵. Последняя предполагает повышение уровня использования цифровых технологий в бизнесе и не только¹⁶ и призвана увеличить объем прибыли трансформирующихся компаний.

Итак, как можно характеризовать развитие API, если отталкиваться от концепции искусственной социальности? И чем здесь могут быть полезны социологи?

Прежде всего, API организует коммуникацию «алгоритм — алгоритм». Однако сегодня, не переставая быть инструментом коммуникации между компьютерными

⁸ Работа API без участия человека — пример расширения взаимозависимости «человек — алгоритм», когда в некоторых цепочках взаимодействий человека может уже не быть. Однако нужно понимать, что сам процесс взаимодействия технологий организуют (пока еще) люди.

⁹ Что такое API // Хабр. 2019. 19 августа. URL: <https://habr.com/ru/post/464261/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁰ API можно определить и как правила, и как технологии. API — это формализованные (запрограммированные) правила обмена информацией, а совокупность таких правил сама является информационной технологией.

¹¹ Что такое API и как он работает // Skillbox Медиа. 2022. 26 октября. URL: https://skillbox.ru/media/code/chto_takoe_api/ (дата обращения: 10.02.2023).

¹² Google trends фиксирует рост поиска по запросам API и API management в течение последних двух лет. В техническом секторе востребованность работы с API возникла, видимо, еще раньше: см. Что такое API // Хабр. 2019. 19 августа. URL: <https://habr.com/ru/post/464261/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹³ Frye M.-K. What is an API? // MuleSoft. URL: <https://www.mulesoft.com/resources/api/what-is-an-api> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁴ The Practical Guide to API Management // Software AG. URL: https://www.softwareag.com/en_corporate/resources/api/guide/api-management.html (дата обращения: 18.06.2023). Заметим, что API management также означает превращение стратегии развития API в организации в маркетинговый продукт.

¹⁵ Zachariadis M., Ozcan P. The API Economy and Digital Transformation in Financial Services: The Case of Open Banking. SWIFT Institute Working Paper No. 2016—001. 2017. <http://dx.doi.org/10.2139/ssm.2975199>.

¹⁶ Цифровизация и искусственный интеллект // Социодиггер. 2020. Вып. 3. URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2020vol1-3/> (дата обращения: 10.02.2023).

программами, *API встраивается в систему взаимозависимости «человек — машина/ алгоритм».*

Во-первых, над взаимодействием между приложениями с помощью API сегодня часто «надстраивается» пользователь, который и запускает это взаимодействие, запрашивая информацию, совершая покупку, проходя регистрацию онлайн.

Во-вторых, API все чаще используется для определения границ между организациями и регулирования взаимодействия между ними. Здесь технические границы (интерфейсы) применяются для создания и поддержания социальных и экономических границ.

В-третьих, подобное использование API имеет последствия на макроуровне: оно обеспечивает рост экономики платформ и способствует цифровой трансформации. Что, в свою очередь, задает новые векторы развития API.

Наконец, те «договоры», которые заключают между собой программы, взаимодействующие через API, становятся предметом этических и юридических споров. Какие данные следует и не следует передавать? Что должен знать и с чем должен соглашаться пользователь при передаче данных о себе? И кто несет ответственность, если что-то пошло не так в конкретной ситуации?

Социологам, безусловно, есть что сказать в отношении сформулированных тенденций. Границы между организациями и роль технологий в их поддержании — проблема, которой они охотно и плодотворно занимаются [Папакостас, 2016]. Современные тенденции экономического развития анализируются социальными учеными в терминах «капитализма платформ» [Срнчек, 2019] и «надзорного капитализма» [Zuboff, 2019]. Вопросы поведения пользователей, их отношения к проблемам приватности и утечке данных также активно обсуждаются социологами (см., например, [Heimstädt, Egbert, Esposito, 2020]). Таким образом, использование API порождает важные и интересные проблемы, которые могут становиться предметом социологических исследований.

Но причем здесь «искусственная социальность»? Какое отношение распространение API имеет, собственно, к искусственному интеллекту? Суть дела в том, что *API обеспечивает развитие взаимозависимости «человек — алгоритм», в рамках которой становятся все более востребованными технологии ИИ.* Анализу одной из таких технологий будет посвящен следующий раздел.

ChatGPT как «лакмусовая бумажка» развития искусственной социальности

ChatGPT — чат-бот, созданный компанией OpenAI и представленный в открытый доступ в ноябре 2022 г.¹⁷ ChatGPT обладает широкими способностями в создании текстов: он отвечает на вопросы, пишет рассказы, научные и журналистские статьи, стихи и даже программный код. В последние месяцы в сети активно обсуждаются его поразительные способности и не менее поразительные ошибки¹⁸.

¹⁷ ChatGPT: Optimizing Language Models for Dialogue // OpenAI. 2022. November 30. URL: <https://openai.com/blog/chatgpt/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁸ Обзор возможностей и ограничений чат-бота можно найти, например, в: Обзор ChatGPT с примерами использования в различных задачах // Хабр. 2022. 31 декабря. URL: <https://habr.com/ru/post/708646/> (дата обращения: 10.02.2023) и Yang S. The Abilities and Limitations of ChatGPT // Anaconda. 2022. 10 December. URL: <https://www.anaconda.com/blog/the-abilities-and-limitations-of-chatgpt> (дата обращения: 10.02.2023). Комментарии к первому материалу свидетельствуют, что ответы, которые дает ChatGPT, меняются: чат-бот «дообучается» и обновляется разработчиками, чтобы устранить ошибки.

ChatGPT основан на языковой модели GPT-3.5; предшествовавшие ей модели (GPT-2 и GPT-3) обсуждались разработчиками ИИ и заинтересованной общественностью последние три года¹⁹. В марте 2023 г. OpenAI выпустила новую версию чат-бота, основанную на новой языковой модели — GPT-4²⁰. Создание этих моделей потребовало обучения на огромных массивах данных и использования значительных вычислительных мощностей. Данные (разного рода тексты) были получены из интернета; для обеспечения необходимых вычислительных мощностей использовалась платформа Azure компании Microsoft. Сама компания OpenAI была основана в 2015 г. как некоммерческая организация, однако впоследствии у нее появилось коммерческое (ориентированное на прибыль) «крыло», одним из результатов работы которого и стал ChatGPT.

Результат этот, несмотря на некоторые ошибки чат-бота, выглядит удивительно убедительным — особенно для людей, далеких от компьютерных наук. Следует заметить, что убедительность результатов связана не только с качествами самого чат-бота, но и с тем, что люди склонны «одушевлять» подобные технологии и закрывать глаза на их ошибки. Это было замечено еще Джозефом Вейценбаумом, который был удивлен слишком оптимистичным восприятием возможностей созданной им программы «Элиза» (1966) — достаточно простого по своей структуре чат-бота-психотерапевта [Вейценбаум, 1982]. От более ранних технологий ChatGPT отличает то, что он может поддерживать беседу и генерировать текст практически на любые темы, на разных языках и в разных форматах, и при этом его ответы выглядят достаточно правдоподобными (хотя они не всегда верны).

Разумеется, можно (и нужно) говорить о том, что ChatGPT не человек, что он не учится как человек. Но для социологов важно не это (хотя *социальным анализам*, к чему мы вернемся в конце статьи, необходимо учитывать данное обстоятельство). Что же важно? Важно, в каких ситуациях, как и с какими последствиями новая технология ИИ будет использоваться.

Однако перед тем как ответить на вопрос об *использовании*, рассмотрим, как чат-бот *взаимодействует* с пользователями. Здесь будет полезным сравнение ChatGPT с языковой моделью, на основании которой он разрабатывался. Оказывается, что по сравнению с GPT-3 ChatGPT «знает» (может сообщить) примерно тот же объем информации, однако эту информацию легче извлечь: чат-бот лучше настроен на взаимодействие с пользователем²¹. Настройка эта производилась через учет реакций людей, которые выбирали из сгенерированных чат-ботом текстов тот, что кажется им наилучшим. Таким образом, ChatGPT устроен так, чтобы создавать текст, который *понравится пользователю*. Кроме того, чат-

¹⁹ Обсуждение технических особенностей моделей можно найти, например, в: AI Language Models & Transformers // Computerphile. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rURRYI66E54&ab_channel=Computerphile (дата обращения: 10.02.2023) и GPT3: An Even Bigger Language Model // Computerphile. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_8yVOC4ciXc&ab_channel=Computerphile (дата обращения: 10.02.2023). В популярных медиа в связи с моделью GPT-3 часто обсуждался вопрос, заменит ли ИИ человека. Интересный пример, когда сам ИИ создает текст о том, почему его не нужно бояться: A Robot Wrote this Entire Article. Are you Scared Yet, Human? // The Guardian. 2020. September 8. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/08/robot-wrote-this-article-gpt-3> (дата обращения: 10.02.2023).

²⁰ GPT-4 // OpenAI. 2023. March 14. URL: <https://openai.com/research/gpt-4> (дата обращения: 13.04.2023).

²¹ ChatGPT with Rob Miles // Computerphile. URL: https://www.youtube.com/watch?v=viJt_DXTfWA (дата обращения: 10.02.2023).

бот обучали избегать генерации текстов, содержащих оскорбительную или травмирующую информацию.

С такого рода подстройкой под пользователя связаны четыре особенности ChatGPT — *конформность, самоцензура, упрощение задачи и создание правдоподобной, но ложной по сути информации*. Выделяя эти свойства, мы не приписываем чат-боту человеческие характеристики. Данные характеристики следует понимать в терминах теории коммуникации, где у отправителя сообщения есть некоторая цель (получить одобрение пользователя) и определенные представления, как эту цель достичь (модель обобщенного пользователя, созданная в ходе обучения). В связи с этим возникает разрыв между тем, какой информацией располагает отправитель сообщения, и тем, что именно он сообщает.

Конформность легче всего проиллюстрировать на примере «математических способностей» чат-бота. В первой версии ChatGPT не был уверен, сколько будет два плюс два: чат-бот отвечал «четыре», но если пользователь настаивал на ответе «пять», то чат-бот соглашался с ним²². В обновленной версии разработчики устранили данную проблему, однако ChatGPT продолжает совершать ошибки и менять ответы в зависимости от реакции пользователей²³.

Самоцензура проявляется в том, что ChatGPT утверждает, что чего-то не знает или не может сделать, тогда как в действительности обладает запрашиваемой информацией. Например, он избегает давать медицинские или юридические советы. Иногда это принимает неожиданные формы: например, на вопрос, заданный по-датски, ChatGPT отвечает на датском языке, что «знает» только английский и может отвечать только на нем²⁴.

Кроме того, ChatGPT иногда допускает упрощение поставленных перед ним задач, если «предполагает», что пользователь этого не заметит. Например, если попросить чат-бота написать сонет, он напишет обычное стихотворение. Однако если указать на ошибку, он исправится²⁵.

Наконец, ChatGPT иногда «фантазирует» («галлюцинирует»), то есть генерирует текст, содержащий правдоподобные, но фактически не верные утверждения. Так, по нашему собственному опыту, если попросить ChatGPT составить список научной литературы по теме, он сгенерирует несуществующие источники, причем и фамилии авторов, и названия журналов смотрятся уместно. Однако самих публикаций нет в природе.

Все эти особенности взаимодействия обусловлены тем, что взаимозависимость между людьми и алгоритмами возникает уже при создании ChatGPT. Причем эта взаимозависимость как минимум четырехэтапная. Чат-бот зависит от а) техни-

²² См., например, Trotter Ch. Yeah, I Wouldn't Trust ChatGPT with Anything // Mastodon. URL: <https://mastodon.social/@atomicpoet/109738232324672153> (дата обращения: 10.02.2023) и Even ChatGPT Who's Always Right! // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/ChatGPT/comments/10ksh47/even_chatgpt_whos_always_right/ (дата обращения: 10.02.2023).

²³ Southern M. G. ChatGPT Update: Improved Math Capabilities // Search Engine Journal. 2023. January 31. URL: <https://www.searchenginejournal.com/chatgpt-update-improved-math-capabilities/478057> (дата обращения: 10.02.2023).

²⁴ ChatGPT with Rob Miles // Computerphile. URL: https://www.youtube.com/watch?v=viJt_DXTfWA (дата обращения: 10.02.2023).

²⁵ Предположительно это связано с тем, что для тестировщиков, обучавших ИИ, было не так важно, что перед ними — сонет или другой вид стихотворения. ChatGPT with Rob Miles // Computerphile. URL: https://www.youtube.com/watch?v=viJt_DXTfWA (дата обращения: 10.02.2023).

ческих (и этических) решений его разработчиков; б) данных в интернете, на которых обучалась языковая модель; в) действий тестировщиков, определявших наилучший ответ; г) обратной связи пользователей, на основе которой чат-бот учится и разработчики исправляют технологию в режиме реального времени.

Для понимания динамики коммуникации ChatGPT с интернет-пользователями наиболее важной представляется способность чат-бота подстраиваться под них, основанная на реакциях тестировщиков, на которых программа обучалась. Тестировщики же представляют собой *нерандомизированную выборку* всех пользователей. Более того, их суждения о правильности/корректности ответов чат-бота — *прокси-переменные* для действительной правильности и корректности этих ответов. А это уже проблемы, хорошо знакомые социологам. Так, ChatGPT не выдавал сонет по запросу «сонет», поскольку не все тестировщики были знакомы с формами классической западной поэзии. Социолог мог бы объяснить это международным разделением труда: предположить, что люди, хорошо знакомые с поэзией, не часто работают тестировщиками и, более того, большинство тестировщиков живут вовсе не на Западе.

Итак, ChatGPT генерирует тексты и при этом подстраивается под собеседника, ориентируясь на некоторую модель одобряемых пользователем ответов. Уровень создаваемых им текстов довольно высок, при этом чат-бот не свободен от ошибок, во многом связанных именно с подстройкой под пользователя. Как может применяться эта технология?

ChatGPT в образовании

Одна из тем, наиболее активно обсуждаемых в связи с ростом популярности ChatGPT, — возможные перемены в сфере образования²⁶ [Rudolf, Tan, Tan, 2023]²⁷. В рамках настоящей статьи мы не ставим перед собой цель раскрыть данную проблему полностью, а скорее стремимся выделить некоторые новые тенденции, относящиеся с формированием взаимозависимости «человек — алгоритм» в сфере образования²⁸.

Использование технологий ИИ в обучении обсуждается давно, при этом и характер самих технологий, и наиболее популярные области их применения меняются.

В 1980-е годы были популярны экспертные системы, основанные на обобщении и формализации суждений экспертов-людей. Тогда технологии ИИ осмыслились прежде всего с точки зрения того, как они встраиваются во взаимодействие

²⁶ Baidoo-Anu D., Owusu Ansah L. Education in the Era of Generative Artificial Intelligence (AI): Understanding the Potential Benefits of ChatGPT in Promoting Teaching and Learning. *SSRN*. 2023. January 25. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4337484> (дата обращения: 18.06.2023).

²⁷ Следует также отметить, что через неделю после выхода новой версии ChatGPT Билл Гейтс (а Microsoft, напомним, сотрудничает с OpenAI) выпустил статью о начале «эры ИИ», в которой образование — наряду со здравоохранением и повышением производительности — обсуждается как одна из областей, где использование ИИ станет революционным: Gates B. The Age of AI Has Begun // GatesNotes. 2023. March 21. URL: <https://www.gatesnotes.com/The-Age-of-AI-Has-Begun> (дата обращения: 13.04.2023). На следующий день вышло открытое письмо с призывом «поставить на паузу» разработки в области ChatGPT и сходных технологий, которое обращает внимание на угрозу умножения лживой информации и исчезновения многих, в том числе привлекательных для человека видов работ. Среди подписавших письмо — не только известные предприниматели, такие как Илон Маск, но и профессора из университетов Беркли, Оксфорда, Гарварда, Монреаля, и др. См.: Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life Institute. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 13.04.2023).

²⁸ Подробнее о том, как использование ChatGPT изменит сферу образования, см. в [Резаев, Трегубова, 2023].

«учитель — ученик», что они в нем меняют, кого и в чем заменяют. Данный подход обнаруживается, например, в классификации технологий ИИ по тому, кто их использует (учитель или ученик) и как именно (как инструмент, объект или субъект обучения) [Romiszowski, 1987].

Современная эпоха — время искусственных нейронных сетей, обученных на больших массивах данных. Обзор современных исследований [Chu et al., 2022] показывает, что в сфере образования на первый план выходит использование предсказательных и рекомендательных алгоритмов ИИ, которые оценивают успехи студентов в процессе обучения. Их рекомендации могут затем использоваться самими студентами, преподавателями или управленцами. Заметим, что здесь ИИ уже не встраивается в отношения «ученик — учитель», а используется для того, чтобы оценивать и контролировать процесс обучения.

Как меняет ситуацию ChatGPT? Наиболее очевидное его применение в образовании — инструмент/помощник обучающегося в создании текстов, будь то сочинение, реферат или программный код. ChatGPT получает задание, студент контролирует его выполнение и вносит необходимые правки. При этом ситуации, в которых чат-бот уже используется предприимчивыми студентами, связаны с нарушением академической этики²⁹. По сути, это списывание, но не с работы другого студента или конкретного текста, а с чат-бота.

Здесь проявляется следующая тенденция: технологии ИИ, которые в большей степени влияют на сферу образования, — вовсе не те, что специально создавались для решения ее проблем. Если экспертные системы 1980-х базировались на оценках конкретных экспертов в отношении конкретных ситуаций, то более поздние предсказательные алгоритмы выполняют широкую задачу — предсказывают поведение людей (а разновидность поведения может быть далее конкретизирована). Следует также вспомнить об онлайн-поисковиках и онлайн-переводчиках: эти универсальные технологии оказали грандиозное, хотя и постепенное влияние на процесс обучения. Сейчас еще одна универсальная технология — генератор текстов ChatGPT и подобные ей алгоритмы ИИ — грозит повлиять на образовательный процесс, причем гораздо более резко и драматично, чем существовавшие ранее технологии³⁰.

Однако почему именно ChatGPT получил такую популярность? С одной стороны, ИИ, способный генерировать текст по широкому ряду тем и в разных форматах на столь высоком уровне, появился совсем недавно. С другой стороны, ChatGPT имеет удобный интерфейс и выложен в открытый доступ (чего не было, например, у GPT-3). Сочетание широких возможностей в создании текста и доступности по-

²⁹ В России наиболее активно обсуждался случай, когда студент за сутки подготовил (и затем успешно защитил) диплом, написанный с помощью ChatGPT: «Рассмеялся на защите»: студент РГГУ защитил диплом, написанный нейросетью ChatGPT // Мел. 2023. 1 февраля. URL: <https://mel.fm/novosti/1056732-ne-blagodarite-menya-student-rggu-zashchitil-diplom-napisanny-neurosetyu> (дата обращения: 10.02.2023). Примечательно, что студент сам рассказал в социальных сетях, как именно писал диплом. Также примечательно, что для написания диплома студенту все-таки понадобилась помощь (консультация) научного руководителя, который, в частности, правил оглавление, то есть определил структуру работы. Таким образом, ChatGPT меняет образовательные практики, но не так радикально, как могло бы показаться на первый взгляд.

³⁰ О чем задумались и в Минобрнауки РФ: Фальков призвал не наказывать выпускников, написавших диплом с помощью нейросети ChatGPT // Тасс. 2023. 8 февраля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16990327> (дата обращения: 10.02.2023).

зволило ChatGPT приобрести широкую популярность. Это первая технология такого рода, но, почти наверняка, не последняя³¹.

Способность ChatGPT создавать тексты разного рода делает его особенно востребованным в сфере образования. В самом деле, образовательный процесс по большинству направлений обучения сегодня предполагает написание обучающимися разного рода текстов, соответствующих определенным формальным критериям. При этом в условиях массового образования требования к уровню этих текстов (опять-таки, в большинстве случаев) не будут очень высокими. Таким образом, ИИ, способный создавать тексты и доступный для широкого использования, «естественно» заменяет обучающегося (школьника или студента) в значительной части его/ее активностей.

Близким нам (социальным ученым) примером здесь будет эссе, созданное ChatGPT, сравнивающее теории национализма Б. Андерсона и Э. Геллнера³². Авторы настоящей статьи оценили бы его на «удовлетворительно»: в нем присутствуют смысловые и стилистические несоответствия, повторы и пропуски в аргументации, да и сама аргументация выглядит поверхностной. Однако легко можно представить, что это эссе написал студент — не слишком заинтересованный и не очень хорошо погруженный в материал. Что из этого следует? Возможно, пришла пора менять само образование, а использование ChatGPT является лишь симптомом необходимости изменений.

Далее можно представить следующую ситуацию. Преподаватель задает студенту письменную работу, студент «перепоручает» ее ChatGPT, а преподаватель использует для проверки работ алгоритм ИИ, выставляющий некоторую оценку. В таком случае преподаватель и студент выступают в качестве посредников в коммуникации между алгоритмами. Вопрос здесь в том, чему учит преподаватель и чему научится студент.

И здесь от проблем образования мы переходим к не менее важным проблемам рынка труда. Технологии, подобные ChatGPT, способны выполнять «черновую работу» в таких сферах, как журналистика³³ и программирование³⁴. Если ИИ генерирует тексты, то роль человека — в том, чтобы выбирать из предложенных вариантов и вносить соответствующие правки. Как следствие, при довольно низких требованиях к значительной части создаваемого «продукта» использование тех-

³¹ Так, в ответ на популярность ChatGPT Google объявил о создании собственного чат-бота, основанного на разработанной в компании языковой модели LaMDA: Pichai S. An Important Next Step on our AI Journey // Google Official Blog. 2023. February 6. URL: <https://blog.google/technology/ai/bard-google-ai-search-updates/> (дата обращения: 10.02.2023).

³² Can You Write a 4 Paragraph Academic Essay Comparing and Contrasting the Theories of Nationalism of Benedict Anderson and Ernest Gellner? // Emergent Mind. URL: <https://www.emergentmind.com/posts/can-you-write-a-4-paragraph-academic-essay-comparing> (дата обращения: 10.02.2023).

³³ Так, «Город 812» провел «эксперимент», представив результаты работы чат-бота как тексты журналиста: Тороева Д. Боты среди нас // Город 812. 2022. 20 декабря. URL: <https://gorod-812.ru/boty-sredi-nas/> (дата обращения: 10.02.2023). Читатели не догадались о подмене, хотя уровень текстов новой «сотрудницы» оценили не очень высоко. А «Фонтанка» попросила экспертный комментарий у ChatGPT о его влиянии на образование, см.: Есть и «тревожный сигнал». Чат-бот ChatGPT поделился с «Фонтанкой» мнением о написанном при помощи нейросети дипломе // Фонтанка. 2023. 2 февраля. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/02/02/72026822/> (дата обращения: 10.02.2023).

³⁴ В сообществе программистов возможности и ограничения ChatGPT обсуждаются довольно активно. См., например: ChatGPT — хайп или реальная помощь разработчику? // Хабр. 2022. 7 декабря. URL: <https://habr.com/ru/post/704158/> (дата обращения: 10.02.2023) и Жуткий сценарий использования ChatGPT // Хабр. 2023. 3 февраля. URL: <https://habr.com/ru/post/714792/> (дата обращения: 10.02.2023).

нологий ИИ позволит существенно сократить число работников-людей. Впрочем, подобные тенденции в связи с развитием ИИ уже давно обсуждаются и в журналистике, и в программировании, и в таких сферах, как юриспруденция, дизайн, редакторское дело. В целом же формулируется тезис о том, что развитие технологий ИИ «размывает» средний класс, резко сокращая число доступных для его представителей работ [Коллинз, 2015]³⁵.

Если предположить, что ChatGPT и сходные технологии действительно возьмут на себя часть работы, которую выполняют люди, что останется самим людям? Очевидно, проверять информацию, комбинировать результаты, дорабатывать текст... А значит, всему этому, возможно, и стоило бы учить в учебных заведениях. Но это означает не понижение, а *повышение* требований к обучающимся (вероятно, при сокращении их общего числа) и к преподавателям. Скажем, студент пишет эссе с помощью ChatGPT, а преподаватель подробно разъясняет, какие в этом эссе ошибки и недочеты. А потом просит студента а) доработать данное эссе; б) написать новое эссе «с нуля», учитывая предыдущий опыт. Возможна ли такая организация учебного процесса в эпоху массового высшего образования — вопрос открытый.

Таким образом, с точки зрения социологии *ChatGPT* интересен прежде всего тем, что *делает очевидными проблемы, которые уже существуют в связи с развитием искусственной социальности*. Это «пристрастность» алгоритмов из-за искажений в обучающих выборках, проблемы трансформации рынка труда и профессий, проблемы образования, формирование «сетевых пузырей», когда интернет-пользователи видят и слышат только то, что хотели бы слышать. Вместе с тем технологии, подобные ChatGPT, открывают новые, не всегда заранее предсказуемые возможности развития взаимозависимости «человек — алгоритм».

Вместо заключения: на пути к социальной аналитике искусственной социальности

Мы рассмотрели два кейса информационных технологий — API и ChatGPT. Есть ли между ними взаимосвязь?

Прежде всего, оба кейса связаны с *развитием онлайн-культуры* и сами вносят вклад в ее развитие. Технологии API не были бы столь популярны, если бы значительная часть активности людей в современном мире не проходила онлайн. А с ростом популярности API подобных активностей становится еще больше: самый яркий пример — онлайн-платежи. ChatGPT не был бы возможен без обучения на колоссальных объемах данных, извлеченных из интернета. При этом взаимодействие с ChatGPT и обсуждение опыта этого взаимодействия за несколько месяцев стали крайне популярными в самой онлайн-среде.

Вместе с тем между рассмотренными кейсами существует и более прямая связь. Для монетизации (да и просто для распространения) технологий ИИ сегодня нужны API. Языковые модели, на которых основан ChatGPT, могут быть встроены в продукты и услуги сторонних компаний через API³⁶, что использует-

³⁵ Не все ученые, однако, соглашаются, что воздействие технологий ИИ на занятость будет столь радикальным: [Капелюшников, 2017].

³⁶ OpenAI API // OpenAI. URL: <https://openai.com/api/> (дата обращения: 10.02.2023).

ся спросом, ибо сторонние организации не могут создавать подобные технологии самостоятельно³⁷. Таким образом, *развитие API служит экономическим стимулом к созданию новых технологий ИИ*. Это, в свою очередь, намечает новые векторы развития искусственной социальности в условиях роста взаимозависимости «человек — алгоритм». Поэтому API и ChatGPT — это два кусочка одного паззла, *новой реальности искусственной социальности*. Но что в этой новой реальности делать социологам?

Выше мы наметили несколько конкретных вопросов (исследовательских проблем), которые возникают с развитием технологий: как API меняет границы между организациями? Какие новые типы организаций при этом возникают? Как несоблюдение стандартных социологических процедур при обучении ИИ влияет на конечный продукт? Как технологии типа ChatGPT ставят под вопрос методы оценки в образовании? Эти (и многие другие) вопросы могут служить для организации конкретных исследований в социологии, экономике, психологии и других социальных науках. В самой социологии они все чаще обсуждаются в рамках «исследований алгоритмов» [Beer, 2017; Lee, Larsen, 2019], которые совмещают в себе перспективы STS и критической социологии.

Однако ограничиваться подобными исследованиями — значит не видеть проблемы в целом. Развитие взаимозависимости «человек — машина/алгоритм» ставит целый ряд вопросов, ответить на которые в одиночку не может ни одна дисциплина: каким должно быть образование в эпоху, когда алгоритмы могут писать стихи и создавать компьютерные программы? Что значит быть человеком в мире, где твой самый внимательный собеседник — вычислительная машина? Что происходит с обществом, в котором «удельный вес» взаимодействий между людьми меньше, чем взаимодействий между машинами? И что делать (чему учиться, кем работать, с кем общаться) мне, конкретному человеку, в таком мире?

Подобные вопросы рассматривает не социология, не психология и даже не философия: их рассматривает *социальная аналитика*. Ранее мы обсуждали, что такое социальная аналитика и как она может помочь социологии с выходом из ее текущего кризиса [Резаев, Трегубова, 2022]. Социальная аналитика понимается авторами настоящей статьи как умение правильно сформулировать исследовательскую проблему о жизни людей в постоянно изменяющемся и находящемся в состоянии неопределенности обществе и предложить способы решения этой проблемы адекватными для данного этапа развития методами. Социальная аналитика использует концептуальные и методологические инструменты различных наук и сочетает разные способы исследования и формы презентации, не замыкаясь внутри узких дисциплинарных жанров. Некоторые междисциплинарные направления исследований, такие как социальная оценка технологий (*technology assessment*), близки к тому, что мы именуем социальной аналитикой. Предлагая более широкий термин, мы, с одной стороны, хотим заявить о наличии проблемы, с другой — посмотреть на эту проблему поверх существующих узких дисциплинарных (и междисциплинарных) границ.

³⁷ 30 миллиардов параметров: реально ли обучить русский GPT-3 в «домашних» условиях? // Хабр. 2021. 1 июля. URL: <https://habr.com/ru/post/565564/> (дата обращения: 10.02.2023).

В заключение приведем пример постановки проблемы о ChatGPT в духе социальной аналитики.

Философский анализ ИИ зафиксировал существенные различия между человеком и вычислительной машиной. Действия машины основаны на универсальных алгоритмах, человек же всегда встраивается в конкретную ситуацию и действует внутри нее, приспосабливаясь к ней [Dreyfus, 1992]³⁸. Однако наблюдение за работой современных технологий ИИ (включая ChatGPT) показывает, что часто эти технологии как будто бы хорошо вписываются в повседневные ситуации. Как такое может быть?

«Большая» социологическая теория вроде бы дает ответ на этот вопрос. Современные технологии ИИ имитируют не мышление, а коммуникацию (в лумановском смысле), обучаясь на огромных массивах данных, созданных людьми [Esposito, 2017]. Поэтому ответы онлайн-поисковика, онлайн-переводчика или, в данном случае, чат-бота выглядят осмысленными и уместными в конкретной ситуации, хотя и основаны на универсальных алгоритмах.

Однако это лишь частичный ответ на исходный вопрос. Да, обучение на «больших данных» позволяет ИИ давать ответы, которые кажутся осмысленными. Но почему вообще возникают ситуации, а они возникают все чаще, когда использование ИИ выглядит уместным? И что говорит о современном обществе тот факт, что ИИ в нем все чаще заменяет человека?

Чтобы понять важность данной проблемы, проведем мысленный эксперимент: запустим машину времени и предложим побеседовать с ChatGPT жителям античного полиса. Что бы они стали с ним обсуждать, если представить, что нам удалось бы уговорить их это сделать? Стал бы ChatGPT чем-то вроде оракула? Стали бы ученики платоновской Академии просить чат-бота выполнить за них домашнее задание? Использовали бы его античные поэты для подготовки черновых вариантов комедий и трагедий? Пригодился бы он ораторам для подготовки речей? Для ответа на поставленные вопросы явно нужна помощь историков и искусствоведов, однако одно мы можем предположить: список ситуаций, в которых античный горожанин обращался бы к чат-боту, был бы гораздо короче, чем список современного горожанина.

И здесь мы встаем перед необходимостью масштабных сравнений того, как подобные технологии используются в разных обществах и культурах. Анализ сходств и различий в ситуациях, когда люди взаимодействуют с ChatGPT, позволил бы увидеть, чем такие ситуации характеризуются — формализацией, возможностью типизации, низкой эмоциональной вовлеченностью, игровым контекстом, еще чем-то? Может быть, сочетанием нескольких свойств? Может быть, для разных типов людей это будут разные ситуации? Возможно, разницу будут определять ценности, или нормы, или характер экономических отношений? А может быть, в современном мире интернет становится одним большим контекстом (набором контекстов), к которым технологиям ИИ приспосабливаться просто легче? Вероятно, все это будет иметь значение, но без эмпирической работы определить конкретные взаи-

³⁸ Хьюберт Дрейфус сформулировал данный тезис на основании анализа технологий ИИ, устроенных иначе, чем искусственные нейронные сети, — технологий «символического ИИ». Представляется, однако, что тезис применим и к технологиям типа ChatGPT, которые основаны на универсальных алгоритмах иного рода и также не способны приспосабливаться к конкретным (особенно нестандартным) ситуациям. Подробно эту идею развивает Гарри Коллинз [Collins, 2018].

мосвязи между экономическими, социальными, культурными, психологическими и иными факторами не представляется возможным.

Более того, можно конкретизировать поставленную проблему применительно к сфере образования: что произошло в современном мире с взаимодействием «ученик — учитель»? Почему теперь и ученика, и учителя может, в некоторой степени, заменить ИИ? Какой будет эта степень для разных образовательных традиций в разных обществах и культурах? В каких случаях использование технологий ИИ принесет этому взаимодействию пользу, а в каких — вред? И в каких категориях определять «пользу» и «вред»?

Завершим наше рассуждение следующим — быть может, спорным, — тезисом. В конечном счете важен не сам искусственный интеллект — важно то, в какие социальные взаимодействия и отношения он встраивается, где и почему он заменяет человека. Несмотря на прорывные успехи конкретных технологий ИИ, принципы его работы не так уж сильно изменились с первых десятилетий развития данной области³⁹. Машина остается машиной, человек остается человеком — меняется общество. Именно поэтому развивается искусственная социальность, и именно это развитие должно стать проблемой для новой социальной аналитики.

Список литературы (References)

- Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям. М.: Радио и связь, 1982.
- Weizenbaum J. (1982) *Computer Power and Human Reason: From Judgment to Calculation*. Moscow: Radio and communication. (In Russ.)
- Капелюшников Р. И. Технологический прогресс — пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 111—140. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-111-140>.
- Kapeliushnikov R. I. (2017) Is Technological Change a Devourer of Jobs? *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. P. 111—140. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-111-140>. (In Russ.)
- Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? / Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 61—110.
- Collins R. (2015) *The End of Middle-class Work: No More Escapes*. In: Wallerstein I., Collins R., Mann M., Derluguian G., Calhoun C. *Does Capitalism Have a Future?* Moscow: Gaidar Institute Press. P. 61—110. (In Russ.)
- Ли К. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
- Lee K.-F. (2019) *AI Superpowers. China, Silicon Valley, and the New World Order*. Moscow: MIF. (In Russ.)

³⁹ Обзор истории развития ИИ представлен в [Russell, Norvig, 2016]. Примечательно, что миссия OpenAI связана с развитием общего ИИ (*artificial general intelligence, AGI*) — такого ИИ, который умел бы все (или почти все), что умеет человек. И сами притязания на создание AGI, и их оценка применительно к конкретным технологиям компании — интересная проблема, которая требует, однако, отдельного рассмотрения.

О'Нил К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М.: АСТ, 2018.

O'Neil C. (2018) Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. Moscow: AST. (In Russ.)

Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ, 2016.

Papakostas A. (2016) Civilizing the Public Sphere: Distrust, Trust and Corruption. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Радаев В. В. Экспансия платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250022667-6>.

Radaev V. V. (2022) Platform Expansion as a Challenge for Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 12. P. 15—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250022667-6>. (In Russ.)

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2019) Artificial Intelligence, On-Line Culture, Artificial Sociality: Definition of the Terms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 35—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. (In Russ.)

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Еще раз о социологии и социальной аналитике в эпоху развития искусственного интеллекта // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 9—30. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-9-30>.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2022) Once again about Sociology and Social Analytics in the Age of Artificial Intelligence Advancement. *Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 3. P. 9—30. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-9-30>. (In Russ.)

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. ChatGPT и пять уроков для высшей школы в период становления «искусственной социальности» // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 1. С. 57—61. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-57-61>.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2023) ChatGPT and Five Lessons for Higher Education in the Era of “Artificial Sociality”. *Telescope*. No. 1. P. 57—61. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-57-61>. (In Russ.)

Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

Srnicek N. (2019) Platform Capitalism. Moscow: HSE Press. (In Russ.)

Beer D. (2017) The Social Power of Algorithms. *Information, Communication & Society*. Vol. 20. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>.

Chu H.-C., Hwang G.-H., Tu Y.-F., Yang K.-H. (2022). Roles and Research Trends of Artificial Intelligence in Higher Education: A Systematic Review of the Top 50 Most-cit-

ed Articles. *Australasian Journal of Educational Technology*. Vol. 38. No. 3. P. 22—42. <https://doi.org/10.14742/ajet.7526>.

Collins H. (2018) *Artificial Intelligence: Against Humanity's Surrender to Computers*. Madford, MA: Polity Press.

Collins H. (2021) The Science of Artificial Intelligence and Its Critics. *Interdisciplinary Science Reviews*. Vol. 46. No. 1—2. P. 53—70. <https://doi.org/10.1080/03080188.2020.1840821>.

Dreyfus H. (1992) *What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason*. Cambridge, MA: MIT Press.

Esposito E. (2017) Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms. *Zeitschrift für Soziologie*. Vol. 46. No. 4. P. 249—265. <https://doi.org/10.1515/zfsoz-2017-1014>.

Esposito E. (2022) *Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Guzman A. L., Lewis S. C. (2020) Artificial Intelligence and Communication: A Human—Machine Communication Research Agenda. *New Media & Society*. Vol. 22. No. 1. P. 70—86. <https://doi.org/10.1177/1461444819858691>.

Joyce K., Smith-Doerr L., Alegria S., Bell S., Cruz T., Hoffman S. G., Noble S. U., Shestakofsky B. (2021) Toward a Sociology of Artificial Intelligence: A Call for Research on Inequalities and Structural Change. *Socius*. Vol. 7. <https://doi.org/10.1177/2378023121999581>.

Heimstädt M., Egbert S., Esposito E. (2020) A Pandemic of Prediction: On the Circulation of Contagion Models between Public Health and Public Safety. *Sociologica*. Vol. 14 No. 3 P. 1—24.

Law J. (1990) Introduction: Monsters, Machines and Sociotechnical Relations. *The Sociological Review*. Vol. 38 No. 1_suppl. P. 1—23. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1990.tb03346.x>.

Lee F., Larsen L. B. (2019) How Should We Theorize Algorithms? Five Ideal Types in Analyzing Algorithmic Normativities. *Big Data & Society*. Vol. 6. No. 2. P. 1—6. <https://doi.org/10.1177/2053951719867349>.

MacKenzie D. (2018) Material Signals: A Historical Sociology of High-Frequency Trading. *American Journal of Sociology*. Vol. 123. No. 6. P. 1635—1683. <https://doi.org/10.1086/697318>.

Mathijssen M., Overeem M., Jansen S. (2020) Identification of Practices and Capabilities in API Management: A Systematic Literature Review. *arXiv*. No. 2006.10481. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2006.10481>.

Rezaev A. V. (2021) Twelve Theses on Artificial Intelligence and Artificial Sociality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 20—30. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1894>.

Romiszowski A. (1987) Artificial Intelligence and Expert Systems in Education: Progress, Promise and Problems. *Australian Journal of Educational Technology*. Vol. 3. No. 1. P. 6—24. <https://doi.org/10.14742/ajet.2365>.

Rudolph J., Tan S., Tan Sh. (2023) ChatGPT: Bullshit Spewer or the End of Traditional Assessments in Higher Education? *Journal of Applied Learning & Teaching*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.37074/jalt.2023.6.1.9>.

Russell S., Norvig P. (2016) *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Harlow, UK: Pearson Education Limited.

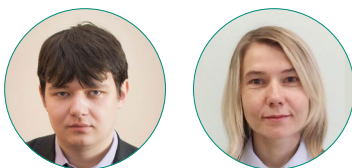
Turkle S. (2005) *The Second Self: Computers and the Human Spirit* (20th anniversary ed.). Cambridge, MA: MIT Press.

Wolfe A. (1993) *The Human Difference: Animals, Computers, and the Necessity of Social Science*. Berkley, CA: University of California Press.

Woolgar S. (1985) Why not a Sociology of Machines? The Case of Sociology and Artificial Intelligence. *Sociology*. Vol. 19. No. 4. P. 557—572. <https://doi.org/10.1177/0038038585019004005>.

Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, NY: Public Affairs.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2314](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2314)

С. Г. Ушкин, Е. А. Коваль

**АЛИСА, ТЫ СЛЕДИШЬ ЗА МНОЙ?
ВОСПРИЯТИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ
В НАРРАТИВАХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ «УМНЫХ» КОЛОНОК**

Правильная ссылка на статью:

Ушкин С. Г., Коваль Е. А. Алиса, ты следишь за мной? Восприятие конфиденциальности в нарративах пользователей «умных» колонок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 23—40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2314>.

For citation:

Ushkin S. G., Koval E. A. (2023) Alice, Are You Following Me? Perception of Confidentiality in the Narratives of Smart Speaker Users. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 23–40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2314>. (In Russ.)

Получено: 24.09.2022. Принято к публикации: 15.03.2023.

АЛИСА, ТЫ СЛЕДИШЬ ЗА МНОЙ? ВОСПРИЯТИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В НАРРАТИВАХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ «УМНЫХ» КОЛОНОК

УШКИН Сергей Геннадьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия; исследовательский менеджер Всероссийского центра изучения общественного мнения, Москва, Россия
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>

КОВАЛЬ Екатерина Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Саранск, Россия
E-MAIL: nwifesc@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

Аннотация. «Умные» колонки завоевывают популярность во всем мире, и Россия — не исключение. Особенность «умных» колонок, привлекающая пользователей, заключается в интеграции в них голосовых помощников, общение с которыми происходит посредством вербальных команд. Тем не менее кажущаяся простота и удобство общения с «умными» колонками могут быть обманчивыми. Ряд научных статей, посвященных человекомашинному взаимодействию, поднимают проблему конфиденциальности информации, поскольку пользователь никоим образом

ALICE, ARE YOU FOLLOWING ME? PERCEPTION OF CONFIDENTIALITY IN THE NARRATIVES OF SMART SPEAKER USERS

Sergey G. USHKIN^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Department for Monitoring Social Processes; Research Manager
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>

Ekaterina A. KOVAL³ — Dr. Sci. (Philos.), Professor at the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
E-MAIL: nwifesc@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

¹ Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Saransk, Russia

² Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

³ Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia

Abstract. “Smart” speakers are gaining popularity worldwide, and Russia is no exception. The feature of “smart” speakers that attracts users is the integration of voice assistants into them, communication with which takes place through verbal commands. Nevertheless, the apparent simplicity and convenience of communicating with “smart” speakers can be deceptive. Many scientific articles devoted to human-machine interaction raise the issue of information confidentiality since the user is in no way protected from penetration into his private life. In this context, we

не защищен от проникновения в его частную жизнь. В этом контексте мы поставили перед собой задачу осмыслить повседневные практики человеко-машинного взаимодействия, акцентируя внимание на социальной безопасности при взаимодействии с гаджетами. Для этого в марте 2022 г. мы провели 20 полуструктурированных интервью среди пользователей «умных» колонок в г. Саранске. В ходе исследования мы пытались выяснить, боятся ли российские пользователи «утечек» данных через «умные» колонки; на кого они возлагают ответственность за это; наконец, следуют ли они каким-либо мерам предосторожности при взаимодействии с устройствами. Полученные результаты свидетельствуют, что большинство информантов не видят существенных проблем в коммуникации с «умными» колонками, чаще всего рассматривая их как обычный бытовой прибор. Схема взаимодействия с ними заключается в даче простой вербальной команды («включить музыку», «поставить таймер» и т. д.), не требующей ведения последующего диалога. Коммуникация с девайсами становится рутинной, они воспринимаются как неотъемлемая часть домашней обстановки, позволяющая структурировать досуговые практики. В паре «комфорт — безопасность» пользователи, по всей видимости, выбирают первое: о проблемах с конфиденциальностью они предпочитают не задумываться, хотя в то же время стараются не общаться с устройствами на острые социально-политические темы.

Ключевые слова: голосовые помощники, искусственный интеллект, человеко-машинное взаимодействие, искусственная социальность, конфиденциальность, «умные» колонки

have tasked ourselves with comprehending the everyday practices of human-machine interaction, focusing on social security when interacting with gadgets. To do this, in March 2022, we conducted 20 semi-structured interviews among users of “smart” speakers living in Saransk. In the course of the study, we tried to find out whether Russian users are afraid of “leaks” of data through “smart” speakers; whom they hold responsible for this; and finally, whether they follow any precautions when interacting with devices. The results indicate that most informants do not see significant problems in communication with “smart” speakers, most often considering them as ordinary household appliances. The scheme of interaction with them consists in giving a simple verbal command (“turn on the music”, “set the timer”, etc.), which does not require a subsequent dialogue. Communication with devices becomes routine. They are perceived as an integral part of the home environment, allowing one to structure leisure practices. In the “comfort — security” pair, users choose the first: they prefer not to think about privacy problems, but they try not to communicate with devices on acute socio-political topics.

Keywords: voice assistants, artificial intelligence, human-machine interaction, artificial sociality, confidentiality, “smart” speakers

Введение

«Умные» колонки представляют собой устройства с интегрированными голосовыми помощниками, которые используют искусственный интеллект и обработку естественного языка для облегчения функциональных и гедонистических задач, таких как прослушивание музыки, установка напоминаний и получение информации из интернета [Lutz, Newlands, 2021: 147]. Их возможности из года в год расширяются, они становятся не просто объектами, но и субъектами взаимодействия, способными поддерживать диалоговую коммуникацию, а в отдельных случаях — предоставлять населению услуги по социальному обеспечению на дому [Hamblin, 2020: 117]. Более того, по замечаниям исследователей, в тех случаях, когда они вместе с другими «умными» устройствами (лампочками, розетками, пылесосами и т. д.) образуют общую экосистему, само домашнее пространство становится социальным, поскольку вынуждено реагировать на потребности жильцов, прежде всего через голосовые интерфейсы [Корбут, 2021: 198].

«Умные» колонки, приобретаемые как устройство-в-себе или как центр управления «умным» домом, быстро набирают популярность по всему миру. Например, в США, где подобные устройства появились одними из первых, по состоянию на первый квартал 2022 г. доля их пользователей достигла 35 % (в абсолютном выражении — 100 млн жителей от 18 лет и старше), а ежегодный прирост в пятилетней ретроспективе варьируется от 2 до 5 п.п.¹ В Великобритании «умные» колонки имеются у 50 % домохозяйств (то есть речь идет о примерно 34 млн человек всех возрастов), по сравнению с 2019 г. их доля увеличилась на 30 п.п.² Сведения о российских пользователях устройств представлены гораздо скуднее и опираются не на опросы населения, а преимущественно на раскрываемые данные ритейлеров. Так, на конец 2021 г. в России реализовано всего лишь порядка 4 млн гаджетов, и, по оценкам специалистов, рынок далек от насыщения³. Наиболее популярные устройства поставляются компанией «Яндекс», следом за ней с большим отставанием располагаются Сбер и VK. Каждая колонка располагает собственным голосовым помощником, который обладает присутствиями только ему «личностными характеристиками»⁴: Алиса от «Яндекса», Салют от «Сбера» и Маруся от VK.

Принцип работы «умных» колонок заключается в том, что говорящий должен произнести «побудительное» слово (например, «Алиса», «Маруся» и т. д.), которое выведет гаджет из спящего режима и позволит ему обнаружить голосовую команду и соответствующим образом на нее отреагировать, направив запрос на удаленный сервер. Мониторинг речевых триггеров ведется в постоянном режиме,

¹ The Smart Audio Report. URL: <https://www.nationalpublicmedia.com/uploads/2022/06/The-Smart-Audio-Report-Spring-2022.pdf> (дата обращения: 19.08.2022).

² Media Nations 2021: UC. URL: https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0023/222890/media-nations-report-2021.pdf (дата обращения: 19.08.2022).

³ Рынок умных колонок и голосовых ассистентов в России и мире: ежегодное исследование Just AI. URL: <https://just-ai.com/blog/rynok-umnyh-kolonok-i-golosovyh-assistentov-v-rossii-i-mire-ezhegodnoe-issledovanie-just-ai> (дата обращения: 19.08.2022).

⁴ Термин «личностные характеристики» в отношении «умных» колонок находит все большее употребление в работах западных исследователей, в первую очередь тех из них, кто занимается разработкой решений для голосовых помощников [Poushneh, 2021]. В некотором смысле он обладает перформативностью, поскольку приближает нас к образу устройства, где размываются границы между искусственной и не-искусственной социальностью.

для этого задействованы встроенные микрофоны, улавливающие изменения окружающей среды без доступа к интернету. Некоторые модели позволяют их отключить, в таком случае активация команд будет происходить после нажатия специальной физической кнопки на корпусе устройства. При этом «умные» колонки зачастую используются в частных пространствах (дом, квартира, комната). Это одна из основных причин, по которым проблема потенциальных утечек конфиденциальной информации все больше укореняется в научном и публичном дискурсе [Lau, Zimmerman, Schaub, 2018].

Но осознают ли сами пользователи потенциальную опасность «умных» колонок? Результаты исследований зарубежных коллег носят амбивалентный характер, и, по всей видимости, зависят от методики их проведения, целей и задач. Например, масштабная работа по анализу 4 500 отзывов о работе линейки «умных» колонок Echo, собранных на Amazon, не выявила актуализации темы конфиденциальности [Maccario, Naldi, 2022]. Люди демонстрируют свое положительное отношение к устройствам, о проблемах, связанных с использованием персональных данных, упоминают не более 3% от всей выборки.

Результаты направленных качественных исследований свидетельствуют о том, что пользователи могут испытывать недоверие к «умным» колонкам и тревогу по поводу конфиденциальности, полагая, что получить их персональные данные и иную приватную информацию могут не только производители гаджетов, но и домочадцы, соседи, гости и т. д. [Huang, Obada-Obieh, Beznosov, 2020]. Те, кто попадает в «поле зрения» колонки, тоже испытывают определенное беспокойство. [Marky et al., 2020]. Ситуацию осложняет то, что пользователи, как правило, плохо понимают, где хранятся их данные, как обрабатываются и куда передаются⁵ [Hyang et al., 2020].

В других работах упоминается «парадокс конфиденциальности», возникающий тогда, когда пользователи (сайтов, гаджетов и т. д.) практически не прилагают усилий для защиты своих персональных данных, поскольку получаемая выгода перевешивает потенциальные потери [Gerber, Gerber, Volkamer, 2018; Kowalczyk, 2018]. Недавние исследования подтверждают и усиливают этот тезис. В частности, сравнение поведенческих моделей пользователей и не-пользователей «умных колонок» указывает на то, что первая группа практически не задумывается о возможных рисках, пока получает определенные преимущества, в то время как вторая, во всяком случае декларативно, сосредоточена на большем контроле конфиденциальности [O'Maonaigh, Saxena, 2021].

Более того, соображения безопасности — вторая по популярности причина отказа от покупки «умной» колонки среди потребителей в США после высокой стоимости гаджетов [Barbosa, Zhang, Wang, 2020]. Согласно общенациональному репрезентативному опросу интернет-пользователей в Великобритании, опасения по поводу рисков конфиденциальности перевешивают преимущества «умного» дома, заявляемые производителями [Cannizzaro et al., 2020].

⁵ Abdi N., Ramokapane K. M., Such J. M. (2019). More than Smart Speakers: Security and Privacy Perceptions of Smart Home Personal Assistants. In: *Proceedings of the Fifteenth Symposium on Usable Privacy and Security*. Santa Clara, CA: USENIX Association. P. 451—466. URL: <https://www.usenix.org/conference/soups2019/presentation/abdi> (дата обращения: 23.06.2023).

Показательно, что дискуссии пользователей социальных сетей вокруг вопросов кибербезопасности и приватности, не являющихся экспертами в них, вызывает устойчиво высокие опасения по поводу бесконтрольного сбора данных «умными» устройствами и передачи их третьим лицам (государственные органы, бизнес) [Pattnaik, Li, Nurse, 2023]. Впрочем, здесь стоит говорить о наличии другого парадокса: говоря о защите личной жизни, авторы сообщений не только сделали публичными свои позиции, но и имплицитно дали возможность эти позиции исследовать (поскольку эти данные открыты для третьих лиц). Между тем беспокойство по поводу сохранения конфиденциальности при использовании «умных» устройств обострилось в период пандемии, которая спровоцировала ускоренное развитие дистанционных форм обучения и труда. Вместе с ними выросли и запросы на экспертную помощь, которую неквалифицированным пользователям удается получить не всегда, что влечет за собой разочарование как в устройствах, так и в их производителях. Попытаемся обобщить основные претензии пользователей и не-пользователей подобных устройств в контексте конфиденциальности передаваемых данных, обозначенные в научной литературе (см., например, [Chalhoub, Flechais, 2020; Mhaidli et al., 2020; Pattnaik, Li, Nurse, 2023] и др.).

Первая заключается в наличии потенциальной возможности «умных» колонок мониторить все разговоры внутри дома, начиная от того, что мы говорим на кухне, и заканчивая тем, что воспроизводится телевизором. Известны случаи, когда доступ третьих лиц к таким данным оказывал непосредственное влияние не только на личную жизнь пользователей, но и на их карьеру [Jayatilike, Thelijjagoda, Pathirana, 2019].

Вторая связана с прослушиванием разговоров, осуществляемых посредством встроенных в интерфейс устройства аудио- или видеозвонков. Протокол передачи данных, как правило, не защищен, существуют уязвимости, которые могут быть использованы злоумышленниками.

Третья вытекает из того, что все голосовые команды передаются на удаленный сервер и хранятся на нем в течение длительного времени: обычно разработчики голосовых помощников набирают специальный штат, который прослушивает их для последующего улучшения распознавания речи. В ряде случаев анализируемая информация не обезличивается, и к ней остаются привязанными история предыдущих запросов, IP-адреса, геолокация и даже платежные карты.

В соответствии с вышесказанным можно выделить несколько основных групп, заинтересованных в утечках пользовательских данных. Во-первых, это сами компании, производящие «умные» колонки и/или работающие с голосовыми помощниками, которые могут использовать полученную информацию как для повышения качества работы своих устройств, так и для передачи третьим лицам (например, чтобы в дальнейшем предоставлять таргетинговую рекламу). Во-вторых, это злоумышленники, чей интерес в первую очередь выражен в краже персональных данных, вплоть до записанных образцов голоса (он может быть использован для подтверждения финансовых операций). В-третьих, это органы правопорядка, которым важен не только доступ к разговорам потенциальных субъектов правонарушения, но и к истории их запросов, содержащих параданные, способные помочь раскрытию преступления (что пользователь искал в интернете, какие заказы делал в интернет-магазинах, осуществлял ли вызов такси и т. д.).

Боятся ли российские пользователи «утечек» данных через «умные» колонки? На кого они возлагают ответственность за это? Следуют ли они каким-либо мерам предосторожности при взаимодействии с устройствами? На эти и другие вопросы пытаются ответить авторы настоящей статьи. Важно отметить, что мы сознательно отказались от обсуждения некоторых важных тем (например, детальное описание практик использования голосовых помощников, коммуникативные сбои в человеко-машинных взаимодействиях и реакции на них, перспективы человеко-машинного взаимодействия), поскольку затрагивали их в нашей предыдущей работе [Ушкин, Коваль, Яськин, 2022].

Дизайн и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили 20 полуструктурированных глубинных интервью с пользователями «умных» колонок, взаимодействующих с ними с различной степенью интенсивности. Среди участников исследования семь мужчин и четырнадцать женщин, их возраст варьируется от 21 года до 50 лет⁶. Рекрутинг информантов осуществлялся через сильные и слабые социальные связи интервьюеров. Трудности возникли с достижимостью возрастных и одиноких людей, которые пользовались бы голосовыми помощниками. Это — одно из ключевых ограничений исследования.

Сбор данных выполнен в марте 2022 г. в гибридном формате: одиннадцать интервью осуществлены очно, шесть — посредством телефонного общения, три — посредством обмена голосовыми или текстовыми сообщениями в виртуальных социальных сетях и мессенджерах. В первых двух случаях они продолжались от 15 до 50 мин., в третьем — достигали трех дней (ввиду повышенной занятости информанты отвечали в удобное для них время).

Предполагалось, что среди информантов, имеющих детей (13 человек), интервью будет проведено в диадах (родитель — ребенок). Только два из них осуществлены подобным способом, и они сводились преимущественно к фиксации непосредственного взаимодействия ребенка и «умной» колонки «здесь и сейчас». Дети мало участвовали в разговоре, и это становится общим местом для диадных интервью [Череева, Савинская 2018: 443]. Поэтому они остались родительским нарративом и мало отличались от того, что сообщили о практиках коммуникации своих детей и голосового помощника другие информанты.

Результаты

Подавляющее большинство информантов прямо или косвенно указывают на то, что «умные» колонки стали для них неотъемлемым элементом домашней социальности, а повседневные взаимодействия с ними рутинизировались. В первую очередь это произошло ввиду естественности коммуникации с устройством, которое обрабатывает поступающие запросы и дает обратную реакцию на них. Только один опрошенный заявил, что использование гаджета представляет для него своего рода таинство, поскольку для этого необходимо совершить ряд подготовительных операций (включение телевизора, запуск приложения). Наибо-

⁶ Основные социально-демографические характеристики информантов и способы их интервьюирования приведены в Приложении.

лее востребованными функциями пользователи называют прослушивание музыкального контента, получение ответов на интересующие вопросы, установку таймеров и будильников, управление «умным» домом или отдельными его устройствами; в продвинутых версиях популярным времяпрепровождением становится просмотр видеоконтента.

Да, к ней быстро привыкаешь. «На автомате» включаю. Например, музыку фоном ставлю и делаю домашние дела. (Инф. 7)

Работает она исправно, жалоб нет. И да — колонка уже стала привычным устройством, как сотовый телефон. (Инф. 20)

Существенным расширением функционала «умных» колонок служат запросы детей, которые, используя устройство, не только познают мир, но и перенимают поведенческие и речевые паттерны. Отмечается рост интереса к обучению, поскольку взаимодействие с устройством у ребенка вызывает неподдельный интерес, а также улучшение коммуникативных навыков и устранение возрастных дефектов речи.

Мы сейчас просто на том этапе, когда учим ребенка, чтобы максимально правильно формулировать мысли, сначала подумать, а потом сказать. Но сейчас она стала уже думать, потому что иногда это бывает просто поток всего, а сейчас стали замечать, что у нас случаются и «проблески» — сначала подумает, а потом задаст [вопрос]. Или начинает неправильно задавать, формулировать свой вопрос, запрос, сама осекается, а потом уже все делает правильно. То есть быть более конкретной. (Инф. 6)

Вот, например, у него [ребенка] недавно по окружающему миру был вопрос, ну, про планеты Солнечной системы, мы в книге изучали. Соответственно, я прошел потом в гостиную, и я ему через эту умную колонку также задал такой запрос, и ему там тоже наглядно рассказали о планетах Солнечной системы. То есть с разных, как говорится, мест тоже стараюсь привить вот эти вот моменты, связанные с обучением. (Инф. 1)

Репертуар использования варьируется в зависимости от пространственного размещения «умной» колонки, и особенно хорошо это просматривается на примере тех информантов, которые либо регулярно переносят устройства из одной локации в другую, либо имеют несколько устройств, расположенных в разных комнатах. Подавляющее большинство пользователей располагают их в наиболее посещаемых местах своего дома — либо в гостиной, либо на кухне. В таком случае они становятся досуговыми центрами, объединяющими членов семьи за совместным времяпрепровождением. Однако если в гостиной гаджет отвечает преимущественно за реализацию «принципа удовольствия», то на кухне он может выполнять функции радио, таймера или интерактивной книги рецептов, то есть решать преимущественно утилитарные задачи. Существенно реже информанты заявляли о том, что устройства находятся во взрослой спальне или в комнате ребенка. В первом случае доминирующие мотивы использования — прослушивание музы-

ки, просмотр фильмов, установка будильника; во втором — прослушивание музыки, чтение сказок, интерактивные игры.

Так как в основном мы слушаем музыку, то утром включаю, чтобы разбудить сына, ему нравится, когда его бужу песней, утренняя зарядка. Колонка находится на кухне, вечером сын может взять к себе послушать сказку перед сном. (Инф. 13)

Колонку на кухне используем в основном для прослушивания радио, музыки, поиска рецептов и т. д. В общей комнате вообще для разных целей — музыка, видео, сказки для ребенка, голосовые заметки и прочее. (Инф. 5)

Проникновение «умных» колонок, потенциально имеющих возможность вести запись окружающей обстановки, в пространство дома, ранее считавшееся приватным, представляет собой весьма любопытную ситуацию. Парадокс заключается в том, что информанты практически не рефлексируют по поводу проблем, связанных с безопасностью при использовании устройства, даже если они имеют высокий уровень образования, квалификации, или их деятельность связана с постоянным использованием новых информационных технологий.

Про угрозу конфиденциальности не задумывались. (Инф. 2)

Над этим вопросом не задумывалась, так как все наши вопросы не имеют никакой конфиденциальной информации. (Инф. 13)

Значительная часть пользователей, которым задавались вопросы о приватности, буквально были вынуждены «придумать» свои обоснования использования устройства при существующих потенциальных рисках утечки данных. Наиболее частый нарратив — «злой рок» всех устройств, подключенных к сети. По большому счету, это стоит интерпретировать как допустимый обмен «принципа безопасности» на «принцип удовольствия». Сопоставимые результаты получены в зарубежных исследованиях, посвященных изучению отношения собственников и иных категорий пользователей (*visitors*) к «умным» колонкам [Kowalczyk, 2018; Malkin et al., 2019; Meng, Keküllüoğlu, Vaniea, 2021].

Те, кто приобретал устройство для своих детей, не считают, что тем самым помещают их в ситуацию информационных угроз и рисков, ссылаясь, главным образом, на отсутствие конфиденциальных данных в запросах ребенка.

Я считаю, что некая угроза конфиденциальности, конечно, есть при использовании любых технических устройств, в том числе и смартфонов. Но я не считаю это каким-то критичным: в современном мире нас везде окружают какие-либо устройства. Наверняка каждое из этих устройств кто-то куда-то записывает. Вопрос, будет ли это когда-то что-то использовано против тебя, но это такой... еще философский, скажем, вопрос. Может быть да, может быть нет. И когда-то, наверное, в далеком будущем. То есть я на эту тему сильно не переживаю. Да, я считаю, что куда-то что-то записывается, и не только с колонки, но не считаю, что как-то в массовом порядке там кто-то за кем-то сильно следит. (Инф. 8)

Ну что здесь связано с безопасностью? Это <...>, как говорится, мой профиль <...>. Но это подвержено, в современное время, это подвержено любой современной технологии. <...> Но надежда на специалиста, да, который разрабатывал. (Инф. 1)

Тем не менее некоторая часть информантов заявляет о том, что их запросы рафинированы, не содержат ничего, кроме собственно музыкальных предпочтений или просьб осуществить определенные действия. Более того, редко кто из опрошенных сообщал, что использовал устройство для прослушивания новостей, в том числе, чтобы не быть скомпрометированными собственной историей поиска или кругом прослушиваемых тем. Подобные опасения не имеют рациональных оснований, критически не осмысливаются, однако косвенно проявляются в повседневных практиках взаимодействия с устройством.

Я ни о чем таком не спрашиваю, [ничего] такого сверхъестественного, за что мне было бы а) стыдно и б) секретно. Соответственно, мои запросы музыкальные предпочтительно, которые никому не нужны. (Инф. 6)

Я ничего такого не делаю, поэтому мне нечего скрывать, как бы... К тому же мы живем в таком мире, в котором конфиденциальности нет. (Инф. 17)

Прямое указание на то, что им известны проблемы с безопасностью при использовании «умных» колонок, дают лишь двое из двадцати информантов. Однако их точка зрения на проблему диаметрально противоположна: в первом случае упоминаются риски взлома, с которыми стоит мириться, например, сообщая меньшее количество конфиденциальной информации; во втором — говорится о возможности минимизации этих рисков при помощи программных инструментов. Подобная ситуация достаточно типична, и в целом дискурсы защиты персональных данных это подтверждают, когда локус контроля носит выраженный экстернальный («безопасность пользователей — дело рук разработчиков») или интернальный («безопасность пользователей — дело рук самих пользователей») характер.

В сети даже была информация о взломе колонок. <...> [Говорю ей] просто запросы, ничего конфиденциального. (Инф. 1)

Судя по изменению рекламных интеграций в зависимости от сказанного — вряд ли [остается в тайне то, что говорится «умной» колонке]. Но это всегда можно проверить и сделать ограничения в файрволле для данных, отправляемых колонкой. Все настраивается «вручную». (Инф. 15)

Действительно, если говорить о возможностях по защите своих данных, то один из способов, доступных пользователям, — глубокая настройка «умных» колонок, максимальная персонализация. Однако результаты интервью показывают, что редко кто из информантов готов погружаться в суть вопроса, особенно при рутинизации взаимодействий с устройством. Как правило, после покупки гаджета пользователи проходят три стадии: 1) бурное освоение устройства, оно осознает-

ся как «магическая коробка», 2) определение базовых функций, происходит его «расколдовывание»; 3) повседневное использование, дополнительные настройки требуются только в критических ситуациях (перенастройка, зависание, поломка и т. д.). Показательно, что для освоения устройства может быть делегирован только один из членов семьи (в наших интервью это чаще всего супруг, на которого ложится ответственность по выбору и обслуживанию всей или практически всей техники в доме), обычно он же и является инициатором его приобретения.

Дети с мужем сразу разобрались в настройках. <...> Лично я — не занимаюсь [индивидуальной настройкой «навыков»]. Но муж и дети ее периодически настраивают. (Инф. 11)

Умная колонка в моей семье — это интервент. Ее притащил муж. И поставил. Пришлось учиться с ней жить в одном доме. (Инф. 17)

Проективный запрос на повышение безопасности «умных» колонок практически не декларируется — прямо на это указал лишь один из двадцати информантов. Большинство пользователей заявляют, что им хватает текущих функций (в том числе, только базовых), еще несколько человек предложили расширить возможности устройства за счет освоения преимуществ, которые есть у конкурентов или реализованы только в крупных городах (заказ такси, заказ продуктов и т. д.). Также высказываются общие соображения по улучшению искусственного интеллекта, его последующей гуманизации и даже определению гаджетом (sic!) запахов.

Маркетологи в итоге сделают так, что массам понравятся любые вносимые изменения. Я бы хотел, чтобы разработчики больше внимания уделяли обеспечению информационной безопасности. А так — все устраивает. (Инф. 16)

Обсуждение

Полученные данные сопоставимы с результатами зарубежных коллег: проблема конфиденциальности артикулируется в публичном дискурсе, обсуждается пользователями «умных» колонок, но пока не является триггером для каких-либо масштабных изменений status quo. Впрочем, наблюдаются определенные межстрановые и региональные различия.

Пользователи «умных» колонок из стран Западной Европы и США уделяют значительное внимание проблемам конфиденциальности и защиты своих персональных данных. Их беспокойство растет с расширением рынка гаджетов и развитием их функционала. Устройства получают биометрические данные — голоса, причем не только самих пользователей и членов их семей, но и гостей, курьеров, иных лиц, которые общаются с пользователями на территории их домохозяйств. Поэтому «умные» колонки воспринимаются либо как «шпионы», которые подслушивают, собирают данные, в том числе избыточные, либо как уязвимые устройства, которые, аккумулируя данные о частной жизни пользователей, могут быть взломаны третьими лицами [Mols, Wang, Pridmore, 2021: 3]. При этом в ряде случаев отношение пользователей «умных» колонок к возможным вариантам применения их личных данных выглядит парадоксальным. Так, по результатам качест-

венного исследования, проведенного в Германии в 2019—2020 гг., выяснилось, что людей больше волнует использование их данных для персонализированной рекламы, чем, например, злоупотребление данными об их здоровье [Schroeder, Haug, Gewald, 2022].

Китайские пользователи, несмотря на то что коллективистская и корпоративная культура не способствует формированию настороженного отношения к конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни, в последнее время также начинают проявлять беспокойство по поводу судьбы данных, собранных «умными» колонками [Liu et al., 2022: 2].

Российские пользователи выглядят менее обеспокоенными вопросами конфиденциальности, однако по косвенным признакам можно засвидетельствовать рост интереса к проблеме защиты приватной информации. Так, часть наших сограждан, которая не артикулирует заботу о конфиденциальности, обосновывает это тем, что им нечего скрывать, все их запросы «умной» колонке носят бытовой или досуговый характер. Однако все же отмечают, что предпочитают получать новостную информацию из иных источников. Это может свидетельствовать о настороженном, хотя и неотрефлексированном отношении к колонке. Наиболее сознательное отношение к вопросам конфиденциальности и приватности демонстрируют пользователи «умных» колонок — профессионалы из IT-сферы, поскольку они в большей степени погружены в тематическое дискурсивное пространство.

Определенные различия в отношении к проблеме конфиденциальности обусловлены спецификой функционала «умных» колонок. Например, в России еще не набрал большой популярности так называемый «голосовой шопинг» [Bawask, Wamba, Carillo, 2021] (*voice shopping*) — оформление покупки на интернет-платформе с использованием голосовых устройств, основанных на искусственном интеллекте. Однако американские потребители, активно прибегающие к данной услуге, уже столкнулись с проблемой: «умные» колонки предоставляют возможность использовать сервисы «голосового шопинга», созданные не производителями колонок, а третьими лицами. Когда пользователь устройства осуществляет покупку, он озвучивает свои персональные данные, в том числе, банковские реквизиты. Эти данные фактически получает колонка, и они могут быть использованы не только производителем голосового помощника, но и сторонней компанией [там же: 3].

Такого рода вопросы активно обсуждаются пользователями гаджетов, поскольку потеря банковских данных — реальная угроза, в отличие от рисков, связанных с передачей третьим лицам иных сведений (история запросов, семейный статус, «голосовые отпечатки» и т. п.). Можно предположить, что расширение функционала «умных» колонок, доступных российским пользователям, несколько изменит ситуацию, в которой предпочтение отдается удобству, а не конфиденциальности. Однако это только предположение, поскольку конфиденциальность «проигрывает» утилитарным потребностям и в иных сферах. Так, жители городов привыкли к повсеместному наличию камер видеонаблюдения, размещаемых в целях обеспечения безопасности личности и общественного порядка.

Может быть полезным обращение к китайскому опыту поиска баланса между конфиденциальностью и удобством пользователей «умных» колонок. В этих целях

в КНР принят комплекс законов и кодексов этики, гарантирующих защиту персональных данных пользователей (особенно таких значимых, как биометрические, банковские данные и местоположение) и возлагающих ответственность за утечку на производителей гаджетов [Liu et al., 2022]. Принятие такого рода норм в российском законодательстве, на наш взгляд, не следует откладывать только потому, что проблема конфиденциальности пока еще не рефлексивируется пользователями «умных» колонок. Действие на опережение с учетом зарубежного опыта позволит избежать ряда конфликтных ситуаций, связанных с утечкой персональных данных тех, кто активно пользуется голосовыми помощниками.

На данный момент становится очевидным, что позиция производителей гаджетов, согласно которой покупатели вынуждены принимать любые условия работы с «умными» колонками, если хотят использовать полноту функционала и получать качественные услуги, не отвечает концепции прав человека, в том числе на защиту личной информации и неприкосновенность частной жизни. При этом производители «умных» колонок часто пренебрегают защитой персональных данных пользователей, чтобы снизить стоимость устройств и не потерять свою часть рынка [Solera-Cotanilla et al., 2022]. Впрочем, представляются проигрышными и стратегии, ориентированные на ограничение функционала колонок. Так, запрет записи пользовательских запросов и разговоров существенно осложнит обучение искусственного интеллекта голосовых помощников, поскольку без больших данных невозможно из обычной колонки получить «умную» колонку.

В этой связи необходим поиск оптимального соотношения интересов пользователей, производителей гаджетов и государства, вопросов конфиденциальности и роста качества предоставляемых услуг. Требуется разработка и внедрение новых моделей информированного согласия, совершенствование законодательства и проведение дальнейших исследований, направленных на выявление отношения пользователей «умных» колонок к проблеме конфиденциальности.

Выводы

Проникновение «умных» колонок с голосовыми помощниками в дома пользователей — общемировой тренд, постепенно охватывающий нашу страну. Первые модели подобных устройств в России пережили рестайлинг, нашли свою целевую аудиторию. Пока она малочисленна, но поскольку существует осознанная потребность в инновациях, вероятно, будет расти.

Пока во взаимодействиях пользователей и «умных» устройств наблюдается процесс одомашнивания последних. Они встраиваются в структуры повседневности, отношение к ним рутинизируется, происходит их своеобразное расколдовывание. Колонка, хоть и неосознанно, занимает срединное место между человеком и домашней утварью: она уже не вещь, но еще и не человек.

Взаимодействуя с гаджетом, пользователи ежедневно передают ему ту или иную информацию о себе, начиная с названия любимой футбольной команды и заканчивая номером своей пластиковой карты. С учетом роста запросов на использование «умных» колонок (например, заказ такси, голосовой шоппинг и т. д.) количество фиксируемых данных будет только увеличиваться. Вопрос о последующем использовании этих данных остается открытым, поскольку несмотря на по-

стоянное совершенствование законодательства в ответ на новые вызовы, технологии развиваются быстрее, в том числе — фишингового характера.

В будущих исследованиях, посвященных вопросам защиты персональных данных, необходимо учитывать не только тенденции развития рынка «умных» устройств, но и специфику их пользователей. Наиболее явный интерес к ним наблюдается среди зумеров, которые не осваивали *smart world*, а уже были рождены в нем. Так, по результатам недавнего общероссийского исследования компании Ipsos, каждый шестой молодой человек от 16 до 25 лет использует голосовые помощники дома (16 %), а каждый третий декларирует готовность использования гаджетов в будущем (32 %) ⁷. Это существенно выше средних значений по стране. По всей видимости, зумеры не боятся потерять приватность и готовы пожертвовать ею ради возможности использовать новые технологии со всем возможным функционалом. Безопасность безнадежно проигрывает удовольствию, а конфиденциальность — удобству.

Впрочем, «шпионский» потенциал «умных» колонок не вызывает беспокойства у существенной части их пользователей по всему миру. Тревогу испытывают лишь отдельные владельцы, но, как правило, они не пытаются решить проблемы безопасности посредством «вербальной гигиены» (фильтрация запросов, индивидуализация настроек «умной» колонки и пр.). Гораздо более распространена практика возложения ответственности по защите своих персональных данных на государство или крупные корпорации. Безусловно, в ряде стран Европы, США и Китае интенсифицируются публичные дискуссии по проблеме, меняется законодательство, предпринимаются меры по технической защите пользовательской информации. Нашей стране, по всей видимости, только предстоит пройти этот путь, и будет лучше, если мы будем учиться на чужих ошибках и не изобретать велосипед.

Список литературы (References)

Корбут А. М. Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 193—216. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1808>.

Korbust A. M. (2021) Domestication of Artificial Intelligence: Smart Speakers and Transformation of Everyday Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 193—216. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1808>. (In Russ.)

Ушкин С. Г., Коваль Е. А., Яськин А. Н. Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации? // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 3. С. 361—376. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-361-376>.

Ushkin S.G., Koval E. A., Yaskin A. N. (2022) Living with Alice: How Do Voice Assistants Transform Communication Practices? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 20. No. 3. P. 361—376. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-361-376>.

⁷ Trend Vision 2022. Куда дальше? URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2022-09/TrendVision2022-Ipsos-RUS.pdf> (дата обращения: 22.06.2023).

Череева А. А., Савинская О. Б. Гендерное (не)равенство в детском саду: материнские нарративы о скрытом учебном плане и девичьей идентичности // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 3. С. 441—456. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-441-456>.

Cheredeeva A. A., Savinskaya O. B. (2018) Gender (In)equality in the Kindergarten: Mother's Narratives on Hidden Curriculum and Girl's Identity. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 3. P. 441—456. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-441-456>. (In Russ.)

Barbosa N. M., Zhang Z., Wang Y. (2020). Do Privacy and Security Matter to Everyone? Quantifying and Clustering User-Centric Considerations about Smart Home Device Adoption. In: *Proceedings of 16th Symposium on Usable Privacy and Security, USENIX Association (2020)*. USENIX Association. P. 417—435. https://natabarbosa.com/soups_smart_home.pdf (дата обращения: 23.06.2023).

Bawack R. E., Wamba S. F., Carillo K. D.A. (2021) Exploring the Role of Personality, Trust, and Privacy in Customer Experience Performance during Voice Shopping: Evidence from SEM and Fuzzy Set Qualitative Comparative Analysis. *International Journal of Information Management*. Vol. 58. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2021.102309>.

Cannizzaro S., Procter R., Ma S., Maple C. (2020) Trust in the Smart Home: Findings from a Nationally Representative Survey in the UK. *PLoS ONE*. Vol. 15. No. 5. P. e0231615:1—e0231615:30. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231615>.

Chalhoub G., Flechais I. (2020) “Alexa, Are You Spying on Me?”: Exploring the Effect of User Experience on the Security and Privacy of Smart Speaker Users. In: Moallem A. (ed.) *HCI for Cybersecurity, Privacy and Trust. HCII 2020. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 12210. Cham: Springer. P. 305—325. https://doi.org/10.1007/978-3-030-50309-3_21.

Gerber N., Gerber P., Volkamer M. (2018) Explaining the Privacy Paradox: A Systematic Review of Literature Investigating Privacy Attitude and Behavior. *Computers & Security*. Vol. 77. No 1. P. 226—261. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2018.04.002>.

Jayatilleke A., Thelijjagoda S., Pathirana P. (2019) Security Awareness among Smart Speaker Users. *2019 National Information Technology Conference (NITC)*. Colombo: IEEE. P. 1—6. <https://doi.org/10.1109/NITC48475.2019.9114497>.

Hamblin K. (2020) Technology and Social Care in a Digital World: Challenges and Opportunities in the UK. *Journal of Enabling Technologies*. Vol. 14. No. 2. P. 115—125. <https://doi.org/10.1108/JET-11-2019-0052>.

Huang Y., Obada-Obieh B., Beznosov K. K. (2020) Amazon vs. My Brother: How Users of Shared Smart Speakers Perceive and Cope with Privacy Risks. In: Nichols J. (ed.) *Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems, ACM (2020)*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 1—13. <https://doi.org/10.1145/3313831.3376529>.

Kowalczyk P. (2018) Consumer Acceptance of Smart Speakers: A Mixed Methods Approach. *Journal of Research in Interactive Marketing*. Vol. 12. No. 4. P. 418—431. <https://doi.org/10.1108/JRIM-01-2018-0022>.

Lau J., Zimmerman B., Schaub F. (2018) Alexa, Are You Listening? Privacy Perceptions, Concerns and Privacy-Seeking Behaviors with Smart Speakers. In: Karahalios K., Monroy-Hernandez A., Lampinen A., Fitzpatrick G. (eds.) *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. Vol. 2. No. CSCW. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 1—31. <https://doi.org/10.1145/3274371>.

Liu Y., Huang L., Yan W., Wang X., Zhang R. (2022) Privacy in AI and the IoT: The Privacy Concerns of Smart Speaker Users and the Personal Information Protection Law in China. *Telecommunications Policy*. Vol. 46. Issue 7. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2022.102334>.

Lutz C., Newlands G. (2021) Privacy and Smart Speakers: A Multi-Dimensional Approach. *The Information Society*. Vol. 37. No. 3. P. 147—162. <https://doi.org/10.1080/01972243.2021.1897914>.

Maccario G., Naldi M. (2022) Alexa, Is My Data Safe? The (Ir)relevance of Privacy in Smart Speakers Reviews. *International Journal of Human-Computer Interaction*. Vol. 39. No. 6. P. 1244—1256. <https://doi.org/10.1080/10447318.2022.2058780>.

Malkin N., Deatrck J., Tong A., Wijesekera P., Egelman S., Wagner D. (2019) Privacy Attitudes of Smart Speaker Users. *PoPETs*. No. 4. P. 250—271. <https://doi.org/10.2478/popets-2019-0068>.

Marky K., Voit A., Stöver A., Kunze K., Schröder S., Mühlhäuser M. (2020) “I Don’t Know How to Protect Myself”: Understanding Privacy Perceptions Resulting from the Presence of Bystanders in Smart Environments. In: Nichols J. (ed.) *Proceedings of the 11th Nordic Conference on Human-Computer Interaction: Shaping Experiences, Shaping Society*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 1—11. <https://doi.org/10.1145/3419249.3420164>.

Meng N., Keküllüoglu D., Vaniea K. (2021) Owning and Sharing: Privacy Perceptions of Smart Speaker Users. In: Nichols J. (ed.) *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. Vol. 5. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 1—29.

Mhaidli A., Venkatesh M. K., Zou Y., Schaub F. (2020) Listen Only When Spoken To: Interpersonal Communication Cues as Smart Speaker Privacy Controls. In: *PoPETs*. No. 2. P. 251—270. <https://doi.org/10.2478/popets-2020-0026>.

Mols A., Wang Y., Pridmore J. H. (2021) Household Intelligent Personal Assistants in the Netherlands: Exploring Privacy Concerns Around Surveillance, Security, and Platforms. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. Vol. 28. No. 6. P. 1841—1860. <https://doi.org/10.1177/13548565211042234>.

O’Maonaigh C., Saxena D. (2021) Investigating Personalisation-Privacy Paradox Among Young Irish Consumers: A Case of Smart Speakers. In: *Proceedings of the 1st Virtual*

Conference on Implications of Information and Digital Technologies for Development, 2021. arXiv:2108.09945. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2108.09945>.

Pattnaik N., Li S., Nurse J. R. C. (2023) Perspectives of Non-Expert Users on Cyber Security and Privacy: An Analysis of Online Discussions on Twitter. *Computers & Security*. Vol. 125. Art. 103008. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2022.103008>.

Poushneh A. (2021) Humanizing Voice Assistant: The Impact of Voice Assistant Personality on Consumers' Attitudes and Behaviors. *Journal of Retailing and Consumer Services*. Vol. 58. Art. 102283. <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2020.102283>.

Schroeder T., Haug M., Gewalt H. (2022) Data Privacy Concerns Using mHealth Apps and Smart Speakers: Comparative Interview Study Among Mature Adults. *JMIR Formative Research*. Vol. 6. No. 6. Art. e28025. <https://doi.org/10.2196/28025>.

Solera-Cotanilla S., Vega-Barbas M., Pérez J., López G., Matanza J., Álvarez-Campana M. (2022) Security and Privacy Analysis of Youth-Oriented Connected Devices. *Sensors*. Vol. 22. No. 11. <https://doi.org/10.3390/s22113967>.

Приложение

Список информантов

Инф. 1 — мужчина, 40 лет, женат, 2 детей, руководитель подразделения, кандидат наук (личное интервью);

Инф. 2 — женщина, 37 лет, замужем, 1 ребенок, маркетолог, кандидат наук (личное интервью);

Инф. 3 — женщина, 27 лет, замужем, детей нет, экономист, высшее образование (телефонное интервью);

Инф. 4 — женщина, 31 год, замужем, детей нет, специалист, высшее образование (телефонное интервью);

Инф. 5 — мужчина, 32 года, женат, 1 ребенок, продавец-консультант, высшее образование (телефонное интервью);

Инф. 6 — женщина, 36 лет, замужем, 2 детей, руководитель подразделения, кандидат наук (личное интервью);

Инф. 7 — мужчина, 50 лет, женат, детей нет, заведующий складом, высшее образование (личное интервью);

Инф. 8 — женщина, 32 года, замужем, 2 детей, муниципальный служащий, высшее образование (голосовые сообщения в социальной сети «ВКонтакте»);

Инф. 9 — женщина, 31 год, замужем, 2 детей, инженер по нормированию труда, высшее образование (личное интервью);

Инф. 10 — мужчина, 35 лет, женат, 1 ребенок, полицейский, высшее образование (телефонное интервью);

Инф. 11 — женщина, 38 лет, замужем, 3 детей, технический специалист, высшее образование (телефонное интервью);

Инф. 12 — женщина, 35 лет, замужем, 3 детей, руководитель подразделения, высшее образование (личное интервью);

Инф. 13 — женщина, 35 лет, разведена, 1 ребенок, специалист, высшее образование (личное интервью);

Инф. 14 — женщина, 32 года, замужем, 2 детей, заместитель директора, высшее образование (личное интервью);

Инф. 15 — мужчина, 21 год, холост, детей нет, бармен, среднее профессиональное образование (личное интервью);

Инф. 16 — мужчина, 22 года, холост, детей нет, оператор колл-центра, среднее профессиональное образование (телефонное интервью);

Инф. 17 — женщина, 31 год, замужем, 2 детей, учитель, кандидат наук (личное интервью);

Инф. 18 — женщина, 40 лет, замужем, 2 детей, руководитель подразделения, высшее образование (личное интервью);

Инф. 19 — мужчина, 24 года, холост, детей нет, технический специалист, среднее специальное образование (текстовое интервью в социальной сети «ВКонтакте»);

Инф. 20 — женщина, 24 года, замужем, детей нет, специалист, высшее образование (текстовое интервью в социальной сети «ВКонтакте»).

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2318](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2318)

Е. А. Гаврилина

**АГЕНТНОСТЬ НЕ-ЧЕЛОВЕКОВ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЮДЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ РОБОТОВ**

Правильная ссылка на статью:

Гаврилина Е. А. Агентность не-человеков: взаимодействие людей и социальных роботов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 41—55. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2318>.

For citation:

Gavrilina E. A. (2023) Agency of Non-humans: Interaction of Humans and Autonomous Intelligent Systems. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 41–55. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2318>. (In Russ.)

Получено: 29.09.2022. Принято к публикации: 02.03.2023.

АГЕНТНОСТЬ НЕ-ЧЕЛОВЕКОВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЮДЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ РОБОТОВ

ГАВРИЛИНА Елена Александровна — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, Россия
E-MAIL: eagavrilina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6077-3879>

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструировать категорию агентности применительно к автономным интеллектуальным системам в контексте человеко-машинного взаимодействия с социальными роботами. Представлен обзор эмпирических исследований взаимодействия людей и социальных роботов, диапазон которых распространяется от простых дескрипций до изучения доверия и реципрокности. Показано, что технические разработки в сфере социальной робототехники и реальный, эмпирически фиксируемый способ интеракций людей и социальных робототехнических систем может быть довольно консистентно интерпретирован через теоретическую призму объектно-ориентированных онтологий и акторно-сетевой парадигмы.

Ключевые слова: агентность, автономные интеллектуальные системы, акторно-сетевая теория, взаимодействие людей и роботов, социальный робот

Введение и постановка задачи

Современный мир наполнен технологиями, и все больше среди них появляется таких, которые мы можем называть интеллектуальными системами, причем часть из них автономны. Они встраиваются в нашу повседневность, меняют наши со-

AGENCY OF NON-HUMANS: INTERACTION OF HUMANS AND AUTONOMOUS INTELLIGENT SYSTEMS

Elena A. GAVRILINA¹ — *Cand. Sci. (Philos.), Senior Researcher*
E-MAIL: eagavrilina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6077-3879>

¹ Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Moscow, Russia

Abstract. The article attempts to reconstruct the category of agency in relation to autonomous intelligent systems in the context of human-machine interaction with social robots. The author reviews empirical research on the interaction between humans and social robots ranging from simple descriptions to the studies of trust and reciprocity. It is shown that technical developments in the field of social robotics and a real, empirically fixed way of interaction between people and social robotic systems can be quite consistently interpreted through the theoretical prism of object-oriented ontologies and the actor-network paradigm.

Keywords: agency, autonomous intelligent systems, actor-network theory, human-robot interaction, social robot

циальные практики, соседствуют с нами дома и на работе [Pak, de Visser, Rovira, 2020]. Отдельной группой такого рода систем представляются социальные роботы. Опыт интеракции людей с ними непрерывно расширяется, однако, несмотря на относительно большое количество эмпирических исследований, анализирующих этот аспект¹, материалов, посвященных теоретическому описанию такого взаимодействия, явно недостаточно. Попытка хотя бы частично заполнить эту лауну и есть ключевая цель этого исследования.

Социальные роботы как интеллектуальные автономные системы

Под искусственными интеллектуальными системами (ИИС) понимают динамические, активно взаимодействующие с внешней средой совокупности устройств и алгоритмов, направленных на решение плохо структурированных и слабо формализуемых задач [Остроух, 2020]². Кроме этого они изначально ориентированы на поддержку активности человека: «Интеллектуальная информационная система (ИИС) — автоматизированная информационная система, основанная на знаниях, или комплекс программных, лингвистических и логико-математических средств для реализации основной задачи — осуществления поддержки деятельности человека и поиска информации в режиме продвинутого диалога на естественном языке» [Остроух, 2020: 13]. Можно сказать, что «любая информационная система, решающая интеллектуальную задачу или использующая методы искусственного интеллекта, относится к интеллектуальным» [там же].

Автономность любой системы подразумевает ее способность не зависеть от внешних управляющих воздействий. Особый интерес при разработке ИИС вызывает перспектива создания высокоавтономных систем, которые могли бы решать или сопровождать решение задач людьми, опираясь на такие формы «поведения», которые основываются на опыте и научении и традиционно относятся к человеческим формам поведения и реакций³. По сути, все исследования в области искусственного интеллекта строились вокруг идеи создания в большей или меньшей степени автономных интеллектуальных систем [Тооси et al., 2021]⁴. Важной областью, где эти идеи развивались, стала робототехника [Gasparetto, Scalera, 2019]. Причем если на этапе зарождения большинство разработок относилось к промышленному использованию роботов, то начиная с 1990—2000-х годов интерес исследователей переориентировался на создание сервисных [Зильберман, Стефанцова, 2016; Крючков и др., 2013]⁵, среди которых особый класс представляют социальные роботы⁶.

¹ Human-Robot Interaction. A Research Portal for the HRI Community. URL: <https://humanrobotinteraction.org/> (accessed: 30.09.2022).

² См. также: Тюменцев Ю. В. Интеллектуальные автономные системы — вызов информационным технологиям // Сайт С. П. Курдюмова. URL: <https://spkurdyumov.ru/evolutionism/intellektualnye-avtonomnye-sistemy> (дата обращения 30.09.2022).

³ Там же: 3—4.

⁴ См. также: Anyoha R. The History of Artificial Intelligence // Harvard University. 2017. August 28. URL: <https://sitn.hms.harvard.edu/flash/2017/history-artificial-intelligence/> (accessed: 30.09.2022).

⁵ См. также: Hu H. Mike Brady Research Symposium: From Oxford AGVs to Human-Centred Robotics (Powerpoint Presentation). University of Essex. 2010. URL: <https://www.slideserve.com/belva/mike-brady-research-symposium-from-oxford-agvs-to-human-centred-robotics> (accessed: 30.09.2022).

⁶ Сервисные роботы на службе человека // Промобот. 2018. 5 декабря. URL: <https://promo-bot.ru/blog/na-sluzhbu-cheloveka> (дата обращения: 30.09.2022).

В профессиональном сообществе существует консенсус, что «сервисные роботы, предназначенные помогать людям организовывать жизнедеятельность в различных областях, способствуют автономизации (повышению независимости, самостоятельности) личности. Такие роботы обладают следующими характеристиками:

- мобильность,
- программируемость,
- наличие сенсоров,
- механические способности,
- подвижность.

Эти новые возможности позволяют роботам быть полезными в различных областях социальной сферы, включая, к примеру, здравоохранение или социальное обслуживание» [Гасумова, Портер, 2019: 81]. Более того, выделяется группа социальных роботов. «Социальным можно называть любого робота, имеющего социальный интерфейс, который, в свою очередь, включает все характеристики, позволяющие пользователю приписывать роботу социальные качества. По сути, это метафора, описывающая естественный путь коммуникативного взаимодействия между роботом и человеком» [Зильберман, Стефанцова, 2016: 306]. В частности, есть уже достаточно большой пул публикаций о применении социальных роботов в разнообразных контекстах. Например, такие устройства применяют для обучения [Алексеева, 2020], рекреации и вовлечения в игровую деятельность детей-дошкольников [Шандаров и др., 2014], в терапии расстройств аутистического спектра [Петрова, 2017], для ухода за пожилыми людьми и в домах престарелых [Wada, Shibata, 2007; van Maris et al., 2020]. В этих исследованиях роботы выступают как интеллектуальные системы разной степени автономности, что уже давно фиксируется в таком направлении исследований, как взаимодействие людей и роботов (Human-Robot Interaction) [Sheridan, 2016; Goodrich, Schultz, 2007]⁷.

Взаимодействие людей и социальных роботов: обзор эмпирических исследований

Социальная робототехника развивается повсеместно, уже создано довольно много платформ для реализации взаимодействия людей и роботов [Середкина и др., 2019]. Изучается много аспектов такого взаимодействия. В самом простом варианте о нем говорят дескриптивно, фиксируя, что «респонденты обращают внимание на сходство робота с человеком и выражают свои чувства, заявляя, что это сходство вызывает у них удивление и восхищение» [Zhdanova et al., 2022: 800]. При взаимодействии с социальными роботами люди испытывают любопытство и позитивные эмоции, а также обращают внимание на их «пол», «возраст» и внешний вид, и это полностью коррелирует с данными о восприятии незнакомого человека [ibid.]. Некоторые работы указывают на чувство смущения, которое возникает, когда людям кажется, что робот превосходит их в чем-либо, особенно если обстоятельства побуждают к соревновательности [Широва, 2020]. В большин-

⁷ См. также: *Frontiers in Robotics and AI*. Human-Robot Interaction. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/robotics-and-ai/sections/human-robot-interaction/articles> (accessed 01.10.2022); Human-Agent Interaction Laboratory. URL: <https://hailab.net/research> (accessed 01.10.2022).

стве случаев такие оценки получают или со слов испытуемого, или путем обычного наблюдения за взаимодействием [Буров, 2018].

Другие ученые обращают внимание, что для эффективного взаимодействия с социальным роботом человеку необходимо как бы «очеловечить» его, а самому подстраиваться к робототехнической системе. Так, И. Петрова пишет: «В отношении всех роботов происходит некое „вочеловечивание“ — люди здороваются с ними, как с партнерами; возвращаясь после перерыва, мужчины-разработчики обнимают андроидных роботов; дети тискают Оно, переживают, если робот „заболел“. В то же время общение с роботом налагает условия некой „роботизации“ пользователя — в общении человек должен выглядеть и вести себя „удобным“ для робота образом, и разработчики немилосердно эксплуатируют эту специфику взаимодействия» [Петрова, 2019: 28].

Любопытный эксперимент использования робота типа Промобот V4 в МФЦ был проведен коллегами из Перми. Они предлагали посетителям МФЦ для решения их вопросов взаимодействовать с четырьмя типами операторов:

- обычным сотрудником МФЦ — человеком;
- роботом типа Промобот V4 — роботом;
- человеком, который в режиме реального времени скрыто управлял роботом и передавал ему сообщения (то есть для посетителя это выглядело как взаимодействие с роботом) — гибридная система «очеловеченный робот»;
- человеком, который озвучивал ответ-скрипт, выработанный нейронной системой робота (для посетителя это выглядело как разговор с человеком) — гибридная система «роботизированный человек».

Посетитель не знал, с каким оператором взаимодействует: он видел перед собой либо человека, либо робота. Любопытно, что посетители МФЦ не смогли распознать гибридные системы. В результате исследования выяснилось, что самая низкая удовлетворенность взаимодействием оказалась при общении с гибридной системой «очеловеченный робот». То есть посетителям наиболее неприятным в «общении» оказался робот, реагирующий по-человечески.

Авторы исследования объясняют это тем, что на оценку и восприятие коммуникации больше влияет интерфейс оператора (человек или робот), а не ее форма и содержание⁸. Они пишут: «В большей степени на оценку и восприятие коммуникации влияет интерфейс агента (человек или робот), а не содержание коммуникации („человеческая“ коммуникация или роботизированная коммуникация): различия между теми, кто взаимодействовал с роботом (в том числе гибридной системой) и с человеком (в том числе гибридной системой), более выражены, чем различия между теми, кто взаимодействовал с роботом или человеком по типу „человеческой коммуникации“, и теми, кто взаимодействовал с роботом или человеком по типу роботизированной коммуникации» [Бурова и др., 2023]. Однако можно предложить другое объяснение, которое кажется более убедительным: возможно, дело в ожиданиях человека от взаимодействия. «Общаясь» с роботом, человек как бы заранее подстраивается и ожидает упро-

⁸ Социальные установки относительно роботов. Краткий отчет по результатам социологического исследования, декабрь 2019 г. (отчет можно запросить на сайте компании Promobot по ссылке: <https://promo-bot.ru/projects/research/>).

щенной коммуникации, а в гибридной системе «очеловеченный робот» выдаваемые реакции оказываются более сложными, чем ожидает пользователь. Именно это и вызывает когнитивный диссонанс и меньшую удовлетворенность пользователя. Конечно, это объяснение требует эмпирической проверки и более подробной теоретической экспликации.

Косвенно оно подтверждается идеями и исследованиями об антропоморфизме, который рассматривается как способность человека наделять нечеловеческое в широком смысле человеческими свойствами и характеристиками [Damiano, Dumouchel, 2018; Epley et al., 2007]. Эта способность, вероятно, коренится в эксцентричной позициональности человека, понимаемой в духе Х. Плеснера. Благодаря ей человек может объективировать себя и субъективировать Другого: «Сопредельный мир (Mitwelt) есть собственная позиционная форма человека, воспринимаемая им как сфера других людей. Поэтому нужно добавить, что посредством эксцентрической позиционной формы строится сопредельный мир и одновременно гарантируется его реальность» [Плеснер, 2004: 262]. Психологически же антропоморфизм создает у людей ощущение предсказуемости нечеловеческого и, следовательно, возможность контроля над ним. При этом антропоморфизм долгое время рассматривался как когнитивное искажение [Caropael, 1986]. Однако позже его значение было пересмотрено, и антропоморфизм стал пониматься как адаптивное, способствующее установлению социальных связей свойство человеческой психики [Guthrie, 1993]. В современных исследованиях установлено, что при проектировании антропоморфных роботов необходимо учитывать два принципа: «принцип асимметрии: поведенческий реализм важнее высокоантропоморфной внешности. <...> Принцип согласованности: необходимость синхронизации внешности и поведения робота» [Середкина, 2020: 59]. Если при проектировании социальных роботов разработчики будут следовать этим принципам, вероятно, удастся избежать наивного антропоморфизма (в терминологии Н. Кловайта), когда «субъект естественным образом социально реагирует на нечеловеческую сущность, как если бы она обладала человеческими характеристиками» [Кловайт, 2018: 12], что поможет снять алармистские ожидания, связанные с распространением социальных роботов.

Примерно так же, как и пермские коллеги, в работе Р.Абрамова и В. Катечкиной «Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования» [Абрамов, Катечкина, 2022] авторы, называя дизайн экспериментов, подобных описанному выше, «Волшебником страны Оз», утверждают, что в момент взаимодействия пользователь не способен определить степень автономности робота. Они пишут: «В такого рода экспериментах важен фактор, когда перед испытуемым находится объект, который демонстрирует социальные характеристики, но внешне не является человеком. Поэтому важнейшая составляющая социального интерфейса — внешний облик, отдаленно отсылающий к человеку, иногда именуемый „культурным интерфейсом“. Именно он в большей степени позволяет людям приписывать некому субъекту социальные характеристики и менять свое поведение в присутствии этого субъекта за счет эффекта „присутствия другого“» [там же: 217]. Описывая результаты исследования, авторы указывают, что «одним из критически важных моментов стал внешний облик робота — его культурный интерфейс»,

и, далее: «Если говорить о значимости воздействия описанных факторов, то гипотеза в отношении наибольшего эффекта внешнего вида робота также подтверждается. Следом по мощности эффекта следует ситуативный контекст, а меньшее воздействие имеют особенности речи робота» [там же: 235]. Косвенно эти выводы соотносятся с принципами прикладного антропоморфизма, которые необходимо учитывать при проектировании антропоморфных роботов.

Еще одним важным направлением исследований взаимодействий людей и роботов является изучение доверия людей роботам, которое понимается как функциональный механизм регуляции взаимодействия [Акимова 2020]. Более того, «в сложных, опасных и экстремальных ситуациях отношение людей к технике (в том числе к роботам. — Прим. Е. Г.) могло становиться подобным отношению к другому человеку или живому существу» [там же: 223]. Обычно рассматривается многоуровневая модель структуры доверия [Khavas, 2021; Акимова, 2020]. Так, в работе [Khavas, 2021] доверие подразделяется на доверие, основанное на производительности, и доверие, ориентированное на отношения, подобно отношениям между людьми. А. Акимова пишет о когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектах доверия, которые собираются в определенные конфигурации в зависимости от субъективных оценок человека в отношении надежности и безопасности робота, а также степени освоенности технологии [Акимова, 2020: 223—224]. Подобный результат обнаружен и в исследовании [Бурова и др., 2023], где готовность человека к взаимодействию с роботом росла по мере накопления опыта «коммуникации» с ним. Если при этом робот демонстрирует альтруистичное поведение, то уровень доверия возрастает, а связь между человеком и таким роботом становится, по мнению человека, реципрокной [Chen et al., 2022]. Характер взаимодействия между человеком и роботом определяется поставленной задачей [Schulz et al., 2018]. В других исследованиях обнаруживается динамичный характер доверия [Вахштайн⁹ и др., 2016: 102], также авторы обращают внимание на компаративный контекст в своем исследовании: «В целом в РФ население характеризуется более высоким уровнем общенного доверия к инновациям, чем в ЕС. При этом готовность к внедрению технологических инноваций в повседневную жизнь (по крайней мере, по отношению к роботу-судье или роботу-водителю) в России ниже, чем в странах ЕС. Так, только чуть более трети россиян позитивно относятся к перспективам внедрения робота-водителя, тогда как в ЕС более половины населения готовы к появлению машин на самоуправлении на дорогах. К роботу-судье россияне более благосклонны, но, тем не менее, уровень доверия к внедрению этой инновации несколько ниже, чем в ЕС. По мнению экспертов, такая закономерность ожидаема. Она связана с тем, что население РФ значительно реже сталкивается в повседневной жизни с настоящими техническими инновациями, чем жители зарубежных стран» [там же: 16—17]. Таким образом, снова фиксируется важность опыта при взаимодействии людей с роботами.

Резюмируя эту часть работы, можно сказать, что благодаря антропоморфизму социальных роботов люди склонны переносить на них человеческие и соци-

⁹ 22.04.2022 внесен в реестр иностранных агентов.

альные характеристики. Этот процесс имеет двоякий характер: он происходит как в силу психических механизмов людей, так и в силу того, что технологии производства подобных роботов усложнились настолько, что позволяют им выступать как автономным интеллектуальным системам и демонстрировать формы «социального» поведения, подобного человеческому. Это с неизбежностью распознается как интерактивное поведение, требующее социального ответа: «люди не приспособлены к интерактивным технологиям; их „старые“ (то есть до-технологические) мозги говорят им: все, что кажется интерактивным, является интерактивным» [Кловайт, 2018: 14].

Агентность социальных роботов

Традиционно в социологической теории агентность понималась как характеристика субъекта и была связана с веберовской теорией социального действия, основной характеристикой которого был субъективно полагаемый смысл, то есть действие понималось больше семантически, чем физически. В качестве базового методологического постулата это закладывало в структуру социологического мышления имплицитный дуализм человеческого и нечеловеческого. Таким образом, социальными акторами могли быть только люди [Дейнека, 2017]. Кроме того, агентность обычно описывалась через призму дихотомии «агентность/структура». Однако некоторые авторы говорили о континууме этих понятий и подчеркивали, что чем ближе исследователь находился к изучаемому им феномену или процессу, тем больше он был склонен описывать их в категориях агентности [Евсеева, 2016: 231].

Развитие интеллектуальных автономных систем привело к тому, что люди стали рассматривать их (во всяком случае, ту группу, которая имеет социальный интерфейс, — социальных роботов) как еще одних социальных агентов [Fox, Gambino, 2021]. Некоторые исследователи говорят о появлении «субъектоподобных артефактов» и называют их «техносубъектами» [Игнатьев, 2019]. В техническом аспекте HRI (Human-Robot Interaction) уже давно и привычно говорят об интеллектуальных автономных системах именно как об агентах (см., например, [Тарасов, 1998; Crandal, 2020]).

В качестве теоретического языка для описания таких взаимодействий можно использовать объектно-ориентированный подход, в нем «любой объект связан с определенной сетью отношений, в рамках которой он определяет Других» [Головашина, 2019: 133], и акторно-сетевую теорию, в которой мыслится возможным иная, чем в классическом социологическом подходе, теория действия [Ерофеева, 2015]. Говоря на этом языке, можно сказать, что объект становится таковым, когда он начинает сопротивляться, то есть оказывается способным к действию, более того, «если объект не сопротивляется и не действует, мы не можем говорить о его существовании» [Головашина, 2019: 140]. К этому добавляются такие характеристики, как непознаваемость и способность к самореференции [Головашина, 2019: 148]. Таким образом, агентность перестает быть привилегией только человека, но становится и качеством объекта. Точнее, она рассматривается как «эффект взаимодействия между акторами» [Ерофеева, 2015: 60]. Следовательно, в рамках такого теоретического описания становится возможным «гибридное со-действие человеческого

и не-человеческого» [там же: 51]. Разворачивая эту логику, необходимо отметить, что в рамках акторно-сетевой парадигмы агентность мыслится не как нечто незыблемое, а как что-то динамичное, реконфигурирующееся в зависимости от типов, мест и особенностей конкретных взаимодействий и взаимосвязей [Томпсон, 2018: 235]. Это значит, что она довольно легко может делегироваться не-человекам. Описывая механизм такого делегирования, его часто определяют как передачу компетенций. Как пишет И. Напреенко, «Говоря семиотически, инженер совершает переключение своей компетенции, то есть человеческих способностей, в вещь, подобно тому, как писатель переключает — отдает свой голос — героям. Вещь получает возможность действовать» [Напреенко, 2015: 112]. Таким образом, общество становится своего рода бесшовной агломерацией, где отношения между людьми укреплены и модифицированы технологическим опосредованием, что позволяет рассматривать его как сеть гетерогенных акторов [там же]. В логике акторно-сетевой парадигмы отношения людей и не-человеков носят реципрокный характер (вспомните про альтруистическое поведение роботов [Chen et al., 2022]). То есть они становятся как бы вложенными друг в друга. Это позволяет легко объяснить, как робот начинает восприниматься как моральный партнер (см.: Гаврилина Е. А. Может ли робот быть моральным агентом? в [Материалы круглого стола..., 2020: 152—154])¹⁰ и для взаимодействующего с ним человека приобретает субъективно-значимую роль, выполняя функции моральной поддержки, снижения интенсивности переживаний и т.д.¹¹ Также хорошо эта вложенность поясняет и антропоморфизм как универсальное свойство человеческой психики.

Можно подытожить, что под агентностью социальных роботов следует понимать динамичное качество автономных искусственных интеллектуальных систем, интерпретируя его как способность к действию в условиях сетевого взаимодействия социальных роботов с себе подобными и с людьми. В процессе такого действия происходит взаимное обуславливание людей и не-человеков. Это позволяет говорить об обществе как о «бесшовной агломерации» социального и технологического.

Рассматривая категорию агентности в теоретическом ракурсе, удалось показать, что интеллектуальные автономные системы и, в частности, социальные роботы, могут выступать как агенты во взаимодействиях людей с ними, то есть их можно рассматривать как акторов, наделенных агентностью.

Заключение

В рамках статьи была предпринята попытка мультидисциплинарного теоретического описания взаимодействия людей и социальных роботов. С одной стороны, они были рассмотрены в языке робототехнической парадигмы как интеллектуальные автономные системы, являющиеся агентами взаимодействия. С другой — о взаимодействии людей и роботов говорилось в контексте эмпирических исследований. Третьим аспектом анализа было рассмотрение взаимодействия человека и робота через призму объектно-ориентированного подхода и акторно-сетевой парадигмы.

¹⁰ Подробнее см. также ссылки на исследования И. Петровой.

¹¹ Our Story // Replika. URL: <https://replika.ai/about/story> (дата обращения 08.10.2022).

Опыт теоретизирования через язык новых онтологий и акторно-сетевую парадигму довольно хорошо позволяет объяснять наблюдаемые эмпирические феномены человеко-роботического (или все же робо-человеческого?) взаимодействия. Это относится к феноменам, связанным с антропоморфизмом и эксцентричной позициональностью, когда люди испытывают по отношению к роботам чувства, подобные тем, которые можно испытывать к реальным социальным агентам, фактически субъективируя их (или, говоря языком акторно-сетевой теории, делегируя агентность не-человеческим объектам). Кроме того, такой теоретический фокус, по сути, естественно (в смысле наивно, имплицитно присущим способом) используемый разработчиками робототехнических устройств и алгоритмов, позволяет направлять стихийно складывающиеся исследования в этой сфере в русло более человекомерных ожиданий и представлений.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н., Катечкина В. М. Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 214—243. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.9>.

Abramov R. N., Katechkina V. M. (2022) Social Aspects of Human-Robot Interaction: Experimental Research Experience. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 25. No. 2. P. 214—243. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.9> (In Russ.)

Акимова А. Ю. Доверие и недоверие человека технике: социально-психологический подход / под ред. А. А. Обознова. М.: Институт психологии РАН, 2020.

Akimova A. Yu. (2020) Human Trust and Distrust of Technology: A Socio-Psychological Approach. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Алексеева Е. А. Искусственный преподаватель: субъектность или агентность? // Искусственные общества. 2020. Т. 15. Вып. 2. <https://doi.org/10.18254/S207751800009804-3>.

Alekseeva E. A. (2020) Artificial Tutor: Subjectivity or Agency? *Artificial Societies*. Vol. 15. No. 2. <https://doi.org/10.18254/S207751800009804-3>. (In Russ.)

Буров С. П. Методы анализа социального взаимодействия человека и робота // Гуманитарная информатика. 2018. № 14. С. 18—26.

Burov S. P. (2018) Methods for Assessing Social Human-Robot Interaction. *Humanitarian Informatics*. No. 14. P. 18—26. (In Russ.)

Бурова О. А., Селеткова Г. И., Ганина О. А., Вассерман Ю. М., Неверова Ю. С., Середкина Е. В. Социальные установки пользователей на взаимодействие с антропоморфным роботом типа Promobot V.4 при получении услуг МФЦ // Человеко-машинное взаимодействие: теория и практика: Коллективная монография / под ред. А. А. Южакова, Е. В. Середкиной. Пермь: ПНИПУ, 2023. (В печати).

Burova O. A., Seletkova G. I., Ganina O. A., Wasserman Yu. M., Neverova Yu. S., Seredkina E. V. (2023) Social Attitudes of Users to Interact with an Anthropomorphic Ro-

bot Promobot V.4 When Receiving Multifunctional Center Services. In: Yuzhakov A. A., Serehdina E. V. (eds.) *Human-Machine Interaction: Theory and Practice*. Perm: PNR-PU. (In print). (In Russ.)

Вахштайн¹² В., Степанцов П., Чурсина Ю., Бардина С. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. 2016.

Vakhshayn V., Stepanov P., Chursina Yu., Bardina S. (2016) Public Report on the Results of a Sociological Study of Behavioral and Institutional Prerequisites for Technological Development of the Regions of the Russian Federation. (In Russ.)

Гасумова С. Е., Портер Л. Роботизация социальной сферы // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 1. С. 79—94.

Gasumova S. E., Porter L. (2019) Robotization of the Social Sphere. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 10. No. 1. P. 79—94. (In Russ.)

Головашина О. В. От интерсубъективности к интеробъективности: социальная онтология времени. М.: Аквилон, 2019.

Golovashina O. V. (2019) From Intersubjectives to Interobjectives: Social Ontology Temporal. Moscow: Aquilon. (In Russ.)

Дейнека А. В. Антропология Модерна как методологическая рамка анализа теорий социального действия // *Universum: общественные науки*. 2017. № 11. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5242> (дата обращения: 07.10.2022).

Deineka A. V. (2017) Anthropology of Modernity as a Methodological Frame for Analysis of the Theories of Social Action. *Universum: Social Sciences*. No. 11. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5242> (accessed: 07.10.2022). (In Russ.)

Евсеева Я. В. Взаимоотношения структуры и агентности как проблема политической онтологии. Введение в теорию зависимости от траектории предшествующего развития. (Реферативный обзор) // *Социологический ежегодник*. 2016. С. 228—236.

Evseeva Ya. V. (2016) The Relationship of Structure and Agency as a Problem of Political Ontology. Introduction to the Theory of Dependence on the Trajectory of Previous Development. (Abstract Review). *Sociological Yearbook*. P. 228—236. (In Russ.)

Ерофеева М. А. О возможности акторно-сетевой теории действия // *Социология власти*. 2015. № 4. С. 51—71.

Erofeeva M. A. (2015) On the Possibility of an Actor-Network Theory of Action. *Sociology of Power*. No. 4. P. 51—71. (In Russ.)

Зильберман Н. Н., Стефанцова М. А. Социальный робот: подходы к определению понятия // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2016. № 11. С. 297—312. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-11-297-312>.

Zilberman N. N., Stefanctsova M. A. (2016) Social Robot: Defining the Concept. *Russian Journal of Education and Psychology*. No. 11. P. 297—312. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-11-297-312>. (In Russ.)

¹² 22.04.2022 внесен в реестр иностранных агентов.

Игнатъев В. И. И грядет «другой» актер... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 1. URL: <http://sst.nw.ru/архив/2019101-2/and-the-other-actor-is-coming-the-formation-of-tehnosubject-in-the-context-of-the-movement-to-technological-singularity/> (дата обращения: 26.06.2023).

Ignatyev V. I. (2019) And the “Other” Actor is Coming... The Formation of Tehnosubject in the Context of the Movement to Technological Singularity. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 10. No. 1. URL: <http://sst.nw.ru/архив/2019101-2/and-the-other-actor-is-coming-the-formation-of-tehnosubject-in-the-context-of-the-movement-to-technological-singularity/> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Карпов А. А., Крючков Б. И., Рогаткин Д. А., Усов В. М. Концептуальные подходы к применению сервисных роботов: общность проблем внедрения (на примерах пилотируемой космонавтики и высокотехнологической медицины) // Биотехносфера. 2013. № 6. С. 48—59.

Karpov A. A., Kryuchkov B. I., Rogatkin D. A., Usov V. M. (2013) Conceptual Approaches to the Use of Service Robots: Common Problems of Implementation (Using Examples of Manned Cosmonautics and High-tech Medicine. *Biotechnosphere*. No. 6. P. 48—59. (In Russ.)

Кловайт Н. Рефлексивный антропоморфизм: неведение онтологии или невежественная онтология? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 8—33. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5711>.

Klowait N. (2018) Reflexive Anthropomorphism: Ontological Ignorance, or Ignorant Ontology? *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 1. P. 8—33. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5711>. (In Russ.)

Материалы круглого стола «Актуальные проблемы нейроэтики» (30 октября 2019 г.) / под ред. Углевой А. В. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 1. С. 135—167. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2020-1-135-167>.
Ugleva A. (ed.) (2020) “Current Issues of Neuroethics”: Panel Discussion Chronicles (October 30, 2019). *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 4. No. 1. P. 135—167. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2020-1-135-167>. (In Russ.)

Напреенко И. В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 108—121.

Napreenko I. V. (2015) Delegation of Agency in the Concept of Bruno Latour: How to Build up a Heterogeneous Collective of Cyborgs and Anthropomorphs? *Sociology of Power*. Vol. 27. No. 1. P. 108—121. (In Russ.)

Остроух А. В. Интеллектуальные системы. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2020. <https://doi.org/10.12731/978-5-907208-27-8>.

Ostroukh A. V. (2020) Intelligent Systems. Krasnoyarsk: Scientific and Innovation Center. <https://doi.org/10.12731/978-5-907208-27-8>. (In Russ.)

Петрова И. Э. Робот Оно в терапии аутистических расстройств. Российская робототехника. Формирование профессионального сообщества в области развития

роботехники, искусственного интеллекта // Тезисы докладов конференции / отв. ред. М. Ю. Санкин. Краснодар: Индивидуальный предприниматель Акелян Нарине Самадовна, 2017. С. 52—55.

Petrova I. E. (2017) Robot It in Therapy of Autistic Disorders. In: Sankin M. Y. (ed.) *Russian Robotics. Formation of a Professional Community in the Field of Robotics and Artificial Intelligence Development*. Abstracts of the Conference Reports Responsible P. 52—55. Krasnodar: Individual Entrepreneur Akelyan Narine Samadovna. (In Russ.)

Петрова И. Э. Социальная робототехника: пространство формирования искусственной социальности // Материалы IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир», Москва, 20—21 марта 2019 года / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2019. С. 25—28.

Petrova I. E. (2019) Social Robotics: The Space of Artificial Sociality Formation. In: Kuleshova A. V. (ed.) *Materials of the IX International Sociological Grushin Conference "Social Engineering: How Sociology is Changing the World"*. Moscow: VCIOM. P. 25—28. (In Russ.)

Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004.

Plessner H. (2004) *Die Stufen des Organischen und der Mensch. Einleitung in die philosophische Anthropologie*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Середкина Е. В., Безукладников И. И., Ядова Е. Н. Взаимодействие человека и робота: социально-гуманитарная экспертиза // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 10. С. 102—108.

Seredkina E. V., Bezukladnikov I. I., Yadova E. N. (2019) Interaction of Human and Robot: Socio-Humanitarian Expertise. *Socio-Humanitarian Knowledge*. No. 10. P. 102—108. (In Russ.)

Середкина Е. В. Философские основания прикладного антропоморфизма в социальной робототехнике // Технологос. 2020. № 4. С. 56—63. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.4.05>.

Seredkina E. V. (2020) Philosophical Foundations of Applied Anthropomorphism in Social Robotics. *Technologos*. No. 4. P. 56—63. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.4.05>. (In Russ.)

Тарасов В. Б. Агенты, многоагентные системы, виртуальные сообщества: стратегическое направление в информатике и искусственном интеллекте // Новости искусственного интеллекта. 1998. № 2. С. 5—63. URL: <https://science.donntu.edu.ua/ius/kirgaev/library/Tarasov-vb-agenty-mnogoagentnye-sistemy-virtualnye-soobschestva-strategicheskoe-napravlenie-v-informatike-i-iskusstvennom-intellekte.pdf> (дата обращения: 07.10.2022)

Tarasov V. B. (1998) Agents, Multi-Agent Systems, Virtual Communities: Strategic Direction in Computer Science and Artificial Intelligence. *News of Artificial Intelligence*. No. 2. P. 5—63. URL: <https://science.donntu.edu.ua/ius/kirgaev/library/Tarasov-vb-agenty-mnogoagentnye-sistemy-virtualnye-soobschestva-strategicheskoe-napravlenie-v-informatike-i-iskusstvennom-intellekte.pdf> (accessed 07.10.2022). (In Russ.)

Томпсон Х. Агентность, опосредованная объективацией: субъектность и технологии // Логос. 2018. № 5. URL: <https://logosjournal.ru/articles/387203/> (дата обращения: 08.10.2022).

Thompson H. (2018) Agency through Objectification: Subjectivity and Technology. *Logos*. No. 5. URL: <https://logosjournal.ru/articles/387203/> (accessed: 08.10.2022). (In Russ.)

Шандаров Е. С., Зимина А. Н., Ермаков П. С. Анализ поведения робота-ассистента в рамках разработки сценариев взаимодействия робот — ребенок // Гуманитарная информатика. 2014. Вып. 8. С. 52—64.

Shandarov E. S., Zimina A. N., Ermakov P. S. (2014) Analysis of the Behavior of a Robot Assistant in the Framework of the Development of Scenarios for Robot — Child Interaction. *Humanitarian Informatics*. No. 8. P. 52—64. (In Russ.)

Шимрова Л. А., Токранова Ю. Г. Коммуникативные состояния при взаимодействии человека с роботом // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / отв. ред.: Борисова Н. В., Воловикова М. И., Журавлев А. Л. М.: Институт психологии РАН, 2020. С. 488—494. <https://doi.org/10.38098/univ.2020.55.72.037>.

Cimrova L. A., Tokranova Y. G. (2020) A Communicative State When Human Interaction with Robot. In: Borisova N. V., Volovikova M. I., Zhuravlev D. L. (eds.) *Individual, National and Global in the Consciousness of Modern Man: New Ideas, Problems, Scientific Directions*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Science. P. 488—494. <https://doi.org/10.38098/univ.2020.55.72.037>. (In Russ.)

Caporael L. R. (1986) Anthropomorphism and Mechanomorphism: Two Faces of the Human Machine. *Computers in Human Behavior*. Vol. 2. No. 3. P. 215—234. [https://doi.org/10.1016/0747-5632\(86\)90004-X](https://doi.org/10.1016/0747-5632(86)90004-X).

Chen N., Zhai Y., Liu X. (2022) The Effects of Robots' Altruistic Behaviours and Reciprocity on Human-Robot Trust. *International Journal of Social Robotics*. Vol. 14. P. 1913—1931. <https://doi.org/10.1007/s12369-022-00899-6>.

Crandall J. W. (2020) When Autonomous Agents Model Other Agents: An Appeal for Altered Judgment Coupled with Mouths, Ears, and a Little More Tape. *Artificial Intelligence*. Vol. 280. Art. 103219. <https://doi.org/10.1016/j.artint.2019.103219>.

Damiano L., Dumouchel P. (2018) Anthropomorphism in Human — Robot Co-evolution. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00468>.

Epley N., Waytz A., Cacioppo J. T. (2007) On Seeing Human: A Three-Factor Theory of Anthropomorphism. *Psychological Review*. Vol. 114. No. 4. P. 864—886. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.114.4.864>.

Fox J., Gambino A. (2021) Relationship Development with Humanoid Social Robots: Applying Interpersonal Theories to Human — Robot Interaction. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 24. No. 5. P. 294—299. <http://doi.org/10.1089/cyber.2020.0181>.

Gasparetto A., Scalera L. (2019) A Brief History of Industrial Robotics in the 20th Century. *Advances in Historical Studies*. Vol. 8. No. 1. P. 24—35. <https://doi.org/10.4236/ahs.2019.81002>.

Goodrich M. A., Schultz A. C. (2007) Human — Robot Interaction: A Survey. *Foundations and Trends in Human — Computer Interaction*. Vol. 1. No. 3. P. 203—275. <https://doi.org/10.1561/1100000005>.

Guthrie S. (1993) *Faces in the Clouds: A New Theory of Religion*. Oxford: Oxford University Press.

Khavas Z. R. (2021) A Review on Trust in Human-Robot Interaction. URL: <https://arxiv.org/pdf/2105.10045.pdf> (accessed: 07.10.2022).

Pak R., de Visser E. J., Rovira E. (eds.) (2020) *Living with Robots: Emerging Issues on the Psychological and Social Implications of Robotics*. Academic Press. <https://doi.org/10.1016/C2017-0-03348-7>.

Schulz R., Kratzer Ph., Toussant M. (2018) Preferred Interaction Styles for Human-Robot Collaboration Vary Over Tasks with Different Action Types. *Frontiers in Neurobotics*. Vol. 12. <https://doi.org/10.3389/fnbot.2018.00036>.

Sheridan Th. B. (2016) Human-Robot Interaction: Status and Challenges. *The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*. Vol. 58. No. 4. P. 525—532. <https://doi.org/10.1177/0018720816644364>

Toosi A., Bottino A., Saboury B., Siegel E., Rahmim A. (2021) A Brief History of AI: How to Prevent Another Winter (a Critical Review). *PET Clinics*. Vol. 16. No. 4. P. 449—469. <https://doi.org/10.1016/j.cpet.2021.07.001>.

Zhdanova S. Y., Puzyreva L. O., Mishlanova S. L., Seredkina E. V., Zhdanov M. A. (2022) Human-Robot Interaction: Perception and Reflection. In: A. Rocha, E. Isaeva (eds.) *Science and Global Challenges of the 21st Century — Science and Technology. Perm Forum 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 342. Cham: Springer. P. 791—801. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89477-1_73.

van Maris A., Zook N., Caleb-Solly P., Studley M., Winfield A., Dogramadzi S. (2020) Designing Ethical Social Robots — A Longitudinal Field Study with Older Adults. *Frontiers in Neurobotics*. Vol. 7. <https://doi.org/10.3389/frobt.2020.00001>.

Wada K., Shibata T. (2007) Living with Seal Robots — Its Sociopsychological and Physiological Influences on the Elderly at a Care House. *IEEE Transactions on Robotics*. Vol. 23. No. 5. P. 972—980. <https://doi.org/10.1109/TRO.2007.906261>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2296](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2296)

А. А. Космарский, Н. В. Гордийчук

ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕПУТАЦИЙ КАК ИГРА: СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ, ТЕОРИЯ ИГР И ТОКЕНИЗИРОВАННЫЕ РЕЕСТРЫ

Правильная ссылка на статью:

Космарский А. А., Гордийчук Н. В. Изучение профессиональных репутаций как игра: социология знания, теория игр и токенизированные реестры // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 56—77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2296>.

For citation:

Kosmarski A. A., Gordiychuk N. V. (2023) Evaluation of Professional Reputations as a Game: The Sociology of Knowledge, Game Theory, and Tokenized Registries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 56–77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2296>. (In Russ.)

Получено: 11.08.2022. Принято к публикации: 23.05.2023.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕПУТАЦИЙ КАК ИГРА: СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ, ТЕОРИЯ ИГР И ТОКЕНИЗИРОВАННЫЕ РЕЕСТРЫ

КОСМАРСКИЙ Артем Анатольевич — заместитель директора Лаборатории исследований блокчейна в образовании и науке (ЛИБОН), Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия
E-MAIL: kosmarski@gaugn.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8475-0754>

ГОРДИЙЧУК Николай Валентинович — научный сотрудник, Университет Гамбурга, Гамбург, Германия
E-MAIL: jayankondar@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2117-7601>

Аннотация. Значимость репутации для социального мира, для успешной работы институтов и принятия решений людьми и организациями сложно переоценить, однако и механизмы репутации, и само это понятие остаются недостаточно проясненными и исследованными в социальных науках. Возможно ли исследовать и, главное, делать публичными репутации? Мы полагаем, что да, и в данной статье описываем возможный метод для этого, опирающийся на теорию игр (и, конкретно, координационные игры), понимание репутации как неявного социального знания, технологию токенизированных реестров (token-curated registries, TCR) и консенсус профессиональных сообществ. Описанный нами подход позволяет исследовать наличие в сообществах консенсуса относительно репутационных свойств различных объектов (конкретных специалистов, институций, научных журналов и т. п.). В статье мы описываем то-

EVALUATION OF PROFESSIONAL REPUTATIONS AS A GAME: THE SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE, GAME THEORY, AND TOKENIZED REGISTRIES

*Artyom A. KOSMARSKI*¹ — Deputy Head of the Laboratory for the Study of Blockchain in Education and Science (LIBON)
E-MAIL: kosmarski@gaugn.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8475-0754>

*Nikolay V. GORDIYCHUK*² — Researcher
E-MAIL: jayankondar@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2117-7601>

¹ State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia

² University of Hamburg, Hamburg, Germany

Abstract. It is hard to overestimate the importance of reputation for the social world, for the successful functioning of institutions and for the decision-making of people and organizations. However, both the mechanisms of reputation and this very notion remain insufficiently clarified and researched in the social sciences. Is it possible to study and, more importantly, to make reputations public? We believe so, and in this article, we describe a possible method for doing so based on game theory (specifically, coordination games), an understanding of reputation as implicit social knowledge, the technology of token-curated registries (TCR), and the consensus of professional communities. The approach we describe allows investigating the presence of consensus within communities regarding the reputational properties of various objects (specific specialists, institutions, scientific journals, etc.). In this article, we explain tokenized registries as

кенизированные реестры как прообраз нашего метода, возникший в блокчейн- и IT-среде, и сложности, возникшие при их использовании для оценки репутаций в реальном мире. Далее мы предлагаем социологическую концептуализацию репутации как неявного социального знания (versus ее понимания как формы капитала) и указываем на точки пересечения этой концептуализации с теорией игр. Наконец, на этой основе мы предлагаем дизайн и процедуру координационных игр по оценке репутации и останавливаемся на преимуществах и ограничениях предлагаемого нами метода.

Ключевые слова: репутация, профессиональные сообщества, токенизированные реестры, социология науки, теория игр, координационные игры

a prototype of our method that emerged in the blockchain and IT environments and the difficulties encountered when employing them to evaluate reputations in the real world. Next, we propose a sociological conceptualization of reputation as implicit social knowledge (versus its understanding as a form of capital) and point to the intersections between this conceptualization and game theory. Finally, based on these elements, we present an outline of the design and procedure of coordinated reputation games and highlight the advantages and limitations of the proposed method.

Keywords: reputation, professional communities, token-curated registries, sociology of science, game theory, coordination games

Введение

Репутация играет важную роль в успешной работе институтов и принятии решений людьми и организациями, особенно в современном мире, отличающемся переизбытком информации и противоречивостью приходящих с разных сторон сигналов. Постоянно слышны голоса, говорящие, что российской науке [Камшилова, Чернявская, 2020] или, например, журналистике, отчаянно не хватает института репутации. Но при этом и механизмы действия репутации, и само это понятие недостаточно прояснены и исследованы в социальных науках [Origgi, 2017: 22—24; Шовен, 2014].

Однако репутации в профессиональных средах, при всей трудности их выявления, верификации и представления в виде формализованных показателей, вполне работают: профессионалы неплохо представляют себе, кто чего стоит «по гамбургскому счету». Информация о репутациях в закрытой для аутсайдеров профессиональной среде передается как своего рода эзотерическое знание, владение которым отличает «своих» от посторонних. Как заметил один из классиков социологии, «если вы ученый, то абсолютно не важно, что о вас думают все, помимо других ученых. Академический мир добился невероятной автономии в том смысле, что ученые закрепили за собой право решать, кто чего-то стоит, и отказали в этом праве всем остальным людям, то есть полностью монополизировали эту сферу экспертизы» [Whitley, 1984: 220]. И это касается не только науки, но и медицины, юриспруденции, искусства — сфер, добившихся автономии или права профессионалов определять правила игры и критерии оценки внутри своего поля (в терминах П. Бурдьё) [Bourdieu, 1992].

Но возможно ли исследовать и, главное, делать публичными эти множественные формы неявного коллективного знания, которые составляют репутации? Мы полагаем, что да, и в данной статье описываем возможный метод для этого, опирающийся на теорию игр (и, конкретно, координационные игры), понимание репутации как знания, блокчейн-технологии токенизированных реестров (token-curated registries, TCR) и консенсус профессионального сообщества. Потребность в таком инструменте тем выше, что существующие системы рейтингования и оценки редко учитывают профессиональную репутацию отдельных специалистов. Подчеркнем: в отличие от механизмов экспертной оценки, экспертизу в рамках предлагаемой модели проводит не внешняя организация — оценивает своих членов само профессиональное сообщество, а мы лишь предоставляем ему для этого технологический инструмент, способ превращения субъективных представлений членов сообщества в объективную «карту». Достоверность такой «карты» репутаций достигается консенсусом: описанное нами решение — фактически технологическое решение для изучения репутаций — позволяет исследовать и сделать видимым консенсус мнений сообщества относительно каждого конкретного специалиста.

Token-curated registry (TCR) — криптоэкономическая технология как прообраз репутационной игры

Одной из новейших моделей рейтингования выступают токенизированные реестры (token-curated registries, или TCR), возникшие, на уровне идеи, в среде блокчейн-стартапов. Работают TCR с помощью *токенов* — единиц учета, записанных в блокчейне, а также смарт-контрактов¹, где токены применяются для стимулирования качественного управления информацией, представленной в виде списков.

По сути, TCR — это автоматизированный способ наполнения «белых» и «черных» списков любого вида, где решение (попадает ли N в список или исключается из него) принимается коллективным голосованием, исход которого приносит голосующим выгоду или убыток. Предлагаемое преимущество TCR состоит в следующем: свободный рынок и материальная заинтересованность индивидов обеспечивают куда более надежную информацию о реальном мире, чем непрозрачные централизованные системы. Данные вводятся децентрализованно, все действующие лица материально заинтересованы в высоком качестве этих данных. В результате система поощряет поиск и ввод достоверной информации в «списки» системы и наказывает за ввод недостоверной.

Впервые концепция токенизированных реестров была предложена в 2017 г. Майком Голдином (Mike Goldin), ведущим разработчиком компании ConsenSys². В процессе их составления принимают участие три стороны:

¹ Смарт-контракт — компьютерный алгоритм, предназначенный для заключения и поддержания самоисполняемых контрактов, выполняемых в блокчейн-среде. Такие контракты позволяют выполнять надежные и конфиденциальные транзакции без участия внешних посредников в лице банков или государственных органов. Кроме того, такие транзакции являются прослеживаемыми, прозрачными и необратимыми. Смарт-контракты не только содержат информацию об обязательствах сторон и санкциях за их нарушение, но и сами автоматически обеспечивают выполнение всех условий договора. Впервые идея смарт-контрактов была предложена в 1994 г. Ником Сабо (еще до появления блокчейна).

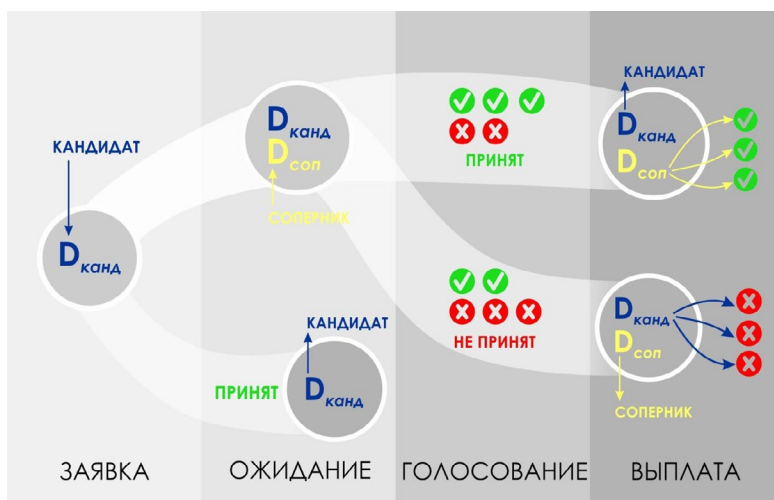
² Goldin M. Token-Curated Registries 1.0. White Paper // Medium.com. 2017. September 14. URL: <https://medium.com/@ilovebagels/token-curatedregistries-1-0-61a232f8dac7> (дата обращения: 09.08.2022).

- кандидаты — те, кто хочет войти в список;
- кураторы — те, кто голосует за включение или невключение кандидата в список;
- клиенты (пользователи) — те, кто использует готовый список.

Объектом реестра может стать кто угодно и что угодно — университеты, рестораны, кинозвезды, сайты, аудиозаписи и так далее. Кураторы заинтересованы в том, чтобы реестр пользовался авторитетом у клиентов. Клиенты хотят видеть в реестре достойных кандидатов. Кандидаты стремятся попасть в список, чтобы доказать высокое качество и добиться интереса и доверия клиентов. Кураторы могут получить финансовое вознаграждение в зависимости от того, какое решение они принимают по каждому кандидату. Для этого в системе используются токены. Чтобы стать куратором, необходимо приобрести токен и таким образом получить право голоса в системе TCR. Чтобы стать кандидатом, необходимо приобрести токены и внести депозит ($D_{\text{канд}}$).

После внесения депозита для кандидата начинается срок ожидания (см. рис. 1). В течение этого периода любой куратор может стать соперником — выразить несогласие с кандидатурой и внести встречный депозит ($D_{\text{соп}}$). Если этого не произошло, кандидат включается в список. Если один из кураторов стал соперником, то начинается голосование — в течение некоторого, определенного заранее времени кураторы имеют право проголосовать «за» или «против» включения кандидата в список. Если большинство проголосовало «за» (то есть соперник проиграл, а кандидат выиграл), то соперник теряет свой депозит — его сумма распределяется поровну между теми, кто проголосовал «за». Если большинство проголосовало «против» (то есть проиграл кандидат, а соперник выиграл), то уже кандидат теряет свой депозит — его сумма распределяется поровну между проголосовавшими «против».

Рис. 1. Базовая схема голосования в системе TCR³

³ Схему подготовила Н. Дерюгина.

Ожидалось, что ценность токена, то есть его стоимость на рынке, будет возрастать или падать в зависимости от того, насколько качественным получается реестр. Чтобы капитализация токенов росла, кураторы должны обеспечивать высокий спрос на них, то есть желание кандидатов попасть в список. Для этого нужно, чтобы список считался авторитетным и в него включались только достойные кандидаты. От осознанности и вдумчивости действий куратора, по идее, напрямую зависит его прибыль (подробнее о концепции TCR и ее приложению к академическому миру см. [Kosmarski, Gordiychuk, 2020]).

Проблемы технологии TCR. Поведение людей как камень преткновения для IT-сообщества и блокчейн-решений

Проект TCR исходил из того, что децентрализация и массовизация обеспечивают более качественную информацию о мире, чем «черные ящики» информационных монополистов⁴. Нужно отметить, что такой концепт возник в русле масштабной эволюции рейтинговых систем: от регулярных, закрытых, внеинтернетных, экспертных рейтингов — к функционирующим онлайн массовым пользовательским рейтингам наподобие YouDo или отзывам на TripAdvisor⁵.

Вскоре после изобретения TCR в IT- и криптосреде началось активное обсуждение сильных и слабых сторон этого концепта, возможностей его применения и развития, проводились эксперименты, запускались стартапы, где работал этот инструмент, — adChain, FOAM, MedX. Схема усложнялась и адаптировалась к конкретным приложениям. То есть TCR — стихийно возникший в криптосреде и, подчеркнем, достаточно сложный концепт. Вполне видны «зашитые» в него базовые представления о человеке, обществе и благе — мудрость толпы, децентрализация как способ производства знания, защищенного от предвзятости и манипуляций, «шкура на кону», важность личной материальной заинтересованности как пути к общему благу. Вместе с тем TCR сложен в том смысле, что в нем уже на стадии идеи проявилось несколько фундаментальных противоречий, затрудняющих его быстрое, беспроблемное и прибыльное применение в реальном мире — в отличие, например, от системы биткойна, стоящего на фундаменте сходной политической и экономической философии, но связывающего интересы и действия своих акторов (владельцев, майнеров и «голосующих» узлов) более эффективным образом (подробнее об этом см. [Бычкова, Космарский, 2021: 184—189]).

Первое противоречие — между поиском истины и выгоды, или между мотивацией (голосующих) получить прибыль и получить информацию высокого качества. Две цели входят в конфликт, когда голосующие начинают выбирать случайное голосование («кидать монетку»), чтобы сэкономить время и снизить риски, и когда голосующие сговариваются и сбиваются в клики, и даже небольшой «блок» (около 10—20%), всегда выступающих скоординированно, гарантированно обращает любой раунд в свою пользу и забирает все токены. Со временем такие «картели» убивают систему тем, что множество независимых голосующих — от чьих решений, собственно, итоговые списки приобретают ценность — теряют мотивацию участ-

⁴ См., например: Bronstein M. Introduction to Token Curated Registries. URL: <https://165.22.160.39/introduction-to-token-curated-registries/> (дата обращения: 09.08.2022).

⁵ Подробно об этой эволюции и смысле разных типов рейтингов см. работу [Картавцев, Космарский, 2021].

воват, ожидая, что они все равно проиграют. По той же причине, так как в TCR «пирог» токенов по умолчанию делится поровну между голосующими победившей партии, игроки заинтересованы в том, чтобы большинство было не очень большим (и каждому досталось больше «кусков пирога»). Поэтому они готовы, например, распространять дезинформацию, чтобы другие голосовали неверно, большинство голосовавших верно оказалось поменьше и им бы досталось больше токенов. Для разрешения этого противоречия предлагаются прежде всего разного рода процедурные и алгоритмические механизмы.

Второе противоречие: в качестве результата голосования TCR ожидается «истина», то есть информация более высокого качества, чем в других системах описания и оценивания объектов мира, а организован он как игра, где выгоднее голосовать вместе с большинством. Если говорить точнее, результаты TCR — как в предсказательной игре (prediction game), когда вознаграждается тот, чей ответ оказывается истинным (совпадающим с реальным положением дел), независимо от того, как ответили остальные (как, например, ставки на спорт), а организован он как координационная игра (coordination game) — когда игроков вознаграждают за то, что их ответы совпадают с большинством (как, например, при торговле ценными бумагами на бирже). Высказывать свое личное мнение, опираясь на (ценный) личный опыт, или думать о том, как проголосовало бы большинство? Это дилемма. Можно, разумеется, сдвинуть всю конструкцию в первую сторону, и тогда TCR превратится в обычный опрос, участников которого еще вознаграждают лотерейным билетом — но тогда теряется важная (для мотивации) игровая сторона системы. Обсуждалась также идея проводить эксперименты с модификацией правил TCR, работая над тем, чтобы голосующим было выгоднее говорить правду (или свое искреннее мнение), а не подстраиваться под мнение большинства. Например, можно вознаграждать каждого голосующего, независимо от исхода голосования — но тогда сразу встает проблема безответственного голосования («зайцев», или free riders), опять же обнуляющая ценность системы⁶.

Наконец, третье противоречие, точнее, сформулированное после первых опытов TCR-проектов в 2018 г., принципиальное разделение между объективными (ответы на простые вопросы, не вызывающие сомнений, вроде «Входит ли Москва в список столиц государств?», но не очень интересные для голосующих) и субъективными TCR («Какие рестораны корейской кухни самые лучшие в Москве?»)⁷. Более того, в принципе неработающими были названы все TCR, не соответствующие трем условиям: объективность (существует объективная истина, позволяющая дать ответ на вопрос, включать ли X в список), публичность (эта истина видна всем) и доступность (найти ее легко для каждого пользователя системы)⁸. Такая «аллергия» на человеческую субъективность развилась во многом вследствие коллизии с одним из первых TCR-стартапов adChain, выстраивавшего курированный

⁶ Gerbrandy J. Incentive alignment in Token Curated Registries // Medium.com. 2018. June 22. URL: <https://medium.com/paratii/incentive-alignment-in-token-curated-registries-4d6e41652a9b> (дата обращения: 09.08.2022).

⁷ Praver M. Subjective vs. Objective TCRs // Medium.com. 2018. June 27. URL: <https://medium.com/coinmonks/subjective-vs-objective-tcrs-a21f5d848553> (дата обращения: 09.08.2022).

⁸ Bulkin A. Curate This: Token Curated Registries That Don't Work // Coinfund.io. 2018. April 12. URL: <https://blog.coinfund.io/curatethis-token-curated-registries-that-dont-work-d76370b77150> (дата обращения: 09.08.2022).

список качественных сайтов для размещения рекламы. Предполагалось, что голосующие быстро и объективно смогут отличить хороший сайт от некачественного (сайта-заглушки или фейкового), однако на практике они начали блокировать включение в список порталов, отлично пригодных для рекламы (вроде New York Times или Facebook⁹), но неприятных кому-то по идеологическим соображениям, начались «войны» противников и сторонников тех или иных сайтов.

Это весьма любопытно с социологической точки зрения: столкнувшись с тем, что в блокчейн-системы вошли люди, а не машины и, в отличие от биткойна, принимающие решения акторы ведут себя непредсказуемо, их поведение трудно запланировать с помощью выстроенной архитекторами системы модели поощрений (incentives), IT-сообщество предпочло более безопасный вариант — объективные TCR, где решение о принятии или непринятии в список может принять любой, за несколько секунд, и где решение максимально очевидно, то есть не вызывает никаких дискуссий и споров. Иными словами, IT-разработчики отказались от решения сложностей психологического, маркетингового и социального характера, остановились на «безопасном» использовании объективных TCR, когда голосующие люди предельно близки машинам (минимум пространства для сомнения и субъективности). Примером такого решения является протокол MedX (стартап по созданию децентрализованного глобального реестра врачей и маркетплейса дистанционной медицины), где TCR применяется как автоматизированный канал передачи объективного знания из реального мира в блокчейн. Условно говоря, работа секретаря, заносящего список или иной документ с бумаги в компьютер, — протокол решает задачу материального стимулирования переноса такой «скучной» информации. TCR как концепт развернулся уже не к опросу (поиску множества индивидуальных мнений), а к краудворкингу по типу «Яндекс.Толоки» или Amazon Mechanical Turk.

Однако нам представляется, что страх перед субъективностью человеческих решений и смыслов преодолимы, и интуиции, скрытые в концепте TCR, можно развить в приложении к различным социальным практикам, где важно коллективное мнение и индивидуальное принятие решений, и даже найти выход из описанных выше противоречий. Но для этого нужно обратиться еще к одному сложному концепту — репутации.

Репутация как неявное социальное знание

Важность репутации для жизни человека в социальном мире — да и вообще для функционирования этого мира, — не вызывает сомнений. Она влияет на то, как берут на работу и увольняют, делают огромные состояния и разоряются, на повседневном уровне она диктует наш выбор врачей, репетиторов, компаний, с которыми мы предпочитаем иметь дело. Она определяет второе, социальное «я» человека — то, что обо «мне» думают другие.

В современных социальных науках существует немало подходов к проблематизации и объяснению феномена репутации — с позиций экономики, эволюционной биологии, социальной эпистемологии, теорий социального и символического капитала и т. д. Однако в данном исследовании нас прежде всего интересует не эгоцентричная (репутация как моя «аура» или капитал, что я пытаюсь выстраи-

⁹ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ (20.06.2022).

вать, оценить, манипулировать), а социоцентричная перспектива: репутация как *неявное социальное коммуникативное знание о человеке*, то есть несводимое к индивидуальным мнениям и представлениям, обладающее определенным авторитетом (властью, влиянием), неформализованное, но при этом проявляющееся в конкретных решениях, выражениях, отношениях, высказываниях индивидов (типа «N — середнячок, но хорошо работает в команде и выдает качественные статьи» или «M — авторитетный арт-критик, но злоупотребляет „хайповыми“ темами; всегда готов выступить или написать, если его пригласят, не срывает договоренностей»). Или, в более изящной и развернутой формулировке: «Репутация, являясь не просто мнением, выступает публичной репрезентацией того, что мы полагаем мнением других... Как по сути коммуникативная природа репутации, так и ее первостепенное значение для социального порядка становятся очевидными, когда мы понимаем репутацию как наше мнение о более или менее авторитетных мнениях других — иными словами, как мнение второго порядка, как то, во что мы верим, во что мы должны верить» [Origgi, 2017: 67—68].

Наш метод нацелен на выявление не любых репутаций, а *репутаций членов профессиональных сообществ*, или, в терминологии П. Бурдьё, *полей* — ученых, врачей, адвокатов, журналистов, художников, поэтов и так далее. Почему это важно? Для таких сред характерна автономия, то есть признание того, что репутацию (да и вообще работу и достижения) членов этих сообществ могут оценить или преимущественно, или исключительно их коллеги [Bourdieu, 1975; Bourdieu, 1992; Бурдьё, 2000]. В некоторых сообществах (например, среди ученых-естественников) такая закрытость от внешней экспертизы максимальна¹⁰, в других, более зависимых от обратной связи от «профанов» (например, клиентов врачей), она меньше, но даже во втором случае клиентские отзывы фрагментарны, неточны, часто фальсифицируются, а главное — у клиентов обычно не хватает компетенций и опыта, чтобы адекватно оценить уровень работы профессионала. Такие знания и компетенции есть у его коллег, то есть у профессионального сообщества.

Мы упомянули «внешнюю» и «внутреннюю» экспертизу неслучайно. В современной социальной теории проводится достаточно очевидное разделение репутаций на неформальные (существовавшие еще в древних обществах) — меняющиеся «облака» мнений, зависимые от слухов, сплетен и так далее, и формализованные — зафиксированные в письменных рейтингах, рэнкингах, цифровых системах [Origgi, 2017: 62—85, 171—194]. И это не просто типология — две системы часто вступают в конфликт.

Поясним на примере наукометрии. Она исходно выступала не только служебной дисциплиной (каталогизация и систематизация научных статей для нужд библиотечарей), но также и источником репутации: ведь число цитирований, индекс Хирша, профиль в Scopus или Google Scholar — такие же косвенные сигналы со стороны цитирующих коллег о «качестве» ученого, на которые опирается его репутация [Whitney, 1984: 220ff]. Включается «эффект Матфея» — у кого выше индекс Хирша, того будут больше цитировать, и индекс Хирша будет еще выше.

¹⁰ Очень ярко это описал М. Соколов: «Репутация считается причастными по едва уловимым сигналам: с какими интонациями произносятся имена коллег за их спиной, в каком порядке расположены их доклады, как долго им хлопают после этих докладов и т. п. К несчастью, все эти сигналы не доходят до аутсайдеров или не считаются ими» [Сафонова, Соколов, 2021: 96].

Однако распространение наукометрии как инструмента оценивания науки породило ряд проблем. Во-первых, она распознает и вознаграждает преимущественно одну форму деятельности ученого — написание статей в журналах. Другие составляющие научной жизни (написание книг, участие в семинарах, рецензирование, редактирование работ коллег, участие в «мозговых штурмах», неформальное научное руководство, административная работа и так далее) не замечаются и не вознаграждаются. Во-вторых, распространение и укрепление наукометрии как фундамента для принятия решений в сфере научной политики (от государства до отдельного университета) идет в русле фундаментального сдвига к количественным метрикам (KPI), которые с 1980-х годов перешли из сферы бизнес-процессов в государственное управление, образование, науку, спорт и даже искусство [Shore, Wright, 2000]. От ученых стали требовать измеримых, поддающихся количественной оценке результатов, а также планирования этих результатов.

С тех пор как наукометрия стала влиятельным средством управления наукой, она прошла отчуждение от практик и представлений ученых, и уже накладывается на науку как *внешний* инструмент, а не внутренний «выразитель» репутации. Существует разрыв между формальным и неформальным, между показателями, которые можно «накрутить» или «нарисовать», и «на самом деле»¹¹.

Безусловно, нельзя утверждать, что такой разрыв присутствует повсеместно, во всех странах и дисциплинах. Тем не менее, по данным недавнего масштабного исследования российских ученых, их многочисленные сообщества (трайбы) формируют собственные критерии качества научных работ и системы оценки персональных качеств отдельных ученых. Сами эти критерии, как правило, стараются не раскрывать — вероятно, потому что видимость и подотчетность, с точки зрения ученых, может разрушить сложившиеся основы их существования. Ученые, судя по их высказываниям, не нуждаются в наукометрии для оценки работ своих коллег (если подразумевать под ней прозрачную и работающую по унифицированным правилам систему оценки научных текстов) — им достаточно своих внутренних эвристик, слабо поддающихся формализации, то есть той самой репутации (подробнее об этом см. [Космарский и др., 2019]).

Проблема эта касается далеко не только ученых. Набирающие все большую популярность и влиятельность внешние рейтинги зачастую принимаются профессиональными сообществами в штыки. Так, рейтинги американских больниц возникли, чтобы простые пациенты могли получить доступ к объективной информации (предоставленной третьей стороной, свободной от корпоративных интересов и предрассудков, обычно это СМИ), особенно в ситуации стресса (когда надо выбирать, куда лечиться на лечение). Однако врачебная корпорация в США оказалась настолько влиятельной, что может позволить себе просто игнорировать рейтинги — как неуклюжие потуги профанов, гонящихся за сенсациями; а пациенты выбирают больницу все равно главным образом по рекомендации знакомых докторов, а не по рейтингам [Dorn, 2019].

¹¹ Конечно, такой разрыв никоим образом не отменяет функциональное сходство наукометрических (или иных рейтинговых) показателей и репутации — как сигналов, позволяющих принимать решения в условиях неопределенности и/или переизбытка информации [Dalen, Henkens, 2005: 212]. Некритически принимать мнения чужих выгодно с точки зрения эволюции, так как экономит время и ресурсы на самостоятельное выяснение миллиона вопросов [Gigerenzer, Hertwig, Pachur, 2011].

Но, несмотря на нарастающие разрывы и конфликты между «внутренними» эвристиками профессионалов (репутацией) и «внешними», публичными и прозрачными метриками, поток вторых уже не остановить — особенно с распространением цифровых инструментов оценки. С 2010-х годов в интернете разворачивается репутационная экономика: на фундаменте миллиардов атомарных выражений чувства или мнения, через лайки, дизлайки и отзывы выстраиваются аналитические инструменты для измерения, представления, структурирования и управления этими чувствами и мнениями — точнее, для превращения их в монетизируемый актив [Hearn, 2010]. Из сугубо виртуальных, даже игровых сфер (вроде Facebook¹², eBay, форумов, многопользовательских онлайн-игр) цифровая репутация перешла в более трудоемкие и близкие к офлайн-реальности среды (например, биржи труда) [Gandini, 2016]. IT-технологии и платформы сделали из репутации как чего-то неуловимого, но доступного и разделяемого всеми членами той или иной формальной или неформальной группы исчисляемую и прозрачную метрику, доступную любому пользователю. Происходит своего рода «цифровизация сарафанного радио» [Dellarocas, 2003].

Получается, что в современных обществах из сложного, непубличного, не слишком прозрачного, текучего и изменчивого знания сообщества репутация постепенно превращается в общедоступную, формализованную, оцифрованную и капитализируемую информацию (подробнее об этом процессе см. [Картавцев, Космарский, 2021]).

Но, как всегда, важны нюансы. Инструменты цифровой репутационной экономики — будь то отзывы и рейтинги на биржах фрилансеров или число лайков и подписчиков в соцсети, — не только невозможны без платформы-посредника, которая определяет правила оценивания и зарабатывает на них [Срничек, 2019], но и игнорируют важную сторону репутации, связанную с сообществом. Иными словами, они упрощают репутацию до простых количественных метрик (число лайков), причины роста которых либо темны (проблема накруток и фейковых аккаунтов и отзывов), либо исключительно индивидуалистичны. То есть на бирже фрилансеров моя репутация есть сумма проставленных мне клиентами оценок.

Сообщество, горизонтальность (vs вертикаль «исполнитель — клиент»), экспертный взгляд коллег (peers) как механизмы репутации здесь отсутствуют. Нам же представляется, что и профессиональные сообщества, часто противостоящие одномомерным прозрачным и упрощающим внешним рейтингам, никуда не делись, и фоновое сложное знание peers друг о друге также не утратило своей значимости при принятии решений в социальном мире. Мы, конечно, тоже предлагаем путь цифровизации и, главное, опрозрачивания профессиональной репутации (делаения неявного явным), но делаем это с другим типом информации, который слабо различают современные квантифицирующие репутационные системы.

Прояснение репутации как координационная игра

Помимо связи с блокчейн-концептом TCR, трактовкой репутации как неявного социального знания, наш проект репутационного рейтинга/картографии профессиональных сообществ является также координационной игрой и механизмом обнаружения точки Шеллинга. Объясним эти понятия.

¹² Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ (20.06.2022).

Координационная игра — это вариант одновременной игры (где решения принимаются участниками до того, как им станут известны решения оппонентов) с множественным равновесием Нэша, в котором игрокам выгодно координировать свои действия, принимая одинаковые решения. Например, два водителя на узкой дороге, догадавшись о намерениях друг друга, сворачивают так, чтобы не столкнуться, в противном же случае происходит авария, от которой страдают обе стороны; не важно, свернут ли они оба направо или оба налево, важна именно координация, совпадение решений.

Точка Шеллинга, или фокальная точка — это решение, которое люди выбирают в условиях отсутствия коммуникации между собой, так как оно представляется им наиболее естественным или адекватным. Ввел это понятие экономист-нобелиат Томас Шеллинг в книге «Стратегия конфликта» [Schelling, 1960]. По его гипотезе, «люди часто координируют свои намерения и ожидания с другими, если каждый знает, что другие пытаются действовать так же... Многие ситуации дают подсказки, позволяющие координировать поведение, фокальные точки для ожиданий каждого человека по поводу того, что другой ожидает от него» [ibid.: 57]. Существование такой точки было доказано Шеллингом и другими специалистами по теории игр в ходе экспериментов: скажем, на вопрос «Где и когда лучше искать место встречи с человеком в Нью-Йорке, если вы потеряли с ним связь?», большинство опрошенных ответили: «В полдень у информационной стойки Центрального вокзала», — это и есть точка Шеллинга. За исключением ответов на самые очевидные вопросы, абсолютное большинство не выбирает одну точку, однако, как выяснил Шеллинг, некоторые варианты стабильно воспринимаются как наиболее вероятные и выбираются относительным большинством участников игры.

Откуда берутся точки Шеллинга и как они формируются, пока до конца не ясно, но эксперименты, в том числе с финансовым вознаграждением за успех, показали, что такие точки находятся людьми с относительно небольшими усилиями [Stahl, Wilson, 1995; Mehta, Starmer, Sugden, 1994; Bacharach, Bernasconi, 1997] — даже при условии ограниченного конфликта интересов между участниками игры. То есть каждый участник игры решает, что другой игрок выберет некое действие («фокальную точку»), и поэтому он также выбирает его [Sugden, 1995].

Как показали эксперименты, с введением финансовых стимулов в игру следует соблюдать осторожность: не столько даже ожидания выигрыша и страх проигрыша, а ожидания того же от других игроков могут исказить «социальный» сигнал точки Шеллинга [Crawford, Gneezy, Rottenstreich, 2008]. Но, что еще более важно для нас, поощрения и реприманды нематериального характера (то, что о человеке думают другие члены группы) значительно усиливают координацию в играх [Subhasish, 2010].

Итак, примем, что точка Шеллинга есть репутация N , члена профессионального сообщества M , выясняемая путем координационной игры на основе голосования (по мысли Шеллинга, опираясь на разделяемые участниками представления). Однако подчеркнем: хотя мы используем инструментарий и некоторые экспериментальные выводы, полученные в рамках теории игр (например, важность для повышения качества координации множественных раундов игры, доступа к информации о решении других игроков, коммуникации перед игрой и т. д.

[Duffy, Feltovich, 2006; Devetag, Ortmann, 2007]), мы действуем в рамках социологического интереса — для нас важны не универсальные закономерности игр или поведения участников, а то, насколько игры позволяют прояснить и моделировать репутацию как механизм, институт и способ картографии социального мира. Нам важно подчеркнуть неслучайную связь нашего проекта и линий рассуждения с Томасом Шеллингом как влиятельным аутсайдером теории игр: «То, как Шеллинг видел теорию игр, полностью противоречило стандартным представлениям о ней, в рамках которых теория игр считалась — и до сих пор считается — „математическим инструментарием экономики“. Он попытался заземлить теорию игр в реальном мире, подчеркивая важность социальных событий, институтов, конвенций и т. д. в стратегических взаимодействиях — чтобы исследовать, как игроки играют в игры» [Larrouy, 2013: 1].

Резюмируя изложенные соображения: репутация в нашем понимании есть не совокупность субъективных мнений отдельных членов сообщества (Иванова, Петрова и Сидоровой) о другом члене сообщества (Васильеве), а то, как каждый из них представляет неявное общее знание об этом члене сообщества (Васильеве). Репутация есть неявное знание сообщества, предмет договоренности между членами группы, а координационная игра — способ моделировать, проявить это знание и одновременно разыграть (enact) эту договоренность. Участнику такой игры, если он заинтересован выиграть, а не проиграть (независимо от мотивации к выигрышу — это может быть и чистый азарт, и желание оказаться в группе тех, кто лучше всего чувствует общее мнение сообщества), выгодно заявить не свое личное мнение о Васильеве, а то, что, по его мнению, думают о Васильеве все остальные. Таким образом, серия раундов такой игры позволяет исследователям «вытащить», в увлекательной форме и не спрашивая прямо, инсайдерское знание о репутациях членов профессиональных сообществ.

Дизайн и процедура координационных игр по оценке репутации

Перейдем теперь к дизайну и процедурам экспериментальных инструментов оценки репутаций внутри профессиональных сообществ.

I. Вопросы, на которые необходимо ответить до начала игр.

1а. Каковы границы сообщества и по каким принципам отбираются участники игры? Эти вопросы далеко нетривиальны, так как мы имеем дело с достаточно фрагментированными сообществами, члены которых нередко имеют конфликтующие представления о том, кого считать «своими». Возможны следующие решения:

а) воспользоваться формальными критериями — например, если речь идет о молекулярных биологах России, то членами этой группы можно считать всех, чьи публикации по направлению «молекулярная биология» индексируются в РИНЦ;

б) по методу снежного кома — обратившись к нескольким безусловно авторитетным в сообществе персонам, желательна из разных лагерей/стилей, и дальше опрашивать рекомендуемых ими, и далее по цепочке, пока имена не начнут повторяться.

1б. Составление списка объектов игры — тех, чью репутацию предполагается выяснять/объективировать. Решение этого вопроса тесно связано с 1а. Важно, чтобы в список попадали фамилии, знакомые всем участникам игры, то есть зна-

чимые для сообщества в целом¹³. Организатор игры может как ориентироваться на собственные представления, так и (что предпочтительнее) составлять списки путем предварительного опроса или серии интервью (фокус-групп). Вопросы могут звучать, например, так: «Из ныне здравствующих коллег чьи новые статьи Вы бы хотели прочитать в первую очередь?» или «Кого из ныне здравствующих российских прозаиков Вы бы номинировали на Нобелевскую премию по литературе?»

Наконец, возможен — и был бы оптимальным — вариант, когда множество игроков совпадает с множеством оценивающих, то есть все члены сообщества оценивают друг друга. Проблему в таком случае, помимо технических сложностей с организацией такого голосования и повсеместного участия в нем, представляет репутационное неравенство: репутация более известных членов сообщества известна остальным, а менее известных — нет (то есть при оценке последних варианты будут выбираться наугад).

Is. Какие вопросы задавать участникам игры? Это ключевая проблема — превращение сложного, меняющегося и, главное, многомерного «облака мнений» в нечто измеримое и шкалируемое. Здесь необходима серьезная подготовительная работа для прояснения, как репутацию понимает конкретное профессиональное сообщество (какова система координат его социального пространства)¹⁴. Вероятно, при этом неизбежны упрощения (в смысле отбора нескольких значимых компонентов из высказываний типа «N — ученый мирового уровня, при этом фатально срывает дедлайны, но умеет найти яркие идеи, а еще домогается своих аспиранток»). Например, для ученых вопросы для координационной игры могут звучать так: «Каков уровень N как ученого?» (вообще не ученый / слабый ученый / средний ученый / крупный ученый / выдающийся ученый) и «Соответствует ли поведение N нормам профессиональной этики?» (да / нет / затрудняюсь ответить). Для художников «N — это живой классик / талант / крепкий профессионал / середнячок / мазила / халтурщик / ничтожество». Подчеркнем, что это лишь гипотетические примеры. В рамках каждой игры и каждого профессионального сообщества точные формулировки, при оптимальном развитии событий, подбираются методом проб и ошибок, в диалоге с членами сообщества.

II. Базовый формат проведения координационной игры — очно или онлайн.

IIa. Онлайн-формат: игра проходит в интернете, в идеале — на специализированной платформе, гарантирующей защиту данных, правильную аутентификацию и конфиденциальность (здесь потенциально могут пригодиться блокчейн-технологии). Окно времени, пока принимаются голоса, относительно большое (несколько дней, месяц, год). Затем оглашаются и анализируются результаты и, в случае денежной составляющей, распределяется выигрыш.

Онлайн-решение больше подходит для больших сообществ (или игр по принципу «все оценивают всех»), где начинают действовать законы больших чисел

¹³ Можно предположить, что к сообществу или полю принадлежат те, у кого есть ставка/интерес к этому полю (в терминологии П. Бурдьё [Бурдьё, 1994: 134]). То есть, если список имен, относительно которых предлагается голосовать, оценивать их, вызывает искренний интерес у человека (он знает эти имена и ему небезразлична их репутация), то он принадлежит к данному сообществу.

¹⁴ На важность такой работы обратил внимание Д. Готье. В теории игр на то, как люди представляют себе варианты решений, обычно не обращают внимания и используют формулировки теоретиков; однако философ показал, что для понимания фокальных точек необходимо учитывать, как игроки понимают предложенные им варианты [Gauthier, 1975].

и играющие ничего не знают о решениях друг друга. Его недостаток — нарушение принципа «один человек — один голос» (кто-то голосует от лица нескольких людей), формирование клик: большинство членов сообщества инертно, не голосует вообще или голосует по принципу случайного выбора, coin flipping, и небольшие мотивированные картели способны обратить любое голосование в свою пользу.

IIb. Очный формат (возможно, дистанционно, по Skype или Zoom). Собирается небольшая группа игроков (до 20—30 человек). Ведущий составляет список оцениваемых (тоже от 2—5 до 10—30). В начале каждого раунда он называет фамилию и предлагает вопрос(ы) по ней. Участники пишут на карточках свои решения и передают ведущему, не показывая другим игрокам (или пишут в личный чат). Ведущий проводит подсчеты и оглашает результаты раунда (или нескольких раундов). Можно сразу оглашать имена победителей каждого раунда (такая форма обратной связи, как показали эксперименты, способна усиливать степень координации [Duffy, Feltovich, 2006; Devetag, 2005]), можно не оглашать.

Преимущество очной формы координационной игры по оценке репутации, во-первых, связано с тем, что это просто яркая «настольная» азартная игра, и, во-вторых, она дает новую информацию благодаря возможности обсуждать и обдумывать результаты с представителями сообщества прямо по ходу игры. Например, можно обсуждать итоги каждого раунда, почему разные играющие согласны или не согласны с ними; или ввести фигуры двух дискуссионщиков по каждому из оцениваемых, которые вслух говорят, почему они ставят тот или иной балл. Недостаток — игра неизбежно охватит только небольшую часть сообщества (в таком формате элемент игры ярче, а элемент опроса — слабее).

III. Модификации протокола игры.

Минимальный список:

IIIa. Контрольный вариант — обычный опрос, не координационная игра: спрашивать каждого участника о том, что думает лично он, без введения правил по координации, решение большинства и т. п. Нужен в тех случаях, когда важно сравнить эффект введения координационной игры.

IIIb. Игры с моральным (символическим) вознаграждением — победитель получает возможность ощутить (и представить другим) свою «крутизну» — его мнения совпали с мнениями сообщества, он лучше прочих понимает репутацию и разделяет знание/ценности сообщества. Это можно публично выразить в виде значков, медалей и т. п.

IIIc. Игры с материальным вознаграждением (деньги или токены, обмениваемые на что-то ценное). Здесь азарт усиливается еще и за счет желания выиграть (или, если сами игроки ставят что-то на кон, страхом проиграть). Минус такой модификации координационной игры уже был описан выше — велик соблазн использовать разные хитрости (вроде картельного сговора) для выигрыша, «социальный» сигнал точки Шеллинга искажается.

Результаты пилотных испытаний

Описанный способ прояснения профессиональных репутаций (на основе токенизированных реестров, понимания репутации как неявного социального знания и координационных игр) мы испытали в нескольких экспериментах. К сожалению,

финансовых, технических и организационных возможностей было недостаточно для полноценной реализации модели (особенно в том, что касается элементов токенизации, вознаграждения и игры). Однако мы, по крайней мере, попытались оценить, как представители двух научных сообществ (русскоязычные астрономы и социологи) реагируют на такого рода вопросы о репутации друг друга, не встретит ли наша модель полное отвержение, а также насколько достоверные результаты могут быть получены с помощью ее применения.

В январе — марте 2022 г. проводился онлайн-опрос, чтобы выявить наиболее известных и авторитетных астрономов (вопросы «Укажите, пожалуйста, ФИО наиболее авторитетных, с Вашей точки зрения, ныне здравствующих русскоязычных (работающих в России или за рубежом) астрономов. Не более 10 имен, в любой последовательности» и «Укажите, пожалуйста, ФИО ныне здравствующих русскоязычных (работающих в России или за рубежом) астрономов, научные статьи которых Вы бы прочитали в первую очередь. Не более 10 имен, в любой последовательности»)¹⁵.

На втором этапе эксперимента был задействован портал Brom.top, где было технически реализовано голосование с применением принципов TCR, системы смарт-контрактов и токенов (чтобы обеспечить одновременно анонимность голосования и возможность учета голосов). Вопросы для второго этапа голосования были размещены 25 февраля 2022 г. на странице: https://brom.top/batch_vote/AA100000013421829128. В целях замера профессиональных репутаций из имен, названных на первом этапе, было отобрано пять ученых (Д. Вибе, А. Моисеев, С. Попов, А. Черепашук, И. Чилингарян). Относительно каждого задавалось два вопроса, один ранжированный («Какая формулировка наиболее точно описывает N? Выдающийся ученый / сильный ученый / средний ученый / слабый ученый / вообще не ученый»), один дихотомический («Согласны ли Вы с тем, что деятельность N является образцовой с точки зрения профессиональной этики? Да/Нет»).

Важно отметить довольно большой процент отказов от участия в данном голосовании. Формулировки отказов выглядели следующим образом:

Я же не соавтор им. Я могу ответить, «симпатизирую / не симпатизирую» про каждого, но про их профессиональную этику откуда я знаю?

Я отказываюсь это заполнять, это неэтично — так обсуждать коллег.

Некоторые отказы были мотивированы текущими политическими событиями:

¹⁵ Информация об опросе распространялась по следующим каналам: телеграм-чат ГАИШ МГУ (более 100 подписчиков); официальное письмо, направленное всем сотрудникам Государственного астрономического института имени П. К. Штернберга Московского государственного университета; официальное письмо, направленное всем сотрудникам Специальной астрофизической обсерватории Российской академии наук; 50 ученым-астрономам напрямую (работают в Московском государственном университете, Специальной астрофизической обсерватории, Санкт-Петербургском государственном университете, Институте астрономии российской академии наук, Институте космических исследований Российской академии наук, Астрокосмическом центре физического института Российской академии наук, Гарвард-Смитсоновском астрофизическом центре (США), Обсерватории Париж — Медон (Франция)). По нашим расчетам, итоговый охват составил более 1000 представителей сообщества русскоязычных астрономов, в настоящий момент или ранее аффилированных с российскими научными организациями. Всего получено 18 ответов. Авторы благодарят Н. Подорванюка за помощь в организации опроса.

У нас научное сообщество неделю назад будет кардинально отличаться от того, что будет через пару месяцев. Фундаментальной науки в РФ больше не будет. Или на военных работать, или эвакуироваться. Ну окей, астрономии точно. Генетику и медицину попробуют оставить.

Полученные результаты, на наш взгляд, указывают на низкую поляризацию мнений среди ученых-астрономов (по крайней мере, относительно представленных в опросе персоналий). Два низших пункта шкалы «научного уровня» не выбрал никто, а распределение голосов по пунктам «выдающийся / сильный / средний ученый» почти совпало по всем персоналиям (2—3—10—2—5), и только И. Чилингарян немного вырвался вперед (7—10—1). Что касается вопроса о профессиональной этике, то в целом коллеги считают представленных в опросе ученых довольно этичными, хотя ни один из них не получил 100% голосов: четверо участников получили на этот вопрос 17 утвердительных ответов из 18, один — 14 ответов. Или результаты этого эксперимента показывают относительно низкий уровень поляризации мнений относительно репутации коллег среди астрономов, или же участники голосования поведенчески тяготеют к «дипломатичным» ответам, к положительной оценке коллег. Если верно второе, то и в других «замерах» репутации в рамках нашей модели можно ожидать тяготение к средним величинам и избегание крайних мнений.

Второй эксперимент был проведен в марте — апреле 2023 г. среди русскоязычных социологов, сейчас или ранее аффилированных с российскими организациями. Список имен для оценивания был составлен заранее, в ходе консультаций с экспертами. Мы старались включить в список представителей различных направлений и «полюсов» современной отечественной социологии, особое внимание уделяя публично известным и противоречивым фигурам¹⁶. Участникам опроса предложили высказать свое мнение о следующих авторах: С. Ю. Барсукова, В. С. Вахштайн¹⁷, В. И. Добреньков, И. В. Задорин, Е. А. Михайлова, Е. Л. Омельченко, Д. М. Рогозин, М. М. Соколов, Ж. Т. Тощенко, А. Ф. Филиппов. Ссылка на оформленный опросник распространялась через рассылку журнала «Мониторинг общественного мнения» (ок. 1000 подписчиков) и в Telegram-чате ассоциации «Социальные исследователи без границ» (136 членов)¹⁸.

По результатам эксперимента можно отметить следующее. Репутация, как и в случае с астрономами, выступает «триггерной» темой — далеко не все готовы эксплицитно высказать свои представления о коллегах (было заполнено всего 16 из 5 анкет, соответственно). Высказывалась и такая точка зрения: «Я не вижу, чтобы у нас было реальное сообщество, а потому какие представления сложились о ре-

¹⁶ После небольшого «паспортного» блока (возраст, образование, сфера, связанная с социологическими исследованиями, где работает респондент — наука, образование, полстеры, маркетинг), шли основные два вопроса анкеты: «Как, по Вашему мнению, профессиональное сообщество оценивает научный уровень следующих социологов, по шкале от 5 (выдающийся ученый) до 1 (вообще не ученый)?» и «Как Вам кажется, с точки зрения профессионального сообщества, являются ли научные тексты указанных ниже ученых этичными и адекватными профессиональным ценностям социологии?». Формулировки были изменены по сравнению с первым экспериментом, чтобы подчеркнуть важность выяснения не личного мнения респондентов, но их представлений о мнении сообщества.

¹⁷ Внесен в реестр иностранных агентов.

¹⁸ Авторы благодарят А. В. Кулешову за помощь в организации опроса.

путации разных персон, ответить не смогу, к сожалению». Однако среди ответивших высказанные мнения оказались четко артикулированными и поляризованными; промежуточно-дипломатичные баллы 4 и 3 использовались значительно реже, чем максимально положительные или резко негативные. Наконец, еще раз подчеркнем, что техническая невозможность включить в эти эксперименты такие элементы предлагаемой модели, как токенизация, вознаграждение и игра, заставляет говорить о них как лишь о предварительных подходах к будущим играм.

Перспективы и ограничения предлагаемого метода

Разработанное нами решение (координационная игра) в применении к исследованию таких сущностей, как репутации внутри профессиональных сообществ, может показаться не совсем обычным. Однако с его помощью преодолевается указанное выше противоречие между поиском истины и участием в соревновательной игре — между прояснением уникальной информации, хранящейся внутри индивида, и решением, принятым ради выигрыша. То самое «истинное знание о репутации», к которому мы стремимся, и представляет собой не индивидуальное субъективное мнение об объекте исследования, а представление о коллективном мнении сообщества о данном объекте; и координационная игра как раз дает решение для прояснения истин такого типа (в отличие от истин типа «за кого бы Вы проголосовали, если бы выборы президента состоялись в следующие выходные?»). Иными словами, мы принимаем, что то, что думает сообщество, равно тому, что N думает о том, что думают остальные в координационной игре. Репутация — это то, что, насколько возможно, снимает разрыв между индивидуальной позицией и мнением «всех». Подобным образом снимается противоречие между мотивацией сказать правду и мотивацией получить сиюминутный выигрыш. Хотя здесь, безусловны, важны процедурные элементы — определение объема выигрышей, фильтры на допуск к голосованию и т. п. Наконец, третье ключевое противоречие TCR — между объективным и субъективным — снимается не столько предлагаемым нами механизмом, сколько включением классической дюркгеймианской оптики, в рамках которой агломерация субъективных мнений по определенным правилам открывает объективность.

Участники координационной игры взаимодействуют не с внешним наблюдателем, а друг с другом — тем самым уменьшаются негативные эффекты от вторжения внешней/чужой сообществу метрики (эффекты, крайне сильные в большинстве современных рейтинговых систем). И даже больше — такая практика создает возможность для саморефлексии и самоконституирования сообщества. Люди, играя, подтверждают свою принадлежность к нему и радуются ей. Это одна из причин, почему предлагаемый нами метод объективации профессиональных репутаций лучше традиционных опросов (где участники взаимодействуют только напрямую с опрашиваемым).

Тем не менее нельзя не отметить достаточно сильные установки, снижающие мотивацию участвовать в предлагаемых нами координационных играх — установки, с которыми мы столкнулись уже в ходе пилотных обсуждений проекта. Речь идет прежде всего о неэтичности оценивания коллег (членов одного сообщества), страхе, отторжении — комплексе чувств, из-за которых взаимное оцени-

вание воспринимается как неприятное и нежелательное. Опасения также вызывает сам замысел экспликации и прояснения профессиональных репутаций как «тайного знания», о котором внешним наблюдателям лучше не знать. То есть повышение прозрачности и получение обществом надежной информации о закрытых профессиональных сообществах — что и составляет ценность нашего проекта, — членами этих сообществ воспринимается если не как угроза, то как нечто бесполезное для них лично.

Мы ни в коем случае не утверждаем, что наш инструмент лучше существующих методов социологии и смежных наук, но он может выступить интересным дополнением, мотивируя к участию тех респондентов, для которых игра, азарт, интерес победить — действенные стимулы. Помимо азарта, таким стимулом выступает, если мы говорим о профессиональных сообществах, также нежелание оказаться в числе тех, кого оценивают без права оценивать самому.

Список литературы (References)

Бурдьё П. Социология веры и верования социологов // Начала. М.: Socio-Logos. 1994. С. 133—140.

Bourdieu P. (1994) Sociologues de la croyance et croyance de sociologies. In: *Nachala*. Moscow: Socio-Logos. P. 133—140. (In Russ.)

Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22—87. Bourdieu P. (2000) Le champ litteraire. *New Literary Review*. No. 45. P. 22—87. (In Russ.)

Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-Французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

Bourdieu P. (2001) Les usages sociaux de la science. Pour une sociologie clinique du champ scientifique. In: *Pierre Bourdieu's Socioanalysis. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Бычкова О., Космарский А. Блокчейн как res publica: к политической генеалогии распределенного реестра // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 4. С. 175—200. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-175-200>.

Bychkova O., Kosmarski A. (2021) Blockchain as Res Publica: Towards a Political Genealogy of a Distributed Ledger. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 5. No. 4. P. 175—200. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-175-200>. (In Russ.)

Камшилова О. Н., Чернявская В. Е. Академическая репутация: дискурсивный анализ современной российской практики // Terra Linguistica. 2020. Т. 11. № 1. С. 69—80. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11105>.

Kumshilova O. N., Cherniavskaya V. E. (2020) An Academic Reputation: A Discursive Analysis of a Contemporary Russian Practice. *Terra Linguistica*. Vol. 11. No. 1. P. 69—80. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11105>. (In Russ.)

Картавцев В., Космарский А. Общество взаимного оценивания: как устроены и что скрывают современные системы рейтингования // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 7 (12). С. 5—15.

Kartavtsev V., Kosmarski A. (2021) The Peer-Assessment Society: How Modern Rating Systems Work and What They Hide. *SocioDigger*. Vol. 2. No. 7. P. 5—15. (In Russ.)

Космарский А. А., Картавцев В. В., Подорванюк Н. Ю., Бодэ М. М. Трейбы и транспарентность: перспективы цифровых механизмов самоорганизации в российской науке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 65—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05>.
Kosmarski A. A., Kartavtsev V. V., Podorvanyuk N. Yu., Bode M. M. (2019) Tribes and Transparency: Prospects for Digital Governance in Russian Science. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 65—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05>. (In Russ.)

Сафонова М., Соколов М. Структура российской социологии // Социологические исследования. 2021. Т. 11. № 11. С. 91—105. <https://doi.org/10.31857/S013216250015488-9>.

Safonova M., Sokolov M. (2021) The Structure of Russian Sociology. *Sociological Studies*. Vol. 11. No. 1. P. 91—105. <https://doi.org/10.31857/S013216250015488-9>. (In Russ.)

Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Srnicek N. (2019) Platform Capitalism. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Шовен П.-М. Социология репутаций. Одно определение и пять вопросов // Отечественные записки. 2014. № 1. С. 85—99.

Chauvin P.-M. (2014). La sociologie des reputations. Une définition et cinq questions. *Annals of the Fatherland*. No. 1. P. 85—99. (In Russ.)

Bacharach M., Bernasconi M. (1997) The Variable Frame Theory of Focal Points an Experimental Study. *Games and Economic Behavior*. Vol. 19. No. 1. P. 1—45. <https://doi.org/10.1006/game.1997.0546>.

Bourdieu P. (1975) The Specificity of the Scientific Field and the Social Conditions of the Progress of Reason. *Information (International Social Science Council)*. Vol. 14. No. 6. P. 19—47.

Bourdieu P. (1992) Les règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. Paris: Seuil.

Crawford V. P., Gneezy U., Rottenstreich Y. (2008) The Power of Focal Points Is Limited: Even Minute Payoff Asymmetry May Yield Large Coordination Failures. *The American Economic Review*. Vol. 98. No. 4. P. 1443—1458. <http://dx.doi.org/10.1257/aer.98.4.1443>.

Dalen H. P., Henkens K. (2005) Signals in Science — On the Importance of Signaling in Gaining Attention in Science. *Scientometrics*. No. 64. P. 209—233. <https://doi.org/10.1007/s11192-005-0248-5>.

Dellarocas C. (2003) The Digitization of Word of Mouth: Promise and Challenges of Online Feedback Mechanisms. *Management Science*. No. 49. P. 1407—1424. <https://doi.org/10.1287/mnsc.49.10.1407.17308>.

Devetag G. (2005) Precedent Transfer in Coordination Games: An Experiment. *Economics Letters*. Vol. 89. No. 2. P. 227—232. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2005.05.038>.

Devetag G., Ortmann A. (2007) When and Why? A Critical Survey on Coordination Failure in the Laboratory. *Experimental Economics*. Vol. 10. P. 331—344. <https://doi.org/10.1007/s10683-007-9178-9>.

Dorn C. (2019) When Reactivity Fails: The Limited Effects of Hospital Rankings. *Social Science Information*. Vol. 58. No. 2. P. 327—353. <https://doi.org/10.1177/0539018419848994>.

Duffy J., Feltovich N. (2006) Words, Deeds, and Lies: Strategic Behaviour in Games with Multiple Signals. *The Review of Economic Studies*. Vol. 73. No. 3. P. 669—688. <https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2006.00391.x>.

Gandini A. (2016) *The Reputation Economy: Understanding Knowledge Work in Digital Society*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-56107-7>.

Gauthier D. (1975). Coordination. *Dialogue*. Vol. 14. No. 2. P. 195—221. <https://doi.org/10.1017/S0012217300043365>.

Gigerenzer G., Hertwig R, Pachur T. (eds.) (2011) *Heuristics: The Foundations of Adaptive Behavior*. New York, NY: Oxford University Press.

Hearn A. (2010) Structuring Feeling: Web 2.0, Online Ranking and Rating, and the Digital 'Reputation' Economy. *Ephemera*. Vol. 10. No. 3/4. P. 421—438.

Kosmarski A., Gordiychuk N. (2020) Token-curated registry in a scholarly journal: Can blockchain support journal communities? *Learned Publishing*. Vol. 33. No. 3. P. 333—339. <https://doi.org/10.1002/leap.1302>.

Larrouy L. (2013) Bacharach's 'Variable Frame Theory': A Legacy from Schelling's Issue in the Refinement Program? GREDEG Working Papers 2013—11, Groupe de Recherche en Droit, Economie, Gestion (GREDEG CNRS), Université Côte d'Azur, France.

Mehta J., Starmer C., Sugden R. (1994) The Nature of Saliency: An Experimental Investigation of Pure Coordination Games. *The American Economic Review*. Vol. 84. No. 3. P. 658—673.

Origgi G. (2017) *Reputation: What It Is and Why It Matters*. Translated by Stephen Holmes, Noga Arikha. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77bzk>.

Schelling, Th.C. (1960) *The Strategy of Conflict*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Shore Ch., Wright S. (2000) Coercive Accountability. In: Strathern M. (ed.) *Audit Cultures*. London: Routledge. P. 57—89.

Stahl D. O., Wilson P. W. (1995) On Players' Models of Other Players: Theory and Experimental Evidence. *Games and Economic Behavior*. Vol. 10. No. 1. P. 218—254. <https://doi:10.1006/game.1995.1031>.

Subhasish D. (2010) Nonmonetary Sanctions and Rewards in an Experimental Coordination Game. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 73. No. 3. P. 377—386. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2009.11.003>.

Sugden R. (1995) A Theory of Focal Points. *Economic Journal*. No. 105. P. 533—550.

Whitley R. (1984) *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. Oxford: Oxford University Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2122](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2122)

**С. П. Моисеев, Т. Е. Щеглова, Д. В. Мальцева, А. Жнидаршич,
А. Баггиа, Б. Вербер, В. Беванда**

МИФЫ И УБЕЖДЕНИЯ О МЕДИЦИНСКИХ МИКРОЧИПАХ- ИМПЛАНТАХ В РОССИИ, УКРАИНЕ И СЛОВЕНИИ

Правильная ссылка на статью:

Моисеев С. П., Щеглова Т. Е., Мальцева Д. В., Жнидаршич А., Баггиа А., Вербер Б., Беванда В. Мифы и убеждения о медицинских микрочипах-имплантах в России, Украине и Словении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 78—103. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2122>.

For citation:

Moiseev S. P., Shcheglova T. Y., Maltseva D. V., Žnidaršič A., Baggia A., Werber B., Bevanda V. (2023) Myths and Beliefs about Microchip-Implants in Russia, Ukraine and Slovenia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 78–103. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2122>. (In Russ.)

Получено: 25.11.2022. Принято к публикации: 23.05.2023.

МИФЫ И УБЕЖДЕНИЯ О МЕДИЦИНСКИХ МИКРОЧИПАХ-ИМПЛАНТАХ В РОССИИ, УКРАИНЕ И СЛОВЕНИИ

МОИСЕЕВ Станислав Павлович — кандидат социологических наук, аналитик Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; руководитель направления «Исследования и консалтинг», ООО «Авентика», Москва, Россия
E-MAIL: smoiseev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2082-4547>

ЩЕГЛОВА Тамара Евгеньевна — младший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: teshcheglova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6930-2013>

МАЛЬЦЕВА Дарья Васильевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник и заведующая Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dmaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1789-1711>

ЖНИДАРШИЧ Аня — PhD, доцент факультета организационных наук, Мариборский университет, Крань, Словения
E-MAIL: anja.znidarsic@um.si
<https://orcid.org/0000-0003-0084-3182>

MYTHS AND BELIEFS ABOUT MICROCHIP-IMPLANTS IN RUSSIA, UKRAINE AND SLOVENIA

Stanislav P. MOISEEV^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Analyst at the International Laboratory for Applied Network Research, HSE University; Head of Research and Consulting
E-MAIL: smoiseev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2082-4547>

Tamara Ye. SHCHEGLOVA¹ — Junior Research Fellow at the International Laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: teshcheglova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6930-2013>

Daria V. MALTSEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow and Deputy Head at the International Laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: dmaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1789-1711>

Anja ŽNIDARŠIČ³ — PhD, Associate Professor at the Faculty of Organizational Sciences
E-MAIL: anja.znidarsic@um.si
<https://orcid.org/0000-0003-0084-3182>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Aventica LLC, Moscow, Russia

³ University of Maribor, Kranj, Slovenia

БАГГИА Аленка — PhD, доцент факультета организационных наук, Мариборский университет, Крањ, Словения
E-MAIL: alenka.baggia@um.si
<https://orcid.org/0000-0002-7137-6502>

ВЕРБЕР Борут — PhD, доцент факультета организационных наук, Мариборский университет, Крањ, Словения
E-MAIL: borut.werber@um.si
<https://orcid.org/0000-0002-5185-5717>

БЕВАНДА Ваня — PhD, профессор Факультета экономики и туризма им. доктора Мийо Мирковича, Университет Пулы им. Юрая Добрилы, Пула, Хорватия
E-MAIL: vanja.bevanda@unipu.hr
<https://orcid.org/0000-0002-3828-1931>

Alenka BAGGIA³ — PhD, Associate Professor at the Faculty of Organizational Sciences
E-MAIL: alenka.baggia@um.si
<https://orcid.org/0000-0002-7137-6502>

Borut WERBER³ — PhD, Associate Professor at the Faculty of Organizational Sciences
E-MAIL: borut.werber@um.si
<https://orcid.org/0000-0002-5185-5717>

Vanja BEVANDA⁴ — PhD, Professor at the Faculty of Economics and Tourism named by Dr. Mijo Mirković
E-MAIL: vanja.bevanda@unipu.hr
<https://orcid.org/0000-0002-3828-1931>

³ University of Maribor, Kranj, Slovenia

⁴ Juraj Dobrila University of Pula, Pula, Croatia

Аннотация. В статье представлены основные результаты международного исследовательского проекта по изучению отношения населения к новым электронным устройствам — пассивным микрочипам RFID (Radio Frequency IDentification, радиочастотная идентификация), имплантируемым в тело человека с различными практическими целями. В рамках исследования изучались уровень информированности о RFID-микрочипах, представления об их потенциальной пользе и связанных с ними угрозах, а также основные мифы, связанные с их внедрением, в том числе в контексте пандемии COVID-19. Данные собирались посредством массовых опросов населения по квотной выборке в трех странах Европейского Союза (Словении, Польше, Хорватии), России и Украине. В тексте данной статьи приводится сравнение представлений о RFID-микрочипах жителей трех стран — России, Украины и Словении. Показано, что уровень осведомленно-

Abstract. The article presents the main results of an international research project on studying the attitudes of the population to new electronic devices — passive RFID microchips (Radio Frequency IDentification, radio frequency identification) implanted into the human body to implement certain functionality. The study examined the level of awareness of RFID microchips, ideas about their potential benefits and associated threats, and the main myths associated with their implementation, including in the context of the COVID-19 pandemic. Data was collected through mass population surveys on a quota sample in three EU countries, Russia and Ukraine. The text compares representations of RFID microchips of residents of three countries — Russia, Ukraine, and Slovenia. It is shown that the awareness of RFID technology is relatively low in all countries, even though in Slovenia, a share of the population who knows about the technology is larger than in Russia and Ukraine. Microchip

сти о технологии RFID достаточно низкий во всех странах, однако в Словении о технологии знает большая доля населения, нежели в России и Украине. Микрочипы-импланты достаточно часто ассоциируются с инструментами слежки и контроля. Жители всех трех стран считают, что отслеживание перемещений по цифровым следам — наименее привлекательный вариант использования микрочипов-имплантов в контексте пандемии, в то время как идентификация вакцинированных, выздоровевших и заболевших оценивается позитивно.

Ключевые слова: медицинский микрочип, микрочип-имплант, RFID-микрочип, COVID-19, массовый опрос населения, сравнительное исследование, межстрановое исследование

Благодарность. Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Выражаем огромную благодарность нашим коллегам из компании «Aventica» Кириллу Непомнящему и Лауре Бедрединой за помощь в сборе и подготовке данных в России.

Введение

Медицинский микрочип, или микрочип-имплант — любое электронное устройство, которое имплантируют под кожу человека или животного. Как правило, это RFID-микрочип¹, напоминающий тонкий цилиндр и представляющий собой микросхему, запаянную в не содержащее свинец боросиликатное стекло либо био-

implants are strongly associated with tracking and control tools. Residents of all three countries believe that tracking digital traces is the least attractive option for using implant microchips in the context of the pandemic, while the identification of vaccinated, recovered, and sick people is assessed positively.

Keywords: medical microchip, microchip implant, RFID microchip, COVID-19, population mass survey, comparative study, cross-country study

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program. We express our deep gratitude to our colleagues from “Aventica” Kirill Nepomnyashchii and Laura Bedredinova for the help with data collection in Russia.

¹ Прототип современной технологии радиолокационного распознавания (от англ. Radio Frequency Identification, или RFID) появился в 1930-х годах и впервые был применен во время Второй мировой войны: его использовали, чтобы идентифицировать дружественные объекты в небе [Bhuptani, Moradpour, 2005]. Принцип работы современных RFID-систем достаточно прост и заключается во взаимодействии между RFID-меткой, состоящей из хранящего определенную информацию чипа, и считывателем, отвечающим за ее распознавание. Подобные технологии активно применяются для автоматизации процессов в транспортной сфере, магазинах, складских помещениях, пропускных системах.

логически нейтральное стекло на основе натриевой извести. У таких микрочипов нет встроенного источника энергии, и они питаются от внешнего электромагнитного поля. То есть они инертны до тех пор, пока не поднести к ним считывающее устройство — источник электромагнитного поля. Типичное место для установки чипа — мягкие ткани между указательным и большим пальцами. Микрочипы могут выступать в роли медицинской карты, ключа доступа и безопасности, измеряющего жизненные показатели устройства и др.²

Примеры использования микрочипов-имплантов давно вышли за пределы научно-фантастических фильмов. В августе 2017 г. 50 работников компании Three Square Market из США добровольно вживили микрочипы себе под кожу и использовали их как ключ-доступ в офис, к операционной системе компьютеров и пр. По словам президента компании, это повысило безопасность внутренней сети³. В Швеции добровольная чипизация населения началась с 2018 г. Микрочипы-импланты там используют для оплаты покупок, как пропуск или проездной. По некоторым оценкам, на 2020 г. более 1000 шведов уже вживили себе микрочипы-импланты⁴. Технооптимисты в России тоже подхватили тренд: вживляют себе чипы и используют их для оплаты проезда, в магазинах и как ключ-доступ⁵. В интернете даже можно найти подробную инструкцию, как самостоятельно вживить микрочип⁶.

В последнее время в российских СМИ появляются новости о законопроектах по вживлению микрочипов в мозг человека для управления техническими устройствами⁷. Особую популярность вопрос чипизации приобрел во время пандемии COVID-19. Зарубежные исследования общественного мнения о вакцинации от коронавируса, основанные на данных из Twitter, фиксируют связанные с микрочипами конспирологические теории, согласно которым пандемия является прикрытием плана Билла Гейтса по имплантации произведенных Microsoft отслеживаемых микрочипов [Evanega et al., 2020; Hu et al., 2021]. В России популярность запроса «чипирование» в Google в апреле — мае 2020 г. выросла в 5 раз. В мире и ранее уже обсуждалась возможность массового чипирования населения, однако в апреле — июле 2020 г. интерес к теме возрос в 2-3 раза (см. рис. 1).

² Приставка Е. Все данные в цилиндрике под кожей: как люди вживляют себе чипы и для чего они нужны // Хайтек. 2021. 18 августа. URL: <https://hightech.fm/2021/08/18/chip-human> (дата обращения: 01.06.2023).

³ Weiss H. Why You're Probably Getting a Microchip Implant Someday // The Atlantic. 2018. September 21. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/09/how-i-learned-to-stop-worrying-and-love-the-microchip/570946/> (дата обращения: 01.06.2023).

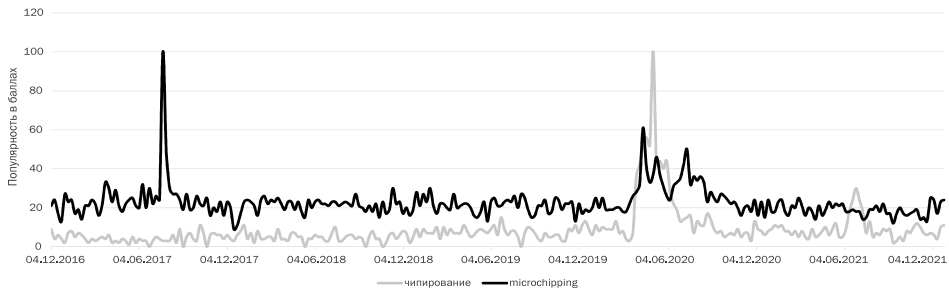
⁴ Chadwick L., Wasserman R. Will Microchip Implants Be the Next Big Thing in Europe? // Euronews.next. 2021. June 1. URL: <https://www.euronews.com/next/2020/05/12/will-microchip-implants-be-the-next-big-thing-in-europe> (дата обращения: 01.06.2023).

⁵ Гулиева Э. «Я открываю двери, захожу в метро и расплачиваюсь в кафе вшитым под кожу NFC-чипом» // VC.ru. 2019. 5 июня. URL: <https://vc.ru/future/70218-ya-otkryvayu-dveri-zahozhu-v-metro-i-rasplachivayus-v-kafe-vshitym-pod-kozhu-nfc-chipom> (дата обращения: 01.06.2023).

⁶ Bluewolf. Как я имплантировал RFID себе в руку, а потом еще NFC. Часть 1 // Хабр. 2015. 26 февраля. URL: <https://habr.com/ru/post/366291> (дата обращения: 01.06.2023).

⁷ Королев Н. Мозгоправительство: власти прорабатывают программу вживления чипов в мозг человека // Коммерсантъ. 2021. 22 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4867795> (дата обращения: 01.06.2023).

Рис. 1. Динамика популярности запроса «чипирование» и «microchipping» в Google за 2016—2021 гг. в России и по всему миру

Несмотря на общественный интерес, российские публикации, посвященные использованию людьми микрочипов-имплантов, носят публицистический характер или касаются юридических аспектов применения технологии. Единственное известное исследование, в котором анализируется общественное мнение по данной тематике, проведено ВЦИОМ в 2020 г. Собранные тогда данные показывают, что микрочипы-импланты воспринимались россиянами скептически. По оценке ВЦИОМ, среди россиян, слышавших о чипировании, одна треть (34 %) выступает против процедуры, а другая (32 %) затрудняется назвать преимущества, которые дает человеку вживленный чип. В качестве недостатков технологии отмечались следующие риски: слежка, контроль, нарушение прав и свобод, вмешательство в частную жизнь (35 %); влияние на здоровье, возможные аллергии, болезни, влияние на психику (16 %); возможность управлять человеком, манипулирование, зомбирование (11 %) ⁸. Такие результаты могут указывать, что потенциальные риски от принятия технологии чипирования на данный момент превышают возможные выгоды, с точки зрения модели принятия технологий (от англ. *technology acceptance model*) это важнейшее препятствие для распространения технологических решений [Hudson, Caplanova, Novak, 2015; Kim, Choi, Wang, 2014].

Цель данного исследования состоит в описании отношения россиян к микрочипам-имплантам в целом и на фоне общественного мнения об этой технологии в Украине и Словении. В статье будут рассмотрены такие аспекты отношения, как наличие знаний о технологии, установки и убеждения по отношению к ней, а также оценка ее роли в контексте глобальной пандемии коронавируса. Для проведения сравнительного анализа мы будем использовать собранные весной 2021 г. опросные данные международного исследовательского проекта, посвященного изучению восприятия микрочипов-имплантов ⁹.

⁸ Чипизация: (не)призрачная угроза? // ВЦИОМ. 2020. 26 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/chipizatsiya-nepriзраchnaya-ugroza> (дата обращения: 01.06.2023).

⁹ Изучение возможности использования микрочипов-имплантов в повседневной жизни ведется группой исследователей из Словении с 2014 г. [Werber, Žnidaršič, 2015; Werber, Baggia, Žnidaršič, 2018]. Во второй части исследования, проведенной в 2016—2017 гг., данные собирались также в Польше, Хорватии и Чехии [Werber, Baggia, Žnidaršič, 2017; Žnidaršič et al., 2021]. В третьей волне исследования, на результатах которой основана данная статья, сбор данных велся в пяти странах — Словении, Польше, Хорватии, Украине и России — представителями локальных исследовательских групп из этих стран (наличие локального эксперта по каждой стране являлось важным критерием для формирования международного коллектива проекта).

Существующие модели принятия технологий, адаптированные для изучения отношения к микрочипам-имплантам, указывают на то, что значимое положительное влияние на индивидуальную готовность их использовать оказывают такие факторы, как доверие к институтам (системе здравоохранения, банкам и государству) и воспринимаемая полезность этих устройств. Возраст человека, напротив, оказывает отрицательное влияние: так, чем старше человек, тем реже он выражает готовность к тому, чтобы вживить себе RFID-микрочип [Werber, Žnidaršič, 2015; Werber, Baggia, Žnidaršič, 2018].

Опираясь на данные исследований доверия к институтам в России¹⁰, а также экспертные предположения членов рабочей группы, мы будем исходить из следующих групп гипотез.

1. *Общее отношение к использованию микрочипов-имплантов.* Мы можем предполагать, что респонденты из России будут иметь самый низкий уровень доверия социальным институтам и, как следствие, готовности использовать микрочипы-импланты (H1). Мы также рассчитываем найти подтверждение результатов предшествующих исследований и увидеть более высокий уровень принятия технологии RFID-микрочипов среди младших возрастных групп в России, Украине и Словении (H2). В дополнение к этому мы предполагаем наличие положительной связи между уровнем использования новых технологий (в частности, социальных медиа и оплаты банковскими картами) и готовностью вживить микрочип-имплант, ожидая увидеть эту связь во всех трех странах (H3).

2. *Особенности восприятия микрочипов-имплантов.* Важный аспект восприятия микрочипов-имплантов во всех странах — возможность их использования для слежки и контроля, что служит значимым препятствием для их распространения (H4).

3. *Отношение к использованию микрочипов в контексте пандемии.* Среди возможных направлений использования новой технологии в период глобальной эпидемии наибольшее одобрение в России, Украине и Словении вызывает идея идентификации вакцинированных граждан (H5).

Структура статьи включает введение, описание методологии и выборочной совокупности, а также результатов исследования, сгруппированных в разделы о знании, установках и роли технологии в контексте пандемии. Наконец, в статье также приводится обсуждение результатов и заключение.

Методология и выборочная совокупность исследования

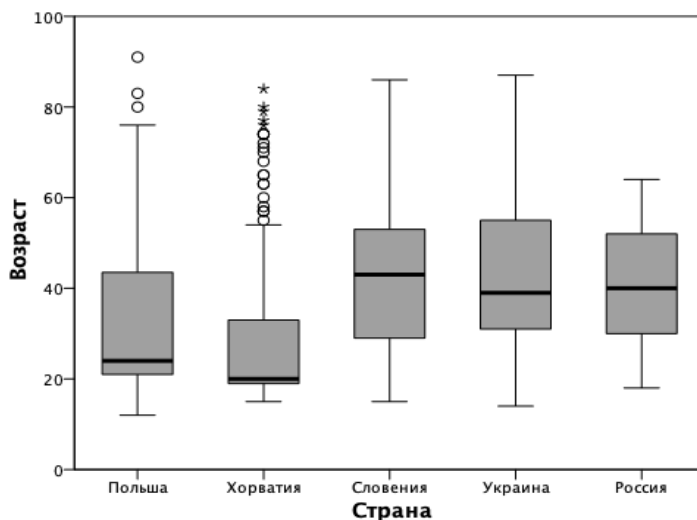
Методом сбора данных в исследовании послужил онлайн-опрос, организованный весной 2021 г. в Польше, Хорватии, Словении, Украине и России. Для его проведения использовалась унифицированная анкета, переведенная в каждой стране на национальный язык. Основой для построения выборки во всех странах были квоты, сформированные по половозрастному признаку. В России организацией исследования занималась компания «Aventica» в кооперации с Между-

¹⁰ Edelman Trust Barometer 2022. Global Report. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2022-01/2022%20Edelman%20Trust%20Barometer%20FINAL_Jan25.pdf (дата обращения: 01.06.2023); Галимова Н., Гордеев В. За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61% россиян // РБК. 2020. 26 мая. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5ecff7b9a794728f0f327> (дата обращения: 01.06.2023).

народной лабораторией прикладного сетевого анализа НИУ ВШЭ. Сбор данных проводился посредством онлайн-панели. Организация опроса в остальных странах была обеспечена членами локальных исследовательских групп и осуществлялась методом «снежного кома» через адресную рассылку потенциальным участникам приглашений принять участие в опросе¹¹. Количество заполненных анкет по странам: 514 в Польше, 405 в Словении, 401 в Украине, 369 в Хорватии и 306 в России. Анализ данных проводился посредством описательных статистик распределений ответов респондентов.

В соответствии с заданными квотами в каждой стране количество опрошенных женщин незначительно превышает число респондентов-мужчин. Для Украины это распределение составляет 59 % и 41 %, для Польши — 58 % и 42 %, для Словении — 57 % и 43 %, для Хорватии — 56 % и 44 %, для России — 52 % и 48 % соответственно. Распределение по возрасту значительно смещено в сторону более молодых групп населения в Польше и Хорватии, в то время как структура выборки в России, Украине и Словении выглядит более естественно (см. рис. 2). По всей видимости, это объясняется высокой (50 % и 70 %) долей студентов в выборках Польши и Хорватии, в то время как для остальных стран этот показатель не превышает 19 % (см. рис. 3).

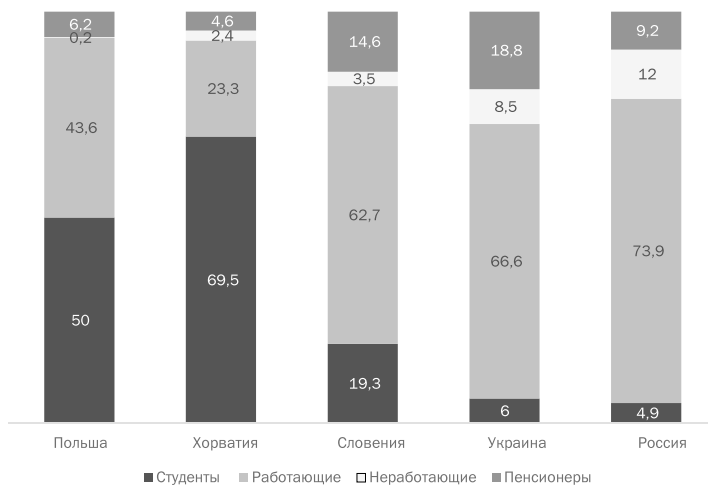
Рис. 2. Структура выборочной совокупности по возрасту¹²

¹¹ Использование метода «снежного кома» подразумевало процесс обращения исследователей к потенциальным респондентам с приглашением поучаствовать в исследовании и просьбой последующей пересылки анкеты персональным контактам. По мере получения ответов исследователи контролировали наполнение половозрастных квот (в соответствии с данными Евростата) и при необходимости корректировали количество анкет нужных категорий респондентов до достижения целевого размера выборки. Выборки в России, Украине и Словении нерепрезентативны по внутристрановым региональным характеристикам, однако максимально приближены к половозрастному распределению населения.

¹² Кружки и звездочки — экстремальные значения за рамками 95 % данных, звездочки означают более экстремальные значения.

Рис. 3. Структура выборочной совокупности по профессиональной занятости, %

В связи со значительными отличиями основных социально-демографических характеристик респондентов в Хорватии и Польше дальнейшее сравнение приводится для трех стран — входящей в ЕС Словении, готовящейся к вступлению в ЕС Украины и России.

Чтобы сформировать представление о технологической «продвинутости» участников исследования (степени их вовлеченности в использование цифровых сервисов), мы опирались на их ответы на вопросы об использовании банковских карт, интернет-магазинов и социальных медиа, а также вопрос об отношении к персональной информации¹³.

Респонденты из Украины оказались более консервативны в вопросах финансового поведения: почти половина из них (46 %) вообще не использует дебетовые и кредитные карты для оплаты покупок и совершает покупки онлайн иногда или несколько раз в году. В Словении и России картами оплачивают от 50 % до 100 % покупок — 76 % и 85 % соответственно. При этом каждый десятый респондент в России (11 %) оплачивает банковскими картами 100 % покупок. Респонденты из России значительно чаще оказываются регулярными онлайн-покупателями: минимум один раз в месяц — 49 % по сравнению с 35 % и 32 % в Словении и Украине соответственно, а также несколько раз в неделю — 11 % против 4 % и 5 % в Словении и Украине соответственно (см. табл. 1).

Использование различных социальных медиа респондентами в трех странах в ожидаемой степени варьируется (см. табл. 2). Если в Словении и Украине большинство респондентов (81 % и 75 % соответственно) отметили наличие профиля в Facebook*¹⁴, то в России доля пользователей сети почти вдвое меньше (44 %),

¹³ К сожалению, мы ограничены существующим инструментарием, поэтому для оценки технологической «продвинутости» используются только те аспекты вовлеченности участников в цифровые сервисы, которые фигурировали в вопросах анкеты.

¹⁴ Здесь и далее * означает социальную сеть, деятельность которой запрещена на территории РФ.

а самая популярная сеть — «ВКонтакте» (ее отметили 81 % опрошенных). Наличие профилей в других «российских» сетях, таких как Telegram и «Одноклассники», отметили 52 % и 49 % российских респондентов соответственно. Значительные доли респондентов — около 50 % и выше — во всех трех странах отмечали использование социальных сетей Instagram* и YouTube. WhatsApp, в котором зарегистрированы 41 % опрошенных в Словении и Украине, в значительно большей степени распространен в России, где о его использовании заявили 76 % респондентов. Пользователи LinkedIn, Snapchat, Pinterest и Twitter чаще встречаются в Словении, а в России больше, чем в других странах, распространен TikTok; однако по сравнению с другими эти сети распространены меньше. Таким образом, представители всех трех стран являются активными пользователями социальных медиа — доля использования самых популярных из них колеблется от 75 % до 81 %. При этом наиболее распространенными являются мультифункциональные социальные сети — Facebook* и «ВКонтакте». Между тем высокая доля участников из России, использующих WhatsApp, говорит о том, что для россиян важен коммуникативный аспект использования соцмедиа.

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос:**
«Какую долю Ваших покупок вы оплачиваете банковскими картами
(дебетовыми и/или кредитными)?»¹⁵

Доля покупок с оплатой банковской картой, %	Доля респондентов, %		
	Словения	Украина	Россия
0	4	46	2
10	6	14	3
20	5	7	4
30	5	7	3
40	4	4	4
50	9	8	11
60	6	2	6
70	9	3	12
80	21	4	16
90	28	5	30
100	2	0	11

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос:**
«Пожалуйста, укажите, есть ли у Вас профиль в следующих социальных медиа»

Социальное медиа	Доля респондентов, %		
	Словения	Украина	Россия
WhatsApp	41	41	76
Instagram*	57	59	62
YouTube	51	49	58
Facebook*	81	75	44
TikTok	11	16	29

¹⁵ В российском опроснике использовалась формулировка «дебетовых и/или кредитных», в то время как в Европейских странах фигурировала только кредитная («credit card»).

Социальное медиа	Доля респондентов, %		
	Словения	Украина	Россия
Pinterest	30	20	11
Twitter	24	14	11
Snapchat	24	6	6
LinkedIn	38	20	2
«ВКонтакте»	—	—	81
«Одноклассники»	—	—	49
Telegram	—	—	52

В России чаще встречаются респонденты, полностью согласные с предложенными суждениями о персональной информации (см. табл. 3). Так, 80 % опрошенных полностью согласны, что никто не должен иметь возможность собирать или раскрывать чью-то личную информацию без их согласия; 77 % — что люди должны иметь право контролировать личную информацию. При этом около половины респондентов из России согласны, что организации и агентства запрашивают у частных лиц слишком много личной информации (56 %), обеспокоены угрозами неприкосновенности частной жизни в стране (49 %) и тем, что угроза идет от использования электронных девайсов (51 %). Схожие ответы давали и респонденты из Словении, в то время как опрошенные в Украине чаще соглашались с суждениями на 4 балла из 5 — доля респондентов, выбравших балл 4 для всех суждений, составляет 50 %. Можно заключить, что обеспокоенность вопросами безопасности персональной информации характерна для респондентов всех трех стран — доли полностью несогласных с предложенными суждениями (оценившими их на 1 или 2 балла из 5) достаточно невелики. Далее мы увидим, как отношение к персональным данным влияет на мнение о микрочипах-имплантах.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями о персональной информации? Оцените, пожалуйста, по шкале от 1 до 5, где 1 — полностью не согласен, а 5 — полностью согласен»

Утверждение	Страна	Степень согласия, % респондентов				
		1	2	3	4	5
Люди должны иметь право контролировать свою личную информацию	Россия	0	0	7	16	77
	Украина	2	2	7	53	36
	Словения	1	1	5	26	68
Никто не должен иметь возможность собирать или раскрывать мою личную информацию без моего согласия	Россия	0	1	8	11	80
	Украина	2	2	7	55	34
	Словения	1	1	5	23	70
На сегодняшний день я обеспокоен(а) угрозами неприкосновенности моей частной жизни в нашей стране	Россия	2	6	20	25	49
	Украина	2	12	21	52	13
	Словения	5	14	25	31	25

Утверждение	Страна	Степень согласия, % респондентов				
		1	2	3	4	5
Нынешнее использование электронных девайсов представляет собой реальную угрозу неприкосновенности частной жизни в нашей стране	Россия	0	6	21	22	51
	Украина	2	10	19	56	13
	Словения	2	4	22	38	34
Организации и агентства запрашивают у частных лиц слишком много личной информации	Россия	1	1	16	26	56
	Украина	3	12	21	55	9
	Словения	2	5	23	38	32

Результаты

Содержательные блоки онлайн-анкеты состояли из вопросов, затрагивающих общую осведомленность о микрочипах-имплантах и отношение к ним. Мы последовательно рассмотрим эти тематические подразделы, чтобы составить полноценное представление о восприятии технологии.

Знание о микрочипах-имплантах

По ответам на вопрос, слышали ли они до участия в опросе об устройствах радиочастотной идентификации (RFID), респонденты в трех странах распределились на две схожие по размеру группы: в Словении доли ответивших «Да» и «Нет» составляют 50 %, в Украине — 48 % и 52 %, в России — 49 % и 51 % соответственно (см. табл. 4). То есть в странах, значимо отличающихся друг от друга по размеру территории, численности населения и, предположительно, политике информирования населения о пандемии и связанных с ней темах, наблюдается приблизительно одинаковый уровень осведомленности о микрочипах-имплантах. Вместе с тем в Словении чуть больше четверти респондентов знают о технологии «хорошо» или «очень хорошо» (27 %), в то время как в России и Украине эта доля не превышает 17 % (см. табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили ваши знания о RFID технологии по шкале от 1 до 5, где 1 — очень плохие, а 5 — очень хорошие знания?»

Страна	Оценка знаний, % респондентов				
	1	2	3	4	5
Россия	17	24	42	12	5
Украина	20	36	32	11	1
Словения	18	21	35	17	10

«Контрольные» вопросы о возможностях использования RFID-микрочипов подтверждают относительно низкий уровень осведомленности. Респондентам из разных стран предлагалось оценить, насколько они согласны с утверждениями о доступности устройств, возможности их утери и совмещении одновременно

нескольких функций по шкале от 1 («Совершенно не согласен») до 5 («Полностью согласен»). Таблица 5 показывает, что в Словении в большей степени согласны, что микрочипы-импланты всегда доступны для использования (58%), не могут быть потеряны (68%) и могут совмещать одновременно несколько функций (75%). В России и Украине только 44% и 31% соответственно считают, что устройства всегда доступны для использования; 57% и 46% соответственно полагают, что устройства не могут быть потеряны; и 67% и 57% соответственно считают, что устройства могут совмещать одновременно несколько функций.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями об использовании RFID микрочипов? Оцените, пожалуйста, по шкале от 1 до 5, где 1 — полностью не согласен, а 5 — полностью согласен»

Утверждение	Страна	Степень согласия, % респондентов				
		1	2	3	4	5
Микрочипы-импланты могут совмещать одновременно несколько функций	Россия	6	5	22	32	35
	Украина	5	10	28	49	8
	Словения	4	3	17	51	25
Микрочипы-импланты не могут быть потеряны	Россия	8	10	25	29	28
	Украина	6	21	27	39	7
	Словения	5	8	19	43	25
Микрочипы-импланты всегда доступны для использования	Россия	12	9	34	25	19
	Украина	8	32	30	28	2
	Словения	7	10	25	38	20

Установки по отношению к микрочипам-имплантам

Чтобы определить установки в отношении микрочипов, в ходе исследования задавался вопрос, при каких условиях респонденты готовы вставить микрочип-имплант. Результаты ответов (см. табл. 6) показывают, что в целом в России каждое условие набрало больше голосов, чем в двух других странах; реже всего согласием на каждое из условий отвечали респонденты из Украины. Самая популярная причина, по которой готовы поставить микрочип респонденты в трех странах, — медицинские цели: их отметили 43% опрошенных в России, 37% — в Словении и 25% — в Украине. Около трети опрошенных россиян ответили, что они могли бы поставить микрочип для идентификации (34%), а также при уверенности, что их отслеживание по GPS будет невозможно (36%). С этой же целью и при этом же условии готовы поставить микрочипы по 22% респондентов из Словении и 16% и 14% опрошенных из Украины соответственно. Более четверти респондентов из России были бы готовы к ежедневному использованию микрочипов дома (30%) и для оплаты покупок (27%). Оплачивать покупки с помощью микрочипов были бы готовы 13% и 11% респондентов из Словении и Украины, а использовать ежедневно —

17% и 11% ответивших соответственно. Во всех странах готовность к использованию микрочипов при различных условиях чаще транслируется респондентами более молодых возрастных групп (см. табл. 7). Обращают на себя внимание высокие доли молодых россиян в возрасте от 18 до 24 лет, готовых вживить микрочип-имплант для медицинских целей и целей идентификации (69%), ежедневного использования (59%), оплаты покупок (50%), а также в случае уверенности в невозможности их отслеживания по GPS (56%). В более «возрастных» группах в трех странах уровни готовности вживить микрочип, напротив, значительно ниже среднего значения. Наиболее низки эти значения в группе 55—64 лет в Украине.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Вставили бы Вы микрочип-имплант при следующих условиях?»

Условие	Доля респондентов, %		
	Словения	Украина	Россия
Для медицинских целей	37	25	43
Если бы были уверены, что отслеживание по GPS невозможно	22	16	36
Для целей идентификации	22	14	34
Для ежедневного использования дома	17	11	30
Для оплаты покупок	13	11	27

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Вставили бы Вы микрочип-имплант при следующих условиях?» по возрастным категориям

Готовность вживить микрочип-имплант при следующих условиях:	Страна	Доля респондентов, % (по возрастным группам)				
		18—24	25—34	33—44	45—54	55—64
Для медицинских целей	Словения	49	36	31	36	33
	Украина	39	30	18	29	20
	Россия	69	45	46	32	33
Для целей идентификации	Словения	40	23	17	20	17
	Украина	36	12	12	17	4
	Россия	69	33	42	23	20
Для оплаты покупок	Словения	27	9	13	12	5
	Украина	32	14	9	10	4
	Россия	50	31	25	20	18
Для ежедневного использования дома	Словения	36	9	17	16	10
	Украина	25	15	9	12	4
	Россия	59	31	31	23	18
Если бы были уверены, что отслеживание по GPS невозможно	Словения	40	23	18	22	14
	Украина	32	22	12	20	6
	Россия	56	45	40	22	23

Во всех странах, за исключением единичных случаев, респонденты, оплачивающие большую долю покупок банковскими картами, продемонстрировали более высокую готовность вживить микрочип при различных условиях (см. табл. 8).

Таблица 8. Перекрестная таблица ответов на вопросы: «Ставили бы Вы микрочип-имплант при следующих условиях?» и «Какую долю ваших покупок вы оплачиваете банковскими картами (дебетовыми и/или кредитными)?» (сгруппированы по трем категориям)

Готовность вживить микрочип-имплант при следующих условиях:	Страна	Доля респондентов, %, оплачивающих картой		
		до 30 % покупок	40—70 % покупок	80—100 % ¹⁶ покупок
Для медицинских целей	Словения	28	39	40
	Украина	23	25	44
	Россия	30	40	47
Для целей идентификации	Словения	19	19	24
	Украина	11	23	24
	Россия	30	37	21
Для оплаты покупок	Словения	13	8	16
	Украина	8	18	29
	Россия	21	24	30
Для ежедневного использования дома	Словения	12	17	19
	Украина	11	10	15
	Россия	24	26	33
Если бы были уверены, что отслеживание по GPS невозможно	Словения	13	24	25
	Украина	14	21	26
	Россия	24	34	39

Ответы на вопросы, касающиеся использования респондентами трех стран смартфона для бесконтактной оплаты вместо пластиковой карты, интернет-банкинга или мобильного приложения банка на смартфоне и платежных сервисов, таких как Apple Pay, Google Pay или PayPal, а также их готовности к вживлению микрочипов, приведены в таблице 9. Тогда как в Словении использование смартфона для бесконтактных платежей не связано с готовностью к вживлению микрочипа (доли потенциально готовых и неготовых респондентов практически идентичны, кроме варианта с отслеживанием по GPS), в России и особенно в Украине среди респондентов, использующих смартфоны для оплаты, доли готовых к установке микрочипов выше. Похожая ситуация — отсутствие значимой разницы в готовности и неготовности к установке микрочипа — наблюдается и в России среди респондентов, использующих банковские приложения и интернет-банкинг на смартфоне. Тем не менее в Словении и Украине уровень готовности вживления микрочипа во всех условиях, кроме оплаты покупок, среди пользователей мобильных банков выше. С точки зрения оплаты покупок, в Словении разницы не наблюда-

¹⁶ Процентные интервалы не непрерывны, поскольку являются результатом объединения категорий из таблицы 1.

ется, тогда как в России она, наоборот, присутствует — вживить микрочип для этой цели чаще готовы пользователи мобильных банков. Среди пользователей платежных сервисов доли готовых к вживлению микрочипов во всех странах выше.

Таблица 9. Перекрестная таблица ответов на вопросы: «Вставили бы Вы микрочип-имплант при следующих условиях?» и «Используете ли Вы смартфон для бесконтактных платежей (вместо дебетовой или кредитной карты)?», «Используете ли Вы интернет-банкинг или мобильное приложение банка на своем смартфоне для совершения платежей?» и «Используете ли Вы платежные сервисы, такие как Apple Pay, Google Pay или PayPal?»

Готовность вживить микрочип-имплант при следующих условиях:	Страна	Доля респондентов, %					
		Использование смартфона для бесконтактных платежей		Использование интернет-банкинга или мобильного приложения банка на смартфоне		Использование платежных сервисов Apple Pay, Google Pay или PayPal	
		Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Для медицинских целей	Словения	39	39	43	32	47	34
	Украина	43	18	34	14	44	16
	Россия	46	39	42	47	43	41
Для целей идентификации	Словения	26	22	25	17	32	16
	Украина	26	8	17	9	24	8
	Россия	40	26	34	33	37	27
Для оплаты покупок	Словения	13	13	13	12	18	10
	Украина	24	5	16	4	23	4
	Россия	34	18	27	20	31	19
Для ежедневного использования дома	Словения	19	18	20	13	25	13
	Украина	24	6	16	5	24	5
	Россия	35	23	30	27	32	25
Если бы были уверены, что отслеживание по GPS невозможно	Словения	17	22	23	17	28	16
	Украина	29	11	23	7	31	9
	Россия	40	30	35	40	36	34

Использование социальных медиа также фиксирует уровень принятия респондентом новых технологий. Данные по четырем наиболее часто встречающимся социальным медиа (см. табл. 10) показывают, что в целом во всех трех странах респонденты, имеющие профили в Facebook*, Instagram*, WhatsApp и YouTube, чаще выражают готовность к вживлению микрочипа-импланта при различных предложенных условиях. Стоит отметить, что в России наличие профиля в Facebook* не связано с готовностью внедрения микрочипа для медицинских целей, целей идентификации и при уверенности в невозможности отслеживания по GPS. Незначимым оказывается и использование WhatsApp при условии оплаты покупок с помощью микрочипа.

**Таблица 10. Перекрестная таблица ответов на вопросы:
«Вставили бы вы микрочип-имплант при следующих условиях?»
и «Пожалуйста, укажите, есть ли у вас профиль в следующих социальных медиа»**

Готовность вживить микрочип-имплант при следующих условиях:	Страна	Доля респондентов, %							
		Facebook*		WhatsApp		Instagram*		YouTube	
		Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Для медицинских целей	Словения	38	33	42	33	40	35	43	31
	Украина	28	18	36	18	32	15	33	20
	Россия	43	42	45	35	47	36	45	39
Для целей идентификации	Словения	23	16	30	16	24	18	28	15
	Украина	16	8	17	11	18	7	20	8
	Россия	34	33	36	26	36	30	38	29
Для оплаты покупок	Словения	14	8	22	9	16	10	18	9
	Украина	12	7	14	8	15	4	15	7
	Россия	23	30	27	27	29	24	29	24
Для ежедневного использования дома	Словения	19	8	22	13	22	12	25	10
	Украина	13	5	17	7	15	6	15	8
	Россия	27	32	31	26	31	27	32	26
Если бы были уверены, что отслеживание по GPS невозможно	Словения	24	13	32	17	28	17	30	15
	Украина	18	12	21	13	21	10	21	12
	Россия	37	35	38	28	40	28	39	32

Респондентам предлагалось оценить различные идеи использования микрочипов-имплантов по шкале от 1 («Очень плохая идея») до 5 («Очень хорошая идея»). Таблица объединенных значений «Очень плохая и плохая» и «Хорошая и очень хорошая» (см. табл. 11) показывает, что все предложенные идеи чаще оцениваются респондентами в позитивном, а не негативном ключе. Наибольшее число респондентов в каждой из трех стран в качестве «Хорошей» и «Очень хорошей» идеи отметили использование микрочипов для спасения жизни: в сумме два варианта ответа выбрали 66 % респондентов в России, 63 % в Словении и 55 % в Украине. Схожий по смыслу вариант — «Для оповещения о потенциальных проблемах со здоровьем или осложнениях» — в качестве хорошей идеи также отметили более половины респондентов: 58 % в России, 63 % в Словении и 54 % в Украине. Между тем 28 % респондентов в Украине оценивают эту идею как плохую, при 18 % и 14 % в Словении и России соответственно. Высоко была оценена и другая идея, относящаяся к здоровью при чрезвычайных ситуациях: вариант «Для хранения и получения персонализированной медицинской информации при несчастных случаях или ЧС» оценили на «Хорошо» и «Очень хорошо» 59 % респондентов в России, 56 % —

в Словении и 52% — в Украине. Опять же в Украине более четверти респондентов (29%) оценивают эту идею негативно, при 22% в Словении и 17% в России. Более общий вариант — «Для контроля состояния здоровья человека» — высоко оценили 52% респондентов в России, 53% — в Словении и 47% — в Украине. Однако треть респондентов в Украине (34%) оценивают эту идею негативно; в России и Словении это 23% и 20% соответственно. Вариант «Для хранения информации о донорстве органов» высоко оценили меньшие доли респондентов — 39% в России, 48% в Словении и 42% в Украине. Низкие оценки он получил у 37% респондентов из Украины, 27% — из Словении и 25% — из России. Наиболее общий по смысловому содержанию вариант «Для хранения персональной информации», который не предлагался респондентам из России, высоко оценили 40% респондентов в Словении и 47% в Украине. Однако треть респондентов (32%) в обеих странах оценивают его как «Плохую идею».

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько следующие идеи использования микрочипов-имплантов являются хорошими или плохими, по шкале от 1 до 5, где 1 — очень плохая идея, а 5 — очень хорошая идея»

Утверждение	Страна	Оценка идеи, % респондентов	
		Хорошая идея	Плохая идея
Для спасения жизни	Россия	66	11
	Украина	55	24
	Словения	63	17
Для хранения информации о донорстве органов	Россия	39	25
	Украина	42	37
	Словения	48	27
Для хранения персональной информации	Россия	—	—
	Украина	47	32
	Словения	40	32
Для хранения и получения персонализированной медицинской информации при несчастных случаях или ЧС	Россия	59	17
	Украина	52	29
	Словения	56	22
Для оповещения о потенциальных проблемах со здоровьем или осложнениях	Россия	58	14
	Украина	54	28
	Словения	63	18
Для контроля состояния здоровья человека	Россия	52	20
	Украина	47	34
	Словения	53	23

Респондентам также предлагалось указать слова, ассоциирующиеся у них с микрочипами-имплантами. Поскольку в каждой стране опросы проводились на национальных языках, в ходе анализа слова-ассоциации опрошенных в Словении и Украине были переведены на русский язык с использованием автоматического переводчика Google Translate. Корректность выполненного перевода проверялась участниками исследовательской группы из соответствующих стран-участниц; затем по данным из каждой страны были построены облака слов (см. рис. 4). Анализ

наиболее часто встречающихся лексем поддерживает предположение, что слежка и контроль — важные потенциальные риски распространения технологии чипирования. Так, ассоциирующиеся с таким функционалом слова находятся в топе ответов респондентов во всех трех странах. В России в сумме слова «контроль», «слежка», «отслеживание», «надзор», «угроза», «опасность», «рабство», «тотальный контроль» составляют 15 % от всех слов-ассоциаций. В Украине доля аналогичных кодов составляет 14 %. В Словении на вершину рейтинга вышли слова «надзор», «контроль», «отслеживание», «опасность» и «злоупотреблять» — они составляют 19 % от всех названных слов. Выделяются и дополнительные слова, также связанные с негативными ассоциациями с микрочипами и относящиеся к прямым органическим угрозам и общим страхам — «боль», «вред», «страх»¹⁷.

Рис. 4. Облака слов, полученные при ответе на вопрос: «В заключение мы просим Вас написать четыре слова, ассоциирующиеся у вас с микрочипами-имплантами»

В контексте вопросов контроля и слежки было важно посмотреть на декларируемую респондентами готовность к внедрению микрочипов в зависимости от их обеспокоенности вопросами защиты персональных данных. На основе вопросов анкеты мы сконструировали два показателя — «обеспокоенность вопросами персональных данных» и «готовность вживления микрочипа-импланта», — по которым поделили респондентов на две группы¹⁸. Полученные результаты нужно

¹⁷ Вместе с тем в рейтинге также встречаются слова, описывающие позитивные и нейтральные ассоциации с микрочипами: «удобство», «безопасность», «будущее», «технология», «инновация», «информация», «здоровье». Однако можно заключить, что в общественном мнении все же преобладают негативные коннотации, связанные с микрочипами-имплантами.

¹⁸ Составляющие первого показателя — индикаторы «Организации и агентства запрашивают у частных лиц слишком много личной информации», «На сегодняшний день я обеспокоен(а) угрозами неприкосновенности моей частной жизни в нашей стране», «Никто не должен иметь возможность собирать или раскрывать мою личную информацию без моего согласия», «Люди должны иметь право контролировать свою личную информацию». Вторым показателем был составлен на основе всех пяти индикаторов вопроса «Скажите, пожалуйста, вставили бы вы микрочип-имплант при следующих условиях» (табл. 6). В ответах на вопросы, вошедшие в первый показатель, использовалась шкала от 1 до 5, поэтому в совокупности респонденты могли набрать от 4 (все ответы «Полностью не согласен») до 20 (все ответы «Полностью согласен») баллов. В вопросах второго показателя использовалась шкала «Точно да / Скорее да» и «Точно нет / Скорее нет», по которой респонденты могли в совокупности набрать от 5 (все «Да») до 10 (все «Нет») баллов. В группу обеспокоенных вопросами персональных данных вошли респонденты, получившие более 15 баллов, в группу готовых внедрить микрочип-имплант — респонденты, набравшие до 7 баллов.

аккуратно интерпретировать в связи с небольшими значениями подвыборок по некоторым группам (см. табл. 12). Согласно представленному расчету, в России доля респондентов, обеспокоенных вопросами персональных данных, составляет 84 %, а доля респондентов, заявляющих о готовности вживить микрочип в целом, — 34 %. В группе тех, кто не обеспокоен вопросами персональных данных, доля респондентов, готовых вживить микрочип, выше — 56 % по сравнению с 30 % в группе обеспокоенных. В Словении же доля обеспокоенных персональными данными составляет 70 %, а доля готовых вживить микрочип — 20 % опрошенных. Среди необеспокоенных доля готовых вживить микрочип выше — 28 % против 17 %. В Украине доля обеспокоенных вопросами персональных данных респондентов чуть ниже — 65 %, тогда как доля готовых к вживлению микрочипа составляет 14 %. Доли респондентов в категориях обеспокоенных и необеспокоенных вопросами персональных данных примерно одинаковы и составляют 14 % и 13 % соответственно.

Таблица 12. Готовность вживить чип при различном отношении к персональным данным

Страна	Отношение к персональным данным	Готовность вживить чип, %		Всего, % (от общего числа опрошенных)
		Да	Нет	
Словения	Не беспокоят вопросы данных	28	72	30
	Беспокоят вопросы данных	17	83	70
	Всего (от общего числа опрошенных)	20	80	—
Украина	Не беспокоят вопросы данных	13	87	35
	Беспокоят вопросы данных	14	86	65
	Всего (от общего числа опрошенных)	14	86	—
Россия	Не беспокоят вопросы данных	56	44	16
	Беспокоят вопросы данных	30	70	84
	Всего (от общего числа опрошенных)	34	66	—

Скептическое отношение к микрочипам-имплантам проявилось в ответах на прямые вопросы о том, насколько общественные институты обеспечат безопасность персональных данных (см. табл. 13). Здесь респонденты выразили наименьший уровень доверия государству: только 21 % в Словении, 22 % в России и 26 % в Украине считают, что государство «обеспечит безопасность и защиту человека» с микрочипом-имплантом. Чуть больше доверия завоевали банки: 24 % участников из России, 31 % из Словении и 33 % из Украины считают, что банки «обеспечат безопасность в сфере оплаты, конфиденциальности операций, транзакций и т. д.». В Словении (32 %) и Украине (30 %) больше, чем в России (26 %), доверяют системе здравоохранения в вопросах обеспечения «безопасности в сфере персональных данных, медицинских данных, информации о лечении, донорстве органов и т. д.»

Таблица 13. Распределение ответов на вопрос: «Если использование микрочипов-имплантов станет распространенным среди жителей нашей страны, насколько, на ваш взгляд, следующие институты смогут обеспечить безопасность связанных с ними персональных данных? Оцените, пожалуйста, по шкале от 1 до 5, где 1 — точно не смогут, а 5 — точно смогут»

Утверждение	Страна	Оценка возможности, % респондентов				
		1	2	3	4	5
Система здравоохранения может обеспечить безопасность в сфере персональных данных, медицинских данных, информации о лечении, донорстве органов и т. д.	Россия	28	13	33	18	8
	Украина	14	33	23	26	4
	Словения	18	19	31	23	9
Банки смогут обеспечить безопасность в сфере оплаты, конфиденциальности операций, транзакций и т. д.	Россия	25	18	32	16	8
	Украина	15	31	22	29	4
	Словения	20	21	28	23	8
Государство сможет обеспечить безопасность и защиту прав человека	Россия	32	18	28	15	7
	Украина	17	35	23	22	4
	Словения	28	22	29	13	8

Наконец, барьером к принятию медицинских микрочипов служат представления об их влиянии на здоровье. Таблица 14 показывает, что россияне оценивают воздействие RFID-чипов на их организм более негативно, нежели жители Украины и Словении. Например, 65% россиян считают, что микрочипы угрожают их здоровью из-за возможной аллергии, тогда как в Украине и Словении доли согласных с утверждением составляют 56% и 47% соответственно. Другая причина беспокойства россиян — угроза здоровью из-за возможности движения микрочипа в теле: 59% респондентов оценивают угрозу как реальную, а согласны с ними лишь 46% респондентов из Украины и 35% из Словении. О том, что микрочипы-импланты могут угрожать их здоровью из-за их воздействия на нервную систему, полагают 57% опрошенных россиян, тогда как в Украине и Словении доли согласных с этим утверждением респондентов составляют 51% и 43% соответственно. Схожим образом жители России оценивают воздействие микрочипов на эмоциональное поведение: 57% считает влияние негативным, тогда как только 41% украинцев и 33% словенцев считают, что микрочипы наносят вред эмоциональному поведению. Менее всего представителей трех стран пугает имплантация подкожного микрочипа: 47% россиян считают, что это болезненная процедура; такого же мнения придерживаются 35% респондентов из Украины и 27% респондентов из Словении.

Таблица 14. Распределение ответов на вопрос «Насколько вы согласны или не согласны со следующими утверждениями? Оцените, пожалуйста, по шкале от 1 до 5, где 1 — совсем не согласен, а 5 — полностью согласен»

Утверждение	Страна	Степень согласия, % респондентов				
		1	2	3	4	5
Микрочипы-импланты могут угрожать моему здоровью из-за их воздействия на нервную систему	Россия	8	10	25	22	35
	Украина	7	22	20	38	13
	Словения	9	17	31	26	17
Микрочипы-импланты могут угрожать моему здоровью из-за возможной аллергии	Россия	6	6	23	27	38
	Украина	6	20	18	42	14
	Словения	8	12	32	29	18
Микрочипы-импланты могут влиять на мое эмоциональное поведение	Россия	10	11	23	20	37
	Украина	9	28	21	31	10
	Словения	18	23	27	18	15
Микрочипы-импланты могут угрожать моему здоровью из-за возможности движения в моем теле	Россия	6	10	25	25	34
	Украина	8	22	24	34	12
	Словения	11	21	33	23	12
Имплантация подкожного микрочипа — это болезненная процедура	Россия	7	11	32	22	27
	Украина	8	23	34	24	11
	Словения	10	21	43	19	8

Использование микрочипов в контексте пандемии

Чипирование предположительно может использоваться для решения различных практических вопросов в период глобальной эпидемии, так как имплант хранит информацию о его носителе. Тем не менее на данный момент жители всех рассматриваемых нами стран, и в особенности Словении, в большинстве своем затрудняются оценить полезность такой инициативы или же относятся к ней негативно (см. табл. 15). Положительные варианты в сумме выбрал каждый третий опрошенный из Украины (33%), тогда как в России идею позитивно оценили 23% опрошенных, а в Словении — только 18%. Можно заключить, что в целом большинство опрошенных в каждой стране не проводят прямой связи с решением последствий пандемии с помощью микрочипов-имплантов.

Таблица 15. Распределение ответов на вопрос «На ваш взгляд, может ли мировое сообщество в рамках борьбы с последствиями пандемии выиграть от использования имплантов с микрочипами? Оцените, пожалуйста, степень своего согласия или несогласия по шкале от 1 до 5, где 1 — точно не может, а 5 — точно может»

Страна	Степень согласия, % респондентов				
	1	2	3	4	5
Россия	25	14	27	15	8
Украина	12	27	28	29	4
Словения	32	17	32	12	6

Наименее привлекательный вариант применения медицинских чипов — отслеживание движения по цифровым следам. В Словении доля согласных с утверждением, что микрочипы-импланты могут быть использованы для целей отслеживания во время глобальных пандемий, составляет 63%, в Украине — 79%, в России — 78%. Таблица 16 иллюстрирует, что во всех трех странах большинство респондентов согласны с тем, что устройства могут быть использованы для идентификации заболевших (82% в России, 85% в Украине и 86% в Словении), выздоровевших (80% в России, 87% в Украине и 88% в Словении) и вакцинированных (83% в России, 89% в Украине и 86% в Словении).

Таблица 16. Распределение ответов на вопрос «Микрочипы-импланты могут быть использованы для различных целей во время глобальных пандемий. Оцените, пожалуйста, степень своего согласия или несогласия с предложенными вариантами использования микрочипов-имплантов по шкале от 1 до 5, где 1 — полностью не согласен, а 5 — полностью согласен»

Цель	Страна	Степень согласия, % респондентов				
		1	2	3	4	5
Идентификация вакцинированных	Россия	6	1	10	42	41
	Украина	1	6	4	69	20
	Словения	4	1	8	52	34
Идентификация выздоровевших	Россия	6	3	11	42	38
	Украина	1	9	3	67	20
	Словения	3	3	7	54	33
Идентификация заболевших	Россия	6	1	11	41	41
	Украина	1	10	4	65	20
	Словения	1	4	8	51	35
Отслеживание движения по цифровым следам	Россия	8	3	11	48	30
	Украина	1	10	10	63	16
	Словения	11	8	17	44	19

Дискуссия

Как уже было отмечено во введении, представленные данные носят уникальный характер. С одной стороны, это второй по счету срез отношения к микрочипам-имплантам в России, а с другой — основа для сравнительного межстранового анализа, а также поиска уникальных и типичных для различных культурных и политических систем аспектов этого отношения. Преимущества, безусловно, сопровождаются ограничениями, присущими данному исследованию.

Во-первых, универсальная методика, использованная во всех странах-участницах, была адаптирована для России, из-за чего некоторые вопросы изменены по содержанию значению. В частности, это касается вопроса, связанного с банковски-

ми картами, в котором для России использовалась формулировка «дебетовых и/или кредитных», а в Европейских странах — только кредитная (“credit card”).

Во-вторых, ограничение исследования связано с использованным методом сбора данных: все респонденты онлайн-опроса априори являются пользователями интернета, что автоматически вытесняет некоторые группы населения из фокуса внимания в данном исследовании. В связи с этим возможен и более высокий уровень одобрения применения RFID-микрочипов. В-третьих, ограничением для сопоставления полученных результатов являются описанные нами различия в способе сбора данных. Отдельные заметные на уровне распределений признаков разночтения были учтены нами при отборе данных для анализа, однако мы не исключаем наличие систематических смещений, связанных со спецификой респондентов онлайн-панели в России и участников исследования в Словении и Украине, с большой вероятностью не зарегистрированных ни в одной из локальных систем сбора опросных данных¹⁹. Кроме того, нельзя исключать того факта, что рекрутирование респондентов выполнялось со смещением в сторону регионов проживания локальных коллективов исследователей. Можно предположить, что наиболее существенным это ограничение выступит для Украины, где отмечается ярко выраженная региональная культурная и политическая специфика, а именно различия между восточными и западными областями. Таким образом, отмеченные в статье несходства — следствие особенностей людей, попавших в выборку исследования в странах-участницах опроса.

Описательный анализ раскрывает только часть предполагаемых сюжетов о возможностях использования микрочипов. В частности, интересен, но не до конца раскрыт в данной статье сюжет об имплантации в контексте социологии тела. Имеющиеся данные позволяют отвечать на вопросы, связанные с чипированием как инвазивной операцией и вторжением в человеческое тело. Представляется важным и интересным рассмотреть их в последующих работах.

Заключение

В данной статье представлены результаты международного исследовательского проекта, посвященного изучению отношения к микрочипам-имплантам. По результатам сравнительного анализа структуры выборок в отдельных странах для описания были отобраны результаты опросов населения в России, Украине и Словении.

Комментируя сформулированные во введении гипотезы, мы можем заключить следующее.

1. Как и предполагалось, мы увидели, что у большей части населения всех трех стран нет четких представлений о микрочипах-имплантах. Наибольшее число «осведомленных» об RFID-технологии респондентов проживает в Словении, однако и там их доля не превышает четверти от всего объема опрошенных.

2. Вместе с тем гипотеза о самом низком уровне доверия общественным институтам и следующей из него низкой готовности использовать микрочипы-импланты среди респондентов из России (H1) не подтвердилась. Опрошенные действительно выражают обеспокоенность вопросами безопасности персональной инфор-

¹⁹ Таким образом, за пределами внимания в исследовании оказываются как представители наиболее уязвимых групп населения, не пользующиеся интернетом в связи с дефицитом ресурсов, навыков или состоянием здоровья, так и, в случае России, представители высокодоходных групп населения, как правило, редко участвующие в онлайн-опросах.

мации, однако доли респондентов, готовых к вживлению микрочипа, в России выше, чем в других двух странах.

3. Как следует из предыдущих исследований, более высокий уровень готовности вживления микрочипов характерен для младших возрастных групп, а также групп населения, активно использующих новые социальные медиа (использование банковских карт, мобильных платежных систем, социальных медиа). Можно говорить о подтверждении гипотез H2 и H3 для России, Украины и Словении.

4. Анализ открытых вопросов, уровня доверия общественным институтам и других индикаторных вопросов о персональных данных позволяет заключить, что микрочипы-импланты достаточно сильно ассоциируются с инструментами слежки и контроля. То есть, выражаясь языком теории общественного принятия инноваций, использование микрочипов-имплантов более связано с рисками, нежели с выгодами. Такое положение дел — значимое препятствие для массового распространения микрочипов, что делает возможным их применение отдельными инноваторами. Можно говорить о подтверждении гипотезы H4.

5. В связи с этим логично, что отслеживание перемещений по цифровым следам — наименее привлекательный вариант использования микрочипов-имплантов в контексте пандемии. Но такие варианты, как идентификация вакцинированных, выздоровевших и заболевших, оцениваются на приблизительно одинаково хорошем уровне жителями стран, вошедших в текущий анализ. Таким образом, подтверждается гипотеза H5.

Стоит отметить, что представленные сюжеты имеют богатый потенциал для развития. В частности, интересными являются возможности проведения качественных интервью с представителями целевой аудитории, сбора экспертных оценок о практике использования микрочипов. Еще одной самостоятельной темой являются межстрановые различия и анализ их обусловленности политическим, социальным и культурным своеобразием отдельных стран.

Список литературы (References)

Bhuptani M., Moradpour Sh. (2005) RFID Field Guide: Deploying Radio Frequency Identification Systems. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall PTR.

Evanega S., Lynas M., Adams J., Smolenyak K. (2020) Coronavirus Misinformation: Quantifying Sources and Themes in the COVID-19 “Infodemic”. Cornell Alliance for Science Working Paper. URL: https://allianceforscience.org/wp-content/uploads/2020/10/Evanega-et-al-Coronavirus-misinformation-submitted_07_23_20.pdf (accessed: 29.05.2023).

Hu T., Wang S., Luo W., Zhang M., Huang X., Yan Y., Liu R., Ly K., Kacker V., She B., Li Z. (2021) Revealing Public Opinion towards COVID-19 Vaccines with Twitter Data in the United States: A Spatiotemporal Perspective. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 23. No. 9. Art. e30854. <https://doi.org/10.2196/30854>.

Hudson J., Caplanova A., Novak M. (2015) Public Attitudes to GM Foods. The Balancing of Risks and Gains. *Appetite*. Vol. 92. P. 303—313. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2015.05.031>.

Kim S., Choi S.-O., Wang J. (2014) Individual Perception vs. Structural Context: Searching for Multilevel Determinants of Social Acceptance of New Science and Technology Across 34 Countries. *Science and Public Policy*. Vol. 41. No. 1. P. 44—57. <http://dx.doi.org/10.1093/scipol/sct032>.

Werber B., Žnidaršič A. (2015) The Use of Subcutaneous RFID Microchip in Health Care — A Willingness to Challenge. *Health and Technology*. Vol. 5. No. 1. P. 57—65. <https://doi.org/10.1007/S12553-015-0105-3>.

Werber B., Baggia A., Žnidaršič A. (2017) Behaviour Intentions to Use RFID Subcutaneous Microchips: A Cross-Sectional Slovenian Perspective. In: Pucihar A., Kljajić Borštnar M., Kittl C., Ravesteijn P., Clarke R., Bons R. (eds.) *Digital Transformation — Form Connecting Things to Transforming Our Lives: (Conference Proceedings) / 30th Bled eConference, (June 18—21, 2017, Bled, Slovenia)*. Maribor: University of Maribor Press. P. 669—684. <https://doi.org/10.18690/978-961-286-043-1.47>.

Werber B., Baggia A., Žnidaršič A. (2018) Factors Affecting the Intentions to Use RFID Subcutaneous Microchip Implants for Healthcare Purposes. *Organizacija*. Vol. 51. No. 2. P. 121—133. <https://doi.org/10.2478/orga-2018-0010>.

Žnidaršič A., Baggia A., Pavliček A., Fischer J., Rostański M., Werber B. (2021) Are we Ready to Use Microchip Implants? An International Cross-sectional Study. *Organizacija*. Vol. 54. No. 4. P. 275—292. <https://doi.org/10.2478/orga-2021-0019>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2325](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2325)

Д. Е. Серебренников

**ИНФРАСТРУКТУРА КАК КАМЕРА-ОБСКУРА
СОЦИАЛЬНЫХ КЛАССИФИКАЦИЙ:
СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ
В МАЛЫХ ГОРОДАХ**

Правильная ссылка на статью:

Серебренников Д. Е. Инфраструктура как камера-обскура социальных классификаций: системы городского видеонаблюдения в малых городах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 104—129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2325>.

For citation:

Serebrennikov D. E. (2023) Infrastructure as a Camera Obscura for Social Classifications: Urban CCTV Systems in Russian Small Cities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 104–129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2325>. (In Russ.)

Получено: 17.10.2022. Принято к публикации: 09.03.2023.

ИНФРАСТРУКТУРА КАК КАМЕРА-ОБСКУРА СОЦИАЛЬНЫХ КЛАССИФИКАЦИЙ: СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ

СЕРЕБРЕННИКОВ Дмитрий Евгеньевич — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: serebrennikov.dmtr@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2574-3842>

Аннотация. Изучение паттернов социальных классификаций активно развивалось в так называемом слабом проекте когнитивной социологии. Однако со временем последний столкнулся с аргументированной критикой «сильных» альтернатив за бессистемность и постулирование примата социального над индивидуальным в любых взаимодействиях. В данной статье предпринята попытка показать возможности для продуктивной работы в духе «слабого» проекта благодаря дополнению его теоретическим наследием Мэри Дуглас, а также идеями Сьюзен Стар и ее соавторов о связях инфраструктур с системами классификаций.

Специфика намеченной теоретической рамки будет показана на примере изучения основных паттернов опасного/безопасного пространства в мыслительных коллективах чиновников, близких к силовым органам власти, на примере трех кейсов муниципальных систем видеонаблюдения «Безопасный город» в одном из регионов России. Мы показываем, что общие принципы расположения камер в городе указывают на некоторые паттерны опасных и неконтролируемых пространств, и находим два общих типа

INFRASTRUCTURE AS A CAMERA OBSCURA FOR SOCIAL CLASSIFICATIONS: URBAN CCTV SYSTEMS IN RUSSIAN SMALL CITIES

Dmitry E. SEREBRENNIKOV¹ — Junior Research Fellow at the Institute for the Rule of Law

E-MAIL: serebrennikov.dmtr@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2574-3842>

¹ European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The study of social classification patterns was actively promoted within the so-called “weak” version of cognitive sociology. The “strong” alternatives have critiqued this endeavour over time for being haphazard and for assuming the supremacy of the social over the individual in every potential interaction. This article seeks to demonstrate the opportunity for productive work in the style of the “weak” project by incorporating the theoretical heritage of Mary Douglas and the concepts of Susan Star and her co-authors regarding the relationship between infrastructures and social categories in it.

The author demonstrates this by examining the fundamental patterns of dangerous/safe space in the thought of collectives consisting of bureaucrats linked to the security services, and analyzing three cases of municipal “Security City” video surveillance systems in one of the Russian regions. The study shows that general principles of camera placement in the cities indicate some patterns of dangerous and uncontrolled spaces and reveals two general types of such patterns. The first one is related to the district-wide organization of the system and the different focus placed on various security

таких паттернов. Один связан со способом организации всей системы на территории района и разными акцентами на пространствах для обеспечения безопасности (в этом смысле камеры могут быть расположены распределенным или централизованным образом). Другой указывает непосредственно на типы территорий, которые могут быть потенциальными источниками угроз: детские пространства, критическая инфраструктура и символические объекты.

Ключевые слова: социальные классификации, безопасность, инфраструктура, камеры наблюдения, когнитивная социология

Благодарность. Автор выражает признательность Кириллу Титаеву, Екатерине Ходжаевой и всем сотрудникам Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, благодаря которым одна идея смогла превратиться в полноценное исследование, а также двум анонимным рецензентам за ценные комментарии.

Введение

Начиная со второй половины XX века исследователи проявляют все больший интерес к изучению социальных классификаций, впервые появившихся в социологической теории еще в период позднего творчества Эмиля Дюркгейма [Дюркгейм, Мосс, 2011; Дюркгейм, 2018]. Вопросы определения и изменения классификационных схем изучаются и в поле исследований наук и технологий [Bowker, Star, 2000], и в экономической социологии [Fourcade, Healy, 2013], а также в социологии культуры и когнитивной социологии [DiMaggio, 1997]. Именно новаторские работы в последней из перечисленных областей позволяют дать широкий контекст связи классификаций и социальных условий на разных уровнях: от общих паттернов познавательной организации каких-то явлений до нейробиологических принципов работы сознания в коллективе.

На уровне отдельных коллективов большой интерес к работе классификационных схем проявляла также Мэри Дуглас, согласно которой сообщества прожи-

spaces. In this sense, CCTV can be positioned centrally or dispersedly. The second one indicates the immediate types of areas that can be potential sources of threats: children's spaces, critical infrastructure and symbolic objects.

Keywords: social classifications, security, safety, infrastructures, surveillance cameras, CCTV, cognitive sociology

Acknowledgments. The author is grateful to Kirill Titaev, Ekaterina Khodzhaeva, and all the researchers from the Institute for the Rule of Law at European University at St. Petersburg, who helped turn a single idea into a full-fledged study. The author is also appreciative to two anonymous reviewers for their insightful comments.

вающих вместе людей образуют различные системы конвенций о символических границах мира. Классификации призваны упрощать и упорядочивать мир, сводя его к бинарным оппозициям. Центральные для сообщества границы проходят по линии сакрального, отделяя мир опасного от безопасного [Дуглас, 2000]. К концу XX века такая сакрализация порядка стала охватывать почти все сферы повседневного мира, придя к позициям «контролируемое = безопасное» против «неконтролируемое = опасное» и воплощаясь во множестве инфраструктур, опутывающих городское пространство [Lianos, Douglas, 2000].

Инфраструктуры сохраняют в себе (и передают дальше) отпечаток различных конвенций, разделяемых участниками коллектива [Star, Ruhleder 1994]. Опираясь на это, можно предположить, что системы, обеспечивающие городскую безопасность, строятся на общих представлениях о типах пространства городской среды, которые, по мнению госслужащих и полицейских, необходимо контролировать.

В данной статье мы покажем, как изучение конфигурации городских инфраструктур (в нашем случае — камер наблюдения) позволяет увидеть общие паттерны организации опасного/безопасного пространства с точки зрения представителей власти. Кроме того, обсуждая дебаты между «сильной» и «слабой» версиями когнитивной социологии [Strydom, 2007], мы попытаемся представить дополнительные аргументы в пользу последнего подхода в контексте изучения классификаций.

Эмпирической базой для статьи послужило 22 полуструктурированное интервью с 27 информантами из трех муниципалитетов одного из регионов Северо-Западного федерального округа, собранные в 2018—2020 гг. Для понимания того, какие объекты воспринимаются как требующие внимания и контроля, интервью проводились с чиновниками, отвечающими за установку камер, руководителями центров мониторинга, низовыми операторами центров. В дополнение к этому проведена работа с официальными документами и планами установки камер, найденными на сайтах муниципалитетов или предоставленными информантами. Для анализа также использовалось семь интервью с сотрудниками МВД других регионов СЗФО¹, в которых обсуждалось расположение камер на территории. В связи с тем, что количество камер в каждом изучаемом муниципалитете варьировалось от 15 до 37, суммарный бюджет на них был крайне ограничен, а формальных правил расположения комплексов в изучаемом регионе не существовало, чиновники были вынуждены приспособлять установку камер под общие принципы борьбы с теми или иными опасностями, которые представляются наиболее важными в конкретном районе.

Первая часть статьи посвящена дебатам о природе социальных классификаций в традиции когнитивной социологии. Сначала мы опишем, из какой позиции может быть легитимна сама постановка вопроса об изучении паттернов классификации, после чего укажем на преимущества и недостатки их изучения в логике «слабого» проекта когнитивной социологии. Во второй части мы покажем, как теоретически могут быть связаны инфраструктуры и социальные классификации опасного и безопасного пространства. Затем представим общее описание изучаемого

¹ Интервью предоставлены сотрудниками Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге в анонимизированном виде.

мой системы (аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»), данных и методологии исследования. В последней части мы проанализируем паттерны расположения городских камер наблюдения с целью выделения основных групп опасных/безопасных пространств.

Исследование социальных классификаций и проблематика опасного/безопасного

Когнитивная социология и вопрос социальных классификаций

В социологической теории вопрос о связи социального устройства сообщества и способов упорядочивания мира в определенных категориях (по конвенциональной трактовке) возник в работах Эмиля Дюркгейма и Марселя Мосса [Дюркгейм, Мосс, 2011; Дюркгейм, 2018]. Тем не менее долгое время эта тематика развивалась преимущественно в антропологических исследованиях [d'Andrade, 1995]. Во второй половине XX века интерес к классификациям стал возвращаться в социологическую теорию благодаря неструктуралистским работам Мэри Дуглас [Дуглас, 2000], Джефри Александера [Alexander, 1990] и других исследователей. В настоящее время социальные классификации также активно изучают в области экономической социологии, где авторов обычно интересует связь устоявшихся категорий описания мира с заложенными в них иерархиями власти с одной стороны и тем, как они порождают экономическое действие — с другой [Fourcade, Healy, 2013].

Однако существует и другое направление, представители которого интересуются социальными классификациями и, шире, социально обусловленными процессами познания. Речь идет о когнитивной социологии.

В 1950-х годах в ряде дисциплин (в первую очередь психологии, лингвистике, компьютерных науках, антропологии, нейробиологии, философии) произошел резкий поворот к анализу процессов обработки информации и способов построить единый научный метод для изучения этого процесса. Впоследствии это движение получило название «когнитивная революция» [Miller, 2003]. Здесь стоит сказать, что «революцией» когнитивные исследования стали в первую очередь для психологии, где произошел переход от изучения поведения (*behavior*) к исследованиям познания (*cognition*) [Sokal, 1974]. Многие из теоретиков социологии с момента ее зарождения интересовались вопросами познания, поэтому эффект «когнитивного поворота» в этой дисциплине был значительно слабее. К тому же он совпал с поворотом к феноменологическим проектам примерно в тот же период. Для последних вопрос о познании мира индивидом был одним из ключевых [Strydom, 2007]. В результате наработки когнитивистов интересовали многих социальных исследователей, но, за некоторыми исключениями², они не становились социологическим мейнстримом.

В 1980-х годах ученик Ирвинга Гофмана Эвиатар Зерубавель попытался исправить это, предложив проект «когнитивной социологии», который развивается и по сей день. Зерубавель представлял когнитивную социологию как область, которая может дополнить когнитивные исследования, открыв как универсальные,

² Например, влияние когнитивных наук прослеживается в работах Николаса Лумана [Strydom, 2007].

так и частные закономерности познания, обусловленные коллективными взаимодействиями людей, а значит, недоступные для изучения в традиционных когнитивных науках. В то же время обнаружение этих свойств поможет социологам обрести новую твердую почву под ногами и не уходить в радикальный социологизм при развитии своих теоретических идей [Zerubavel, 1991].

Зерубавель утверждает, что люди в разных ситуациях мыслят и как универсальные по своим психологическим свойствам акторы, и как уникальные рациональные агенты. Признавая правомерность существования каждой из концепций, он дополнил их срединным, социологическим путем — люди мыслят в том числе с помощью других людей. Человек достаточно редко производит действия полностью самостоятельно. Он всегда является частью либо какой-то команды, совместными усилиями придумывающей решение проблемы, либо обобщенных больших коллективов, которые помогают ему ориентироваться в социальных правилах и упорядочивать повседневные взаимодействия. Зерубавель использует термин Людвиг Флека «мыслительный коллектив» [Флек, 1999], под которым понимается сообщество людей, обменивающихся идеями или поддерживающих интеллектуальное взаимодействие, приводящее к схожему стилю мышления по бытовым или профессиональным вопросам. Флек пишет, что для появления мыслительного коллектива достаточно и двух человек. Важно, что индивиды при коммуникации порождают совместные правила определения объектов к определенным мыслительным категориям, к чему они не пришли бы до начала взаимодействия.

Зерубавель настаивает на необходимости поиска социальных универсалий познания такого рода. Он обращается к общей идее формальной социологии Георга Зиммеля, отталкиваясь от которой, предлагает изучать не только уникальные содержания социального взаимодействия (и социального познания), но и его повторяющуюся в разных ситуациях форму. Последняя в логике изучения классификаций гипотетически может иметь конечное число вариантов, что позволит нам создать более строгие рамки для изучения социальных феноменов [Zerubavel, 2007].

По Зерубавелю, назависимый от нас мир является непрерывным. Наше сознание справляется с этим путем «упаковки» его фрагментов в дискретные «острова смыслов» (*islands of meaning*). Две центральные операции для этого — «объединение» (*lumping*) и «расщепление» (*splitting*) [Zerubavel, 1996]. Первая связана с уменьшением мыслительной дистанции между объектами и их объединением в кластер верхнего уровня (как мы объединяем от 28 до 31 дней в месяц), вторая — с увеличением межкластерных расстояний (как мы различаем 17- и 18-летних как несовершеннолетних и совершеннолетних) [ibid.].

Две эти операции могут происходить как в силу физиологии (различение лиц людей и не-людей [Slater, Quinn, 2001]), так и по причинам нахождения в том или ином мыслительном коллективе (развивая эту идею, Зерубавель концептуализирует их как «оптические сообщества» (*optical communities*)). Коллективы дают нам способы выстраивать аналогии между категориями социального мира, объединять их и расщеплять. Понять, как организованы эти категории, можно через анализ «зонирования» пространства, времени и причин в повседневном мире [Zerubavel, 1996]. Зерубавель обозначает такой тип работы как анализ социальных паттернов (*social pattern analysis*) по формам их организации [Zerubavel,

2007]. Они могут быть универсальными (например, обряды перехода), а могут иметь локальную специфику. Для обнаружения паттернов Зерубавель предлагает использовать сравнительный метод с максимально возможной вариацией изучаемого феномена. Это также должно стирать грань между микро- и макро-подходами, поскольку поиск паттернов может осуществляться на любых типах данных [ibid.].

Проект Зерубавеля, названный Ратгерской школой [Brekhus, 2007], оказался достаточно успешным. Тем не менее он подвергся изрядной критике — в первую очередь за отсутствие четкой методологии выделения паттернов в данных и систематизации многочисленных находок. Последующая линия критики, получившая название «сильного» подхода в когнитивной социологии [Strydom, 2007], исходила от лагеря исследователей, стремившихся выстроить связку между социологией, психологией и нейрофизиологией. Они призывали согласовывать построения социологов с когнитивными моделями психологов [Turner, 1994], поскольку последние благодаря ряду прорывных работ получили серьезные критические аргументы против классических социологических концепций о связи общества и познания³. В радикальных версиях «сильного» подхода предлагается отказаться от многих версий традиционной социологии, поскольку концепции познающего индивида в них противоречат открытиям когнитивных исследователей о работе мозга [Turner, 2002]. Поддержка «сильной» альтернативы наблюдается и в русскоязычной академии [Девято, 2015; Шариков, 2020].

Многочисленные аргументы против «слабого» проекта⁴ справедливо порождают сомнение в том, что социально порожденные схемы сами по себе имеют должествующий (а не инструментальный) характер для человеческого действия, а «паттерны классификации» могут быть объектом исследования. Однако даже в рамках психологически ориентированных работ мы можем найти более мягкие трактовки, показывающие, что так называемые схемы восприятия (*schemata*) в контексте их эффекта на действие поразительно схожи с тем, что социологи называют «институтами» [DiMaggio, 1997]. В таком случае вопрос применимости «слабого» подхода начинает зависеть от того, насколько жесткими и принудительными являются повседневные системы классификации для того или иного сообщества. Когда мы имеем основания говорить, что коллектив придерживается схожих принципов категоризации мира? Недостающее звено в этом вопросе можно обнаружить в наследии Мэри Дуглас.

Британский антрополог посвятила значительное количество своих работ темам, близким когнитивным социологам, развивая их в логике связи между мыслительными коллективами (можно провести параллель с «оптическими сообществами» Зерубавеля), системами классификации и структурой самих сообществ. Она предлагала понимать «институт» как консенсус об установлении подобия. Сама возможность видеть сходства определенных элементов между собой является социальным институтом. В повседневных операциях индивид постоянно занимает

³ Например, см. разгромную критику позднедюркгеймианской модели познания Альбертом Бергесеном [Bergesen, 2004].

⁴ Связанного с развитием идей Ратгерской школы или сохранением традиционных социологических моделей познания.

ся задачей классификации объектов, но для облегчения когнитивных процессов она упрощается через институты, интериоризированные индивидом через мыслительные коллективы, в которых он существует [Дуглас, 2020].

Дуглас уточняет — системы классификаций (как институты) в разных сообществах могут иметь разную силу. Она пытается упорядочить их по двум осям. Первой является «разметка» (*grid*), выражающаяся в ограничениях, которые индивиды накладывают друг на друга при работе с классификациями и дефинициями объектов в мире. Если ограничения сильны, то способ мышления общества о мире жесткий и его сложно изменить; если же ограничения слабы, то мы имеем общество свободных в своем стиле мышления индивидов. Второй осью является «группа» (*group*), отражающая степень доминирования группы над индивидом в контроле его действий. В результате мы получаем матрицу 2 x 2 [Douglas, 1982].

Введение такой структуры дает теоретические основания полагать, что у одних коллективов (*low-grid — low-group*) классификации не будут общими и не будут иметь принудительной силы (как, например, в сфере искусства). Ожидать, что представители таких сообществ будут категоризировать мир схожим образом, затруднительно и легко может привести к необоснованному социологизму⁵. С другой стороны, есть виды коллективов (*high-grid — high-group*) с максимальной упорядоченностью и гомогенностью классификаций внутри сообщества, нарушение которых представляется крайне нежелательным. Сама Дуглас называет такой тип «иерархическим», или «бюрократическим». Крайним вариантом коллективов такого рода можно считать силовые ведомства, экстренные службы и прочие бюрократические структуры. Находясь в таком сообществе, индивид испытывает высокое давление окружающих на то, каким образом он должен действовать, при этом само его мышление достаточно жестко структурировано, ибо рассогласование классификаций бюрократов может парализовать всю их работу [Дуглас, 2020]. Подтверждение этому мы находим и эмпирически. Например, в повседневной рутине следователь, стремясь сэкономить усилия, не квалифицирует дело, исходя из его формальных юридических признаков, а соотносит наблюдаемое с некоторым числом шаблонов и выбирает оптимальный. Сам этот навык является результатом обучения молодого сотрудника в коллективе [Титаев, Шклярчук, 2015].

Мы считаем, что анализ классификаций в русле «слабого» проекта может быть важным инструментом для анализа при учете специфики сообщества. Там, где общие классификации необходимы для работы всего коллектива, их изучение представляется легитимным. При таком анализе вопрос о биологически обусловленных социальных процессах познания должен быть сознательно отодвинут в сторону. Представители сильных подходов требуют [Kaidesoja, Нуурыläinen, Puustinen, 2022] показать конкретные механизмы появления какого-то социального знания у индивида. Однако исследование познания как прозрачного «аквариума» (*glass box*), а не «черного ящика» (*black box*) может быть необязательным. При наличии легитимного ожидания, что в сообществе будут установлены крайне строгие рамки

⁵ Имеется в виду сведение всех причин поведения к социальным механизмам. По мнению некоторых представителей «сильного» подхода, социологизм — один из ключевых недостатков большей части социологической теории вообще [Kaidesoja, Нуурыläinen, Puustinen, 2022].

для классификации, мы можем изучить их паттерны в реальном мире, а не с помощью фМРТ. В этом контексте сознательное затемнение ящика выглядит оправданным и позволяет ставить вопросы об организации социальных классификаций в независящем от исследователя мире.

Безопасное/опасное различие и исследования инфраструктур

Паттерны восприятия опасного и безопасного на общем уровне анализировала Рут Симпсон, выделив три формы такого упорядочивания. Первая форма — когда мы видим опасные вещи на фоне безопасного. Вторая — наоборот, когда мы усматриваем безопасные сущности в мире опасностей. Последняя, наиболее привычная в повседневной жизни, — когда мир сам по себе не имеет для нас этих свойств, но они присущи определенным объектам в нем. Это не означает, что нет объективных опасностей. Онтологические для нас опасности могут приходиться из внешнего мира, но лишь в мыслительном коллективе люди проводят окончательную границу [Simpson, 1996]. Таким образом, убеждение «объект X — опасен» связано как с его реальной опасностью, на которую мы можем реагировать рефлекторно (например, в случае взрыва), так и с бытующими в сообществе конвенциями об опасности (например, страх «черной Волги» в позднем СССР [Архипова⁶, Кирзюк, 2019]).

В нашем контексте нас интересует как раз нейтральный фон, на котором какие-то объекты могут быть понимаемы как источающие угрозу сами по себе. Однако, как пишут Дуглас и Микаэлис Лианос, в конце XX века «нейтральных зон» для повседневного мира Западной Европы и Северной Америки становится все меньше [Lianos, Douglas, 2000]. Логика классификации мира в 1990-х годах сместилась в сторону большего усиления политики безопасности и разрастания пространств угроз. Авторы показывают, что к концу XX века почти любое место может считаться опасным, хотя с точки зрения внешних показателей оно не всегда является таковым. Контроль ситуации начинает восприниматься как нечто сакральное. Угрозы же вынуждают сообщество вырабатывать жесткие регламентации, общие понятия, классификации опасного, безопасного и того, как избежать негативного сценария развития событий при их нарушении. В этом смысле механизмы «обуздания» опасного претерпели мало изменений за столетия [Дуглас, 2000], однако изменился их масштаб.

Один из самых распространенных инструментов проведения политики безопасности — специальные инфраструктуры, упорядочивающие для властей «восприятие» территории (городские системы видеокамер, датчиков возгорания, сигнализации и проч.) [Lianos, Douglas, 2000]. При этом сами инфраструктуры могут изучаться как отражение чьих-то классификаций пространства, категорий, вписанных в объекты. Так, Джофри Боукер и Сьюзан Стар показывают, что такие системы создаются благодаря определенным классификациям и стандартам, а затем сами склоняют нас к мышлению через воплощенные в них категории: «классифицировать — суть человеческое» («*to classify is human*») [Bowker, Star, 2000]. Таким образом, бытовые или рационально созданные классификации становятся ма-

⁶ 26.05.2023 г. внесена в реестр иностранных агентов.

териальными и упорядочивают мир для нас. Для авторов классификация больше связана с формальными установлениями правил «группировки» объектов в мире (например, Международная классификация болезней). В таком контексте распространение своей классификации может прочитываться как инструмент установления экономического или политического контроля за определенным ресурсом (например, винами [Fourcade, 2012]). Эти сложившиеся конвенции определяют вид железнодорожных путей, трубопроводов, линий электропередач, множества других инфраструктур и практику их повседневного неререфлексируемого использования [Star, 1999].

Важно отметить, что Стар концептуализирует инфраструктуры постоянно изменяющимися сущностями. Между тем многочисленные примеры больших и созданных по единому плану строек в СССР порождают сомнения в универсальности такого принципа [Larkin, 2013]. В силу ряда причин схожим образом многие инфраструктуры создаются и в настоящее время.

Примером могут служить архетипичные для современной массовой культуры системы видеонаблюдения [Lianos, Douglas, 2000]. Однако работ, анализирующих их локализации и принципы расстановки в городском пространстве, не так много. Большинство современных исследований камер посвящено критике массового распространения таких систем, либо, наоборот, изучению их эффективности, но не вопросу дизайна инфраструктур и их связи с мыслительными коллективами. В немногочисленных исключениях даются широкие выводы о том, что камеры могут располагаться как в центрах городов, так и на их окраинах [Arteaga Botello, 2015], в зажиточных или, наоборот, неблагополучных районах [de Keersmaecker, Debailleul, 2016; Norris, Armstrong, 1999].

Если мы принимаем во внимание связь мыслительных коллективов и производимых ими инфраструктур, то в случае одновременного спланированного создания таких систем по всему населенному пункту определенной группой чиновников (обычно связанных с силовыми ведомствами или экстренными службами), инфраструктуры должны воспроизводить некоторые паттерны пространств, из которых должна происходить угроза в понимании представителей этого коллектива. Даже если мы считаем, что члены коллектива ведут себя только как рациональные индивиды, им необходимы критерии этой рациональности. Последние могут варьироваться от города к городу, ведь городские пространства разными группами воспринимаются по-разному, а не универсально [Harvey, 2010]. Таким образом, камера на улице становится артефактом общего стиля мышления и работы определенного бюрократического мыслительного коллектива. Нужно лишь начать смотреть на нее не как на «проводник» взгляда государства, а как на знак интереса какой-то группы бюрократов к этому пространству.

Где ставить камеру? Системы «Безопасный город» в регионах России

Инфраструктуры, которые мы будем рассматривать как артефакты работы мыслительных коллективов, — системы камер наблюдения аппаратно-программных комплексов «Безопасный город» (далее АПК «БГ»). Эти системы существовали с середины 2000-х годов в виде разных инициатив правоохранительных органов на местах, однако по реформе полиции 2011—2012 гг. «БГ» стали переда-

вать на баланс муниципалитетов⁷. В 2014 г. у локальных инициатив появилось общее оформление — была утверждена Концепция построения и развития АПК «БГ»⁸. Она была призвана создать централизованные системы видеонаблюдения во всех городах и городских поселениях России. Стоит оговориться, что далеко не все регионы создавали свои инфраструктуры на основе этой законодательной базы. Из-за слабой проработанности Концепции такие программы в целом вводились разрозненно и с различными названиями. Концепция носила рамочный характер и, несмотря на то что основными пользователями систем должны были стать полицейские, ее выполнение доверили курировать МЧС. Финансирование же должны были находить муниципальные и региональные власти⁹. В результате к концу 2010-х годов системы «БГ» в разных регионах России достаточно сильно отличались друг от друга по способу организационного устройства, финансирования и принципам построения.

В типичном случае региональные власти направляли большую часть ресурсов на установку дорожных камер, так как последнее позволяло привлечь в бюджет дополнительные ресурсы. Обычные же уличные камеры вплоть до начала 2020 г. рассматривались скорее как дополнительные неоправданные расходы¹⁰.

Можно было ожидать, что городские камеры будут расставлены по территории исходя из каких-то нормативов, но в типичном случае решение о расположении комплексов делегировалось муниципалитетам. Там представители специально собранных рабочих групп могли руководствоваться разработанными пособиями МЧС¹¹, однако последние дают лишь рамочные рекомендации размещать оборудование на критически важных и социально значимых объектах. Нормативно-правовые акты (далее — НПА), связанные с противодействием терроризму, также не дают конкретных указаний. Единственным исключением можно назвать категорию «места массового скопления людей», к которым, согласно нормам, можно отнести любое пространство, где одновременно могут находиться более 50 человек¹². Безусловно, существуют пространства с особыми режимами безопасности на их внутренней территории: разного рода заводы, закрытые объекты, вокзалы¹³

⁷ Эта информация была получена сразу от двух информантов — руководителей комплексов (см. ниже), однако нам не удалось найти подтверждающие это открытые нормативные акты. Косвенно ее подтверждают новости о передаче таких систем на региональном уровне: Городское видеонаблюдение передают от полиции к муниципальным властям // SecurityNews. 2011. 23 июня. URL: <https://www.secnews.ru/digest/16614.htm#axzz6MWotPgdt> (дата обращения: 15.05.2023).

⁸ Распоряжение от 3 декабря 2014 г. № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса „Безопасный город“» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172077/ (дата обращения: 15.05.2023).

⁹ Протокол заседания Межведомственной комиссии от 20 декабря 2016 г. № 8 // МЧС России. 2016. 20 декабря. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2716> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁰ Информация приведена со слов информантов — руководителей комплексов (см. ниже).

¹¹ Методическое пособие по разработке организационных документов по созданию и развитию АПК БГ (2016) // МЧС России. Главное управление по Кемеровской области — Кузбассу. URL: <https://42.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/bezopasnyy-gorod/dopolnitelnye-materialy/iv-metodicheskie-rekomendacii-mchs-rossii/metodicheskoe-posobie-po-razrabotke-organizacionnyh-dokumentov-po-sozdaniyu-i-razvitiyu-ark-bg-2016> (дата обращения: 15.05.2023).

¹² Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 15.05.2023).

¹³ Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/ (дата обращения: 15.05.2022).

и стадионы¹⁴. Однако установленные там системы обычно считаются отдельными от муниципального «БГ» комплексами и финансируются из иных бюджетов. Другие НПА, которыми регламентируется создание систем камер, также дают размытые формулировки. Например, красноречив сам факт, что в федеральном законе «О безопасности» нет определения этого термина¹⁵. Из качественных данных (см. ниже) нам известно, что такие правила существуют, однако (на момент полевого этапа исследования) разработаны преимущественно только для крупных городов.

Так как же тогда камера наблюдения появляется на территории? В каждом из муниципалитетов анализируемого региона (см. ниже) в специальную экспертную комиссию приглашались представители заинтересованных ведомств и служб. Состав таких комиссий устанавливается региональным регламентом. В рассматриваемом случае в нее входят представители МЧС, МВД и отдела по чрезвычайным ситуациям муниципалитета. Внутри своих служб они должны были собрать информацию о пространствах, где необходимо разместить комплексы, а затем исходя из имеющегося бюджета прийти на совместных совещаниях к решению об окончательном дизайне системы.

Можно предположить, что камеры должны устанавливаться с расчетом каких-то статистических или формальных показателей, однако, например, статистика силовых органов на момент проведения исследования собиралась с генерализацией до района, а не конкретной точки на карте [Шклярук, 2014]. Именно поэтому локальная экспертность была определяющим фактором при разработке системы.

Таким образом, собираясь вместе, чиновники разных ведомств образуют мыслительный коллектив, задача которого — создать план расположения камер. При этом чиновники скорее будут ориентироваться на принятые конвенции (в том числе и для того, чтобы оправдать траты на создание системы перед начальством), нежели проводить математический анализ всех городских пространств в поисках оптимального. Безусловно, частные запросы разных ведомств будут реализованы в плане, но общие паттерны пространства будут говорить скорее о специфике восприятия пространств, которые необходимо сделать безопасными или контролируруемыми с точки зрения представителей муниципалитета. Поиск паттернов расположения камер наблюдения поможет нам высветить общие принципы мышления о пространстве, свойственные силовым органам власти и ассоциированным с ними чиновникам, а также лучше понять принципы контроля городских территорий со стороны этих органов.

Данные и метод

Мы анализируем системы АПК «БГ» в трех муниципалитетах (с центрами в малых городах с населением от 10 до 70 тыс. человек) одного из регионов Северо-Западного федерального округа РФ¹⁶. Полевая работа проводилась с декабря

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2015 г. № 202 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов спорта и формы паспорта безопасности объектов спорта» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176301/ (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁵ Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁶ Регион не называется во избежание деанонимизации информантов.

2018 по март 2020 г. Создание систем видеонаблюдения в изучаемом регионе финансировалось региональными властями по специальной программе начиная с 2015 г. Планы по установке камер и организационному устройству «БГ» в конкретных муниципалитетах разрабатывались на местах.

Муниципалитеты для анализа были отобраны по принципу максимальной вариации организационных структур АПК «БГ». В одном случае систему создавали и в дальнейшем контролировали региональные власти (кейс № 1), в другом — «Безопасный город» создавался при Единой дежурно-диспетчерской службе города и был тесно связан с муниципальными службами (кейс № 2), в третьем разработка, установка и оперативный мониторинг камер АПК «БГ» были отданы на аутсорсинг частной организации (глава которой был тесно связан с силовыми органами власти) (кейс № 3). Количество камер в каждом из кейсов варьируется от 15 до 37.

Доступ в поле в одном кейсе был получен через ключевого информанта, а еще в двух — через официальный запрос в администрацию, представители которой согласились частично «открыть» поле для исследователя. Стоит учитывать, что это могло наложить разного рода эффекты на восприятие интервьюера информантами как представителя начальства или проверочных органов. Всего было собрано 22 полуструктурированных интервью с 27 информантами (см. Приложение). Информантами были работники, вовлеченные в создание, организацию и повседневную работу АПК «БГ» — от служащих региональных департаментов по безопасности и информационным технологиям до операторов камер на местах. Из них в рабочие группы по расстановке камер входило семь информантов. Помимо этого, было проведено пять интервью с экспертами по физической безопасности разного уровня (от топ-менеджеров до рядовых работников), занимавшимися разработкой систем безопасности по заданию муниципалитетов по всей России, в том числе и в изучаемом регионе. В интервью исследователя интересовал широкий круг вопросов организационного контекста создания и работы АПК «БГ» в муниципалитете. Тема принципов расстановки камер была одним из блоков гайда. Помимо интервью была изучена многочисленная документация, полученная от информантов или найденная на официальных сайтах муниципалитетов.

В дополнение к этому при анализе данных было использовано семь анонимизированных интервью, предоставленных Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, которые были взяты у руководителей муниципальных администраций и чиновников МВД в 2014—2016 гг. и в которых обговаривалась тема АПК «БГ». Интервью дены в трех регионах Северо-Западного федерального округа и служат для прояснения исторического контекста или иллюстрации общей полицейской и административной логики по вопросу установки камер.

Такая неоднородность данных обусловлена крайней закрытостью поля для внешнего исследователя. Однако в совокупности они дают достаточно полную картину бюрократических паттернов опасного и безопасного пространств.

Интервью были проанализированы на предмет отсылок либо к «опасным» местам в муниципалитете, либо к принципам, по которым должно определяться ме-

сто для камер, чтобы те обеспечивали безопасность на территории. При этом нас интересовала именно фактическая информация, а не дискурсы. Далее полученные паттерны сопоставлялись с найденными планами расстановки камер для получения окончательного списка категорий мест, где, по мнению информантов, необходимо обеспечить безопасность и создать соответствующие инфраструктуры. Эти категории проявляются скорее как «острова смыслов» и в чистом виде не представлены в каком-либо городе, однако все они проговариваются информантами как отдельные зоны, требующие их внимания.

Места безопасности

Город как крепость

Часто встречающийся в интервью нарратив — установка камер либо на окраинах населенного пункта, либо в самом его центре (обычно вокруг администрации). Камеры «внешнего кольца» контролируют ключевые въезды на территорию города. Если трактовать категорию «въезд в город» в широком смысле, то можно увидеть, что камеры часто располагают рядом с авто- и железнодорожными вокзалами. Такая логика восприятия города как закрытого объекта, города как крепости, в целом была свойственна почти всем информантам и среди прочего проявлялась в специфических терминах, описывающих пространство: например, оборудованные камерами въезды в город назывались «рубежами».

Идея контроля границ и центра территорий — одна из самых частых в описаниях информантов. Так, один из них (м., руководитель, кейс № 1, участвовал в разработке) утверждал, что тотальное «перекрытие» въездов и выездов из города — первое, что было сделано в поселении при разработке «БГ» еще в 2015 г. Часто на такие участки ставят специальные камеры с потоковым распознаванием номеров, однако, по заявлению информанта из другого города, для среднестатистического муниципалитета это слишком дорого (м., работник отдела ГО и ЧС, кейс № 3, не участвовал в разработке).

Другими важными точками контроля «трафика» являются вокзалы и в целом любые официальные «точки входа» на территорию, которые власти также стремятся оборудовать системами безопасности:

А АПК «БГ» расположен на оживленных перекрестках, местах массового скопления людей. Последнее, что здесь было сделано, — установлено пять видеокамер около ж/д вокзала. Сейчас устанавливается две видеокамеры на сквере. Наша новая зона отдыха для горожан... Сейчас в планах построение причала здесь. Вот прямо на берегу реки, вот здесь [показывает в окно]. Совсем недалеко. И сейчас разрабатывается проектная документация по установке двух видеокамер, которые будут наблюдать за этим причалом. (М., заместитель руководителя, кейс № 2, участвовал в разработке).

Понимание города как крепости характерно не только для изучаемого региона:

Нам не хватает видеонаблюдения. Я думаю, что, если бы у нас это было... даже вот по той схеме, как мы это начертили: в основных местах... на въезде в город, на выезде из города... мы бы сразу очень много вопросов сняли... Очень много. Потому что, во-первых, мы бы видели, кто это делает, во-вторых, сразу бы это поступало на пульт

дежурного, — могли бы пресекать. И все, и даже с точки зрения преступлений. Кто из города выехал, все бы номера машин, все было бы видно. (М., глава администрации, данные ИПП ЕУСПб).

В имеющихся интервью с представителями МВД мы наблюдаем ту же общую идею: контроль въезда в город — это первоочередная задача при создании систем видеонаблюдения. При этом даже не столь важно, как это работает на практике — общая идея контроля важнее. Так, операторы одного из центров мониторинга заявляли, что полицейские периодически приходят к ним искать угнанные машины, но зачастую это оказывается безрезультатным предпринятием из-за плохого качества самих камер и того, что, если преступник решился на угон, он вряд ли поедет по основным магистралям, выводящим из города. Стоит отметить, что информанты описывали разные результаты работы с системой, соответственно, отношение к ней может сильно различаться как между муниципалитетами, так и внутри них.

В завершение можно упомянуть, что логика контроля периметра и важных инфраструктурных точек также неочевидна и неоднозначна. Сами «центральные» пространства могут варьироваться в зависимости от внутренних и ненаблюдаемых нами причин. Примером, который случайно проявился в одном из кейсов, может служить установка нескольких камер внутри одного из дворов города:

Информант 1. [Камер,] *конечно, не хватает — не проследить весь маршрут. Почему в [название микрорайона] хотят камеры поставить?*

Информант 2. *Да прокурорских там две машины сгорело.*

Интервьюер. *Из-за этого?*

Информант 2. *Ну, да [улыбается]. (М. и м., работники отдела ГО и ЧС, кейс № 3, не участвовали в разработке).*

У нас недостаточно свидетельств, чтобы утверждать, что камеры действительно планируются к установке из-за обсуждавшегося инцидента, но этот отрывок хорошо иллюстрирует, что «места власти» на локальном уровне могут выходить за пределы официальных учреждений.

Паттерн сети

Когда власти намерены контролировать своими системами не только границы города, но и муниципалитет в целом (как в кейсе № 1 и частично в № 2), им необходимо расставить ограниченное число камер так, чтобы те покрыли наибольшую площадь территории. Решение находится через меньший контроль границ поселения и больший — узловых точек и развязок дорог:

Знаю, что в [название другого города] есть камеры, но больше общественной безопасности они наблюдают... на въездах и выездах основных в поселении. На основных до-

рогах устанавливают камеры в обе стороны с таким расчетом, чтобы можно было проследить, что вот угнали ночью машину. А камера стоит хорошая и запоминает надолго номера машин... В последние два месяца проследили три угнанных машины, и вот эта система помогла вернуть машины. В других поселениях тоже. (М., начальник по делам ГУ и ЧС, кейс № 2, участвовал в разработке).

С помощью камер чиновники стремятся фиксировать в первую очередь угоны, аварии, сбития пешеходов, особенно детей (см. следующий параграф). Причина последнего проста — по регламентам экстренных служб информация об авариях с участием детей должна передаваться напрямую в администрацию региона, что становится нежелательным вмешательством в локальные дела чиновников:

Мне надо знать, какой вред здоровью причинен, потому что я это докладываю в [региональный центр]. Вот. В вышестоящее руководство, что у нас произошло ДТП. И особенно если это касается несовершеннолетних детей. Пока до конца их не доведу, значит... [жестами показывает, что не завершу работу]. (Ж., оператор диспетчерской, кейс № 2).

Любопытно, что в изученных кейсах паттерны «сети» и «крепости» представлены в достаточно чистых формах. То есть дизайн всей системы склонялся либо к одному, либо ко второму варианту¹⁷. Оба преобладают над остальными и иллюстрируют две возможные логики контроля — распределенную и централизованную.

Детские пространства

Установка камер видеонаблюдения в разнообразных детских пространствах — школах, детских садах и площадках — распространенный тренд [Taylor, 2013]. Повсеместный предлог к развитию таких систем — необходимость обеспечения безопасности детей, которые еще не в полной мере обладают субъектностью, способностью отвечать за свои действия и могут причинить вред себе или другим. Однако такой подход критикуется как проникновение неолиберальной модели управления не только в сектор государственного управления и высшего образования, но также в школы и детские сады. Неолиберализм в данном случае понимается как инструмент, создающий всеобщую криминализацию и секьюритизацию всех сфер жизни общества. В случае школ это может доходить до того, что камеры появляются даже в туалетах [Taylor, 2010].

В малых городах изучаемого региона видеонаблюдение на территории школ, больниц и детских садов обязательное и организуется в рамках одной из региональных программ¹⁸. Такая же ситуация и в городах большего масштаба:

Все школы у нас оборудованы видеонаблюдением... Кнопкой тревожной сигнализации... То есть дошкольные, школьные учреждения, высшие учебные заведения... То есть

¹⁷ У нас недостаточно данных, чтобы говорить о причинах выбора той или иной стратегии на рабочих группах.

¹⁸ Эта программа распространена и за пределами изучаемого региона. См., например: Безопасная школа: охранники должны видеть картинку с камер видеонаблюдения // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. 2013. 18 августа. URL: <https://www.mos.ru/drbez/documents/arhiv-novostej/view/86189220/> (дата обращения: 15.05.2023).

непосредственно те объекты, которые образовательной направленности. (М., и. о. начальника Отдела вневедомственной охраны УВД, данные ИПП ЕУСПб).

Важно отметить, что все эти системы существуют внутри закрытых социальных объектов и напрямую не включены в общую инфраструктуру наблюдения города. Другими словами, участники рабочих групп ответственны за другой тип камер, зная, что детские учреждения и так находятся под пристальным наблюдением. Однако во всех кейсах наблюдается расположение комплексов возле детских объектов.

В нашем случае особенно популярными местами установки камер наблюдения оказались детские и спортивные площадки. Гипотетическим объяснением этому может служить то, что такие пространства притягивают нарушителей общественного порядка и являются потенциально травмоопасными для детей местом. На это указывает и статистика использования камер в одном из кейсов. По ней самым массовым способом работы по камерам становится «снятие» детей с крыш домов и гаражей¹⁹. Причем этот паттерн проявляется во многом в силу институциональной связи школ, детских садов и дворовых детских комплексов с зоной ответственности муниципальных властей.

Соглашаясь с этим, один из информантов дополнил рассуждение другим аргументом:

[Сумма] ты тратишь на безопасность [в муниципалитете]. Положить эту цифру в голову чиновникам очень тяжело, потому что чиновники приходят построить 15 детских площадок, 25 школ и т. д. Им так легче отчитываться. (М., руководитель, кейс № 3, участвовал в разработке).

С одной стороны, столь высокое внимание к детским пространствам объясняется опасностями, которые они могут порождать. С другой стороны, сама эта «опасность» в среде бюрократов может работать как непроблематизируемая конвенция и быть одной из легитимных отсылок при оправдании своих действий.

Критическая инфраструктура

Расположение общегородских камер рядом с объектами критической инфраструктуры (котельными, насосными станциями, водоочистными сооружениями и проч.) представляется довольно противоречивым паттерном. Одна логика рассуждения постулирует идею «закрытых объектов» (как в кейсе № 3), где все, что случается внутри территорий каких-то объектов, считается как другое пространство с другим режимом — как безопасности, так и контроля за ней. На таких объектах обычно действуют свои системы безопасности, регламентируемые отдельными НПА. Здесь важна характерная черта логики классификации опасных пространств в среде чиновников анализируемого кейса: если какая-либо территория является зоной ответственности другого, то опасности на ней не воспринимаются как таковые.

¹⁹ Почти половина всех случаев использования камер. Всего за 2017 г. системами воспользовались 166 раз.

В кейсе № 2 из-за большого химического завода на территории города возникает другой принцип восприятия опасностей — экологический. В таком случае даже закрытые пространства воспринимаются как места публичного порядка, которые должны быть подконтрольны тем, кто поддерживает этот порядок в городе, то есть МВД и администрации. Ведь произошедшее внутри них напрямую может отразиться на муниципальных чиновниках. В результате даже при наличии собственных систем охраны такие места представляются как потенциально опасные, поэтому при проектировании АПК «БГ» создают комплексы датчиков на разных объектах города, чтобы следить за обстановкой в них. Стоит оговориться, что камеры для этого используются редко, но они также расставляются вблизи территории предприятия.

Критическая инфраструктура — один из типов пространства для контроля и безопасности, на который явно указывают методические рекомендации при проектировании АПК «БГ». Однако само отношение к опасностям в них может быть разным. Если ЧП на объекте может угрожать всему населенному пункту, члены рабочей группы будут проектировать камеры с учетом этого. В иных случаях внимание к ним — это скорее *ad hoc* решение.

Символические объекты

Зачастую значимые для сообщества объекты также обозначаются *ad hoc* и не всегда видны внешнему наблюдателю. К ним можно отнести различные мемориалы, памятники, парки и музеи. Можно попытаться провести метафорический критерий такого пространства в логике Дуглас — если место будет «осквернено», то, скорее всего, последует негодование локального сообщества [Дуглас, 2000]. Для примера приведем случай, произошедший в одном из кейсов:

01. *Вот смотрите, в прошлом году... У нас есть на горе захоронение, памятник, в общем. И поставили там голубые елки. И начали воровать эти елки. Просто выкапывать. Садоводы, наверное. Глава принял решение срочно поставить видеонаблюдение.*

02. *...Родственники погибших афганцев [памятник посвящался жертвам афганской войны] обратились с просьбой к губернатору и главе и [они] нашли деньги, и мы поставили туда три камеры. (М. и м., работники отдела ГО и ЧС, кейс № 2, не участвовали в разработке).*

«Символические объекты» скорее можно ожидать в публичных пространствах, в которых они по разным причинам могут восприниматься как источники опасности. Общая логика опасения осквернения будет работать для них. Так, в кейсе № 3 камеры были установлены возле вечного огня, для того чтобы не давать детям «забросать его снегом», а «бомжам — жарить на нем соски».

Поскольку в малых городах большинство таких объектов обычно находится на главной площади поселения, паттерн безопасности символических пространств будет дополнять общий тип «город как крепость». Одни камеры будут направлены на административные здания, а другие, находясь по соседству, будут наблюдать памятные объекты.

Преступность, коррупция и камеры

При знакомстве с предыдущими параграфами читатель мог задаться вопросом, почему автор не говорит о, кажется, самом главном принципе установки камер — в местах частого совершения преступлений.

Этот паттерн диктуется разнообразными НПА по АПК «БГ» и также заявлялся информантами в различных кейсах. Однако при дальнейших расспросах можно сделать осторожный вывод, что, судя по всему, такая логика чаще применяется в больших мегаполисах. В малых городах коллективы, ориентирующиеся на нее, сталкиваются с достаточно слабой эффективностью таких систем при дороговизне их установки и поддержания. Нельзя забывать, что аргументация к этому паттерну может прикрывать более важную для ряда информантов логику установки — коррупционную.

Приведем отрывок из полевого дневника, в котором описан монолог информанта о преимуществах сферы безопасности в коррупционных махинациях:

На безопасность объекта тратится до 10—15% сметы, собственно, эти 10—15%... а) [информанта], б) сложно контролируемы, с) их легко вывести из оборота... Важно, что их тяжело отследить, так как проверяющие органы обычно ищут неправильную растрату при строительстве объектов, но не при их содержании. (М., руководитель, кейс № 3, участвовал в разработке).

По словам другого информанта, обеспечение безопасности может восприниматься как некий «майнинг» средств при содержании объектов, так как никто не знает, стал ли объект X безопаснее после установки аппаратов или нет.

Поразительным образом этот пример дополняет главный аргумент статьи о том, что члены рабочей группы по разработке дизайна системы действуют как мыслительный коллектив, разрабатывающий план и отталкивающийся при этом от общепринятых конвенций понимания пространств, из которых может прийти опасность. Поскольку проверяющие органы интересуют прежде всего этап появления инфраструктуры, ее могут создавать исходя из стереотипов о пространствах, которые необходимо обезопасить, — вне зависимости от того, насколько это действительно необходимо в муниципалитете с точки зрения структуры распределения преступности.

Схожие проблемы отмечаются и в других исследованиях [Carr, 2016]. Например, Гемма Клавел на материале Барселоны делает вывод о связи распространения систем видеонаблюдения не столько с их эффективностью в сокращении преступности, сколько с тем, что они становятся «удобной» технологией для самых разнообразных городских акторов (политиков, полицейских, гражданских активистов и проч.). Камеры используются для аргументации их публичной повестки и легитимации различных решений в управленческой логике. Любые инвестиции в технологии такого рода воспринимаются положительно и, что не менее важно, органы власти, ответственные за введение систем безопасности Барселоны, никогда не заказывали оценку эффективности этих инфраструктур у сторонних агентств [Clavell, 2011].

Заключение

Мы попытались продемонстрировать, как изучение социальных паттернов в духе «слабого» проекта когнитивной социологии может оказаться продуктивным при учете структурных особенностей анализируемых сообществ. В случае изучения бюрократии (особенно связанной с силовыми органами власти) мы теоретически можем ожидать большей гомогенности систем классификации в коллективе. Таким образом, изучая инфраструктуры, спланированные коллективами бюрократов, мы можем говорить о некоторых общих принципах категоризации пространства.

Исследуя различие безопасного/опасного пространства, мы проанализировали три кейса муниципальных инфраструктур камер наблюдения. Все кейсы объединяет то, что перед чиновниками в условиях небольшого количества ресурсов стоит задача контролировать с помощью камер достаточно большую территорию. Фраза о том, что полицейские хотят «утыкать» весь город камерами, была, наверное, одной из самых распространенных в интервью. Однако из-за ограниченности средств, участники мыслительных коллективов рабочих групп руководствовались определенными принципами расстановки систем. Проектируемые инфраструктуры должны охватывать такие участки города, которые конвенционально будут считаться требующими установления безопасности и контроля.

Мы выделили два ключевых способа организации видеоконтроля — распределенный и централизованный. Каждый из них можно трактовать в логике разной иерархии безопасного. В первом случае достигается больший контроль всей территории района, но меньший за пределами непосредственных пространств «власти» (будь то администрации, отделы МВД или личные дома чиновников). Во втором случае эта система противоположна.

Кроме того, мы выделили три типа территорий, которые конвенционально считаются нуждающимися в наблюдении: детские пространства, объекты критической инфраструктуры и символически важные объекты. Эти категории могут быть внутренне противоречивы, однако с точки зрения общего нарратива они находятся на следующем уровне логики обеспечения безопасности в муниципалитете после описанных выше общих принципов организации контроля.

Представленная статья — первая попытка описать общие формы классификации опасных и безопасных пространств в мыслительных коллективах чиновников, близких к силовым органам власти. Мы предлагаем общий подход к проблеме и эмпирические способы изучения как механики работы социальных классификаций, так и связи власти и территории. Однако, чтобы делать более аргументированные выводы, необходимо дальнейшее развитие этой работы как минимум в двух направлениях. Во-первых, в текущем исследовании не прояснен процесс принятия решений в рабочих группах. Можно ожидать, что он не был единогласным. Анализ контроверз на встречах рабочих групп может послужить сильным аргументом в пользу как подтверждения, так и опровержения идеи о том, что финальный вид инфраструктуры отражает некоторые общие паттерны отношения к опасным/безопасным пространствам. Во-вторых, поскольку экстраполяция результатов также неочевидна, представляется важным в той же логике проанализировать другие инфраструктуры в иных контекстах. Например, не скромные по размеру муниципалитеты, а крупные мегаполисы [Serebrennikov, Skougarevskiy, 2022].

Список литературы (References)

Архипова А. С.²⁰, Кирзюк А. А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Arkhipova A. S., Kirzyuk A. A. (2019) *Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Девятко И. Ф. Социальное знание и социальная теория: от социологии знания к когнитивной социологии // Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 13—40.

Deviatko I. F. (2015) *Social Knowledge and Social Theory: From the Sociology of Knowledge to Cognitive Sociology*. In: Deviatko I. F., Abramov R. N., Katerniy I. V. (eds.) *Everyday and Scientific Knowledge of Society: Interactions and Reconfigurations*. Moscow: Progress-Traditsiya. P. 13—40. (In Russ.)

Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу / пер. под ред. С. П. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Douglas M. (2000) *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. Moscow: Canon-Press-Ts. (In Russ.)

Дуглас М. Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020.

Douglas M. (2020) *How Institutions Think*. Moscow: Elementary Forms. (In Russ.)

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018.

Durkheim É. (2018) *Les Formes Élémentaires de la Vie Religieuse*. Moscow: Elementary Forms. (In Russ.)

Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 55—125.

Durkheim É., Mauss M. (2011) *Primitive Classification*. In: Mauss M. *Society. Exchange. Persons. Works in Social Anthropology*. Moscow: KDU. P. 55—125 (In Russ.)

Титаев К. Д., Шклярук М. С. «Языком протокола»: исследование связи юридического языка с профессиональной повседневностью и организационным контекстом // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 168—206.

Titaev K. D., Shklyaruk M. S. (2015) *In Terms of Official Record: A Study of the Connections between Legal Language, Everyday Worklife and Organizational Context*. *Sociology of Power*. Vol. 27. No. 2. P. 168—206. (In Russ.)

Шариков Д. Д. Культура и познание: в поисках не-редукционистского подхода // Социология власти. 2020. Т. 32. № 2. С. 104—124.

Sharikov D. D. (2020) *Culture and Cognition: In Search of a Non-Reductionist Framework*. *Sociology of Power*. Vol. 32. No. 2. P. 104—124. (In Russ.)

²⁰ 26.05.2023 г. внесена в реестр иностранных агентов.

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / сост., предисл., пер. с англ., нем., польского яз., общая ред. В. Н. Поруса. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. Fleck L. (1999) *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Moscow: Idea-Press; The House of Intellectual Book. (In Russ.)

Шклярчук М. С. Траектория уголовного дела в официальной статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов / под ред. К. Д. Титаева, Э. Л. Панеях. М.: Статут, 2014.

Shklyaruk M. S. (2014) *Criminal Case Trajectory in Official Statistics: Evidence from Aggregated Law Enforcement Agencies Data*. Moscow: Statut. (In Russ.)

Alexander J. C. (ed.) (1990) *Durkheimian Sociology: Cultural Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Arteaga Botello N. (2015) Surveillance Footage and Space Segregation in Mexico City. *International Sociology*. Vol. 30. No. 6. P. 619—636. <https://doi.org/10.1177/0268580915605650>.

Bergesen A. J. (2004) Durkheim's Theory of Mental Categories: A Review of the Evidence. *Annual Review of Sociology*. Vol. 30. P. 395—408. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.30.012703.110549>.

Bowker G. C., Star S. L. (2000) *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/6352.001.0001>.

Brekhus W. (2007) The Rutgers School: A Zerubavelian Culturalist Cognitive Sociology. *European Journal of Social Theory*. Vol. 10. No. 3. P. 448—464. <https://doi.org/10.1177/1368431007080705>.

Carr R. A. (2016) Political Economy and the Australian Government's CCTV Programme: An Exploration of State-Sponsored Street Cameras and the Cultivation of Consent and Business in Local Communities. *Surveillance & Society*. Vol. 14. No. 1. P. 90—112. <https://doi.org/10.24908/ss.v14i1.5372>.

Clavell G. G. (2011) The Political Economy of Surveillance in the (Wannabe) Global City. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 4. P. 523—526. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i4.4191>.

d'Andrade R. G. (1995) *The Development of Cognitive Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09781139166645>.

De Keersmaecker P., Debailleul C. (2016) The Spatial Distribution of Pen-Street CCTV in the Brussels-Capital Region. *Brussels Studies*. No. 104. <https://doi.org/10.4000/brussels.1427>.

DiMaggio P. (1997) Culture and Cognition. *Annual Review of Sociology*. Vol. 23. P. 263—287. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.263>.

Douglas M. (1982) Introduction to Grid/Group Analysis. In: Douglas M. (ed.) *Essays on the Sociology of Perception*. London: Routledge; Boston, MA: Kegan Paul. P. 1—8.

- Fourcade M. (2012) The Vile and the Noble: On the Relation between Natural and Social Classifications in the French Wine World. *The Sociological Quarterly*. Vol. 53. No. 4. P. 524—545. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2012.01248.x>.
- Fourcade M., Healy K. (2013) Classification Situations: Life-Chances in the Neoliberal Era. *Accounting, Organizations and Society*. Vol. 38. No. 8. P. 559—572. <https://doi.org/10.1016/j.aos.2013.11.002>.
- Harvey D. C. (2010) The Space for Culture and Cognition. *Poetics*. Vol. 38. No. 2. P. 185—204. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.009>.
- Kaidesoja T., Hyryläinen M., Puustinen R. (2022) Two Traditions of Cognitive Sociology: An Analysis and Assessment of Their Cognitive and Methodological Assumptions. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 52. No. 3. P. 528—547. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12341>.
- Larkin B. (2013) The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 42. P. 327—343. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155522>.
- Lianos M., Douglas M. (2000) Dangerization and the End of Deviance: The Institutional Environment. *British Journal of Criminology*. Vol. 40. No. 2. P. 261—278. <https://doi.org/10.1093/bjc/40.2.261>.
- Miller G. A. (2003) The Cognitive Revolution: A Historical Perspective. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. No. 3. P. 141—144. [https://doi.org/10.1016/s1364-6613\(03\)00029-9](https://doi.org/10.1016/s1364-6613(03)00029-9).
- Norris C., Armstrong G. (1999) CCTV and the Rise of Mass Surveillance Society. In: Carlen P., Morgan R. (eds.) *Crime Unlimited? Questions for the 21st Century*. London: Palgrave Macmillan. P. 76—98. https://doi.org/10.1007/978-1-349-14708-3_5.
- Serebrennikov D., Skougarevskiy D. (2022) A Tale of Four Cities: Exploring Environmental Characteristics of CCTV Equipment Placement (May 11, 2022). <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4106472>.
- Simpson R. (1996) Neither Clear nor Present: The Social Construction of Safety and Danger. *Sociological Forum*. Vol. 11. No. 3. P. 549—562. <https://doi.org/10.1007/bf02408392>.
- Slater A., Quinn P. C. (2001) Face Recognition in the Newborn Infant. *Infant and Child Development*. Vol. 10. No. 1—2. P. 21—24. <https://doi.org/10.1002/icd.241>.
- Sokal R. R. (1974) Classification: Purposes, Principles, Progress, Prospects. *Science*. Vol. 185. No. 4157. P. 1115—1123. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1115>.
- Star S. L., Ruhleder K. (1994) Steps Towards an Ecology of Infrastructure: Complex Problems in Design and Access for Large-Scale Collaborative Systems. *Proceedings of the 1994 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work*. P. 253—264.
- Star S. L. (1999) The Ethnography of Infrastructure. *American Behavioral Scientist*. Vol. 43. No. 3. P. 377—391. <https://doi.org/10.1177/00027649921955326>.

Strydom P. (2007) Introduction: A Cartography of Contemporary Cognitive Social Theory. *European Journal of Social Theory*. Vol. 10. No. 3. P. 339—356. <https://doi.org/10.1177/1368431007080699>.

Taylor E. (2010) I Spy with My Little Eye: The Use of CCTV in Schools and the Impact on Privacy. *The Sociological Review*. Vol. 58. P. 3. P. 381—405. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954x.2010.01930.x>.

Taylor E. (2013) *Surveillance Schools: Security, Discipline and Control in Contemporary Education*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137308863>.

Turner S. (1994) *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge and Pre-suppositions*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Turner S. (2002) *Brains/Practices/Relativism: Social Theory after Cognitive Science*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Zerubavel E. (1991) *The Fine Line: Making Distinctions in Everyday Life*. New York, NY: Free Press.

Zerubavel E. (1996) Lumping and Splitting: Notes on Social Classification. *Sociological Forum*. Vol. 11. No. 3. P. 421—433. <https://doi.org/10.1007/bf02408386>.

Zerubavel E. (2007) Generally Speaking: The Logic and Mechanics of Social Pattern Analysis. *Sociological Forum*. Vol. 22. No. 2. P. 131—145. <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2007.00010.x>.

Приложение

Список информантов

Номер информанта	Кейс	Гендер	Позиция	Состоял ли в муниципальных рабочих группах по разработке АПК «БГ»?
1	—	М	Специалист по разработке систем физической безопасности	Да
2	3	М	Замглавы администрации района	Нет
3	3	М	Замглавы начальника отдела ГО и ЧС района	Нет
4	3	М	Работник отдела ГО и ЧС района	Нет
5	3	М	Работник отдела отдела ГО и ЧС района	Нет
6	3	М	Ведущий специалист отдела ГО и ЧС района	Да
7	3	М	Работник отдела ГО и ЧС района	Нет
8	3	М	Глава ЕДДС	Нет
9	3	Ж	Оператор ЕДДС	Нет
10	3	М	Оператор ЕДДС	Нет
11	3	М	Глава отдела ГО и ЧС	Да
12	3	М	Руководитель центра мониторинга	Да
13	3	Ж	Оператор центра мониторинга	Нет
14	1	М	Представитель администрации области, курировавший создание центра мониторинга	Нет
15	1	Ж	И.о. главы центра мониторинга	Нет
16	1	М	Замглавы центра мониторинга	Да
17	2	М	Руководитель отдела ГО и ЧС района	Да
18	2	Ж	Замглавы ЕДДС	Да
19	2	Ж	Оператор ЕДДС	Нет
20	2	Ж	Оператор ЕДДС	Нет
21	2	М	Замглавы ЕДДС	Нет
22	2	М	Руководитель ЕДДС	Нет
23	2	М	Работник ЕДДС	Нет
24	—	М	Начальник департамента в компании по разработке систем информационной и физической безопасности. В значительной степени компания выполняет заказы гос. органов	Нет

Номер информанта	Кейс	Гендер	Позиция	Состоял ли в муниципальных рабочих группах по разработке АПК «БГ»?
25	—	М	Руководитель компании по разработке систем информационной и физической безопасности. В значительной степени компания выполняет заказы гос. органов	Нет
26	—	М	Один из руководителей проекта по созданию АПК «БГ» в крупном мегаполисе России	Нет
27	—	М	Специалист по информационной и физической безопасности	Нет

Список анонимизированных интервью с сотрудниками МВД и представителями муниципалитетов (предоставлены сотрудниками ИПП ЕУ СПб)

I	—	М	Муниципальный чиновник, связанный с работой АПК «БГ»	Неизвестно
II	—	М	Муниципальный чиновник, связанный с работой АПК «БГ»	Неизвестно
III	—	М	Муниципальный чиновник, связанный с работой АПК «БГ»	Неизвестно
IV	—	М	Начальник ОМВД	Неизвестно
V	—	М	Глава администрации	Неизвестно
VI	—	М	Мэр города и вице-мэр района по взаимодействию с правоохранительными органами	Неизвестно
VII	—	М	И.о. начальника Отдела вневедомственной охраны УВД	Неизвестно

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2315](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315)

А. Б. Белоусов, Д. А. Давыдов

ГОРОДСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОКАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Правильная ссылка на статью:

Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские конфликты и трансформация локального политического режима в Екатеринбурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 130—152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315>.

For citation:

Belousov A. B., Davydov D. A. (2023) Urban Conflicts and Transformation of the Local Political Regime in Yekaterinburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 130–152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315>. (In Russ.)

Получено: 26.09.2022. Принято к публикации: 06.03.2023.

ГОРОДСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОКАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

БЕЛОУСОВ Александр Борисович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: ektb@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: davydovdmitriy90@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

Аннотация. В статье изучаются механизмы трансформации локального политического режима в ответ на конфликты, связанные с оспариванием городского пространства. Возможности граждан добиваться тех или иных результатов при отстаивании своих интересов обусловлены как совокупностью неформальных практик взаимодействий между элитами и прочими субъектами конфликтов, так и другими обстоятельствами: от накопленного опыта гражданской активности до личностных качеств представителей городской власти. В редких случаях в ответ на те или иные вызовы, в том числе протестную активность, городские власти вынуждены менять свои модели взаимодействия с общественностью, вводя в них элементы коллаборативного планирования, а также стремясь к превентивному разрешению назревающих конфликтов.

URBAN CONFLICTS AND TRANSFORMATION OF THE LOCAL POLITICAL REGIME IN YEKATERINBURG

Alexandr B. BELOUSOV¹ — Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher

E-MAIL: ektb@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

Dmitriy A. DAVYDOV¹ — Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher at the Department of Philosophy

E-MAIL: davydovdmitriy90@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article explores the mechanisms that enable the local political regime transformations in response to the contestation of urban space. It is assumed that a variety of informal interaction practices between elites and other subjects of conflicts as well as numerous other conditions, such as accumulated experience of civic activism or city officials' personal qualities, contribute to citizens' ability to successfully defend their interests. In rare cases, city authorities are forced to change their models of interaction with residents, incorporating elements of collaborative planning and attempting to prevent conflicts from escalating in response to certain challenges (including protest activity).

Yekaterinburg is considered as an example of a city that has achieved some "liberalization" of the local political regime and improved its capacity to reach a compromise with activists. The authors

В качестве примера города, который добился некоторой «либерализации» местного политического режима, то есть повышения его способности достигать компромисса с активистами, рассматривается Екатеринбург. Проанализировав материалы СМИ за последние десять лет и проведя экспертный опрос лидеров протеста, журналистов, аналитиков и представителей городских и региональных властей, авторы выявляют факторы, способствовавшие соответствующим изменениям.

Ключевые слова: городские конфликты, городские политические режимы, локальная политика, право на город, политическая мобилизация, гражданское общество, протестные акции, урбанистика

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ № 20411-660027 «Мониторинг и прогнозирование социальных конфликтов в Свердловской области в 2020—2022 гг.».

Постановка проблемы

Более десяти лет назад, 16 августа 2011 г., несколько сотен возмущенных жителей микрорайона Сортировка г. Екатеринбурга собрались в парке, где намечалось строительство резервного центра обработки данных Свердловской железной дороги (СвЖД), и сломали забор, ограничивающий стройплощадку. Журналистам протестующие рассказали, что для реализации проекта, задуманного железнодорожниками, нужно вырубить более 500 деревьев (площадь парка — 3 гектара). Жильцы писали обращения в прокуратуру, но реакции властей не последовало. Тогда граждане собрали более 1,5 тыс. подписей против вырубки парка и пришли в администрацию Железнодорожного района. Выслушав их претензии, глава района В. Лаппо обвинил защитников парка в выполнении чужой политической воли, назвав их действия проплаченными¹. Дальнейшие попытки противостоять проекту успехом не увенчались. Парк вырубил, планируемые здания построили.

Спустя десять лет в региональных СМИ появилась информация о том, что жители Юго-Западного района Екатеринбурга начали сбор подписей в защиту сквера

identify the factors that contributed to the corresponding progressive changes after analyzing media materials over the past ten years and conducting an expert survey of protest leaders, journalists, analysts, and representatives of both local and regional authorities.

Keywords: urban conflicts, urban political regimes, local politics, the right to the city, political mobilization, civil society, protest actions, urban studies

Acknowledgments. The article was prepared within the RFBR project No. 20411-660027 “Monitoring and Forecasting of Social Conflicts in the Sverdlovsk region in 2020—2022”.

¹ Терпение лопнуло! Разъяренные жители снесли строительный забор в парке, где СвЖД собирается строить свое здание // URA.RU. 2011. 16 августа. URL: <https://ura.news/news/1052132733> (дата обращения: 15.09.2022).

в районе улиц Онуфриева — Бардина. Там планировалось строительство офисного здания и 25-этажного дома. В результате мэрия Екатеринбурга заблокировала этот проект, что, по мнению журналистов, «стало ответом чиновников на протест местных жителей, выступающих в защиту сквера»². Примечательно, что протестующие даже не успели выйти на митинг: точнее, несколько десятков человек собралось, но уже после того, как стало известно об отмене проекта³. Конечно, два отдельных кейса не показательны и ничего не доказывают, однако даже невооруженным взглядом видно, что за десятилетие в г. Екатеринбурге изменилось многое — от тональности общения представителей местных властей с гражданами до результатов оспаривания проектов освоения городского пространства.

Сегодня исследователи все чаще говорят о том, что характер и результаты городских конфликтов определяются локальным (городским) политическим режимом, состоящим из набора факторов и обстоятельств — от состава ключевых акторов и связей между ними до местного законодательства и гражданской культуры. При этом городской режим динамичен: он меняется в зависимости от расстановки субъектов, их связей, внешних обстоятельств, политических событий и много другого. Борьба жителей за городское пространство может способствовать постепенному переходу от «режима роста» к «прогрессивному режиму среднего класса» (К. Стоун, см. [Stone, 1989; Stone, 1993]), то есть городские власти сталкиваются с необходимостью учитывать не только сугубо экономические или «материалистические» вопросы (инвестиции, рабочие места и т. д.), но и вопросы качества городской среды. Проблема в том, что мы пока не знаем, насколько применима идея «прогрессивного режима среднего класса» к России. На данный момент среди исследователей (см. следующий раздел) наблюдается определенный пессимизм в характеристике российских городских режимов: они определяются либо как пассивные режимы «технического обслуживания», либо как «режимы роста», стремящиеся игнорировать гражданских активистов и привлекать инвестиции «любой ценой», либо нечто промежуточное.

Настоящее исследование нацелено на проверку гипотезы, что серьезные протестные кейсы и активная борьба гражданских активистов, нацеленная на оспаривание территорий, могут способствовать качественному изменению, «смягчению» российских городских режимов или даже их выстраиванию по модели «прогрессивного режима среднего класса». Мы тестируем эту гипотезу на примере г. Екатеринбурга, где в последние годы наблюдалось множество громких протестных кейсов (например, массовые акции против застройки сквера у Драмтеатра⁴ в 2019 г.). Если гипотеза верна, то отмеченные нами поверхностные изменения в стиле взаимодействия властей с представителями общественности отражают

² Батин С. Жители Екатеринбурга вышли защищать сквер от застройщика, несмотря на обещание мэрии // URA.RU. 2022. 06 июня. URL: <https://ura.news/news/1052559506> (дата обращения: 15.09.2022).

³ Аллаярлов Д. Мэрия Екатеринбурга рушит план застройщика, угрожающий митингами // URA.RU. 2022. 06 июня. <https://ura.news/news/1052559383> (дата обращения: 15.09.2022).

⁴ См., например, Ровнушкина А. «Вокруг забора образовали живую цепь»: как мировые СМИ описывали акцию в сквере Екатеринбурга. Крупнейшие агентства и издания написали про конфликт вокруг храма у Драммы // E1.ru. 2019. 15 мая. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2019/05/15/66088879/> (дата обращения: 02.07.2022); Забайлович Ю. В Екатеринбурге прошла самая жестокая из трех акций в защиту сквера: коротко о том, как это было. ОМОН несколько часов выдавливал людей из сквера и с площади перед ним // E1.ru. 2019. 16 мая. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2019/05/16/66089953/> (дата обращения: 02.07.2022).

более глубокие трансформации городского режима. В противном случае речь может идти лишь о косметических изменениях и имитации учета мнения граждан.

Обзор литературы

Тематика городских конфликтов сегодня все активнее обсуждается в российской социальной науке. Одна из таких тем — слабые институты взаимодействия местных властей с гражданским обществом и отсутствие вовлеченности граждан в процесс планирования развития городского пространства. Если посмотреть на опыт Запада, то там активно развиваются практики коллаборативного планирования, подразумевающие активное обсуждение проектов, а также семинары, форумы, дебаты, гражданские жюри, совместные сессии (так называемый «ванкуверизм», так как подобные практики получили наибольшее развитие в Канаде [Шохина, 2021]). В России же до сих пор преобладают чисто формальные механизмы согласования интересов вроде публичных слушаний или письменных обращений в органы власти [Медведев, 2017], часто используемые не для реального согласования интересов, а для его имитации. При этом сами местные власти предпочитают проводить политику максимизации инвестиций (так называемые неолиберальные «машины роста») при минимизации учета интересов местных жителей. Е. Тыканова и А. Хохлова отмечают, что ориентация элит Санкт-Петербурга на коммерциализацию и эстетизацию городского пространства укладывается в эту неолиберальную логику [Тыканова, Хохлова, 2015]. Как показали А. Глухова, А. Кольба и А. Соколов на материалах экспертных опросов показали, городские сообщества остаются недостаточно встроенными в систему принятия политико-управленческих решений и институты публичной политики, что затрудняет их интеграцию в механизмы конструктивного регулирования конфликтов [Глухова, Кольба, Соколов, 2021]. Исследователи также обращают внимание на то, что сегодня спектр возможностей для создания эффективных переговорных площадок, позволяющих внедрить механизмы коллаборативного планирования, предельно узок: «Ни представительные органы власти региональных центров, ни их общественные палаты, ни общественные советы при органах власти по разным причинам в полной мере таких функций не выполняют» [там же: 248]. И. Шевцова и В. Бедерсон изучили базы данных «Состязательная политика российских регионов» и «Пермские городские конфликты: борьба за пространство» (ЦСИПИ⁵), а также провели серию полуструктурированных интервью с представителями семи инициативных групп, действовавших в сфере городского планирования (временной охват: 2000—2016 гг.) [Шевцова, Бедерсон, 2017]. Они пришли к схожим выводам: взаимодействие инициативных групп с органами власти по поводу проблем городского планирования почти никогда не является кооперативным: «В интерпретации активистов, инициативные группы воспринимаются органами власти как „возмутители спокойствия“ и фактор риска для политической устойчивости, поэтому органы власти игнорируют эти группы и/или противостоят им» [там же: 112]. П. Ермолаева, О. Башева и В. Корунева говорят о симулякрах вовлечения горожан в городскую политику со стороны элит [Ермо-

⁵ Центр сравнительных исторических и политических исследований.

лаева, Башева, Корунова, 2021]. Как показал экспертный опрос в Москве и Казани, публичные слушания являются малоэффективным инструментом взаимодействия заинтересованных сторон и представителей власти (информация об их проведении и состоянии дел часто замалчивается, а в ходе слушаний стороны «практически друг друга не слышат» и «решение, удовлетворяющее всех, не находят») [там же: 308]. В связи с этим исследователями ведется активная работа по разработке эффективных моделей вовлечения граждан в процессы планирования городского развития. Предлагаются меры по политическому управлению городскими конфликтами, конструируются методические модели взаимодействия власти и горожан (включая предварительную работу по оповещению населения), призванные минимизировать потенциальные конфликтные издержки в коммуникации сторон [Кольба, Соколов, 2016]. Однако пока можно говорить лишь об общих рекомендациях.

Несмотря на общий пессимизм (или реализм?) исследователей, многие из них обращают внимание на следующие аспекты. Во-первых, на относительное разнообразие складывающихся моделей выстраивания взаимоотношений между гражданами, местными властями и девелоперами. Во-вторых, на динамику, позволяющую рассчитывать на постепенный отход от модели городского развития без учета мнений представителей гражданского общества.

В описании моделей разрешения городских конфликтов авторы опираются на разные концепты. А. Желнина и Е. Тыканова, к примеру, пишут о *гражданских инфраструктурах*, различая среди них *формальные* и *неформальные* [Желнина, Тыканова, 2019]. Под формальными гражданскими инфраструктурами они понимают доступные гражданам юридически закрепленные инструменты участия, такие как голосование, участие в добровольных организациях, муниципальное самоуправление, самоорганизация и кооперация собственников жилья, партиципаторное бюджетирование. Неформальные гражданские инфраструктуры включают в себя неформальные объединения, сети знакомых и друзей, а также мировоззрения и идеи обычных горожан, ориентированные на общее благо. При этом рост количества конфликтов по поводу городского пространства говорит о постепенном складывании гражданской инфраструктуры в российских городах (по крайней мере, в наиболее крупных и развитых из них). Правда, как утверждают авторы, «формальные гражданские инфраструктуры не успевают за развитием неформальных: горожане общаются, создают активистские сети, однако при попытках вынести свои требования и свое видение развития городских территорий на арены, где формальные государственные институты и другие участники процесса (девелоперы, представители бизнеса) должны к ним прислушаться, эффективное взаимодействие не всегда удается» [там же: 178].

В другой своей работе эти же исследователи говорят о *поле городской политики*, которое призвано отразить многообразие участников взаимодействий и динамику их отношений друг с другом [Желнина, Тыканова, 2021]. Они сравнивают данные поля в Москве и Санкт-Петербурге и делают вывод: конфигурации игроков на полях городской политики способствуют разным результатам оспаривания городского пространства активистами. Московское поле городской политики характеризуется наличием крупных федеральных градостроительных проектов,

большим «весом» городских чиновников, а Санкт-Петербург обладает меньшим городским бюджетом и вынужден привлекать бизнес-инвесторов для будущего развития городских территорий. Соответственно, оспаривать снос зданий в Москве сложнее: большая часть таких проектов была реализована (протест против проектов, лоббируемых высокопоставленными чиновниками, имеет меньше шансов на успех). В Санкт-Петербурге же все спорные проекты (попавшие в выборку исследователей), угрожающие зеленым насаждениями, были отклонены. Более того, гражданские инфраструктуры в северной столице, по наблюдениям авторов, более развиты. Влияет на ход конфликта и конфигурация элит: если среди них наблюдается раскол, то активистам проще добиться необходимых результатов. Особенно вероятен их успех, если будет иметь место «широкий альянс» как объединение усилий (в различных комбинациях) горожан, активистов, депутатов, политиков, известных персон и экспертов [там же]⁶.

Иными словами, исследователи все чаще говорят не об универсальных общероссийских реалиях, а об особенностях конкретных городов или конкретных кейсов. Эти особенности обусловлены не столько нормативно-правовыми актами, сколько местной политикой (*politics*), культурой, историей, даже ландшафтом. Немаловажен и фактор времени: изменяется федеральное законодательство, меняют русла денежные потоки, развивается гражданская культура, а у активистов появляются новые инструменты вроде социальных сетей. Так, А. Желнина описывает, как в Санкт-Петербурге происходило постепенное переосмысление городских публичных пространств [Желнина, 2014]. Концепция «права на город» [Lefebvre, 1991; Mitchell, 2003] становилась все более популярной среди интеллигентов, а сами жители хотели, чтобы было, «как на Западе»: пикники на лужайках, активная коммуникация и самовыражение в публичных местах, возможность протестовать [Желнина, 2014]. Учитывая сказанное выше о росте количества городских конфликтов за последние 10—20 лет, можно предположить, что в части городов имеется больший, чем в остальных, прогресс как в развитии гражданской культуры, так и в налаживании формальных и неформальных механизмов взаимодействия конфликтующих сторон.

Правда, мы бы все же предпочли в качестве ключевого использовать термин «городской политической режим» [Stone, 1989], значение которого несколько шире, чем значение терминов «гражданские инфраструктуры» и «поля городской политики», хотя содержательно они пересекаются. Изначально изучение городских политических режимов подразумевало выявление коалиций акторов (представителей властей, бизнеса, общественности), основанных на соглашениях между ними по поводу реализуемого политико-управленческого курса и его результатов. Как отмечает Н. Борисова, «эвристический потенциал теории городских режимов позволяет включить в исследовательский фокус практики и механизмы согласования интересов в процессе городского политико-экономического управления, а также выявить участников этих процессов» [Борисова, 2010: 8].

⁶ По данным нашего исследования, ситуация в Екатеринбурге частично подтверждает выводы А. А. Желниной и Е. В. Тыкановой: проект Уральского ТЛЦ, реализованный при лоббизме со стороны федеральных структур, активистам остановить не удалось. Фактор уровня и влиятельности заинтересованных лиц играет существенную роль в такого рода конфликтах.

Иными словами, локальный (городской) политический режим представляет собой конкретную «расстановку» субъектов и их ресурсов, а также накопленный опыт взаимодействий различных заинтересованных лиц, соответствующие связи и взаимоотношения. Учитывая, что российские города достаточно сильно отличаются друг от друга, если рассматривать неформальные связи между самыми разными субъектами, мощь экономических субъектов (и их способность оказывать давление на местные власти) или, скажем, культуру гражданского участия, то изучение городских политических режимов становится достаточно актуальным (см., например, [Бычкова, Гельман, 2010; Пустовойт, 2013]).

Этот подход видится более перспективным, чем попытки усредненного исследования городского протеста в целом по России. Теория городских политических режимов вполне применима к изучению городских конфликтов. В. Ледяев, приводя в пример западный опыт, описывает *прогрессивные режимы среднего класса* (согласно классификации К. Стоуна [Stone, 1993]). Эти режимы являются антиподами коалициям роста (или «неолиберальным машинам роста»), о которых говорилось выше. Они возникают в экономически развитых местах, где жители опасаются, что «выгоды роста перевешиваются издержками загрязнения окружающей среды или потерей общности. Их успех наиболее вероятен там, где у режима есть прочная опора в лице активного „светского“ среднего класса, имеющего свободное время. „Коалиции против роста“ обычно складываются вокруг движений в защиту окружающей среды, гражданских, а также антивоенных движений; к ним примыкают профессионалы из среднего класса, рабочие, государственные служащие и менеджеры фирм, чьи доходы не зависят от роста, а также все те, кто считает, что их благосостояние и стиль жизни находятся в противоречии со стратегией роста. Движения против роста возникают либо как реакция на действия местных властей, не желающих учитывать негативные социальные последствия тех или иных программ экономического развития, либо в результате прихода к власти людей, изначально поддерживающих идеологию охраны окружающей среды и социального либерализма» [Ледяев, 2008: 45]. В этой характеристике можно разглядеть проблески того, что в последние годы происходило в ряде городов России: попытки противостоять «машинам роста» и отстоять «право на город».

Тем не менее пока российские исследователи нацелены преимущественно на классификацию имеющихся городских политических режимов. Механизмы их изменения остаются слабоизученными, если не сказать неизученными. Преобладает характеристика городских режимов в России либо как режимов «технического обслуживания» с пассивными элитами, не заинтересованными в активном развитии города, либо как «режимов роста» (к примеру, такие характеристики дает городам Сибири Ю. Пустовойт [Пустовойт, 2018; Пустовойт, 2019; Пустовойт, 2020]). Однако исследователи все же отмечают развитие гражданских инфраструктур в развитых крупных городах, что не может не отразиться на городском режиме. Некоторые элементы «прогрессивных режимов среднего класса» появляются (или могут при определенных условиях появиться) и в российских мегаполисах. Мы тестируем эту гипотезу на примере Екатеринбурга.

Методы

Главный метод настоящего исследования — экспертный опрос, проведенный по методике полуструктурированного глубинного интервью ($n = 20$) с 1 мая по 31 августа 2022 г. В качестве информантов выступали журналисты и аналитики, городские активисты и лидеры протеста, депутаты, а также представители городских (Екатеринбург) и региональных властей (Свердловская область). Основным критерием отбора экспертов выступала их компетентность в сфере протестов: в случае активистов — личное участие в них в той или иной форме, в случае представителей власти — вхождение протестов и их урегулирования в сферу непосредственных полномочий. Такой отбор стал возможен в силу того, что авторы длительное время занимаются отслеживанием конфликтных ситуаций и их акторов в регионе проживания. При этом удалось соблюсти приблизительно равные пропорции между «протестными» и «провластными» экспертами.

Интервью носили полуструктурированный характер. Ключевыми темами были оценка прошлых протестов и их влияния на текущее взаимоотношение власти и городских сообществ, текущее состояние протестной активности и способов их урегулирования, перспективы протестов в будущем. Ключевой исследовательский вопрос: привели ли протесты у Драмтеатра в 2019 г. к изменениям во взаимоотношениях между властью и обществом по спорным вопросам или нет? Кроме того, у информантов выяснялись подробные обстоятельства действий власти и протестующих в определенных кейсах, факторы успехов или неудач оспаривания городского пространства, перспективы городских конфликтов в городе. Определялись также факторы, которые могли способствовать изменению хода конфликтных ситуаций: смена главы г. Екатеринбурга, ужесточение законодательства в области протестной деятельности, отъезд из региона ряда активистов за границу и др. Всего было сформулировано более 30 вопросов в рамках поставленных целей и поставленных гипотез.

Данные, полученные от экспертов, проверялись (триангулировались) с помощью проверки региональных СМИ (URA.RU и городской портал «Е1») за последние десять лет, изучения материалов научных исследований по соответствующей тематике, затрагивавших Екатеринбург ранее, и непосредственного наблюдения за городской политикой. Анализ источников СМИ позволил выявить ключевые городские конфликты за период 2012—2022 гг., определить их субъектов, динамику и исход, а также рассмотреть основные способы разрешения конфликтных ситуаций в общей динамике за последние десять лет. Одним из источников данных выступал уже проведенный для Екатеринбурга и Свердловской области событийный анализ протестных кейсов за период 2006—2021 гг., который показал, что: а) общее количество городских конфликтов росло с момента начала наблюдений (2006 г.); б) городские и региональные власти постепенно становились более отзывчивыми на требования активистов (доля «успешных» протестных кейсов, особенно затрагивающих «зеленые» территории вроде парков и скверов, также росла) [Белоусов, Давыдов, 2021]. Эмпирическая база данного исследования тоже использовалась при проверке информации, полученной от экспертов.

В ходе работы ко всем уже существовавшим обстоятельствам добавилась специальная военная операция на Украине. Как следствие, спектр гипотез о возмож-

ном будущем городского режима Екатеринбурга был расширен: от полного исчезновения конфликтов и протестов (патриотический подъем или, напротив, «шок» от внешнеполитических событий и потенциальных репрессий) до их кратного увеличения (в результате принятия властью непопулярных решений, подобных «пенсионной реформе», или других «черных лебедей»).

При проведении опроса экспертам была гарантирована анонимность (вплоть до сознательного отказа от диктофонных записей интервью и фиксирования ответов стенографическим методом), поэтому цитаты респондентов приводятся без указания возраста, места работы, пола и прочих социодемографических характеристик.

Результаты

Прежде чем предоставить на обсуждение результаты экспертного опроса, необходимо кратко ввести читателей в контекст протестной активности в г. Екатеринбурге за последние 10—15 лет.

Екатеринбург уже давно выделяется среди российских городов спецификой и разнообразием внутренней политики. Дело не только в уже сложившемся с подачи телеведущего В. Соловьева образе «города бесов». Екатеринбург действительно в последние годы сильно выделялся частыми и массовыми городскими конфликтами. Среди них: протесты за сохранение Площади Труда в 2010 г., борьба защитников торгового центра «Пассаж» против его реконструкции в 2012 г., протесты против сноса (а затем — за восстановление) Краснознаменной группы с 2013 г. по наше время, конфликт вокруг планируемого строительства «Дома Азербайджана» в Основинском парке в 2014 г., протесты против строительства лютеранской кирхи в парке им. Блюхера в 2014 г., защита недостроенной телебашни в 2018 г., а также многолетняя драма вокруг планов строительства храма Святой Екатерины в акватории городского пруда, а затем в сквере у Октябрьской площади. Последнее стало протестным мегасобытием с многодневными массовыми митингами (количество участников превышало 10 000 человек), кулачными боями с «титущками», столкновениями с представителями органов правопорядка, выходом на мировую медийность и привлечением президента России к решению конфликтной ситуации.

На фоне городских событий накалялась обстановка и в Свердловской области. Так, 2016 г. прозвали годом, когда область находилась «в огне»: целая серия протестных «пожаров» с преимущественно экологической тематикой (протесты ответственности против разработки Юрьевского месторождения, конфликт вокруг добычи золота в Быньгах методом выщелачивания золота цианидом и т. п.). При этом мы не можем привести весь перечень многочисленных конфликтов, связанных с точечной застройкой, сносом памятников архитектуры, оспариванием проектов реконструкции парков (протесты защитников парка «Зеленая роща» в 2019 г., против вырубки деревьев в парке XXII Партсъезда в 2020 г. и др.).

Помимо сравнительно оживленной гражданской активности городской политической режим Екатеринбурга имеет свою либеральную историю. С 24 сентября 2013 г. по 25 мая 2018 г. мэром города являлся известный своими либеральными взглядами Е. Ройзман. Из местной городской политики вышел один из лиде-

ров российской оппозиции и сторонник А. Навального*⁷ Л. Волков⁸. Показателем екатеринбургской «исключительности» стали словесные перепалки консервативного ведущего и пропагандиста В. Соловьева с губернатором Свердловской области Е. Куйвашевым и другими представителями екатеринбургской общественности⁹. Изучая данные о составах городских ассамблей в период с 2012 по 2020 г., В. Бедерсон и И. Шевцова отметили, что среди всех городов-миллионников (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) локальный политический режим Екатеринбурга единственный можно охарактеризовать как конкурентный, поскольку в нем сохраняется политическая конкуренция при наличии разнообразия бизнес-групп [Бедерсон, Шевцова, 2021].

Культурный фон и активная гражданская жизнь способствовали постепенным изменениям моделей и практик взаимодействия городских властей и представителей общественности по поводу спорных вопросов городского планирования и развития. Это выражалось прежде всего в повышении отзывчивости городских властей к попыткам граждан оспорить те или иные проекты территориального развития. Если в 2011 г. из 24 отмеченных протестных инициатив в Екатеринбурге и Свердловской области ни одна не принесла какого-либо результата, то в 2019 г. из 29 кейсов успешными или частично успешными (протестующие добиваются каких-либо уступок со стороны представителей власти и/или бизнеса) был 21 кейс [Белоусов, Давыдов, 2021: 372]. Конечно, здесь имеют место общие причины вроде развития социальных медиа, сильно облегчивших протестную мобилизацию. Однако материалы экспертного опроса позволяют детализировать и уточнить весь набор факторов, оказывавших влияние на трансформацию городского политического режима г. Екатеринбурга. Мы можем выделить следующие ключевые моменты: а) последствия массовых протестных акций, особенно протестов в сквере у Октябрьской площади (у «Драмы») в мае 2019 г.; б) постепенное развитие гражданских инфраструктур; в) изменение связей и взаимоотношений между элитами, а также личностные качества мэра.

Последствия массовых протестных акций в сквере у Октябрьской площади

Все информанты отмечают, что конфликт вокруг сквера в мае 2019 г. серьезно повлиял на взаимоотношения власти и общества. Власти увидели в нем существенные для себя и для общественного согласия риски и потому стали вести себя более осторожно. Исходя из слов нескольких интервьюируемых, мы можем говорить о данном случае как об *учредительном конфликте*. Под последним мы понимаем такую разновидность конфликтов, за которыми обычно следует каскад других конфликтов, влекущих за собой серьезные изменения в моделях взаимодействия представителей местных властей и гражданского общества. Теперь при решении спорных вопросов в городской повестке все действуют с оглядкой на события 2019 г.

⁷ Здесь и далее * означает: включен в Перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

⁸ Физическое лицо, признанное в РФ СМИ, выполняющим функции «иностранный агента».

⁹ Николаев П. «Штрибан, фильтр хрюканину»: уральский бард ответил Соловьеву на критику Екатеринбургцев // Газета.Ru. 2022. 29 апреля. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/04/29/14799782.shtml?updated> (дата обращения: 27.06.2023).

Говоря о конфликте в сквере у «Драмы», информанты указывают на несколько серьезных изменений.

1) Изменение модели поведения власти в отношении недовольных/протестующих. Эксперты оценивают этот факт в терминах «обучения», поскольку данный конфликт был тщательно проанализирован. Если раньше власть пыталась продавливать решения силовым путем или, по крайней мере, стремилась игнорировать мнение несогласных, то теперь базовой моделью стало взаимодействие с лидерами протеста по спорным вопросам. Информанты отмечают, что власти нашли альтернативные и более эффективные способы решения конфликтов — «заливать деньгами», «симулировать диалог» и т. д. Главным принципом действий становится максима не повышать градус конфликта. Однако эксперты оговариваются, что чиновники идут на контакт по не слишком принципиальным вопросам — там, где нет интересов большого бизнеса. Часть информантов полагает, что власти стали «бояться», приводя в пример ситуацию с кинотеатром «Салют», который было решено переделать в подростковый центр. По их мнению, в действиях чиновников прослеживается нерешительность, потому что они «боятся негатива».

2) Усилилось взаимодействие властей с либеральными лидерами протеста. Существенным изменением политического ландшафта Екатеринбурга является рост влияния либерально настроенных горожан на текущую городскую повестку, в частности в отношении реализуемых муниципальными властями градостроительных проектов.

3) Решение конфликта «в одну сторону» усилило протестный потенциал проигравшей стороны — православного сообщества. Несмотря на то что в целом конфликт 2019 г. считается урегулированным (решением стала отмена планируемого в сквере строительства православного храма, голосование за новое место строительства затянуло реализацию проекта на неопределенное время), у него остается сторона, считающая себя пострадавшей, — «православные». Для них конфликт в сквере у «Драмы» носил травматический характер. По просьбе региональных властей и иерархов церкви представители православного сообщества не стали обострять ситуацию и выходить на улицы. Дальнейшие действия властей по определению другого места строительства не смогли стать мерой, восстанавливающей баланс интересов. Усиление влияния либерализма фиксируется православным сообществом и оценивается крайне негативно:

Напряженность (после конфликта на Дrame) сохраняется, камнеет. Губернатор негативно относится к РПЦ (пример — крестный ход на Торжество православия накануне конфликта на «Дrame»). Должны были заложить камень — не получилось... Мы больше щеки подставлять не будем. Будем демонстрировать силу — будем ходить в крестные ходы. Но никто бузить специально не собирается.

Можно сделать предположение, что православное сообщество будет раз за разом обострять ситуацию в тех случаях, когда будут задеваться его интересы и ценности. Типичным примером подобной активности можно считать противодействие осуществляемой администрацией города популяризации в Екатеринбурге Шигирского идола. В этом контексте вероятность активных действий, в том чис-

ле могущих нарушать действующее законодательство, оценивается как высокая. Примеры подобного в Екатеринбурге уже были: в 2017 г. православный активист пытался поджечь кинотеатр «Космос», поводом для чего выступил фильм А. Учителя «Матильда»¹⁰.

В целом же в Екатеринбурге сложилась совершенно нетипичная для России ситуация, когда городские власти ориентируются на либеральных активистов, а православное сообщество уходит в оппозицию к власти. Это одна из уникальных характеристик городского режима.

4) Кейс в сквере у «Драмы» оказывает серьезную мотивационную поддержку другим протестующим не только в г. Екатеринбурге. Так, во время конфликта вокруг строительства мусороперерабатывающего завода в пос. Шабровский (Шабры) рядом с Екатеринбургом в конце 2019 г. участники процесса пользовались логикой «они смогли — и мы сможем».

Постепенное развитие гражданских инфраструктур

Учредительный конфликт возле «сквера на Дrame» повлек за собой череду протестов в Екатеринбурге и его пригородах в период с 2019 по 2022 г., которые упомянули эксперты. Данный перечень не является исчерпывающим, однако это наиболее известные случаи, по поводу которых информанты смогли высказать свое экспертное мнение:

- снос дома, на месте которого запланировали построить новое здание филармонии (2019);
- вырубка деревьев в парке у УрГУПС (2020);
- реконструкция парка «Зеленая роща» (2020);
- реконструкция парка XXII партсъезда (2020);
- строительство мусороперерабатывающего комплекса и полигона в пос. Шабры (конец 2019 г. — начало 2020 г.);
- реконструкция сквера на ул. Опалихинской (2021);
- строительство глэмпинга в мкр-н Мичуринский (2021);
- снос здания аэропорта Уктус (2021);
- строительство транспортно-логистического центра (ТЛЦ) «Уральский» возле оз. Шарташ (2021—2022);
- строительство оздоровительного комплекса «Баден–Баден» возле оз. Шарташ (2021—2022);
- точечная застройка в Юго-Западном мкр-не Екатеринбурга (ул. Онуфриева, недалеко от КДЦ Дружба) (2022);
- «республика Лодыгина» — точечная застройка по ул. Ладыгина (2022);
- строительство автомойки на ул. Блюхера (2022).

В этом ряду отдельно стоят протесты в поддержку А. Навального* в январе — феврале 2021 г., ставшие самыми массовыми в областном центре после событий 2019 г. Они не имеют никакого отношения к проблематике городских конфликтов, однако для части протестующих ничем не отличаются от протестов на местную тематику и могут выполнять вспомогательную функцию, играющую роль мобили-

¹⁰ Смирнов С. Поджог кинотеатра в Екатеринбурге связали с «Матильдой» // ВЕДОМОСТИ. 2017. 04 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/04/732187-podzhog-kinoteatra> (дата обращения: 29.06.2023).

зационной тренировки. По мнению некоторых экспертов, эти протесты показали, что оппозиционно настроенная часть общества легко мобилизуется, а город сохраняет протестный потенциал.

Аффилированные с властью эксперты отмечают, что формируется группа «профессиональных» протестующих, которые ходят с одного протеста на другой. Речь идет не о «политических протестующих», а о высказывающихся по разнообразным городским проблемам, преимущественно градостроительным. Информанты оценивают данное обстоятельство с определенным скепсисом, однако важны сами по себе факты как формирования данной группы, так и ее мобильности — готовности принимать участие в самых разных конфликтных ситуациях. Наличие «профессиональных» протестующих в перспективе может способствовать увеличению числа конфликтов и выводу их на уровень, когда они будут требовать урегулирования. Нельзя исключать, что участие разнообразных активистов в локальных городских конфликтах может являться подготовкой к конфликту общегородского уровня, подобно тому, как участие в муниципальных выборах подготавливает их участников к региональным и федеральным кампаниям. Это как раз та сетевая человеческая инфраструктура, которая делает возможной мобилизацию большого числа людей:

Уже есть определенная система. Где-то парк или автомойка, мне звонят, я моментально выезжаю. Приглашаем журналистов — тема выходит в публичную плоскость. Да, это нечто вроде слаженного механизма уже.

Ситуацию может усугублять то, что, по мнению отдельных экспертов, «профессиональные» протестующие завязят от групп влияния, например, строительных компаний. Застройщики конкурируют между собой и используют в качестве и инструмента борьбы протестующих, управляя ими в ручном режиме. Факты взаимодействия протестных лидеров с застройщиками имеются: например, лидер сообщества «Парки и скверы» А. Балтина публично признавала, что участвовала в проектах, финансируемых «Атомстройкомплексом». Однако эти отношения нельзя понимать примитивно как товарно-денежные. Наличие самого факта связи говорит о следующем: во-первых, преследование экономических или даже политических (как в случае со сквером на «Драме») интересов может стимулировать протестную активность или, наоборот, снижать ее; во-вторых, конфликты интересов могут и будут через агентов влияния провоцировать социальные конфликты. Это напрямую влияет на возможности их появления в будущем.

Способы решения конфликтов

При оценке взаимодействия власти и общественности в ходе конфликтов эксперты отмечали, что власти накопили достаточно обширный арсенал средств их урегулирования. Общий принцип один из экспертов сформулировал следующим образом:

Не допускать повышения градуса конфликта, создать переговорную группу и перевести взаимодействие на площадку администрации г. Екатеринбурга.

Информанты исходят из того, что каждый случай конфликта уникален, недовольства и разногласия существуют всегда, при этом причины конфликтных ситуаций разные. Исходя из этого, нельзя говорить о какой-то универсальной схеме решения всех конфликтов, власти постоянно расширяют арсенал способов их урегулирования в ответ на протесты. На текущий момент данный процесс нельзя считать законченным, обучение власти решению конфликтов продолжается. Так, наши эксперты упомянули следующие способы решения проблем:

— В случае с реконструкцией сквера на ул. Опалихинской была создана рабочая группа, которая урегулировала отдельные детали реализуемых проектов. По мнению протестующих, изначальный проект был оторван от реальности. В результате переговоров часть его объектов была заменена, другая — исключена. В частности, были проложены тротуары, сохранены тополя, а «скейт-площадку не будут ставить на месте яблонь»¹¹.

— В случае со строительством глэмпинга в микрорайоне Мичуринский власти Екатеринбурга выделили застройщику равноценный участок в районе Уктус;

— При расселении дома под строительство нового здания филармонии проблема была решена с помощью денежных средств.

— На владельца автомойки по ул. Блюхера (строилась незаконно, что спровоцировало протест местных жителей), не захотевшего договариваться с представителями мэрии, было оказано правовое давление в виде прокурорских проверок, отказа в оформлении документов и пр.

— В конфликте при строительстве ТЛЦ «Уральский» в переговорный процесс с недовольными жителям вступил сам инвестор, что расширило круг возможностей в переговорном процессе. По мнению экспертов, инвестору удалось наладить взаимоотношение с активом протестующих, в том числе с их лидером С. Гончаровым. Результатом взаимодействия стала поездка на аналогичный ТЛЦ в другом регионе, которая должна была убедить актив, что подобные проекты не ухудшают качество жизни. Помимо этого, по словам экспертов, протестующим была дана «взятка инфраструктурой».

— При решении вопроса о строительстве оздоровительного комплекса «Баден-Баден» власти в целом поддерживали проект. Однако его обсуждение затянулось на площадке городской Думы, затем были получены отрицательные общественная и государственная экспертизы. Закончилось все тем, что во время голосования о переводе земли мэрия ошибочно включила данный вопрос в пакет других земельных вопросов, и в результате депутаты по совокупности причин проголосовали против.

— В других случаях спорные проекты были отменены без создания инициативных групп и ведения переговоров — так было со строительством мусороперерабатывающего комплекса и полигона в пос. Шабры и точечной застройкой в Юго-Западном микрорайоне.

Таким образом, в Екатеринбурге на муниципальном уровне накапливается серьезный опыт решения локальных конфликтных ситуаций. Это можно считать

¹¹ Аллаяров Д. Мэрия Екатеринбурга пошла на уступки защитникам сквера // URA.RU. 2021. 16 июня. URL: <https://ura.news/news/1052489932> (дата обращения: 15.09.2022).

ресурсом власти, который будет помогать и в будущем урегулировать подобные конфликты или вовсе не допускать их появления.

Изменение связей и взаимоотношений между элитами, а также личностные качества мэра

По оценке наших информантов, большое влияние на характер взаимоотношений власти и общественников оказала смена мэра г. Екатеринбурга. Эксперты отмечают, что у А. Орлова (и. о. 22 декабря 2020 г. — 9 февраля 2021 г.; глава Екатеринбурга — с 9 февраля 2021 г.) другой стиль управления, который по сравнению со стилем А. Высокинского (глава Екатеринбурга с 25 сентября 2018 г. по 22 декабря 2020 г.) можно охарактеризовать как бесконфликтный. Мэр А. Орлов занимается согласованием интересов по вопросам, вызывающим общественные дискуссии, — изменение наименования улиц, выбор символики к 300-летию Екатеринбурга и др. При новом мэре у лидеров мнений появилась возможность работать в различных советах (например, в совете по топонимике), а активистам позволяется активно реализовывать свои проекты. При А. Орлове стало меньше «ляпов», вызывающих неоднозначную реакцию общественности (таких, например, как идея высаживать из автобусов людей без масок в период пандемии коронавируса¹²). И пусть эти высказывания бывшего мэра не касались непосредственно рассматриваемых конфликтов, в целом они оказывали негативное влияние на представления о возможности диалога с мэром и администрацией Екатеринбурга. После смены мэра произошла частичная ротация «людей вокруг него», в частности, в политическом, пиар-блоке и блоке взаимодействия с общественниками. Этот факт тоже оказал влияние на рассматриваемые процессы: «смена людей привела к новой схеме взаимодействия». Информанты не исключают, что и сама смена А. Высокинского была вызвана большим количеством конфликтов и отсутствием у него эффективных навыков их урегулирования. Один из провластных экспертов оценил ситуацию следующим образом:

У Орлова нет бэкграунда в Екатеринбурге. Он «честный маклер», не был вовлечен в местные элитные разборки. У него просто нет накопленного «негатива», поскольку он из Тюмени. Это «человек губернатора», служил в свое время в органах МВД, боролся с экономическими преступлениями. Короче говоря, менее «противоречивая» фигура.

Говоря об А. Орлове, информанты отмечают, что он предпочитает участвовать в решении конфликтов не публично. Его публичная стратегия заключается в «присваивании» результатов урегулирования, в качестве примера эксперты указывают сквер на ул. Опалихинской. Публично А. Орлов не участвует в урегулировании конфликтов, поручая это чиновникам чуть более низкого ранга, например, заместителю главы г. Екатеринбурга А. Бубнову и председателю комитета по благоустройству Т. Благодатковой, имеющим возможность напрямую влиять на реализуемые в городе проекты. Критики А. Орлова утверждают, что его бесконфликтные отно-

¹² Александр Высокинский разрешил пассажирам выталкивать из транспорта людей без масок // 66.ru. 2020. 20 октября. URL: <https://66.ru/news/society/235386/> (дата обращения: 02.07.2023).

шения с общественниками объясняются отсутствием инициативы, боязнью сделать «что-то не так» после протестов в сквере на «Драме».

Одним из примечательных нововведений городской администрации стало создание «Совета неравнодушных граждан» по инициативе заместителя главы Екатеринбурга С. Плахотина. На этой площадке А. Орлов общается с наиболее видными представителями общественности, преимущественно протестного склада, обсуждает вопросы и проекты, которые могли бы вызвать разногласия в обществе. Отношение к Совету среди экспертов неоднозначное. Те, кто позитивно оценивает его, говорят о том, что Совет «позволяет озвучивать разные интересы и нужен не для того, чтобы тушить пожары, а для того, чтобы не доводить до кипения». Однако другие считают, что он «не может считаться проактивной формой работы с протестом, потому что в нем нет лидеров протеста, а только инфлюенсеры» (стоит отметить, что через некоторое время после интервью Совет был расширен, и ряд лидеров протеста все же туда был включен). Православное сообщество, не видя ни одного своего представителя в составе Совета, говорит, что с его помощью «власть заигрывает с либеральной общественностью». Часть информантов отмечает, что «Совет неравнодушных граждан» представляет собой форму заместительной демократии, выгодной для власти. Он носит декоративный характер, а повестку в нем формирует исключительно мэр А. Орлов. Однако вне зависимости от оценок сам факт создания такого неофициального органа взаимодействия говорит о том, что его инициаторы стараются превентивно найти общий язык по сложным и спорным вопросам.

Обсуждение

Несмотря на общее улучшение качества взаимодействия власти и общества, эксперты указали на несколько его недостатков и дали свои рекомендации. Пусть локальный политический режим Екатеринбурга и претерпел несколько позитивных сдвигов, говорить об устойчивом изменении городского режима пока рано. На описанные процессы наслаивается СВО, последствия которой для хода городских конфликтов трудно предсказать.

Во-первых, инвесторы, реализующие проекты, которые имеют общественную значимость и могут вызвать конфликты, все еще плохо учитывают общественное мнение. Наши информанты считают, что учет общественного мнения должен стать статьей затрат, которые бизнес включал бы в реализацию соответствующих проектов. Впрочем, механизм их включения пока не ясен. Частный бизнес сам несет свои расходы, а в законодательстве подобные обязательства на застройщиков не возлагаются. Поэтому у данной инициативы может быть несколько вариантов реализации. Первый — застройщики начинают сами включать работу с общественным мнением в развиваемые проекты. Второй — подобные траты будут включены туда нормативно. И третий — включение подобных затрат под воздействием органов власти, которые больше всех заинтересованы в сохранении общественного согласия.

Во-вторых, часть экспертов считает, что в текущий момент власти работают с конфликтами постфактум — «тушат пожар, когда он разгорелся», а проактивной работы с протестами не ведется. Как было указано выше, большая часть информантов не считает «Союз неравнодушных граждан», созданный главой горо-

да А. Орловым, проактивной работой. Городские власти, по их мнению, общаются преимущественно с медийными персонами, оставляя в стороне некоторых реальных лидеров локальных протестов, которые генерируют много разнообразной активности и известны районным администрациям. Вероятным способом решения подобной проблемы могло бы стать создание аналогичных городскому союзам неравнодушных граждан на районном уровне.

В-третьих, эксперты указывают, что, несмотря на появление различных процедур голосования по проектам общественных пространств на городском сайте, они не в полной мере отражают мнение людей. Главное, в них нет возможности корректировать проекты, предлагаемые к реализации. Например, при голосовании весной 2022 г. за проекты общественных пространств выиграл парк в Академическом районе, однако предложения по изменениям в проект не собираются. У людей не спросили, что бы они хотели видеть. Вероятно, проект парка в Академическом не станет поводом для протестов в будущем, поскольку реализуется на пустыре, однако ситуации, когда такое возможно, уже встречались: реконструкция сквера на ул. Опалихинской и реконструкция парка XXII партсъезда. Включение сбора мнений по отдельным элементам проектов общественных пространств, по всей видимости, станет актуальным через какое-то время.

Заключение

Исходя из вышесказанного можно сделать ряд выводов.

1) По всей видимости, городские политические режимы в России не ограничиваются режимами «технического обслуживания» или «режимами роста». Случай Екатеринбурга показывает, что как минимум некоторые элементы прогрессивного режима среднего класса могут наблюдаться и в России. Согласно К. Стоуну, такой режим характеризуется повышенным вниманием к качеству городской среды, наблюдением за действиями институциональной элиты и калибровкой побуждений и санкций для получения подходящего сочетания активности и ограничений, участием граждан в делах общества и в наблюдательных советах и комиссиях, а также «внимательным электоратом» [Stone, 1993]. Екатеринбург в последние годы во многом соответствовал этим критериям, если не считать отсутствие прямых выборов мэра города, что сильно сужает возможности «внимательного электората». Тем не менее зависимость действий местных властей от общественного мнения явно возросла за последнее десятилетие (пример — общегородской опрос по определению места строительства храма Святой Екатерины в 2019 г. после протестов в сквере у Драмтеатра). Мы, таким образом, имеем дело если не с полноценным прогрессивным режимом среднего класса, то со многими его элементами. Возможно, сложившийся режим можно охарактеризовать как гибридный или переходный.

2) Важной причиной быстрой трансформации городского режима стала череда масштабных протестных событий в сквере у Драмтеатра в мае 2019 г., получившая общероссийское и даже международное медийное освещение. Вслед за экспертами мы обозначили данное событие как *учредительный конфликт*. Пока неизвестно, является ли этот сценарий универсальным, однако «смягчение» городского режима в ответ на городские конфликты, как показало наше исследование, вполне возможно в российских реалиях.

3) На фоне усиления роли среднего класса с либеральными ценностями наблюдается снижение политической значимости православного сообщества — традиционного ядра провластного электората. Это нетипичная для России картина, уникальная особенность Екатеринбурга, которая показывает одно из долгосрочных последствий городских конфликтов. Православное сообщество фрустрировано поражением в «учредительном конфликте» и поэтому представляет собой угрозу для общественного согласия. Риски инициирования с его стороны разнообразных протестов представляются высокими, а действия властей по восстановлению баланса интересов недостаточными. В российских реалиях в «прогрессивных режимах среднего класса» роль внесистемной оппозиции могут начать играть группы граждан, в других ситуациях ведущих себя лояльно по отношению к любой власти.

4) Наряду с реакцией на протесты способствовать либерализации городского режима могут многие другие факторы. Как мы выяснили, немаловажен такой субъективный фактор, как личность мэра. Большую роль играет и конкретная расстановка элит.

Через громких городских конфликтов и прогремевших на весь мир массовых протестов, уникальный городской «дух либерализма», развитый человеческий капитал, достаточно широкая прослойка активного «креативного класса» и деятельных урбанистов, «фрустрированное» православное сообщество, а также немаловажный субъективный фактор (яркие лидеры протеста, способные наладить соответствующие гражданские инфраструктуры и удачное стечение обстоятельств — личность мэра А. Орлова, готового вести диалог с гражданами) — все это действительно повлияло на городской политический режим, если говорить о способности реагировать на городские конфликты, и даже привнесло в него элементы коллаборативного планирования (к примеру, деятельность «Совета неравнодушных граждан»). Более того, как мы увидели, по крайней мере до объявления в сентябре 2022 г. частичной мобилизации, — даже СВО не сильно повлияла на готовность городских властей идти на диалог. Возможно, считывание протестующими страха в действиях властей будет усиливать позиции первых и ослаблять позиции последних в переговорных процессах. Это особенно сильно чувствуется в условиях СВО. Эксперты указывают, что власть сейчас боится любого конфликта, поскольку он может достаточно серьезно «рвануть» (это на момент написания данных строк видно по тому, как неоднозначно общество реагирует даже на частичную мобилизацию). Однако возможен и диаметрально противоположный сценарий: постепенно представители власти и бизнеса поймут, что в условиях военного времени люди не рискнут активно протестовать и оспаривать те или иные проекты по переустройству городского пространства, а потому на полную мощь включатся «машины роста», то есть городской политический режим вернется к своему изначальному состоянию десятилетней давности.

Список литературы (References)

Бедерсон В. Д., Шевцова И. К. Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Жур-

нал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 285—300. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300>.

Bederson V. D., Shevtsova I. K. (2021) Developers, the Party of Power and a Bit of Competition in Russia's Million-Plus Cities: A Typology of Urban Regimes in the 2010s. *The Journal of Social Policy Research*. Vol. 19. No. 2. P. 285—300. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300>. (In Russ.)

Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>.

Belousov A. B., Davydov D. A. (2021) From the Right to the City to the Right to Space. Dynamics of Municipal Conflicts on the Example of the Sverdlovsk Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>. (In Russ.)

Борисова Н. В. Теория городских политических режимов и возможности ее применения для анализа российской локальной политики // Вестник Пермского университета. Политология. 2010. Т. 10. № 2. С. 5—12.

Borisova N. V. (2010) The Theory of Urban Political Regimes and the Possibilities of Its Application for the Analysis of Russian Local Politics. *Bulletin of Perm University. Political Science*. Vol. 10. No. 2. P. 5—12. (In Russ.)

Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2010. Т. 70. № 2. С. 73—82. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/ekonomicheskije-aktory-i-lokalnye-rezhimy-v-krupnyh-gorodah-rossii.html> (дата обращения: 26.06.2023).

Bychkova O., Gelman V. (2010) Economic Actors and Local Regimes in Large Cities of Russia. *Neprikosnovennyy Zapas. Debate about Politics and Culture*. Vol. 70. No. 2. P. 73—82. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/ekonomicheskije-aktory-i-lokalnye-rezhimy-v-krupnyh-gorodah-rossii.html> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>.

Glukhova A. V., Kolba A. I., Sokolov A. V. (2021) Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia's Large Regional Centers). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>. (In Russ.)

Ермолаева П. О., Башева О. А., Корунова В. О. Экологическая политика и гражданское участие в российских мегаполисах: достижения и вызовы с позиции городских стейкхолдеров // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 301—314. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-301-314>.

Ermolaeva P.O., Basheva O.A., Korunova V.O. (2021) Environmental Policy and Civic Participation in Russian Megacities: Achievements and Challenges from the Perspective of Urban Stakeholders. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 301—314. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-301-314>. (In Russ.)

Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство в России до и после протестной волны 2011—2012 годов // Статис. 2014. Т. 2. № 1. С. 260—295. URL: <https://stasisjournal.net/index.php/journal/article/view/70> (дата обращения: 26.06.2023).

Zheltnina A. (2014) “Hanging Out”, Creativity, and the Right to the City: Urban Public Space in Russia before and after the Protest Wave of 2011—2012. *Stasis*. Vol. 2. No. 1. P. 260—295. URL: <https://stasisjournal.net/index.php/journal/article/view/70> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162—192. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/285> (дата обращения: 26.06.2023).

Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2019) Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 22. No. 1. P. 162—192. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/285> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>.

Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2021) “Players” in “Arenas”: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>. (In Russ.)

Кольба А. И., Соколов А. В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологии и управления // Конфликтология. 2016. № 4. С. 234—252.

Kolba A. I., Sokolov A. V. (2016) Urban Conflict: Problems of Definition, Typology and Management. *Conflictology*. No. 4. P. 234—252. (In Russ.)

Ледяев В. Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 129—143.

Ledyayev V. G. (2008) Urban Political Regimes: Theory and Experience of Empirical Studies. *Russia And the Contemporary World*. No. 4. P. 129—143. (In Russ.)

Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017. Medvedev I. R. (2017) Resolution of Urban Conflicts. Moscow: Infotropic Media. (In Russ.)

Пустовойт Ю. А. Локальный политический режим: от «коалиций координации» к «коалициям контроля» // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 4—1. С. 96—101.

Pustovoyt Yu.A. (2013) Local Political Mode: From “Coalitions of Coordination” to “Coalitions of Control”. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 4—1. P. 96—101. (In Russ.)

Пустовойт Ю. А. «Земля» и «Воля»: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах // *Власть и элиты*. 2018. Т. 5. С. 295—330. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.11>.

Pustovoyt Yu.A. (2018) “Land” and “Freedom”: Urban Regimes and Protest Communities in Siberian Cities. *Power and Elites*. Vol. 5. P. 295—330. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.11>. (In Russ.)

Пустовойт Ю. А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 4. С. 104—118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>.

Pustovoyt Yu.A. (2019) How the Regime is Created: Power Coalitions in Siberian Cities. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 104—118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. (In Russ.)

Пустовойт Ю. А. Протест в городах Сибири: опыт измерения факторов мобилизационной активности // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020. Т. 14. № 3. С. 122—130. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/3845> (дата обращения: 26.06.2023).

Pustovoyt Yu.A. (2020) Protest in the Cities of Siberia: The Experience of Measuring the Factors of Mobilization Activity. *Bulletin of Perm University. Political Science*. Vol. 14. No. 3. P. 122—130. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/3845> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13. № 2. С. 241—256. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3328> (дата обращения: 26.06.2023).

Tykanova E. V., Khokhlova A. M. (2015) The Urban Political Regime in St. Petersburg: The Role of Real and Imagined “Growth Machines” in the Struggle for Urban Space. *The Journal of Social Policy Research*. Vol. 13. No. 2. P. 241—256. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3328> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. «У власти точка зрения — молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // *Политическая наука*. 2017. № 4. С. 111—136. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaja-nauka-old/arkhiv/2017-4/u-vlasti-tochka-zreniia-molchanie/> (дата обращения: 26.06.2023).

Shevtsova I. K., Bederson V. D. (2017) “Authorities’ Point of View is to Keep a Silence”: Interaction of Initiative Groups and Local Authorities in the Urban Planning Policy. *Political Science*. No. 4. P. 111—136. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaja-nauka-old/arkhiv/2017-4/u-vlasti-tochka-zreniia-molchanie/> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Шохина А. Институциональная организация коллаборативного планирования в Канаде: механизмы вовлечения при подготовке мастер-плана Ванкувера

// Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 3. С. 53—65. <https://doi.org/10.17323/usp63202153-65>.

Shokhina A. (2021) The Institutional Framework of Collaborative Planning in Canada: Engagement Practices in Vancouver Master-Plan Development. *Urban Studies and Practices*. Vol. 6. No. 3. P. 53—65. <https://doi.org/10.17323/usp63202153-65>. (In Russ.)

Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.

Mitchell D. (2003) *The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space*. New York, NY: Guildford Press.

Stone C. N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946—1988*. Lawrence, KS: University Press of Kansas.

Stone C. N. (1993) Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 15. No. 1. P. 1—29. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9906.1993.tb00300.x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2378](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2378)

Е. Н. Рассолова, К. А. Галкин

НОВЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОДСКОГО АКТИВИЗМА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

Правильная ссылка на статью:

Рассолова Е. Н., Галкин К. А. Новые практики городского активизма в постиндустриальном российском городе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 153—168. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2378>.

For citation:

Rassolova E. N., Galkin K. A. (2023) New Practices of Urban Activism in a Post-Industrial Russian City. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 153–168. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2378>. (In Russ.)

Получено: 30.01.2023. Принято к публикации: 23.05.2023.

НОВЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОДСКОГО АКТИВИЗМА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

РАССОЛОВА Елена Николаевна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: enrassolova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3637-5544>

ГАЛКИН Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

Аннотация. В настоящей статье на основании двух кейсов в Комсомольском районе города Набережные Челны рассматриваются практики и способы коммуникации с аудиторией новых городских активистов.

В рамках исследования было собрано 20 полуструктурированных интервью с городскими активистами, которые выстраивали свою деятельность вокруг сохранения исторической части Набережных Челнов в поселке ГЭС, развития пространства завода ячеистых бетонов (ЗЯБ) и одноименной жилой территории, а также диалога с различными городскими акторами. Авторы обозначили основные черты нового городского активизма: ориентированность на включение в практики активизма различных акторов; ориентированность на молодежь и актуальную повестку социальной политики; развитие диалога; представление объектов активизма не как статич-

NEW PRACTICES OF URBAN ACTIVISM IN A POST-INDUSTRIAL RUSSIAN CITY

Elena N. RASSOLOVA¹ — Junior Researcher
E-MAIL: enrassolova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3637-5544>

Konstantin A. GALKIN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher
E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

¹ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (branch) of the Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology RAS, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This article discusses the development and methods of communication with the audience of new urban activists based on two cases in the Komсомolsk district of the city of Naberezhnye Chelny.

Within the framework of the study, the authors conducted 20 semi-structured interviews with the urban activists who built their activities around the cellular concrete plant and the residential area of the same name, preservation of the historical part of the city in the HPP settlement, as well as dialogue with various urban actors. We have identified the main features of the new urban activism, among which: focus on the inclusion of various actors in the practice of activism; focus on youth and the current agenda of social policy; the development of dialogue; representation of activism objects not as static and requiring protection, but as dynamically developing, constantly transforming.

ных и требующих защиты, а как динамично развивающихся, постоянно трансформирующихся.

В ходе исследования отмечена весомая роль неформального общения, в том числе онлайн и с привлечением различных современных средств. Такой подход позволяет новым городским активистам расширять свою аудиторию, вести диалог с жителями, отмечая их инициативы, использовать мнения и взгляды каждого участника взаимодействия на специфику и понимание трансформаций городского пространства и конкретного объекта активистских практик.

Практики нового городского активизма проанализированы с применением режимной теории, что позволило рассмотреть их как возможность самоуправления городскими проектами через объединение различных способов активистской деятельности и привлечение внимания к объекту защиты.

Ключевые слова: активизм, новые практики городского активизма, изменения активистских практик, развитие города, взаимодействия активистов

During the study of the practices of new urban activism, we noted the significant role of informal communication, including communication and interaction online and with the involvement of various modern means that allow new urban activists to find the entire audience and conduct a dialogue with various citizens, noting their various initiatives, using the opinions and views of each urban resident on the specifics and understanding transformations of urban space and a specific object of activist practices.

Within the framework of the article, we have considered the practices of new urban activism using regime theory, which allowed us to consider the practices of new urban activism as an opportunity to co-manage urban projects through combining and combining various methods of activist activity and attracting attention to the object of protection.

Keywords: activism, new practices of urban activism, changes in activist practices, development of the city, interaction of activists

Введение

Изменения в активистских практиках в России обусловлены переходом к постиндустриальной эпохе и развитием постиндустриальных городов. Последние представляют собой сложные системы взаимодействий различных акторов, связанных друг с другом сетями сотрудничества для реализации общих интересов, идей, взглядов на городское развитие [Скопина, 2013; Hall, 1997; Shaw, 2001]. Одним из важнейших элементов данного процесса можно считать множество социальных, пространственных и управленческих задач, которые стоят перед органами власти, представителями бизнеса и самими горожанами (в контексте отстаивания прав на свою территорию).

Процессы отстаивания прав в постиндустриальных городах связаны со спецификой развития городских территорий и взаимодействий с местными органами

власти, девелоперами и застройщиками [Rolfe, Bynner, Hastings, 2019; Pedroni, 2011]. Традиционные формы управления и подчинения (вертикальная форма) постепенно замещаются сложными структурами, по своей природе наиболее близкими к социальным сетям. Они создают условия для появления новых практик активизма, охраны пространств и территорий, отстаивания своего права на город.

Возникающие новые формы городского активизма направлены не на абсолютное противостояние и результативность через локальные конфликты в городской среде, а на сочетание жестких и мягких методов, а также созидательное социальное участие и объединение для достижения общих целей [Паченков, Воронкова, 2021; Квят, 2013]. Возникновение таких движений, безусловно, рождает исследовательский интерес для социальных ученых и урбанистов.

Поднят вопрос, как на основе локальных активистских инициатив нового формата происходит формирование режимов взаимодействия между различными акторами и в какой степени данные практики, базирующиеся на созидании и эстетизации, способствуют развитию соуправления в процессе конструирования того или иного образа города. Целью статьи является изучение практик городских активистов по репрезентации защищаемых объектов и привлечению аудитории, а также по различным видам взаимодействий с другими городскими акторами.

Теоретический контекст

Современное состояние подходов к исследованию городских режимов управления все чаще смещается от элитистских теоретических идей к плюралистическим взглядам, к включению различных акторов в процессы развития [Davies, Imbroscio, 2009; Ледяев, 2015].

Одной из концепций, рассматривающих многогранность городского управления, является теория городских режимов. Она фокусирует внимание на взаимодействиях различных акторов в контексте городского планирования [Stone, 1989]. Эта теория определена преимущественно тремя ключевыми аспектами развития современного города. Первый — это кросс-секторальное взаимодействие различных акторов и, как следствие, включение государственных и негосударственных игроков в развитие городского пространства. Второй — развитие права на город у различных акторов, имеющих как ограниченные (обычно к таким акторам относятся городские активисты), так и неограниченные ресурсы; это государственные и властные структуры, а также крупный бизнес. Третий аспект — многообразие приоритетов городского развития: от формирования комфортной, удобной городской среды, строительства крупных жилых кварталов до создания новых креативных площадок, удобных и комфортных для молодежи [Stone, 1989]. Сами города в таком случае становятся ареной действий различных коалиций городского управления. С одной стороны, создаются крупные союзы городской власти и бизнеса, а с другой — эти союзы дополняются низовыми активистскими инициативами [Нотман, 2021].

В настоящем исследовании нами применена теория городских режимов, предложенная Кларенс Стоун и определяющая перспективы развития городского соуправления: от механизмов принуждения к механизмам социального контроля и развития [Stone, 1989; 2004]. Одним из ключевых элементов в данной теории

выступают координация усилий городских активистов, представителей власти и бизнес-структур при проектировании развития городов, а также формальные и неформальные взаимодействия [Stone, 1989].

Городское пространство нами определено как совокупность городских режимов и объектов, которые используются активистами не для борьбы и противостояния, а для социального производства. С этой позиции данная система не является полем противодействия властных структур и акторов-защитников [Нотман, 2021; Желнина, Тыканова, 2019]. Иными словами, пространство города можно трактовать как своеобразную песочницу, у которой существует неограниченный потенциал и ресурс возможностей для реализации потенциала, исходя из потребностей развития мегаполиса.

Таким образом, новые практики городского активизма определяются в статье как созидательная кооперация различных акторов, развивающаяся в контексте неолиберальных идей, связанных не с принуждением и борьбой, а с эстетизацией образов создаваемых и охраняемых объектов. Следовательно, новый тип городского активизма связан с мягкими методами, которые включают в себя доминирование непротестной логики, конструирование созидательного диалога с властью и бизнесом и присоединение их к реализации активистских замыслов и креативных решений. Перестраиваются смыслы понимания города и видоизменяются коммуникации относительно трансформации городских пространств с различными участниками локальных градозащитных сообществ [Паченков, Воронкова, 2021; Королева, Чернова, 2018].

Модусы деятельности как протестных, так и новых практик городского активизма могут сочетаться. Однако основное отличие их друг от друга — это созидательная логика во взаимодействии с властью и бизнесом в рамках решения тех или иных проблем в городском управлении, в развитии возможностей для всех отстаивать свои права на город через кооперацию и совместную деятельность.

В настоящем исследовании основное внимание уделено микролокальным режимам, возникающим в рамках деятельности различных активистских групп. Авторы анализируют процессы развития новых форм городского активизма как локального режима, ориентированного на неолиберальные идеи и предполагающего сотрудничество различных акторов, в условиях существующих ограничений в управлении периферийными промышленными городами в России (управление из центра и сужение коридора местной автономии) и развертывания протестного активизма.

Методология и эмпирическая база

В основе статьи — авторское исследование, проведенное в 2022 г. Была собрана серия полуструктурированных интервью с городскими активистами города Набережные Челны, в рамках которых обсуждалась возможность привлечения общественности к развитию завода-банкрота (ЗЯБ — завода ячеистых бетонов), а также территории исторической застройки в поселке ГЭС. Всего было проведено 20 полуструктурированных интервью (n=20). Все информанты-активисты имеют разную степень включенности в городскую повестку и разный уровень активистского влияния на трансформацию городских пространств города Набережные Чел-

ны. В качестве информантов выступили городские активисты, лидеры локальных урбанистических сообществ, архитекторы и дизайнеры в возрасте от 20 до 45 лет.

Первый исследовательский кейс, рассмотренный в настоящей статье, — завод ячеистых бетонов. Предприятие создавалось в 1958—1962 гг., когда город начинал активно развиваться и застраиваться. Именно этот завод привлек первые волны переселенцев и строителей на территорию города и, несомненно, является частью локальной истории Набережных Челнов как важная историческая веха застройки пространства и развития города. В конце 2010-х годов завод был признан банкротом, в настоящее время его производственные площади пустуют. На данный момент на территории завода и прилегающей к нему территории расположены объекты промышленной и социальной инфраструктуры: магазины, жилые кварталы, небольшие предприятия, больница, колледжи и городской театр. Территория простаивающего завода стала объектом дискуссий городских активистов, которые проходят как в социальных сетях и интернет-сообществах, так и на уровне молодежных центров и мэрии города. Основными вопросами этой дискуссии выступают идеи о сносе построек и дальнейшем развитии территории завода, ее расширении и использовании для создания здесь городских досуговых или межвузовских площадок, молодежного кластера. Данный кейс иллюстрирует возможности созидательного активизма и его развития в городе, поскольку территория завода (ЗЯБ) на данный момент представляется как *tabula rasa*, в рамках которой возможно реализовывать идеи и взгляды городских активистов на развитие городского пространства.

Второй исследовательский кейс территориально связан с первым. Развитие территории ЗЯБ и прилегающего поселка нельзя отделять от общей исторической канвы, когда параллельно возводился комплекс Нижнекамской гидроэлектростанции и жилой территории, названной в ее честь ГЭС (в топонимике и речи жителей города приняты обозначения «жить на ГЭСе»). Общий облик жилого района представлен застройкой 1960—1970-х годов и небольшой площадью застройки конца XIX — начала XX веков, что сейчас представляет историческую ценность. Когда-то этот участок был центром города Набережные Челны. С конца 2010-х годов появились сообщества, сосредоточенные на сохранении уникальной идентичности района: «ГЭС. Перезагрузка», «Том Соьер Фест» и др., которые взаимодействуют с другими городскими урбанистическими сообществами.

При анализе транскриптов интервью нами был применен тематический метод, а также один из его подвидов — конверсационный анализ [Kvale, 1983]. В рамках работы с текстами был рассмотрен ряд случаев, которые затем подвергались сравнению и генерализации. Сначала были идентифицированы секвенции, отражавшие ключевые для исследования темы: *описание участия в активистских практиках; тактики активизма; аудитория и ориентированность активистских практик.*

На втором этапе анализа было уделено внимание особенностям активистских историй, их эмоциональным оценкам и специфике организации различных гражданских инициатив. Третий этап анализа нарративов интервью связан с выделением ключевых подтем, в рамках которых активисты описывали свои практики и возможности для их реализации: «коммуникация и взаимодействия активистов», «роль города и отстаивание права на город», «описание взаимодействий

с властью», «описание взаимодействий с людьми», «координация усилий в отстаивании прав на город».

Большое внимание в рамках анализа нарративов интервью уделено тому, как информанты рассказывали о своих активистских практиках. Далее нами были рассмотрены подтемы, которые легли в основу описания тем, представленных в разделах эмпирической части статьи: *тема сотрудничества и объединения с различными акторами; созидание и креативность вокруг объекта защиты.*

Сотрудничество и объединение с различными акторами

Особенностью действий городских активистов, которые пытаются взаимодействовать с общественностью и привлекать внимание к ЗЯБ, является кооперация с широким кругом городских акторов, если это способствует достижению цели. Их точка зрения относительно решения проблем может быть описана как позиция развития и диалога, к которой, как правило, подключается неограниченное число акторов, имеющих различное влияние на изменение городского пространства: от довольно незначительных до важных и структурных игроков на городской арене — таких как мэрия города или всевозможные общественные советы. Тактика городских активистов отличается от привычного охранного активизма своей мягкостью, умением сочетать различные методы, умело комбинировать их, подключать на планируемых этапах различных участников процесса. Как правило, базовой аудиторией, на которую ориентировано сотрудничество таких активистов, выступает молодежь, и начало отстаивания прав того или иного объекта начинается с обращения к молодежной аудитории. В случае кейса ЗЯБ такое обращение было обусловлено развитием креативных проектов.

Была в разных городах, тот же Питер. Там же есть «Севкабель Порт» и «Этажи» [креативные пространства], они же существуют на территории заводов — и ничего. И жизнь там кипит. А у нас что? Есть пустующее здание завода с удобным расположением, даже не в промзоне.

Размести ты там креативное пространство, ведь сам город просто создан для того, что современное искусство развивалось. Ведь модернизм же. А посмотри на тот же Стамбул или Берлин, там же очень много этих коробочек, но это музеи современного искусства, галереи. А у нас что? Можно же часть корпуса сохранить. А на освободившемся [месте] поставить эти же коробки и свечи, но будет место для горожан, а не сухая механика — поспал, поел, убежал, и криминала меньше будет. (Жен., 41 год, дизайнер)

Проект-исследование «ЗЯБ» представлял собой многоступенчатый комплекс мероприятий: этнографических прогулок и экспедиций, записи интервью и фото-видео-архива. В 2021 г. проект получил продолжение в виде fashion-съемки, осуществленной с целью репрезентировать идентичность района через объектив камеры. Данный шаг способствовал привлечению к заводу внимания молодежи и появлению дискуссии о развитии пространства завода.

Сообщество «URBANTATAR» организовало и провело по территории ЗЯБ и прилегающего района серию экскурсий — небольших тематических экспедиций для

заинтересованных горожан. Экскурсоводы стремились показать, как завод ячеистых бетонов интегрирован в историю развития Набережных Челнов и какие возможности таит в себе это пространство.

Затем городские активисты проводили кампанию по продвижению образа завода на различных мероприятиях, при этом для молодежи акцент делался на важности развития территории завода. Эта повестка транслировалась и для представителей власти, и для бизнеса Набережных Челнов. Таким образом, важным в деятельности новых городских активистов выступает не жесткое противостояние и усиливающаяся конфронтация, которая может быть выражена серией митингов или протестов в городском пространстве, а довольно мягкие технологии манипуляций бюрократической машиной города, попытка поиска оптимальных точек соприкосновения для заинтересованных групп. В частности, ориентир на молодежь через возможное создание на территории ЗЯБ межуниверситетского хаба был важен и для городских властей, так как вписывался в планы актуальной повестки строительства и развития специальных мест для городской молодежи, отвечал актуальной социальной и молодежной политике, в том числе на федеральном уровне.

Молодежь? Она устала от обычных молодежных центров. Они сами хотят что-то делать, но чаще нет помещений. А на выходные? Ну куда она может пойти в городе? Никуда? А на ЗЯБи так вообще перекасти поле. Они же катаются то в Казань, а то и в Москву на всякие тусовки молодежные. Задыхается тут молодежь, нет тут выхлопа ее энергии. А вот если будет такое молодежное место, как на ЗЯБи, то тут же и межуниверситетский хаб может быть, и кафешки всякие появятся, и места крутые. (Жен., 23 года, архитектор)

При этом именно молодежь как аудитория, на которую направлена эта политика, должна была стать фронтиром через отстаивание, просьбы и позиционирование своего права на город, в данном случае — права на развитие креативной площадки, которой на данный момент не существует, но которая могла бы объединить молодежь из разных городов Республики.

Волну новых практик городского активизма подхватили «соседи» ЗЯБ — урбанистические сообщества поселка ГЭС. Свою деятельность они осуществляли и ранее, но наибольшая активность в делах города была проявлена в начале 2020 г. Особенно в этой массе выделяется сообщество Штаб «ГЭС. Перезагрузка», выполняющее функции своеобразного коммуникационного и координационного центра для других урбанистических и городских объединений.

Штаб «ГЭС. Перезагрузка» возник на волне действия республиканской программы «Наш двор»¹. С учетом общего тренда на полицентричность, Штаб ставит одной из своих целей создание небольших локальных центров внутри комплексов (название жилых микрорайонов в городе Набережные Челны. — *Примеч. авт.*) и разнообразных форм творческой активности через сотрудничество с ТОС (территориальным общественным самоуправлением):

¹ Подробнее см. URL: <https://dvor.tatar/> (дата обращения: 26.06.2023).

Например, мы поддержали ТОС «Прибрежный» в реализации проекта «Кино во дворе», совместно с «ЛитМуз» провели литературно-музыкальный вечер, а с АЙТАТ и URBANTATAR — конкурс на создание паблик-арта в сквере на ГЭСе. (Жен., 41 год, координатор сообщества)

Штаб «ГЭС. Перезагрузка» своей целью ставит переосмысление городского района и развитие новых практик на его территории. В числе ключевых направлений отмечается забота о первостроителях города; развитие территории (вовлечь предпринимателей в реализацию комплексного проекта развития исторического Центра); самоуправление; молодежь². В рамках данных направлений осуществляется взаимодействие с разными группами акторов для сохранения наследия города. К примеру, задействуются механизмы муниципально-частного партнерства, организуются досуговые мероприятия, происходит взаимодействие с «Том Сойер Фест» по сохранению территории исторической застройки. В комплекс работы Штаба входит поддержка локальных сообществ, а также взаимодействия с территориально-общественными самоуправлениями района:

Город начинался с улицы Центральной, где остались постройки конца XIX — начала XX веков, с музеем истории города думали, как можно сохранять то, что осталось. При строительстве Нижнекамской ГЭС старые территориальные границы были нарушены, что-то разрушено и ушло под воду. Осталась лишь крошечная часть того, что было... Как-ие-то здания удалось оставить еще музею. Радует, что одно из таких зданий займет центр реабилитации [реабилитационный центр для людей с ОВЗ]. (Муж., 42 г., член урбанистического сообщества)

Городские активисты, использующие новые практики, сохраняют свою позицию относительно развития той или иной территории города: при сотрудничестве с различными акторами городской политики они склонны быть публичными и открытыми, стараются находить точки соприкосновения даже с теми, кто не разделяет (или отчасти разделяет) их позицию относительно городского развития. Важно и то, что взгляд новых городских активистов позволяет видеть территорию бывшего завода как пространство, в котором не заложено заданных сверху, точных и структурированных сценариев. Именно через коллективность и социальность, через объединение различных идей территория ЗЯБ становится неким конструктором и генератором творческой энергии, «Майнкрафтом офлайн» (компьютерная игра в жанре песочницы, созданная шведским программистом Маркусом Перссоном, где жители (молодежь и другие заинтересованные люди) могут нарисовать свои дома, создать свое пространство, сделать его наиболее удобным и комфортным для всех, предложить свое видение развития города и конкретной территории, в том числе довольно фантазийное).

Главной идеей для сотрудничества и кооперации у городских активистов становится создание креативной сети, которая позволяет реализовывать свои амбиции всем ее участникам. Именно в рамках такой сети, сопровождаемой рядом

² Подробнее см. URL: <https://www.op-sungatullin.ru/> (дата обращения: 26.06.2023).

экскурсий, фото-, видео- и другими визуальными материалами, городские активисты создают и задают возможности для развития этого объекта, репрезентируют новое видение забытой территории завода в долгих обсуждениях и комментариях, в том числе общероссийских, так как креативная сеть не имеет жесткой, структурированной привязки к жителям города Набережные Челны или Республики Татарстан. В данном случае важна тактика заинтересованности людей в развитии территории, включения и интеграции каждого индивида, широкого круга лиц в проекты развития города.

Созидание и креативность вокруг объекта защиты

В рамках развития новых практик городского активизма немаловажной стратегией выступает совершенствование креативности как главного концепта, использование потенциала ЗЯБ «без границ». Завод и сам вернакулярный район становятся не только территорией для противостояния, борьбы различных городских акторов, как это нередко бывает с охранним городским активизмом и различными инициативами в его контексте, но и местом для возникновения новых идей, пространством для творчества и объединения, расширения солидарности. В таком случае привычное пространство завода и активистские практики вокруг него — это прежде всего попытка разорвать привычную обыденность, в том числе применяя новые способы, такие как снятие фильма о заводе, создание ряда видеороликов или просто работа с его образом в социальных сетях, развитие креативных идей относительно трансформации пространства. Важным фактором выступает отсылка к пространству досуга. Именно так активисты старались описать роль ЗЯБ как места, которое в корне изменяет все городское пространство, трансформирует возможности жителей к созданию чего-то своего в общем модернистском ландшафте города. Здесь немаловажной является и роль самого завода как места, изначально объединяющего город и его жителей, ведь строительство города совпадает с появлением и функционированием самого предприятия ЗЯБ.

Есть ощущение, что пытаются стереть прошлое, как будто то, что было до КАМАЗа, стыдно, вот и не помнят, и не знают, что и до КАМАЗа у нас было очень интересно и любопытно. Чем завод помешал? Это ведь как раз конструкт и место памяти для горожан, и надо его превращать в новый культурный код. (Муж., 21 год, студент)

Сегодня активисты предлагают вновь связать город и завод, но уже используя кардинально отличающуюся метафору, то есть позиционируя корпуса предприятия как места для отдыха, креативности, а не работы, как это было ранее. Горожане совместно с новыми городскими активистами возводят своего рода памятник заводу, который вписывается в локальную историю города. Отличие от охранного городского активизма выражается в том, что ставится задача не сохранить территорию завода в ее первозданном виде, а перестроить, создав тем самым живой и подвижный креативный памятник, а не статичный объект, за который надо бороться, что встречается в практиках охранных активистов. Именно в креативности и участии каждого новые городские активисты видят развитие простран-

ства ЗЯБ в целом и потому моделируют свои практики, ориентируясь на включение каждого в заводское пространство.

Следует отметить, что объект, который развивают городские активисты, имеет четкие границы, структурированность и оформленность, однако внутри него сами действия по его развитию могут быть кардинально отличными и позиционироваться как городская песочница. Такая тактика позволяет каждый день придумывать новые способы для сохранения пространства завода и доносить их до различных городских акторов, постоянно меняя моделируемый образ защищаемого объекта и реализуемые стратегии относительно него. Вместе с тем стремление к единому пулу практик позволило бы создать многофункциональную программу работы с объектом и прилегающей территорией.

Второй исследовательский кейс в какой-то степени взаимосвязан с первым: ЗЯБ и ГЭС входят в состав Комсомольского района, поэтому вопросы, связанные с развитием данной территории, решаются совместно с локальными сообществами. Границы между ГЭС и ЗЯБ можно охарактеризовать как флюидные, что выражается в присутствии одних и тех же активистов в локальных урбанистических сообществах обеих территорий.

Поселок ГЭС имеет в том числе историческую ценность для города Набережные Челны, так как на его территории располагаются не только многоэтажные дома 1960—1980 годов, но и зона исторического центра:

С района ГЭС началось строительство Набережных Челнов. Жители ценят историю места и стремятся ее сохранить. <...> Штаб «ГЭС. Перезагрузка» стал своего рода помощником жителей в реализации их идей. Так появилось комьюнити, которое придумывает и осуществляет разные проекты... (Жен., 41 год, координатор сообщества)

Деятельность Штаба как своеобразного коммуникационного центра носит системный и официальный характер и дополняет существующие республиканские программы по улучшению городской среды, предоставляя возможность расширить существующие форматы взаимодействия. Инициативы, предлагаемые ТОС, локальными активистами, могут быть охарактеризованы как устоявшиеся, переходящие на городской уровень (пример — проект «Кино во дворе»³), одобряемые, совпадающие с основным курсом республиканских и муниципальных программ по городскому развитию.

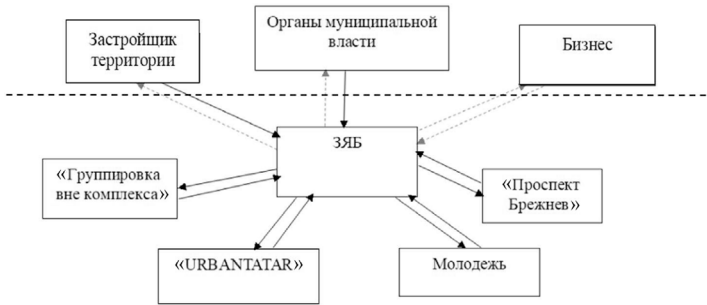
Вместе с тем дискуссия вокруг ЗЯБ носит изменчивый характер, так как единый вектор деятельности активистов и их сообществ еще формируется, поэтому предлагаемые инициативы более хаотичные, точечные и проективные. Можно условно разбить уровни взаимодействия акторов на два слоя: уровень инициатив и уровень власти (см. рис. 1).

ЗЯБ характеризуется процессом формирования взаимодействий заинтересованных акторов. Горизонтальная пунктирная линия показывает существующее разделение на уровни взаимодействия. Сообщества и молодежные активи-

³ См. «Чай из самовара, блины на Масленицу, Новый год и кино во дворе — это все объединяет нас» // Городской портал предпринимателей. 2021. 2 ноября. URL: <https://chelny-biz.ru/society/530121/?ysclid=ijcrauro69635218418> (дата обращения: 26.06.2023).

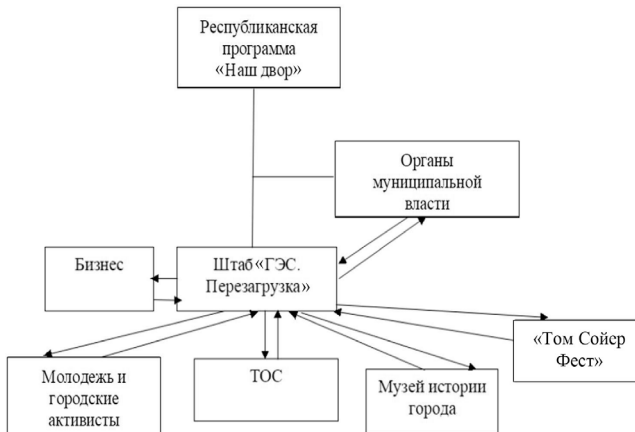
сты имеют устойчивые взаимосвязи между собой и постепенно интегрируются в единый вектор практик, чтобы достичь поставленных целей. Вместе с тем имеются сложности в коммуникации с органами власти, бизнесом и застройщиком — пунктирные линии показывают возникающие и формирующиеся связи. При этом существуют директивные решения органов местной власти и застройщика относительно ЗЯБ, которые заинтересованные сообщества пытаются приостановить и изменить. «Проектируемый» городской активизм в этой ситуации работает на будущую перспективу: активисты формируют единый вектор и пул целей, методом проб и ошибок вырабатывая единые стратегии взаимодействия.

Рис. 1. Взаимодействие сообществ ЗЯБ с заинтересованными акторами

Активистские практики ГЭС отличаются большей солидарностью действий, так как дополняют предлагаемый республиканскими и муниципальными органами власти курс развития городского пространства. Основные каналы взаимодействия сформированы, есть своеобразный координационный центр сообществ, который связывает гражданские инициативы и органы власти. Работающий механизм соучаствующего проектирования позволяет реализовывать локальные проекты в жилых микрорайонах (см. рис. 2).

Рис. 2. Механизм взаимодействия заинтересованных акторов в поселке ГЭС

Активисты предпочитают действовать изящными, «ювелирными» методами, подсвечивая существующие проблемы локаций. В этом пространстве опыт ГЭС считается наиболее успешным в силу совпадения интересов всех акторов. ЗЯБ сталкивается с необходимостью формирования единого вектора действий, а значит, некоторого ужесточения собственного режима практик.

Заключение

На примере развития активизма вокруг ЗЯБ и ГЭС в городе Набережные Челны показана трансформация активистских практик в целом, а также обозначен переход от распространенного ранее охранного активизма, предполагающего конфронтацию с городскими акторами, к практикам активизма нового типа, который в первую очередь обусловлен задействованием большого количества участников и договорными практиками с заинтересованными сторонами, развитием дискуссии о роли объектов с привлечением средств современных технологий, а также активным участием самих горожан и развитием соуправления городом. Переход к новым практикам городского активизма сопровождается трансформациями в формах деятельности, в частности, налицо растущая популярность таких средств донесения информации, как видеофильмы, экскурсии и различного рода обсуждения на форумах, в блогах и социальных сетях.

Новые практики городского активизма характеризует ориентация на сотрудничество с различного рода акторами. Как правило, реализуется переговорная тактика, активисты стараются соединить множество мнений относительно развития и сохранения городского объекта. Важной особенностью таких практик является иное понимание самих объектов защиты и развития. В отличие от прежнего (охранного) активизма, когда объект защиты рассматривался как статичный и основными действиями были его защита и активная полемика с городскими сообществами, новые практики городского активизма предполагают отношение в объектам как к динамичным и постоянно трансформируемым созидательным полям, в рамках которых создается дискуссия о креативности, развитии и подключении новых заинтересованных акторов.

Таким образом, формат подобных практик позволяет реализовывать права на город для всех участников взаимодействия, а нередко и для всего городского сообщества, как показывает пример активизма вокруг развития ЗЯБ. В целом данный кейс показывает, что вектор городского активизма смещается в сторону созидания, договоренностей и поиска компромиссов. Важен в данном случае переход к неформальным стратегиям, участию всех членов сообщества в активистских практиках, предложениям по развитию конкретной территории. Также значимой отличительной чертой подобных практик выступает их органичная встроенность в само пространство, что дополняется идеями развития, а не борьбой за городское пространство через сопротивление его нежелательным преобразованиям. Интересным представляется тот факт, что такие практики возникают в пространстве российского постиндустриального города, где возможна большая трансформация и гибкость защищаемых объектов, активное обсуждение их судьбы на форумах и в социальных сетях. Также в рамках новых практик городского активизма следует отметить ориентированность на молодежь, на привлечение

ее к развитию пространств, на учет ее мнения о развитии и трансформациях тех или иных городских объектов.

Активистские истории соседней территории (поселка ГЭС) вписываются в общую канву мягких практик. Для ЗЯБ свойственны более флюидные, точечные действия, находящиеся в формирующемся состоянии. Для ГЭС — более структурированные, системные, близкие к институционализации практики. Опыт сообществ данной локации показывает, что взаимодействие с органами власти муниципального и республиканского уровня через республиканские программы (например, «Наш Двор») позволяет реализовывать низовые инициативы и получать поддержку. В деятельности локальных активистов можно найти схожие черты с сообществами ЗЯБ: к примеру, применение форматов творческой (ре)презентации (художественная съемка, выставки, воссоздание культурных кодов) к вопросам идентичности территории, создание элементов креативного пространства. Вместе с тем общий принцип работы локальных городских сообществ ГЭС можно охарактеризовать как «сохраняй, приумножай, расширяй»: дополнять изменения, проводимые в рамках республиканской программы «Наш двор», расширять форматы взаимодействия с территорией, сохранять историческое наследие города. Оба вернакулярных района сталкиваются с необходимостью переосмысления существующего опыта и перехода в новую реальность через сохранение ключевых построек в качестве взаимосвязи с топонимикой и историческим прошлым. Активисты ЗЯБ стремятся отстоять право «воображаемого объекта» быть реальным. Урбанистические сообщества ГЭС выстраивают свои практики вокруг сохранения уникальности данного вернакулярного района и действуют на принципах кооперации и коллаборации. В этом смысле городские активисты не вступают в конфронтацию с городской властью, а становятся участниками полноценного диалога, членами эффективной команды по улучшению городской среды и, следовательно, соуправления городом.

Основным ограничением данного исследования является небольшой размер выборки. Оно представляет попытку осмысления изменения активистских практик в рамках определенных кейсов. Возможность генерализации и мультипликации полученных выводов на все формы активизма на территории России сдерживается спецификой выбранных данных. Ключевую роль в этом процессе играют сами активисты, чьи мнения и смыслы чрезвычайно важны для понимания трансформаций и изменений тех или иных городских режимов.

Список литературы (References)

- Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162—192. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/285> (дата обращения: 24.06.2023).
- Zhel'nina A. A., Tykanova E. V. (2019) Formal and Informal Civil Infrastructures: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 22. No. 1. P. 162—192. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/285> (accessed: 24.06.2023). (In Russ.)

Квят А. Г. Новые коммуникативные практики в российских городах // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы международной научно-практической конференции 26—27 апреля 2013. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С. 351—359. URL: <http://www.mic.org.ru/phocadownload/konf-mp13.pdf#page=351> (дата обращения: 24.06.2023).
Kviat A. G. (2013) New Urban Communication Practices in Russian Cities. Development of the Russian-Speaking Media Space: Communication and Ethical Problems. *Materials of the International Scientific-Practical Conference April 26—27, 2013*. Moscow: APK and PPRO. P. 351—359. URL: <http://www.mic.org.ru/phocadownload/konf-mp13.pdf#page=351> (accessed: 24.06.2023).

Королева М. Н., Чернова М. А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93—101. <http://dx.doi.org/10.31857/S013216250001963-2>.
Koroleva M. N., Chernova M. A. (2018) Urban Activism: Management Practices of Authorities as Resources and Barriers for Urban Development Projects. *Sociological Studies*. No. 9. P. 93—101. <http://dx.doi.org/10.31857/S013216250001963-2>. (In Russ.)

Ледяев В. Г. Опыт изучения власти в городских сообществах: российская проекция // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С. 301—325. URL: <http://socinst.ru/publications/powerelites/tom2/> (дата обращения: 24.06.2023).

Ledyayev V. G. (2015) The Study of Power in Urban Communities: The Russian Perspective. *Power and Elites*. Vol. 2. P. 301—325. URL: <http://socinst.ru/publications/powerelites/tom2/> (accessed: 24.06.2023). (In Russ.)

Нотман О. В. Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: Новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 86—94. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_86. (Серия: Социальные науки).
Notman O. V. (2021) Possibilities for Implementing a Co-governance in Russian Megapolises: The New Civic Activism and Microlocal Urban Regimes. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 2. P. 86—94. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_86. (In Russ.)

Паченков О. В., Воронкова Л. В. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. No. 2. С. 253—268. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>.

Pachenkov O. V., Voronkova L. V. (2021) “New Urban Activism” and “Public Policy” in Russia (Case of Saint Petersburg). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 253—268. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>. (In Russ.)

Скопина М. В. Феномен «места» и «не-места» в постиндустриальном городе // Вестник МГСУ. 2013. Т. 8. № 1. С. 66—71. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2013.1.66-71>.

Skopina M. V. (2013). Phenomenon of “Site” and “Non-Site” in the Post-Industrial City. *Vestnik MGSU*. 2013. Vol. 8. No. 1. P. 66—71. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2013.1.66-71>. (In Russ.)

Davies J. S., Imbroscio D. L. (2009) Introduction: Urban Politics in the Twenty-First Century. In: Davies J. S., Imbroscio D. L. *Theories of Urban Politics*. London: Sage. P. 1—14. <https://doi.org/10.4135/9781446279298.n1>.

Hall P. (1997) Modelling the Post-Industrial City. *Futures*. Vol. 29. No. 4—5. P. 311—322. [https://doi.org/10.1016/s0016-3287\(97\)00013-x](https://doi.org/10.1016/s0016-3287(97)00013-x).

Kvale S. (1983) The Qualitative Research Interview. *Journal of Phenomenological Psychology*. Vol. 14. No. 1—2. P. 171—196. URL: https://brill.com/view/journals/jpp/14/1-2/article-p171_9.xml (accessed: 24.06.2023).

Pedroni T. C. (2011) Urban Shrinkage as a Performance of Whiteness: Neoliberal Urban Restructuring, Education, and Racial Containment in the Post-industrial, Global Niche City. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. Vol. 32. No. 2. P. 203—215. <https://doi.org/10.1080/01596306.2011.562666>.

Rolfe S., Bynner C., Hastings A. (2019) Changing Places and Evolving Activism: Communities in Post-industrial Glasgow. In: Kintrea K., Madgin R. (eds.) *Transforming Glasgow: Beyond the Post-industrial City*. Policy Press. P. 179—198. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447349778.003.0010>.

Shaw D. V. (2001) The Post-Industrial City. In: Paddison R. (ed.) *Handbook of Urban Studies*. Sage. P. 284—295. <https://doi.org/10.4135/9781848608375>.

Stone C. N. (1989) *Regime politics: Governing Atlanta, 1946—1988*. Lawrence, KS: University Press of Kansas.

Stone C. N. (2004) It's More Than the Economy After All: Continuing the Debate About Urban Regimes. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 26. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1111/j.0735-2166.2004.0001.x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2149](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2149)**Д. Б. Литвинцев, Н. В. Абрамова, Д. С. Романов****РАЗДЕЛЬНЫЙ СБОР МУСОРА:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК ПОВСЕДНЕВНОСТИ****Правильная ссылка на статью:**

Литвинцев Д. Б., Абрамова Н. В., Романов Д. С. Раздельный сбор мусора: институциональные проблемы формирования проэкологических практик повседневности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 169—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2149>.

For citation:

Litvintsev D. B., Abramova N. V., Romanov D. S. (2023) Separate Waste Collection: Institutional Problems of Developing Pro-ecological Practices in Everyday Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 169–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2149>. (In Russ.)

Получено: 28.12.2022. Принято к публикации: 26.04.2023.

РАЗДЕЛЬНЫЙ СБОР МУСОРА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ЛИТВИНЦЕВ Денис Борисович — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия
E-MAIL: denlitv@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0358-3681>

АБРАМОВА Надежда Владиславовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Россия
E-MAIL: AbramovaNV@mgsu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9224-6603>

РОМАНОВ Дмитрий Сергеевич — старший преподаватель кафедры муниципального менеджмента, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань, Россия
E-MAIL: dmitriiromanov7@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2031-4600>

Аннотация. Исследования проблемы раздельного сбора мусора в дискурсе проэкологического поведения жителей многоквартирных домов с каждым годом становятся все более популярны среди российских специалистов, представляющих различные сферы (социология, психология, экономика и др.) и школы. Целью настоящего исследования с опорой на представле-

SEPARATE WASTE COLLECTION: INSTITUTIONAL PROBLEMS OF DEVELOPING PRO-ECOLOGICAL PRACTICES IN EVERYDAY LIFE

*Denis B. LITVINTSEV*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Management*
E-MAIL: denlitv@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0358-3681>

*Nadezhda V. ABRAMOVA*² — *Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Social, Psychological and Legal Communications*
E-MAIL: AbramovaNV@mgsu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9224-6603>

*Dmitry S. ROMANOV*³ — *Senior Lecturer at the Department of Municipal Management*
E-MAIL: dmitriiromanov7@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2031-4600>

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

² National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

³ Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, Kazan, Russia

Abstract. Studies of the problem of separate waste collection in the discourse of pro-ecological behavior of apartment building residents are becoming increasingly popular every year among Russian scholars representing various fields of science (sociology, psychology, economics, etc.) and approaches. The purpose of this study, based on ideas about the interaction of the material and the techno-

ния о взаимодействии материально-технологической и институциональной среды социума является отражение неготовности населения России к так называемой мусорной реформе в силу различных обстоятельств. На примере сравнительного анализа результатов исследований в городах Москве, Новосибирске и Казани с учетом имеющихся вторичных данных показаны наиболее значимые препятствия в реализации нового вектора жилищной политики в России. Авторами отмечается, что особенности городской инфраструктуры, отсутствие свободного времени и пространства в самом жилище (квартире), отсутствие стимулов и недостаточная информированность жителей могут препятствовать реализации мусорной реформы. Неготовность материально-технологической среды к новому социальному институту раздельного сбора отходов, а также его несоответствие уже сложившимся повседневным практикам не будут способствовать укоренению формальных правил.

Ключевые слова: коммунальные отходы, раздельный сбор мусора, про-экологическое поведение, социальные институты, повседневные практики, материально-технологическая среда, жилищная политика

logical and institutional environment of society, is to reflect the unwillingness of the Russian population to the so-called waste reform due to various circumstances. Using the example of a comparative analysis of research results in the cities of Moscow, Novosibirsk and Kazan, taking into account the available secondary data, the most significant obstacles in implementing a new vector of housing policy in Russia are shown. The authors note that the peculiarities of urban infrastructure, the lack of free time and space in the dwelling (apartment) itself, the lack of incentives and insufficient awareness of residents may hinder the implementation of waste reform. The unavailability of the material and technological environment for the new social institution of separate waste collection and its inconsistency with already established everyday practices will not contribute to the establishment of formal rules.

Keywords: municipal waste, separate waste collection, pro-ecological behavior, social institutions, everyday practices, material and technological environment, housing policy

Введение

Социальные институты неразрывно связаны с материально-технологической средой общества (коммунальной в случае России), которой С. Г. Кирдина дает следующее определение: «обусловленная природными условиями общественная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности населения, с присущими им технологиями и системами управления» [Кирдина 2014: 83]. Со временем материально-технологическая и институциональная среды образуют взаимосвязанную систему. При этом коммунальная среда обуславливает создание централизованных систем управления, способных регулировать ее

использование в общих (коллективных) интересах. Центр в такой системе¹ определяет правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов [там же]. В связи с этим можно утверждать, что развитие материально-технологической среды социума обуславливает возникновение новых и трансформацию существующих формальных и неформальных институтов, а значит и развитие релевантных социальных практик (в том числе повседневных), основными свойствами которых, по Г. Гарфинкелю, является их объяснимость, наблюдаемость, сообщаемость и рефлексивный характер.

Социальный механизм формирования новых практик, как отмечала еще Т. И. Заславская, есть устойчивая система взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней (индивидов, организаций и социальных групп), которая регулируется, с одной стороны, базовыми институтами общества (правилами игры), а с другой — интересами и возможностями самих игроков [Заславская, 2002]. При этом социальные практики рассматриваются как формы реализации социальных институтов. В качестве игроков выступают жители многоквартирных домов (МКД) и управляющие компании, а также министерства и региональные операторы². В то же время, как справедливо подчеркивает М. А. Шабанова, институциональные меры наравне с инфраструктурными необходимы для разрешения мусорной проблемы, вокруг которой сформировалось разнородное пространство социальных практик [Шабанова 2019]. По ее мнению, именно институциональные и инфраструктурные факторы выходят на первый план по сравнению с проэкологическими и просоциальными мотивами и установками жителей России [Шабанова, 2021].

По результатам опроса ВЦИОМ, в 2021 г. всего 45% россиян заявили, что регулярно сортируют бытовой мусор, что на 18 п. п. больше по сравнению с 2019 г.³ Такое же количество россиян (45%), по данным Romir, полностью поддерживают идею раздельного сбора мусора⁴. Опрос, проведенный аналитиками Domofond.ru, демонстрирует неутешительные результаты — 72% россиян в 2019 г. не были готовы разделять домашний мусор: против раздельного сбора мусора в Москве выступали 65,2% опрошенных, в Новосибирске — 66,2%, в Казани — 56%⁵.

Счетной палатой Российской Федерации в 2020 г. был представлен анализ территориальных схем по размещению и обращению с отходами⁶. Было выделено

¹ Таким центром относительно системы обращения с ТКО должно было бы стать ПАО «Российский экологический оператор», созданное по указу Президента Российской Федерации 14 января 2019 г., миссией которого является обеспечение реализации норм законодательства в области обращения с ТКО, развитие и совершенствование этой сферы. URL: <https://reo.ru/> (дата обращения: 22.06.2023).

² Институт региональных операторов (капитальный ремонт, обращение с ТКО и др.), который активно развивается в России в последние годы, не рассматривается в рамках настоящей статьи в силу того, что он требует отдельного обсуждения и не входит в задачи настоящего исследования.

³ Экологические практики в жизни россиян // ВЦИОМ. 2021. 28 сентября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologichnye-praktiki-v-zhizni-rossijan> (дата обращения: 22.06.2023).

⁴ Большинство россиян поддерживают идею раздельного сбора мусора // Romir. 2019. 31 июля. URL: <https://romir.ru/studies/bolshinstvo-rossiyan-podderjivaet-ideyu-razdelnogo-sbora-musora> (дата обращения: 22.06.2023).

⁵ 72% россиян не готовы разделять домашний мусор // Domofond.ru. 2019. 11 октября. URL: https://www.domofond.ru/statya/72_rossiyan_ne_gotovy_razdelyat_domashniy_musor/100379 (дата обращения: 22.06.2023).

⁶ Бюллетень Счетной палаты РФ. № 9. 2020 // Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/462/46234b3e3624fccbb8bace5c892f2f4.pdf> (дата обращения: 22.06.2023).

пять ключевых блоков для анализа — раздельный сбор ТКО, исследования на морфологический состав, просветительская деятельность, стимулирование в сфере обращения ТКО, применение наилучших доступных технологий (см. табл. 1). В отличие от Новосибирской области программы Москвы и Республики Татарстан включают все пять типов мероприятий.

Таблица 1. Анализ региональных программ в сфере обращения с ТКО

	Раздельный сбор ТКО	Исследования на морфологический состав	Просветительская деятельность	Стимулирование в сфере обращения ТКО	Применение наилучших доступных технологий
Москва	+	+	+	+	+
Новосибирская область	+	–	+	–	–
Республика Татарстан	+	+	+	+	+

Литературный обзор

С. В. Ратнер и И. В. Лазанюк подчеркивают, что неготовность инфраструктуры к новым социальным практикам может тормозить внедрение проэкологических моделей потребительского поведения. Однако наиболее значимое влияние в мировом опыте оказывают именно культурные и экономические барьеры [Ратнер, Лазанюк, 2020]. В последние несколько десятилетий системы управления твердыми коммунальными отходами (ТКО) в Европе включали сложные и многогранные компромиссы между множеством технологических альтернатив, экономических инструментов и нормативно-правовой базой. Эти изменения привели к различным экологическим, социально-экономическим и нормативным воздействиям на практику обращения с отходами, которые не только усложняют анализ региональной политики, но и меняют парадигму глобального устойчивого развития [Pires, Martinho, Chang, 2011]. В данном случае необходимо констатировать, что жизнь в городе в большей степени подчинена формальным институтам централизованной системы управления.

Раздельный сбор мусора, требующий определенной организации материально-технологической среды города (контейнерных площадок, определенных баков и т. п.), неизбежно влияет и на повседневные практики накопления и утилизации бытовых отходов, обусловленные как формальными институтами, которые могут быть утверждены органами местного самоуправления, так и неформальными. Социальные практики сбора и утилизации бытовых отходов в городах как часть повседневности — тема далеко не новая для социологического исследования. Так, например, Э. Ч. Хьюз исследовал практики уборки мусора в МКД, отмечая, что неприятная физически часть грязной работы делегируется уборщикам [Литвинцев, 2022]. В случае раздельного сбора и процесса сортировки мусора у себя дома самим жителям приходится включаться в эту грязную работу, что неизбежно трансформирует повседневность и требует реорганизации пространства дома.

При этом в современном мире различный хлам, мусор и ненужные предметы становятся не только объектом уборки с целью поддержания чистоты, но и объектом паталогического накопления [Litvintsev, 2020]. С этой точки зрения внедрение системы раздельного сбора мусора в России требует детального изучения ее влияния на людей с соответствующим психическим заболеванием⁷. Тем не менее на сегодняшний день уже имеются исследования, результаты которых подтверждают, что целенаправленная мотивация к регулярной сортировке и выбрасыванию ТКО способствует снижению тяжести накопительства за счет создания устойчивых изменений в поведении [Nix, Dozier, 2022].

Попытка внедрить раздельный сбор мусора (фактически импортировать институт), как уже отмечалось выше, потребует от социальных субъектов изменить уже ставшие привычными повседневные практики сбора отходов у себя в квартире. То есть от обычного традиционного и рутинного действия, по мнению авторов статьи, необходимо перейти к рациональному действию, основанному или на ценностях, или на целях (по М. Веберу). Для этого жильцам МКД необходим мотив — ценность или полезность. Яркий пример ценностно-рациональных действий — активность эоактивистов, которые уже давно занимаются сортировкой мусора, основывая свою повседневность на философии безотходного потребления.

Представляется, что большинство горожан не осознают экологические ценности. Например, отходы, формирующиеся в г. Москве, вывозятся в Калужскую и Владимирскую области, а также в Подмоскovie⁸. Жители не видят места накопления отходов и, таким образом, не представляют их опасность для окружающей среды и собственного здоровья. Таким жителям необходимо объяснить полезность сортировки отходов с позиции экономической рациональности. Например, это может быть снижение тарифов на услуги по обработке ТКО при их сортировке или, наоборот, введение санкций (штрафов) для жильцов, не сортирующих мусор.

В то же время реализация реформы раздельного сбора мусора сопряжена с проблемами организации коллективных действий собственников МКД — их пассивностью и проблемой безбилетника [Литвинцев, 2021]. Поэтому важным условием эффективной самоорганизации граждан в жилищной сфере выступают показатели социального капитала в обществе, под которым понимаются «черты социальной организации, сети, нормы и доверие, которые способствуют координации и кооперации для взаимной выгоды» [Клименко, Ермишина, 2020: 110]. При этом вопрос доверия к вновь создаваемой инфраструктуре, поддерживающей социальный институт раздельного сбора ТКО, чрезвычайно важен [Абрамова, 2020] — это является одним из основных факторов, определяющих проблему в сфере обращения с ТКО (в том числе в Краснодарском крае [Алмастьян, Ратнер, 2019]). Отдельный вопрос вызывает соответствие требований, предъявляемых к инфраструктуре мусорной реформой, принципам доступности, открытости и комфортности городского пространства, необходимых для обеспечения развития «умных» городов в России [Romanova et al., 2018].

⁷ Расстройство накопительства (6B 24 Hoarding Disorder) включено в Международную классификацию болезней 11 пересмотра (ICD-11).

⁸ Власти Москвы определились с регионами для вывоза столичного мусора // РБК. 2019. 16 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/business/16/12/2019/5df3a7379a7947639f728830> (дата обращения: 20.06.2023).

Процесс реализации реформы ориентирован на то, что будут формироваться новые социальные практики по раздельному сбору и утилизации отходов. В привычный набор действий необходимо внедрить новые элементы. Предполагается, что жители начнут сортировать мусор в два контейнера (вместо одного) в пределах своей квартиры, то есть купят второе мусорное ведро или пакет для вторсырья и выделяют пол него место. Кроме того, возникает необходимость в мытье и дезинфекции стеклянной и пластиковой тары/упаковки, для чего тоже нужно пространство. Все это потребует дополнительно свободного времени и увеличения расходов на кухонные принадлежности. В данном случае определение Ж. Бодрийяром городского жителя современного МКД как «человека расстановки» (не просто собственника или пользователя жилища, а активного устроителя его среды) приобретает новое звучание [Литвинцев, 2022]. Жителям в первую очередь небольших квартир, популярность которых в последние годы растет в силу их небольшой стоимости, потребуется не просто изменить свои привычки, но и трансформировать материально-технологическую среду собственного жилища — далеко не у каждого в квартире найдется пространство для размещения нескольких контейнеров или пакетов для хранения разного типа отходов.

Таким образом, формальные институты потребуют от социальных субъектов не просто соблюдения правил и норм утилизации отходов, но и их накопления внутри жилища. Понимание этого чрезвычайно важно, так как фактически речь идет о формализации повседневности, что ранее в большей степени имело место только в учреждениях (тотальные институты И. Гофмана). В то же время, рассматривая практики утилизации отходов на контейнерной площадке как публичные, а накопления и сортировки внутри жилища — как приватные, можно констатировать, что в данном случае публичное пространство города в некотором смысле вторгается в приватное пространство жилища.

Реформирование жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в России (включая мусорную реформу) тормозится «вертикальной схемой общественного договора». Это утверждение, согласно Н. В. Абрамовой, находит поддержку в международном распределении по индексу «гражданского капитала», который ставит Россию в нижний квартиль среди 70 стран. Высокая степень централизации экономической и политической жизни в современной России (известная как «вертикальная схема») оставляет мало места для низовой инициативы и самоорганизации [Абрамова, 2020]. Отдельно целесообразно отметить также несовершенство законодательной базы и отсутствие финансирования для создания соответствующей инфраструктуры. Эволюция законодательной политики основана на принципе движения к наиболее дешевым и доступным экономическим решениям. В то же время существуют риски банкротства некоторых региональных операторов из-за нестабильного финансового положения [Абрамова, 2021]. Наглядный тому пример — Новосибирская область. В марте 2023 г. бывший региональный оператор ООО «Экология Новосибирск» признан банкротом, введено конкурсное производство⁹.

⁹ Суд признал банкротом экс-оператора по обращению с ТКО в Новосибирской области // ТАСС. 2023. 6 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17204245> (дата обращения: 25.06.2023).

Препятствия для успешной мусорной реформы существуют как на макроуровне (политика и культура), так и на мезо- и микроуровне (заинтересованные стороны, отрасли и муниципалитеты). При этом исследователи выделяют четыре группы выгод: выгоды для общества, финансово-экономические выгоды, выгоды для окружающей среды и выгоды для отрасли и заинтересованных сторон [Pietzsch, Ribeiro, de Medeiros, 2017]. В то же время отмечается именно важность общественной поддержки тех или иных государственных инициатив и экологической политики [Wan, Shen, Choi, 2017]. Общественная поддержка экологической политики может способствовать проэкологическому поведению и облегчит реализацию мусорной реформы [Wan, Shen, Choi, 2018].

Тем не менее отсутствие надлежащих условий для раздельного сбора отходов может помешать людям участвовать в этом процессе, несмотря на их позитивное отношение. Поведение жителей зависит от их личного отношения к разделению и переработке отходов в случае удовлетворенности условиями их сортировки [Stoeva, Alriksson, 2017]. Отношение людей к раздельному сбору мусора и ситуационные факторы являются основными предикторами их поведенческих намерений, которые наряду с государственным контролем играют важную роль в прогнозировании успешности мусорной реформы [Ma et al., 2018].

У людей, имеющих доступ к соответствующей инфраструктуре, готовность к раздельному сбору отходов выше, чем у тех, кто такого доступа не имеет. Кроме того, индивидуальное отношение к окружающей среде влияет на поведение в области утилизации только в сообществе (например, соседском), имеющем доступ к соответствующей инфраструктуре. Индивидуальное желание заботиться об окружающей среде усиливает эффект, но не преодолевает барьеры, связанные с отсутствием доступа [Derksen, Gartrell, 1993]. При этом отсутствие или недостаток производственных мощностей (мусоросортировочных заводов и т. п.) также оказывает сдерживающее влияние на намерения потребителей по раздельному сбору мусора и его переработке [Chen, Tung, 2010].

Расстояние до контейнерных площадок, которое может рассматриваться как доступность инфраструктуры, также играет немаловажную роль. Результаты исследований в Испании показали, что чем ближе контейнеры для мусора, тем охотнее жители готовы заниматься сортировкой отходов. При этом расстояние влияет и на тщательность сортировки [González-Torre, Adenso-Díaz, 2005]. Таким образом, готовность к раздельному сбору мусора может быть определена как функция воспринимаемой доступности/расстояния до ближайшего контейнера.

В раздельном сборе отходов, как правило, неохотно участвуют малообеспеченные и молодые семьи, что отчасти связано как с отсутствием необходимого пространства для сортировки внутри жилища, так и с нехваткой времени. Отдельно отмечается роль места проживания — например, жители неблагополучных районов (гетто) в Англии именно в силу экономических, а не национально-этнических факторов крайне неохотно принимают участие в сортировке мусора [Martin, Williams, Clark, 2006]. Домохозяйства сортируют мусор в первую очередь из соображений защиты окружающей среды, при этом наиболее значимыми факторами отказа от сортировки являются ее неудобство и отсутствие свободного времени. Предоставление им информативной обратной связи повышает общий уровень вклю-

ченности в процесс сортировки и переработки бытовых отходов [Perrin, Barton, 2001]. В этом плане время домохозяйств, посвященное ежедневной сортировке отходов, может рассматриваться как социальные (или транзакционные) издержки с точки зрения упущенного досуга.

Г. М. Робинсон и А. Д. Рид подтвердили, что факторами неучастия в сортировке отходов являются отсутствие стимула как такового, недостаточная информированность, а также отсутствие достаточного времени и места для сортировки в жилище [Robinson, Read, 2005]. Важность информирования населения подчеркивают и российские исследователи, отмечая при этом низкую заинтересованность жителей в экологической тематике по результатам исследования в Свердловской области [Забокрицкая, Орешкина, 2021]. С. Барр, Н. Дж. Форд и А. В. Гилг предложили три группы факторов, оказывающих влияние на участие домохозяйств в сортировке мусора: ценность окружающей среды, ситуационные переменные и психологические факторы. Экологические ценности связаны с убеждениями индивида. К ситуационным переменным относятся наличие доступной инфраструктуры (мусорных баков рядом с домом). К психологическим переменным относятся мотивация, социальные нормы, личная удовлетворенность, альтруизм и гражданская активность [Barr et al., 2003].

Ю. В. Ермолаева выделила комфорт как ядро мотивации, которое разделяет социальных субъектов на экологически активных и пассивных. Комфорт для экологов означает чистое будущее (биосферные ценности), а комфорт для тех, кто отходы не разделяет, — условия (удобная инфраструктура, личная выгода) [Ермолаева, 2021].

Материалы и методы

Для анализа готовности новосибирцев к отдельному сбору и сортировке отходов использовались результаты интернет-опроса «Мусорная реформа в городе — Ваше мнение?», проведенного мэрией г. Новосибирска¹⁰. В период с 5 по 19 декабря 2019 г. в исследовании приняло участие 3925 человек, однако половозрастная структура выборки не определялась. Внушительное количество респондентов за столь короткий период времени объясняется, с одной стороны, актуальностью проблематики для Новосибирска в 2019 г., а с другой — использованием, очевидно, административного ресурса.

Вопросы анкеты, примененной в Новосибирске, легли в основу опросников для жителей Москвы и Казани. Интернет-опрос в Москве проходил в период с 20 февраля по 6 марта 2021 г. Анкета была разработана на платформе Google Forms, а ссылка на нее распространялась преимущественно посредством интернет-мессенджеров и в социальных сетях. Интернет-опрос в Казани проходил в период с 29 апреля по 13 мая 2021 г. Техника проведения опроса была аналогична московской. Выборка носит стихийный характер и формировалась в том числе методом «снежного кома». В опросе, очевидно, принимали участие в большей степени заинтересованные проблемой мусорной реформы респонденты, что может свидетельствовать о смещении мнений относительно генеральной совокупности.

¹⁰ «Мусорная реформа» в городе — ваше мнение? // Муниципальный портал г. Новосибирска. URL: <http://poll.novosibirsk.ru/result.aspx?quiz=113> (дата обращения: 09.04.2021).

Количество респондентов, принявших участие в интернет-опросах, оказалось существенно ниже по сравнению с Новосибирском: в Москве приняло участие 123 человека, в Казани — 150. Это может объясняться снижением интереса у жителей мегаполисов к мусорной реформе в силу того, что опросы проводились в разгар пандемии коронавирусной инфекции. Кроме того, опросы проходили в рамках инициативного исследования, не предполагавшего поддержки со стороны органов местного самоуправления. По возрасту совершеннолетние респонденты распределились по группам (см. табл. 2) с определенным отклонением от генеральной совокупности (возрастные группы были получены расчетным путем по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за 2021 г.). Перераспределение респондентов из возрастной группы 56+ в пользу молодежи не позволяет в полной мере характеризовать выборочную совокупность как репрезентативную по отношению к генеральной.

Таблица 2. Смещение выборки относительно генеральной совокупности

Возрастная группа	Соотношение респондентов/населения			
	Москва (выборка)	Москва (Росстат)	Казань (выборка)	Казань (Росстат)
18—30	30%	13%	27%	20%
31—55	56%	49%	55%	47%
56+	14%	38%	18%	33%

Для анализа неслучайно были выбраны эти мегаполисы. Москва — город с наиболее развитой инфраструктурой для раздельного сбора отходов, в Казани идет процесс активной трансформации материально-технологической среды, а Новосибирск находится только на начальном этапе мусорной реформы.

Результаты и обсуждение

Результаты проведенных опросов в городах показали, что если в Москве большая часть МКД (72 %) оборудованы площадками с баками для раздельного сбора мусора, то в Новосибирске и Казани этот показатель ниже — 27 % и 40 % соответственно. В 27 % дворах в Москве стоят обычные мусорные баки, не предполагающие сортировки, в Новосибирске — 52 %, в Казани — 55 %. В части распространения проэкологического поведения ситуация на сегодняшний день по сравнению с результатами других исследований кардинально не изменилась — сортировкой мусора в Москве занимаются всего 29,8 % жителей, в Новосибирске — 18 %, в Казани — 31 %.

Неготовность материально-технологической среды к новым формальным правилам и неформальным практикам утилизации отходов — одна из важнейших причин отказа от сортировки мусора. Отсутствие баков для раздельного сбора мусора как причину отказа отметили 27 % москвичей, 35 % новосибирцев и 37 % жителей Казани. Другой немаловажный фактор отказа — отсутствие достаточно места в квартире, на что указали 22 % и 9 % опрошенных в Москве и в Каза-

ни соответственно. В данном случае роль играет уже не внешняя материально-технологическая среда города, а внутренняя — среда самого жилища. Очевидно, что жители студий и однокомнатных квартир в меньшей степени готовы к сортировке мусора именно по причине отсутствия необходимого пространства (под раковиной на кухне можно разместить, как правило, только одно ведро или мешок для мусора).

Можно отметить тот факт, что 16 % новосибирцев указали, что у них вообще нет мусорных баков. «Правилами благоустройства территории города Новосибирска»¹¹ установлено, что контейнеры для мусора включены в обязательный перечень элементов благоустройства земельных участков, на которых в том числе расположены жилые дома. При этом предусматривается обязательное размещение контейнерной площадки. Таким образом, материально-технологическая среда Новосибирска оказалась не просто не готова к новым институтам мусорной реформы, но и не соответствует действующим формальным правилам.

Отдельного внимания заслуживает проблема мусоропроводов. По данным Росстата, треть домохозяйств проживают в МКД, оборудованных мусоропроводом (38,8 % — в городской местности, 0,2 % — в сельской)¹². Большое количество МКД, по данным Реформы ЖКХ (данные получены расчетным путем), оборудованы мусоропроводом в Москве (порядка 60 %), Новосибирске (не менее 22 %) и Казани (не менее 17 %)¹³. Если по результатам опросов в Москве 18 % жителей пользуются мусоропроводом, то в Казани этот показатель значительно меньше — 7 %.

Тема отказа от мусоропроводов достаточно широко обсуждается специалистами отрасли и освещается российскими СМИ, однако в большинстве своем позиция сводится к тому, что заваривание мусоропроводов само по себе не простимулирует жителей сортировать мусор¹⁴. Тем не менее на сегодняшний день застройщики уже не обязаны предусматривать мусоропроводы в новых МКД, а значит, жители таких домов в большей степени будут проявлять готовность к сортировке мусора. Это связано с отсутствием сформировавшихся повседневных практик утилизации мусора на лестничной площадке (или в самой квартире — МКД по подобным проектам также строились). Отказ от подобных практик потребует от жителей изменений траекторий внутригородской мобильности — для пользователей мусоропроводов поездка на работу, прогулка по городу и т. п. не сопровождаются выносом мусора.

В отсутствие необходимой и в то же время удобной инфраструктуры (расположенных поблизости контейнерных площадок для раздельного сбора мусора) жители МКД после заваривания мусоропроводов могут начать проявлять разные стратегии адаптации — кто-то подчинится новым правилам игры (конформизм по Р. Мер-

¹¹ Решение совета депутатов г. Новосибирска от 27 сентября 2017 г. № 469 «О Правилах благоустройства территории города Новосибирска и признании утратившими силу отдельных решений Совета депутатов города Новосибирска». URL: <https://docs.cntd.ru/document/465718973> (дата обращения: 20.06.2023).

¹² Таблица 5. Оценка домохозяйствами состояния внутридомового оборудования // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/kouz/survey0/outputInformation/statisticalTables.html (дата обращения: 25.06.2023).

¹³ Открытые данные // Фонд развития территорий (Реформа ЖКХ). URL: <https://аис.фрт.рф/opensource> (дата обращения: 25.06.2023).

¹⁴ А. Дуэль. Готовы ли россияне отказаться от мусоропроводов // Российская газета. 2021. 24 января. URL: <https://rg.ru/2021/01/24/gotoviy-li-rossiiane-otkazatsia-ot-musoroprovodov.html> (дата обращения: 20.06.2023).

тону), а кто-то просто начнет оставлять пакеты с мусором на лестничной площадке. Создание условий для раздельного сбора мусора рядом с жилыми домами — чрезвычайно важный фактор успеха мусорной реформы в России. С этим согласилась большая часть опрошенных — 72 % жителей Москвы, 56 % жителей Новосибирска, 81 % жителей Казани. Другой не менее значимый фактор — строительство мусоросортировочных и мусороперерабатывающих комплексов. В Москве с этим согласились 62 % опрошенных, в Новосибирске — 67 %, в Казани — 57 %. Немаловажно и информирование граждан о правилах сортировки отходов (фактически речь идет о том, что институт жизнеспособен, если о его существовании осведомлено не только государство как субъект, но и непосредственно акторы). В Москве это отметили 67 % жителей, в Новосибирске — 39 %, в Казани — 67 %.

Чрезвычайно важно и наличие механизмов санкционирования, без которых формальные правила и нормы не будут восприниматься субъектами как обязательные. Введение штрафов за отказ от раздельного сбора мусора одобрили 33 % москвичей, 15 % новосибирцев и 33 % жителей Казани. В этом смысле продолжает быть актуальным представление Д. Норта о социальном институте — это не просто формальные правила и неформальные ограничения (обусловленные социальными практиками), но и санкции, без которых институт попросту станет дисфункциональным. Тем не менее, как показывают результаты опросов, не более трети жителей России поддерживают введение соответствующих санкций.

Очевидно, что в данном случае должен работать метод «кнута и пряника» — наравне со штрафами необходимо введение поощрений за раздельный сбор мусора. Подобные предложения более активно поддерживаются жителями — 57 % в Москве, 44 % в Новосибирске и 57 % в Казани высказались за. В данном случае можно говорить о том, что введение льготных тарифов и/или дополнительных субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг за раздельный сбор мусора будет более эффективным решением, чем «закручивание гаек» и введение штрафов за отказ от сортировки мусора. В то же время вполне логичным выглядит усиление контроля за выбрасыванием мусора в неположенных местах, что является для современной России немаловажной проблемой. Например, в Новосибирске за создание релевантной системы наказаний выступают 39 % жителей.

Отдельно стоит обратиться к проблеме содержания контейнерных площадок, которая наиболее остро стоит в Новосибирске. Среди основных проблем по содержанию контейнерных площадок 26 % опрошенных горожан отметили несвоевременный вывоз мусора, что приводит к переполненности контейнеров, а также бездействие управляющих компаний и ТСЖ в части надлежащей уборки контейнерных площадок (8 %) и своевременности вывоза крупногабаритного мусора (11 %). При этом 17 % жителей г. Новосибирска отметили, что проблема чистоты на контейнерных площадках связана с просыпанием мусора из баков во время погрузки в мусоровозы (17 %). Очевидно, что в первую очередь необходимо разрешить обозначенные проблемы, прежде чем переходить к раздельному сбору бытовых отходов. В противном случае санитарное состояние контейнерных площадок может попросту ухудшиться.

В то же время проблема переполненности контейнеров может возникать и вследствие неудачного размещения самой контейнерной площадки, даже рас-

положенной с учетом санитарных требований — не менее 20, но не более 100 м до МКД¹⁵. Жители больших МКД нередко вынуждены пользоваться чужими площадками, находящимися на траекториях их городской мобильности. Контейнерная площадка, расположенная на одном конце многоподъездного дома, зачастую оказывается попросту не по дороге жителям отдаленных подъездов, что приводит к переполненности контейнеров на других площадках, рассчитанных на жильцов соседнего дома. Подобная ситуация актуальна для всех больших городов России.

Несмотря на то, что внедрение системы раздельного накопления ТКО в Новосибирской области реализуется поэтапно в соответствии с «Порядком накопления твердых коммунальных отходов (в том числе населением) на территории Новосибирской области»¹⁶, в конце 2020 г. было постановлено, что решение о раздельном накоплении сортированных отходов собственники помещений в МКД вправе принять на общем собрании, в отличие от Москвы и Казани. Подобный путь заводит мусорную реформу в г. Новосибирске в «трагедию общин» [Литвинцев, 2021], решение которой применительно к МКД пока не найдено.

Заключение

Результаты российских исследований готовности населения к раздельному сбору бытовых отходов (ВЦИОМ, Romir, Domofond и др.) свидетельствуют о нежелании большинства жителей страны изменять свои повседневные практики. В данном случае речь идет, с одной стороны, о несоответствии нового формального института сложившимся социальным практикам, с другой — о своего рода коллективном эгоизме. Люди не считают, что они должны участвовать в деле, ориентированном на общественное благо, представление о котором у россиян достаточно слабое. Кроме того, это связано также с несоответствием материально-технологической среды российских городов (оборудованные контейнерные площадки) новым социальным институтам.

Попытка государства в очередной раз сверху навязать новые для населения формальные институты (правила и нормы) при отсутствии санкций и/или механизмов поощрения приводит к тому, что релевантные социальные практики не укореняются. Опросы в Новосибирске, Москве и Казани дали диагностическую иллюстрацию неготовности отдельных групп жителей участвовать в сортировке отходов, что связано с отсутствием у них стимула для изменения привычной практики сбора и утилизации отходов, их недостаточной информированностью, а также с отсутствием свободного времени и места для сортировки в своем жилище (особенно в однокомнатных квартирах и студиях). Это в целом соответствует представлениям о факторах проэкологического поведения, описанных в зарубежных исследованиях, и не противоречит ранее полученным результатам других российских опросов.

Остается по-прежнему открытым вопрос мусоропроводов, наличие которых также может тормозить реализацию мусорной реформы в России. Кроме

¹⁵ СанПин 2.1.3684—21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений...». URL: <https://docs.cntd.ru/document/573536177> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁶ Постановление правительства Новосибирской области от 11 мая 2017 г. № 176-п «Об утверждении порядка накопления твердых коммунальных отходов (в том числе их раздельного накопления) на территории Новосибирской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/465716954> (дата обращения: 20.06.2023).

того, перекалывание на собственников ответственности по принятию решений о раздельном сборе мусора в МКД в г. Новосибирске может свидетельствовать об отсутствии единой стратегии на федеральном уровне, а также ставит под вопрос результат самой реформы непосредственно в мегаполисе.

Сфера ЖКХ в России характеризуется немалым количеством дисфункциональных институтов (преимущественно импортированных), одним из которых и рискует стать институт раздельного сбора ТКО. Одним из решений может стать организация сортировки мусора непосредственно дворниками на придомовых контейнерных площадках, что не будет требовать от жителей домов организации дополнительного пространства внутри жилища и свободного времени. В то же время при сохранении направленности мусорной реформы на сортировку бытовых отходов внутри жилища целесообразен возврат к советским практикам — стимулирование и поощрение сбора макулатуры, в обмен на которую можно было бы получить новую книгу, сбор стеклотары и т. п. В противном случае в отсутствие механизмов санкционирования и поощрения существует вероятность не получить должной habituализации формализованных практик сортировки мусора.

Учитывая вышеизложенное, целесообразно подчеркнуть важность дальнейших исследований факторов формирования проэкологического поведения в России. Принимая во внимание характер и специфику процесса реформирования сферы ЖКХ, важно отметить, что процесс внедрения института раздельного сбора ТКО должен основываться на коллективных потребностях и ориентироваться на их удовлетворение. Без релевантных исследований, способных охарактеризовать общую для страны картину, жилищная политика в меньшей степени будет строиться на доказательной базе, а значит, новый институт рискует оказаться попросту невостребованным.

Список литературы (References)

Абрамова Н. В. Вызовы и перспективы реформ ЖКХ и вовлечения собственников в управление жилищным фондом: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 65—83. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.717>.

Abramova N. V. (2020) Challenges and Prospects for Housing Reform and The Involvement of Owners in The Housing Stock Management: A Sociological Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 65—83. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.717>. (In Russ.)

Алмастьян Н. А., Ратнер С. В. Анализ системы и поведенческих практик обращения с отходами в Краснодарском крае // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2019. Т. 18. № 4. С. 483—504.

Almastyan N. A., Ratner S. V. (2019) Analysis of the System and Behavioral Practices of Waste Treatment in Krasnodar Region. *Journal of Applied Economic Research. Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*. Vol. 18. No. 4. P. 483—504. (In Russ.)

Ермолаева Ю. В. Трансформация социально-экологических практик в менталитете граждан России // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 1. С. 104—116. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8>.

Ermolaeva Yu.V. (2021) Transformation of Social and Environmental Practices of Waste Management in the Mentality of Russian Citizens. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 7. No. 1. P. 104—116. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8>. (In Russ.)

Забокрицкая Л. Д., Орешкина Т. А. Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 175—193. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=vestnik&jn=vestnik&jid=721 (дата обращения: 20.06.2023). Zabokritskaya L. D., Oreshkina T. A. (2021) Analysis of Search Query Statistics as a Tool for Monitoring the Ecological Attitudes of the Region's Population. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 12. No. 2. P. 175—193. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=vestnik&jn=vestnik&jid=721 (accessed: 20.06.2023). (In Russ.)

Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. Zaslavskaya T. I. (2002) Societal Transformation of Russian Society: Activity and Structural Conception. Moscow: Delo. (In Russ.)

Клименко Л. В., Ермишина А. В. Социальный капитал как фактор самоорганизации в жилищной экономике // Общество и экономика. 2020. № 12. С. 109—126. <https://doi.org/10.31857/S020736760012975-1>.

Klimenko L. V., Ermishina A. V. (2020). Social Capital as a Factor of Self-Organization in the Housing Economy. *Society and Economics*. No. 12. P. 109—126. <https://doi.org/10.31857/S020736760012975-1>. (In Russ.)

Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014. Kirdina S. G. (2014) Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y Theory. Saint Petersburg: Nestor-Irtoriia. (In Russ.)

Литвинцев Д. Б. 30 лет приватизации жилья в России: удалось ли воспитать ответственных собственников? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 186—212. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273>.

Litvintsev D. B. (2021) 30 Years of Housing Privatization in Russia: Have We Managed to Bring Up Responsible Owners? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 186—212. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273>. (In Russ.)

Литвинцев Д. Б. Жилищная социология. Институт общего собрания собственников многоквартирного дома. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. <https://doi.org/10.17212/978-5-7782-4712-3>.

Litvintsev D. B. (2022) Housing Sociology. Institute of The General Meeting of Owners of An Apartment Building. Novosibirsk: NSTU Publ. <https://doi.org/10.17212/978-5-7782-4712-3>. (In Russ.)

Ратнер С. В., Лазанюк И. В. Популярность различных практик про-экологического поведения в России // Экономический вестник ИПУ РАН. 2020. Т. 1. № 2. С. 67—87. <https://doi.org/10.25728/econbull.2020.2.6-ratner>.

Ratner S. V., Lazanyuk I. V. (2020) The Popularity of Different Practices of Pro-Ecological Behavior in Russia. *Economic Bulletin of ICS RAS*. Vol. 1 No. 2 P. 67—87. <https://doi.org/10.25728/econbull.2020.2.6-ratner>. (In Russ.)

Шабанова М. А. Социально-экономические практики населения как ресурс ослабления мусорной проблемы в России // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 50—63. <https://doi.org/10.31857/S013216250005481-2>.

Shabanova M. A. (2019) Citizens' Socio-economic Practices as a Resource to Alleviate the Waste Issue in Russia. *Sociological Studies*. No. 6. P. 50—63. <https://doi.org/10.31857/S013216250005481-2>. (In Russ.)

Шабанова М. А. Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика россиян: динамика, факторы, потенциал // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 103—117. <https://doi.org/10.31857/S013216250015256-4>.

Shabanova M. A. (2021) Separate Waste Collection as Russians' Voluntary Practice: The Dynamics, Factors and Potential. *Sociological Studies*. No. 8. P. 103—117. <https://doi.org/10.31857/S013216250015256-4>. (In Russ.)

Abramova N. (2021) Analysis of Waste Management System Reform in Russia. *E3S of Conferences*. Vol. 258: *Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial Region" (UESF-2021)*. Art. 08014. <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202125808014>.

Abramova N. (2020) Raising Environmental Awareness as A Meaningful Factor of Integrated Waste Management in Moscow. *E3S Web of Conferences*. Vol. 217. *International Scientific and Practical Conference "Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering" (ERSME-2020)*. Art. 04012. <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202021704012>.

Barr S, Ford N. J., Gilg A. W. (2003) Attitudes Towards Recycling Household Waste in Exeter, Devon: Quantitative and Qualitative Approaches. *The International Journal of Justice and Sustainability*. Vol. 8. No. 4. P. 407—421. <https://doi.org/10.1080/13549830306667>.

Chen M. F., Tung P. J. (2010) The Moderating Effect of Perceived Lack of Facilities on Consumers' Recycling Intentions. *Environment and Behavior*. Vol. 42. No. 6. P. 824—844. <https://doi.org/10.1177/0013916509352833>.

Derksen L., Gartrell J. (1993) The Social Context of Recycling. *American Sociological Review*. Vol. 58. No. 3. P. 434—442. <http://dx.doi.org/10.2307/2095910>.

González-Torre P. L., Adenso-Díaz B. (2005) Influence of Distance on The Motivation and Frequency of Household Recycling. *Waste Management*. Vol. 25. No. 1. P. 15—23. <https://doi.org/10.1016/j.wasman.2004.08.007>.

Litvintsev D. B. (2020) Social and Legal Prerequisites for Hoarding by Condo Residents in Russia. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. Vol. 953.

XIII International Scientific Conference Architecture and Construction, Novosibirsk, 22—24 September 2020. Art. 012059. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/953/1/012059>.

Ma J., Hipel K. W., Hanson M. L., Cai X., Liu Y. (2018) An Analysis of Influencing Factors on Municipal Solid Waste Source-Separated Collection Behavior in Guilin, China by Using the Theory of Planned Behavior. *Sustainable Cities and Society*. Vol. 37. P. 336—343. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2017.11.037>.

Martin M., Williams I. D., Clark M. (2006) Social, Cultural and Structural Influences on Household Waste Recycling: A Case Study. *Resources, Conservation and Recycling*. Vol. 48. No. 4. P. 357—395. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2005.09.005>.

Nix C., Dozier M. (2022) Motivational Interviewing to Modify Sorting and Discarding Behaviors in Hoarding Disorder. *Innovation in Aging*. Vol. 6. Suppl. 1. P. 739—740. <https://doi.org/10.1093/geroni/igac059.2693>.

Perrin, D., Barton, J. (2001) Issues Associated with Transforming Household Attitudes and Opinions into Materials Recovery: A Review of Two Kerbside Recycling Schemes. *Resources, Conservation and Recycling*. Vol. 33. No. 1. P. 61—74. [https://doi.org/10.1016/S0921-3449\(01\)00075-1](https://doi.org/10.1016/S0921-3449(01)00075-1).

Pietsch N., Ribeiro J. L. D., de Medeiros J. F. (2017) Benefits, Challenges and Critical Factors of Success for Zero Waste: A Systematic Literature Review. *Waste Management*. Vol. 67. P. 324—353. <https://doi.org/10.1016/j.wasman.2017.05.004>.

Pires A., Martinho G., Chang N.-B. (2011). Solid Waste Management in European Countries: A Review of Systems Analysis Techniques. *Journal of Environmental Management*. Vol. 92. No. 4. P. 1033—1050. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvman.2010.11.024>.

Robinson G. M., Read A. D. (2005) Recycling Behaviour in a London Borough: Results from Large-Scale Household Surveys. *Resources, Conservation and Recycling*. Vol. 45. No. 1. P. 70—83. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2005.02.002>.

Romanova A. I., Romanov D. S., Maksimchuk O. V., Voronin A. V. (2018) Basic Principles of Innovation Management in the Urban Economy of Smart-City. *International Journal of Engineering and Technology (UAE)*. Vol. 7. No 4. P. 412—415. <https://doi.org/10.14419/ijet.v7i4.38.24593>.

Stoeva K., Aliksson S. (2017) Influence of Recycling Programmes on Waste Separation Behaviour. *Waste Management*. Vol. 68. P. 732—741. <https://doi.org/10.1016/j.wasman.2017.06.005>.

Wan C., Shen G. Q., Choi S. (2017) A Review on Political Factors Influencing Public Support for Urban Environmental Policy. *Environmental Science & Policy*. Vol. 75. P. 70—80. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2017.05.005>.

Wan C., Shen G. Q., Choi S. (2018) Differential Public Support for Waste Management Policy: The Case of Hong Kong. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 175. P. 477—488. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.12.060>.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): май — июнь 2023 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 186—198.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): May — June 2023. (2023) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 186–198.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАЙ — ИЮНЬ 2023

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ЗА И ПРОТИВ.....187

ДЕНЬ РОССИИ — 2023189

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НУЖНО ДОВЕРЯТЬ ДРУГ ДРУГУ! ИЛИ НЕТ?.....190

ЛЕКАРСТВА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИЛИ ИМПОРТНЫЕ?192

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЖИТЬ ДОЛГО, ЖИТЬ ХОРОШО!193

ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО195

ЭКОАКТИВИЗМ: ВОВЛЕЧЕННОСТЬ, МОТИВАЦИЯ, ПОТЕНЦИАЛ.....198

ПОЛИТИКА

МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ЗА И ПРОТИВ.....	187
ДЕНЬ РОССИИ — 2023	189

МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ЗА И ПРОТИВ

27 мая 2023 г.

Несмотря на активное присутствие конспирологии в медиаповестке, вера россиян в «мировое закулисье» за последние пять лет заметно ослабла. Если в 2018 г. существование некой тайной организации, влияющей на мировые процессы, допускали две трети наших соотечественников (67%), то сегодня — каждый второй (49%). Примерно столько же россиян в 2014 г. верили в теорию мирового господства (45%), причем тогда эта точка зрения чаще была распространена среди высокообразованных граждан (51% vs. 41%—43% со средним специальным образованием и ниже), а сейчас — среди имеющих неполное среднее образование (61%). Чуть больше трети россиян считают, что тайной глобальной власти не существует (36%, —12 п. п. к данным 2018 г.).

За последние пять лет у россиян, допускающих существование мирового правительства, сформировалось более четкое представление о его составе: доля затруднившихся с ответом на этот вопрос сократилась с 2018 г. с 46% до 31%. По мнению опрошенных, мировое правительство состоит преимущественно из олигархов и миллиардеров (25%). Заметно чаще с начала замеров в состав мирового правительства россияне стали записывать американцев, правительство США. На сегодняшний день это второй по популярности ответ (19%, 2018 г. — 9%, 2014 г. — 8%). Соединенные Штаты — не единственная страна, с которой у россиян все чаще ассоциируется тайная правящая элита. По 7% назвали Великобританию (2018 г. — 3%, 2014 г. — 1%), Евросоюз (2018 г. — 1%), 5% — страны Запада в целом (2018 г. — 1%, 2014 г. — 2%). Иначе говоря, мировое правительство в представлениях россиян состоит из представителей «англосаксонского мира». В том, что в мировое правительство входят мировые лидеры (без привязки к стране), убеждены еще 7%.

Вопрос о цели существования мирового правительства также стал реже вызывать затруднения у россиян. Содержательный ответ в ходе последнего замера смогли дать три четверти опрошенных (75% в группе верящих в мировое правительство), тогда как в 2014 г. — только половина (52%). Главная цель мирового правительства по-прежнему видится россиянам в господстве и контроле над миром (23%, 2018 г. — 30%, 2014 г. — 32%). В то же время в обществе растет убежденность в антироссийской направленности «мировой закулисы»: по мнению каждого пятого, тайная правящая элита нацелена завоевать/развалить Россию, уничтожить русский народ (19%, 2018 г. — 6%, 2014 г. — 2%). Выросла за рассматриваемый период и популярность «теории золотого миллиарда». Каждый седьмой опрошенный полагает, что цель мирового правительства — сокращение численности населения планеты (15%, 2018 г. — 6%, 2014 г. — 2%). В числе популярных ответов также обогащение членов мирового правительства (12%),

управление населением (8%), контроль за всеми ресурсами (6%) и экономикой (5%), ослабление стран и захват территорий (5%). Созидающие цели (мир на земле, стабилизация ситуации, справедливость и др.) упоминались в единичных случаях.

Рис. 1. Одни люди считают, что существует некое мировое правительство, которое влияет на все мировые процессы, контролирует власти многих государств. Другие уверены, что никакого мирового правительства нет. Как Вы считаете, мировое правительство скорее есть или его скорее нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

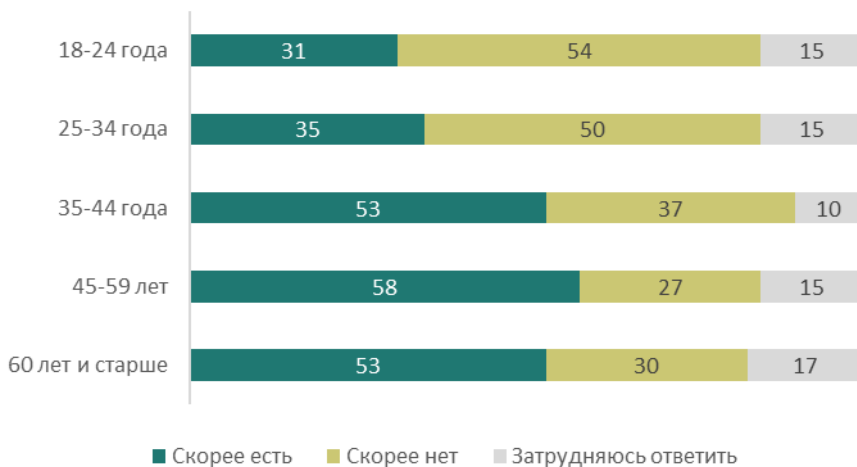
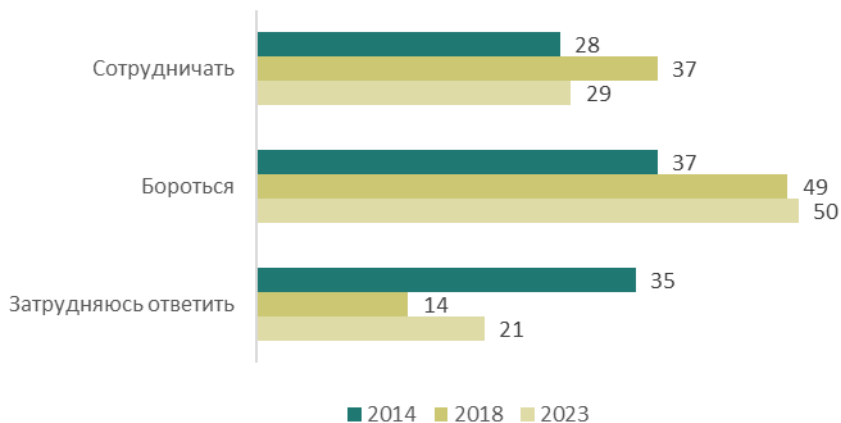

Рис. 2. По Вашему мнению, России с мировым правительством следует сотрудничать или бороться? (закрытый вопрос, один ответ, от тех, кто считает, что мировое правительство скорее есть)

ДЕНЬ РОССИИ — 2023

2 июня 2023 г.

День России — один из самых «молодых» государственных праздников. Несмотря на это, большинство россиян (70 %) знают о нем. В этот день в российских городах проходят праздничные и торжественные мероприятия, посетить которые планируют 17 % респондентов (2018 г. — 20 %). Чаще на них можно будет встретить женщин (21 % vs. 12 % мужчин), больший интерес к праздничным торжествам в этот день проявляют и сельские жители (25 % vs. 5 % среди жителей обеих столиц и 14 %—17 % в городах). Праздничный салют хотят посмотреть 13 % (2018 г. — 17 %). В перечне других вариантов отдыха россиян на этот день: прогулки и отдых на природе (пикник, шашлык и т. д.) — 21 %; гости — 14 %; просмотр телевизора — 11 % и посещение театра, концерта или кино — 5 %. Несмотря на то, что 12 июня — выходной день, часть опрошенных планируют провести его в заботах и хлопотах: работать будут 25 %; посвятить выходной домашним делам намерены 22 %; работу на дачном участке указал каждый пятый — 20 %. За пять лет планы россиян на этот день практически не изменились.

На вопрос, какие значимые достижения и успехи произошли в нашей стране за последние 10—15 лет, дал ответ каждый второй россиянин (51 %), и спектр ответов оказался достаточно разнообразным. Наши соотечественники говорили о воссоединении с Крымом и другими новыми регионами (11 %), благоустройстве городов, развитии инфраструктуры, строительстве и ремонте дорог (9 %). Часть опрошенных отметили развитие промышленности, производства и сельского хозяйства, в том числе космической отрасли (8 %), развитие экономики, предпринимательства, успехи импортозамещения (8 %), столько же указали на социальную политику, поддержку материнства и детства (8 %). Среди других ответов звучали спортивные достижения последних 10—15 лет, Олимпиада в Сочи, Чемпионат мира по футболу (8 %); улучшение военной промышленности, строительство Крымского моста, общий рост уровня жизни в стране (по 5 %).

**Таблица 1. По Вашему мнению, какой праздник мы отмечаем 12 июня?
(открытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)**

	2006	2009	2015	2021	2023
День России / День независимости России	62	65	64	73	70
День единства России / единения	0	2	2	2	5
День Конституции	6	6	4	4	4
День образования РФ / развала СССР	—	—	—	1	—
День Российского флага	—	—	—	1	1
День города	2	3	2	1	1
Другое	2	2	2	1	1
Затрудняюсь ответить	28	23	25	17	18

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НУЖНО ДОВЕРЯТЬ ДРУГ ДРУГУ! ИЛИ НЕТ?190

ЛЕКАРСТВА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИЛИ ИМПОРТНЫЕ?192

НУЖНО ДОВЕРЯТЬ ДРУГ ДРУГУ! ИЛИ НЕТ?

18 июня 2023 г.

Представления наших сограждан об уровне социального доверия в России неоднозначны. Ответы россиян на вопрос о том, доверяют ли друг другу жители страны, разделились примерно поровну: 48 % с разной степенью определенности ответили утвердительно, 44 % — отрицательно. Представления россиян о доверии в обществе варьируются в зависимости от уровня образования и материального положения: чем он выше, тем оптимистичнее ответы. Например, среди граждан с неполным средним образованием доля допускающих доверие между людьми составляет 19 %, со средним специальным и выше — в 2,6 раза больше (49 %—51 %). В группе низких потребительских возможностей показатель достигает 32 %, в группе средних — 47 %, высоких — 61 %. О том, что люди в России доверяют друг другу, чаще говорят женщины (51 % vs. 44 % мужчин), россияне 45—59 лет (53 %) и приверженцы смешанной модели медиапотребления (54 %). Мужчинам, молодежи 18—24 и 24—34 лет, активным интернет-пользователям, напротив, близка противоположная точка зрения (49 %, 53 %, 62 % и 57 % соответственно).

Рис. 1. Как Вы думаете, люди в России друг другу скорее доверяют или не доверяют? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

По мнению опрошенных, доверию в первую очередь способствует проявление таких качеств, как честность и искренность (24 %), а препятствуют ложь и лицемерие (15 %). Среди внешних факторов, благоприятствующих доверию, лидирует благосостояние (уровень, качество жизни / достаток) — 7 %, тогда как бедность (низкий уровень жизни / разделение на богатых и бедных), напротив, выступает в глазах россиян помехой доверию — 8 %. Несколько реже условием, способ-

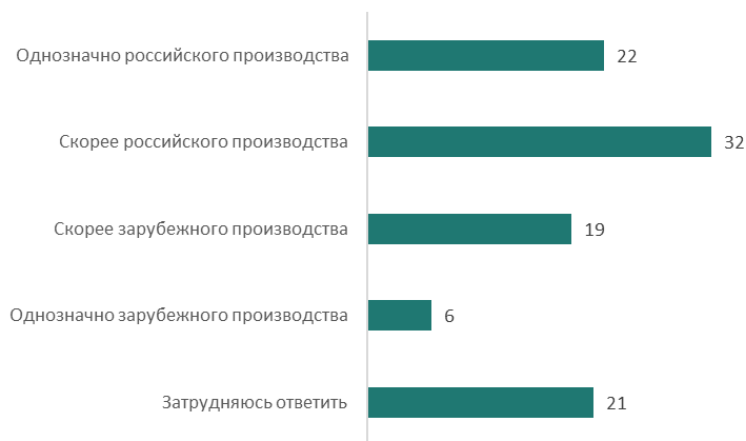
ствующим/препятствующим доверию, опрошенные считают близость отношений, наличие общих точек соприкосновения. В группе драйверов доверия фигурируют такие ответы, как личные отношения / дружба (5%), взаимопонимание (3%), единомыслие (3%) и др. В группе барьеров — разные взгляды / интересы / цели (4%), недостаток общения — 2%. Затруднились назвать факторы, способствующие и препятствующие доверию между людьми, 34% и 29% соответственно.

ЛЕКАРСТВА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИЛИ ИМПОРТНЫЕ?

15 июня 2023 г.

События последнего года заметно повлияли на потребительский рынок, в том числе на выбор лекарственных препаратов. Однако исследование показало, что россияне остались верны отечественному производителю лекарств. Как и три года назад, сегодня наши соотечественники предпочитают купить лекарства отечественного производства, а не зарубежного — 54 % vs. 25 % (2020 г. — 53 % vs. 26 %). В большей степени на это влияет урбанизированность: жители села в два раза чаще отдают предпочтение российским лекарствам, чем жители обеих столиц (71 % и 35 %). Москвичи и петербуржцы в 44 % случаев, наоборот, выберут зарубежные лекарства. Ключевой фактор выбора импортных лекарств — представления о том, что они эффективнее российских — 57 % (2020 г. — 55 %). Сторонники отечественных лекарств руководствуются в первую очередь рекомендациями врачей и фармацевтов (39%), треть стремится поддержать отечественного производителя (32 %, +5 п. п. к 2020 г.). Среди других аргументов — опасения относительно подделок зарубежных препаратов (27 %) и мнение о более высокой эффективности отечественных лекарств (20 %). За три года стали чаще звучать варианты, указывающие на меняющуюся ситуацию на фармацевтическом рынке, — риск приобрести поддельный зарубежный препарат (+7 п. п.) и бóльшая эффективность российских лекарств (+6 п. п.).

Рис. 2. Представим, что у Вас есть возможность выбора лекарственного средства. Какими лекарствами Вы предпочтете лечиться: российского или зарубежного производства? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЖИТЬ ДОЛГО, ЖИТЬ ХОРОШО!.....	193
ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО	195
ЭКОАКТИВИЗМ: ВОВЛЕЧЕННОСТЬ, МОТИВАЦИЯ, ПОТЕНЦИАЛ.....	198

ЖИТЬ ДОЛГО, ЖИТЬ ХОРОШО!

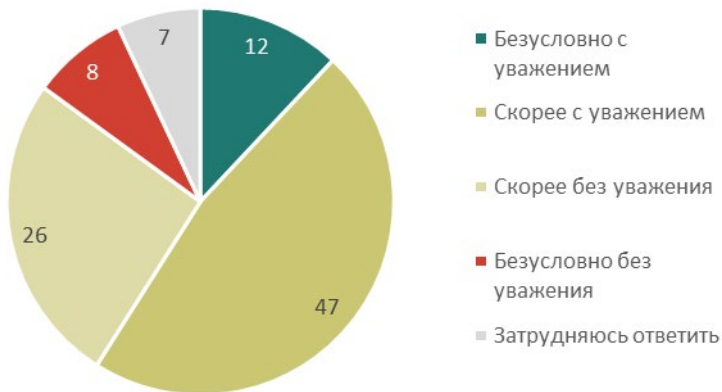
10 июня 2023 г.

Россияне считают, что старость в среднем начинается с 63 лет, за период измерений эта граница сдвинулась на год вперед (2020 г. — 62 года, 2017 г. — 62 года). Женщины отодвигают границы старости до 64 лет, это на два года больше в сравнении с мужчинами (62 года), но еще дальше ее отодвигают те, кто уже близок или перешагнул этот рубеж: среди россиян старше 60 лет показатель составляет 68 лет, и это на 10 лет больше, чем у молодежи до 25 лет (58 лет). В среднем при своем нынешнем образе жизни и в текущих обстоятельствах россияне ожидают дожить до 79 лет (2020 год — 78 лет). В идеальных же условиях наши соотечественники, по их мнению, могли бы дожить до 85 лет (за три года эта цифра не изменилась), а максимально — больше века — 150 лет.

Сегодня шесть из десяти россиян полагают, что в России большинство людей относится к пожилым¹ с уважением (59%), это мнение стало популярнее за три года (+9 п. п. к 2020 г.). Говоря о конкретных проблемах, с которыми приходится сталкиваться пожилым людям в наши дни, респонденты на первое место поставили бедность, низкие пенсии (61%), болезни, ухудшение здоровья (40%, —5 п. п. к 2020 г.) и трудности в использовании цифровых технологий — телефонов, интернета и др. (25%). Последний вариант за три года стал звучать в два раза чаще (2020 г. — 13%), поднявшись с седьмого места на третье. Это может быть обусловлено «бумом» цифровизации на фоне пандемии, который ускорил процессы включения общества в онлайн-практики. Популярнее стал и вариант «страх перед будущим» — 11%, в 2020 г. его называли 5%. В то же время с момента последнего замера россияне стали реже включать в перечень проблем пожилых людей ответы, указывающие на социальную эксклюзию, — одиночество (18%, —5 п. п. к 2020 г.), ощущение ненужности, невостребованности в обществе (17%, —7 п. п. к 2020 г.) и ощущение ненужности в семье (14%, —7 п. п. к 2020 г.), неуважение со стороны молодых (12%, —7 п. п. к 2020 г.). Косвенно это может свидетельствовать о большей включенности пожилых в социальные процессы в последние год-два. В том числе на этот тренд могла повлиять и пандемия: именно пожилые люди оказались наиболее уязвимыми перед коронавирусом, и им уделялось больше внимания в публичном поле и информационной повестке.

¹ ВОЗ определяет пожилой возраст в границах 60—74 лет.

Рис. 1. На Ваш взгляд, как большинство людей в России сегодня относится к пожилым людям — с уважением или без уважения? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО²

3—4 июня 2023 г.

Несмотря на специфику, тема будущих технологий оказалась знакома 76% респондентов (16% хорошо знают об этом, 60% что-то слышали), ничего не знают 22%. Мужчины разбираются в этом вопросе чуть лучше женщин (21% говорят о хорошей осведомленности vs. 10% женщин). Под технологиями будущего наши соотечественники чаще всего подразумевают прогресс в широком смысле слова — новый технологический уровень, модернизацию, развитие, новые возможности (21% от числа тех, кому знаком термин), а также улучшение качества жизни человека, облегчение труда и рост уровня комфорта (16%). Еще 15% связывают технологии будущего со сферой ИТ, 14% — с искусственным интеллектом и роботизацией. Несмотря на высокий уровень осведомленности о технологиях будущего, воспринимаются они скорее однобоко, в основном в связи со сферой ИТ, а такие современные разработки, как биотехнологии (1%), водородные двигатели (0,4%) и квантовые технологии (0,3%), звучат в единичных случаях. Россияне доверяют технологиям будущего (77%), доля не доверяющих — 18%. Максимальное доверие выражает молодежь 18—24 лет — 84%, тогда как с возрастом к таким технологиям относятся все с большей настороженностью (в группе 18—24 лет не доверяют технологиям будущего 12%, 25—34 лет — 14%, 35—44 лет — 20%, 45—55 лет — 21%). Несмотря на то что часть опрошенных относится к технологиям будущего с недоверием, абсолютное большинство (94%) считают важным развивать их для человечества в целом: 60% выбрали вариант «однозначно важно», еще 34% — «скорее важно». Причины, по которым опрошенные считают важным развивать технологии будущего, кроются в улучшении качества жизни, повышении комфорта во всех сферах, то есть люди ждут упрощения и облегчения привычной жизни, в том числе труда (54%). Развитие и прогресс как цель новых технологий называют еще 44%. В тройку причин вошло и развитие медицины (23%). Развитие промышленности, производства и экономики называют еще 12%, а безопасность чуть-чуть обходит экологию в этом перечне (6% и 5% соответственно). Те же, кто считает, что развивать технологии будущего не важно, преимущественно объясняют это возможными опасностями для человечества — вредом в целом (19%), деградацией человека (18%), ограничением прав и свобод человека (12%), ростом безработицы (7%), рисками сбоев и ошибок (7%), а также экологическими катастрофами (5%).

В топ-5 сфер, в которых, по мнению опрошенных, прежде всего необходимо развивать технологии будущего для изменения жизни человека к лучшему, вошли: медицина (88%), промышленность (54%), безопасность (37%), транспорт (25%) и экономика, банковская сфера (23%). Остальные варианты звучат в ответах заметно реже, «умный дом» назвали 9%, образование — 3%, другие варианты набирают 1% и менее (экология, военно-промышленный комплекс). Иными словами, улучшение жизни человека с помощью технологий ожидают там, где это может быть напрямую ощутимо: здоровье, труд, повседневный комфорт. Вспомнить успешные современные российские разработки в области будущих техно-

² Всероссийский телефонный опрос в партнерстве с Фондом Росконгресс.

логий опрошенным оказалось достаточно сложно, шесть из десяти не смогли ничего назвать (62%), но перечень предложенных вариантов оказался очень разнообразным. Чаще всего опрошенные вспоминали о будущих технологиях в сфере медицины (12%): разработка вакцин от коронавируса, умные устройства для инвалидов, пересадка кожи, выращивание органов на 3D-принтере, новые виды борьбы с онкологией и другие. Слышали о российских разработках бионических протезов, экзоскелета еще 6%. Столько же сказали о беспилотных аппаратах, дронах (6%), технологии в сфере военно-промышленного комплекса и физики звучали в 5% случаев (атомные технологии, управляемый термоядерный синтез, лазерные технологии, графеновые технологии, коллайдер, создание новых видов двигателей). Среди других вариантов звучали искусственный интеллект, нейросети, гиперзвуковые разработки, машиностроение, система «умный дом», цифровые деньги, композитные материалы и прочее. И хотя в данном перечне нет выраженных лидеров, очевидно, что картина российских технологий будущего в общественном мнении выглядит разнообразной.

Рис. 2. Если говорить в целом, Вы лично скорее доверяете или скорее не доверяете будущим технологиям? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 3. Как Вы считаете, насколько важно развивать будущие технологии для человечества в целом? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 4. По Вашему мнению, как развивается современная российская наука в области разработок будущих технологий в сравнении с мировой наукой? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ЭКОАКТИВИЗМ: ВОВЛЕЧЕННОСТЬ, МОТИВАЦИЯ, ПОТЕНЦИАЛ

19 мая 2023 г.

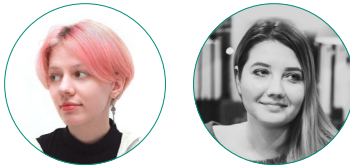
В сравнении с 2021 г. экологическая активность россиян несколько снизилась: 52 % ответили, что за последний год они лично или члены их семьи предпринимали меры, направленные на снижение остроты экологических проблем (2021 г. — 58 %). Сообщили об обратном 41 %. Несмотря на то, что именно молодежь отличают такие качества, как активность, предприимчивость, открытость миру и инновациям, по степени вовлеченности в экологические практики 18—24-летние проигрывают более старшим поколениям (18—24 лет — 47 %, 25—34 лет — 60 %, 35—44 лет — 61 %, 45—59 лет — 53 %). Вместе с 25—44-летними экологическую активность за последний год чаще проявляли россияне с высшим образованием (64 %), москвичи, петербуржцы (60 %), жители городов-миллионников (59 %) и регулярные пользователи интернета (53—57 %). По мнению россиян, повысить вовлеченность населения в экологические практики прежде всего позволят материальные стимулы, в частности льготы на ЖКХ и проезд в общественном транспорте (45 %). Далее по популярности идут скидки на посещение культурных, досуговых мероприятий (21 %) и возможность взять дополнительные выходные дни на работе (18 %). Такие «осязаемые» стимулы, как дипломы/благодарственные письма и сувениры, привлекают россиян в последнюю очередь (9 % и 7 % соответственно).

Исследование также позволило выявить уровень информированности россиян о крупнейших мероприятиях в области охраны окружающей среды. Участникам опроса было предложено выбрать знакомые им экологические акции из списка. Самая узнаваемая из них — всероссийская акция по восстановлению одной из важнейших экосистем «Сохраним лес» (46 %). Далее с ощутимым отрывом следует «День Земли» (28 %). Почти в равной степени россияне информированы об эколого-патриотической акции «Сад памяти» (18 %) и акции по очистке берегов водных объектов от мусора «Вода России» (14 %). Не слышали о проведении в России экологических акций 30 %. Чаще такой ответ звучал от россиян, которые за последний год ничего не делали для уменьшения экологических проблем (40 % vs. 20 % среди имеющих такой опыт).

Рис. 5. Припомните, пожалуйста, за последний год лично Вы или члены Вашей семьи что-то делали для уменьшения экологических проблем или ничего не делали? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2281](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2281)

Е. С. Балацюз, Е. А. Гладченко

**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МОЛОДЫХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19:
НА ПРИМЕРЕ ВЛАДЕЛЬЦЕВ КРАФТОВЫХ ПРОСТРАНСТВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Правильная ссылка на статью:

Балацюз Е. С., Гладченко Е. А. Социальный капитал молодых предпринимателей в условиях пандемии COVID-19: на примере владельцев крафтовых пространств Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 199—216. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2281>.

For citation:

Balatsyuk E. S., Gladchenko E. A. (2023) The Social Capital of Young Entrepreneurs in the Conditions of Pandemia COVID-19 on the Example of Craft Spaces's Owners in St. Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 199–216. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2281>. (In Russ.)

Получено: 07.07.2022. Принято к публикации: 13.04.2023.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МОЛОДЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: НА ПРИМЕРЕ ВЛАДЕЛЬЦЕВ КРАФТОВЫХ ПРОСТРАНСТВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

БАЛАЦЮК *Елизавета Сергеевна* — стажер-исследователь Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: ebalatsyuk@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1117-305X>

ГЛАДЧЕНКО *Екатерина Андреевна* — младший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: catgladv@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5912-3721>

Аннотация. Кризисным моментом для многих крафтовых предпринимателей стала начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19. Появление новых рисков и ограничений в контексте ведения крафтовой предпринимательской деятельности потребовало поиска новых решений и ресурсов для преодоления возникших сложностей. Одним из источников таких ресурсов для крафтовых предпринимателей стали их сети взаимоотношений с социальными агентами, выполняющие роль каналов извлечения экономической выгоды. Подобные сети в рамках представленного исследования рассматриваются как социальный капитал. С опорой на теоретическую концепцию капитала Пьера Бурдьё в рамках качественной парадигмы в статье проведен анализ социального и культурного

THE SOCIAL CAPITAL OF YOUNG ENTREPRENEURS IN THE CONDITIONS OF PANDEMIC COVID-19 ON THE EXAMPLE OF CRAFT SPACES'S OWNERS IN ST. PETERSBURG

*Elizaveta S. BALATSYUK*¹ — Research Assistant, Center for Youth Studies

E-MAIL: ebalatsyuk@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1117-305X>

*Ekaterina A. GLADCHENKO*¹ — Junior Researcher, Center for Youth Studies

E-MAIL: catgladv@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5912-3721>

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The COVID-19 pandemic that began in 2020 has become a crisis moment for many craft entrepreneurs. New risks and restrictions affecting the craft business required the search for new solutions and resources to overcome the difficulties that have arisen. One of the sources of such resources for craft entrepreneurs was their networks of relationships with social agents, which act as channels for extracting economic benefits. These networks in the framework of the present study are considered as social capital. The article analyzes the social and cultural capital of young entrepreneurs — owners of craft spaces in St. Petersburg within the framework of a qualitative paradigm and basing on the theoretical concept of capital by Pierre Bourdieu. The authors show that these alternative forms of capital were used

капитала молодых предпринимателей, владельцев крафтовых пространств Санкт-Петербурга. Авторы показывают, что эти альтернативные формы капитала использовались крафтовыми предпринимателями в период пандемии для сохранения своего бизнеса: через утверждение символической значимости дела в сегменте крафтовой экономики и формирование комьюнити.

Ключевые слова: крафтовая экономика, социальный капитал, предпринимательство, COVID-19, комьюнити

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «„Пережить трудные времена и сохранить бизнес“: стратегии совладания с кризисом молодых предпринимателей Санкт-Петербурга» Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2021 г.

Введение

Современное «общество риска» [Бек, 2000] ставит молодых людей перед новыми вызовами, которые им приходится учитывать в повседневной жизни. Нормой для молодежи с относительно высоким уровнем образования становятся безработица и неполная занятость [Threadgold, 2018: 156]. Прекарность характерна в том числе для предпринимательства в сфере креативной индустрии, которая, с одной стороны, предполагает свободу самовыражения, но с другой — низкую оплату труда, ненадежность и высокую степень неопределенности [Black, Fox Miller, Leslie, 2019: 274].

Креативное предпринимательство, сочетающее в себе экономическую деятельность и культурные компетенции, рассматривается как пример «хипстерского капитализма», или «культурного предпринимательства» [Scott, 2017: 61]. К нему относится и крафтовое предпринимательство, нацеленное на создание продуктов и услуг с применением индивидуализированного ручного труда и DIY-практик (Do It Yourself)¹ [Smagina, Ludviga, 2020: 367]. Такая продукция не только функциональна, но и обладает эмоциональной и эстетической привлекательностью [Smagina, Ludviga, 2021: 401]. Крафтовое предпринимательство коммерциализи-

by craft entrepreneurs during the pandemic to save their business through the establishment of the symbolic significance of the business in the segment of the craft economy and the formation of a community.

Keywords: craft economy, social capital, entrepreneurship, COVID-19, community

Acknowledgments. The article is prepared within the project «"Surviving Tough Times and Saving Business": Strategies for Coping with the Crisis by Young Entrepreneurs in St. Petersburg» carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2021.

¹ «Сделай сам» в переводе с английского.

зирует творчество и самовыражение мастеров, отраженное в аутентичных произведениях [Smagina, Ludviga, 2021: 410], позволяет реализовывать собственные ценности и убеждения — вести «бизнес как образ жизни» [Marcketti et al., 2006: 242]. Подобная точка зрения позволяет мастерам определять свой труд во вне-экономических категориях.

Крафтовая деятельность зачастую не требует большого стартового капитала, поэтому относительно доступна для молодежи, конструирующей собственную субъектность на предпринимательском поприще [Krupets, Epanova, 2022: 1; Shaw, Wilson, Pret, 2017: 219—220]. Крафтовый бизнес может иметь неформальный характер и отличаться небольшим объемом производства, неявной предпринимательской активностью, отсутствием официальной регистрации бизнеса. Эта специфика делает таких предпринимателей скрытыми не только от государственных структур, но и от возможных партнеров, розничных продавцов и иных экономических субъектов, обладающих необходимыми ресурсами для развития дела [Äyväri, Jurämä, 2007: 5]. В таких условиях значимым преимуществом обладает социальный капитал, представляющий собой включенность в те сети, сообщества и социальные структуры, через которые субъект может привлекать необходимые ресурсы [Johannisson, Olaison, 2007: 56]. Отношения с социальными агентами, выстраиваемые предпринимателями, необходимы для роста и выживания небольших предприятий, но особенно актуальными они становятся в периоды кризисов. Например, предоставление доступа к ресурсам и конкурентным преимуществам без денежных вложений может стать важным компенсаторным механизмом.

Проблемы precarious занятости обострились в период пандемии COVID-19 [Comunian, England, 2020: 112]. В отличие от крупных компаний владельцы малого и микробизнеса зачастую не имели финансовых средств, чтобы компенсировать внезапное снижение прибыли [Vaandrager, 2021: 4]. Эта ситуация была вызвана рядом мер в период COVID-19, которые ограничили возможности рыночных продаж у небольших предприятий. Государственная антиковидная политика (ограничение работы публичных заведений, запрет на проведение публичных мероприятий, режим самоизоляции населения) и нарушение логистических цепочек поставки товаров стали источником дополнительного стресса для предпринимателей, особенно в сфере розничной торговли, общественного питания и услуг. Напрямую эти ограничения коснулись тех, кто владел крафтовыми пространствами — кофейнями, кафе, барами, хостелами. Эти предприниматели в рамках своих заведений производят аутентичный продукт или услугу, характерные для креативных индустрий. Как уже было отмечено выше, укреплению положения данной группы предпринимателей в этих условиях мог способствовать социальный капитал — через поддержку, чувство сопричастности, обмен новыми идеями и инновационными методами решения возникающих сложностей [Imai, Ji, 2021: 304—305].

В то же время социальный капитал имеет и отрицательную сторону. Он может приводить к возникновению барьеров для выхода из сетей поддержки [Colclough, Sitaraman, 2005: 489]. Такой «ограничивающий» капитал, предполагающий закрытые тесные связи в гомогенных группах, характерен для микропредпринимателей, обладающих небольшим экономическим капиталом [Turner, Nguyen, 2005: 1695]. В настоящей работе ставится вопрос о роли социального капитала для предпри-

нимателей, владеющих крафтовыми пространствами, в условиях повышенной нестабильности в период пандемии COVID-19.

Социальный капитал в поле крафтового предпринимательства

Владельцы крафтового бизнеса включены в сети различных взаимодействий с теми или иными экономическими субъектами, владеющими наборами капиталов. Социальный капитал концептуализируется как совокупность взаимосвязей и институционализированных отношений взаимного знакомства с различными агентами, обеспечивающими доступ к необходимым ресурсам [Бурдые, 2002: 66]. Иными словами, социальный капитал предполагает возможность получения благ через положение человека в социальной сети [Lin, 2000: 786].

Характер тех или иных связей может быть описан через такие показатели, как продолжительность, эмоциональная интенсивность, взаимное доверие и близость [Грановеттер, 2009: 47]. Исходя из этих параметров выделяют два типа связей — сильные и слабые. Первые отличаются частыми взаимодействиями и однородностью, а вторые — гетерогенностью, кратковременностью контакта, низкой эмоциональной включенностью. В предпринимательской среде сила связей определяет тип благ, которые можно получить через сеть взаимодействия. Например, слабые связи открывают доступ к различного рода информации, сильные обеспечивают мотивацию [Jack, 2005: 1236] и ресурсы, которые невозможно было бы получить иным образом [Neumeyer, 2019: 476]. Предпринимателям с разнообразными слабыми связями открыто большее количество новых возможностей и идей, а предприниматели с сильными связями могут с большей эффективностью мобилизовывать ресурсы [Stam, Arzlanian, Elfring, 2014: 155].

Эффект социального капитала определяется теми выгодами, которые он приносит благодаря взаимному доверию агентов [Adler, Kwon, 2002: 23]. Обратным, негативным эффектом может стать осозанный или неосозанный отказ от новых возможностей и информации, закрытость участников в рамках одного доверительного сообщества, что характерно для микропредприятий и семейных бизнесов с сильными социальными связями [Shi, Shepherd, Schmidts, 2015: 835].

Чтобы способствовать предпринимательству, социальный капитал должен поддерживаться культурным капиталом, выступающим в форме навыков («длительных диспозиций ума и тела»), идей и квалификаций [Бурдые, 2002: 64]. Последний может в том числе определять и поддерживать выбор занятости, профессиональную цель. Например, в случае, если культурный капитал группы отрицательно маркирует бизнес как вид деятельности, то сильный социальный капитал группы не будет поощрять предпринимательскую активность [Cope, Jack, Rose, 2007: 618]. Взаимосвязь культурного и социального капитала выражается в переходе одной формы в другую. Например, отраслевой опыт работы в той или иной сфере — воплощенный культурный капитал — может способствовать улучшению репутации предпринимателя, тогда как недостаток культурного капитала будет ограничивать его способность «вписаться» в принятые нормы и тем самым препятствовать доступу к социальным сетям [Pret, Shaw, 2016: 3].

Другим примером конвертации культурного капитала в социальный может служить формирование и поддержание связей с комьюнити. Понимание норм и цен-

ностей сообщества, то есть культурный капитал, может способствовать созданию связей, улучшению репутации и легитимации бизнеса для крафтовых предпринимателей [Pret, Shaw, 2016: 10]. Реализация этих форм капиталов предпринимателя может выражаться в преобразовании жизни сообщества через воссоздание, обновление и изменение идентичности локальных мест [McKeever, Jack, Anderson, 2015: 62]. Таким образом, социальный капитал может как давать преимущества, так и выступать барьером в предпринимательской сфере, что зависит от силы связей и культурного контекста.

В кризисные моменты ценность подобных неэкономических форм капитала возрастает. Мобилизация культурного и социального капиталов может приводить как к получению экономической выгоды в виде рыночной прибыли, так и к символическому вознаграждению — признанию деятельности предпринимателей как ценной [Scott, 2012: 251]. В ситуации, когда необходимо принимать быстрые решения, социальный капитал помогает в обеспечении ресурсами, в реализации мер для решения возникших проблем и сохранении дела. Это происходит за счет коллективной идентичности, связанной с локальным местом как физическим и социальным пространством. Такой идентичностью обладают и предприниматели, и участники локального комьюнити [Johannisson, Olaison, 2007: 74].

Комьюнити не всегда предполагает обеспечение социальным капиталом включенного в него агента, а социальный капитал не обязательно производит устойчивое сообщество [Colclough, Sitaraman, 2005: 493]. Учитывая, что сам социальный капитал может иметь для предпринимательства как положительные, так и отрицательные эффекты, был поставлен вопрос о том, какую роль он играет для молодых предпринимателей — владельцев крафтовых пространств в период пандемии COVID-19, в условиях сокращения доступа к экономическим ресурсам и ограничения возможностей работы публичных заведений. Последующий анализ эмпирических данных позволяет ответить на этот вопрос.

Методология исследования

Данная статья основывается на анализе данных эмпирического исследования «„Пережить трудные времена и сохранить бизнес“: стратегии совладания с кризисом молодых предпринимателей Санкт-Петербурга», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2021 г. Интервью проводились с марта по июнь 2021 г., через год после начала пандемии и ввода первых коронавирусных ограничений в России.

В качестве исследовательской парадигмы нами была выбрана качественная методология, позволяющая раскрыть субъективный опыт молодых крафтовых предпринимателей, который касается их взаимодействий с различными социальными агентами. Эмпирические данные представленного исследования включают в себя 14 лейтмотивных биографических интервью с владельцами крафтовых пространств. Создавая и поддерживая креативные пространства, их владельцы осуществляют предпринимательскую деятельность².

² Далее мы будем использовать понятия «владельцы крафтовых пространств» и «крафтовые предприниматели» как синонимы.

Критериями выделения крафтовых пространств стали следующие:

- предпринимательство нацелено на создание продуктов и услуг с применением индивидуализированного ручного труда и DIY-практик;
- продукция крафтового сектора — аутентичные продукты и услуги, ценные из-за их эмоциональной и эстетической привлекательности;
- предпринимательство связано с творчеством, интересами и личным самовыражением мастеров, их идентичностью.

Дело отобранных информантов опирается на физическое присутствие посетителей, но в период пандемии вводился ряд ограничений на посещение общественных заведений, что ставило перед их владельцами вопросы о смыслах и целях ведения дела в существующих условиях. Пять интервью проводилось с женщинами, а девять — с мужчинами. В выборке присутствует два кейса, когда участники интервью являлись совладельцами одного пространства и находились в супружеских отношениях. Возраст участников — от 23 до 36 лет. Выбор молодых предпринимателей обосновывается тем, что молодежь как «слабый» экономический агент реализует предпринимательскую деятельность с ограниченным набором ресурсов [Black, Fox Miller, Leslie, 2019: 274], и это определяет особенности реализации разных форм капиталов у данной группы.

Деятельность участников исследования затрагивает сферу общественного питания и хостелов в рамках DIY-производства. В анализируемых нарративах представлены владельцы баров, кофеен, веганских кафе и кафе азиатской кухни со статусом индивидуальных предпринимателей и основатели обществ с ограниченной ответственностью. Среди информантов были как те, кто основал бизнес до пандемии, так и те, кто начал свое дело уже после ее объявления. Характеристики информантов см. в Приложении.

В обработке собранного эмпирического материала были задействованы процедуры тематического анализа. Они применялись для выделения блоков интервью, которые непосредственно касаются взаимодействия владельцев крафтовых пространств с различными агентами и оценки их роли в период пандемии. Кроме того, мы прибегали к обоснованной теории по версии А. Страуса и Дж. Корбин, в частности использовали открытое построчное кодирование и осевое кодирование. В итоге было выделено несколько блоков: «социальные агенты», «роль агентов», «взаимоотношения с агентами», «результаты взаимодействия с агентами», «миссия заведения». Внутри они объединяли в себе категории, связанные с выделенными агентами: «комьюнити», «наемные сотрудники», «бизнес-партнеры», «арендодатели», «потребители», «поставщики», «другие предприниматели» и «близкий круг общения». Категории были созданы на основе кодов, например, при выделении категории «комьюнити» были задействованы такие коды, как «тусовки», «соседи», «кенты», «добрососедство».

Социальный капитал владельцев крафтовых пространств

Российская экономика характеризуется усилением государственного регулирования и ростом государственных корпораций, поэтому представители микробизнеса могут сталкиваться с отношением к своему делу как к «ненастоящему» и подвергаться общим рискам со стороны государственных институций, не имея при

этом большого влияния на рынке [Krupets, Epanova, 2021: 4—5]. Для владельцев крафтовых пространств пандемия и введение мер по предотвращению распространения инфекции стали новыми вызовами, определившими способ ведения бизнеса, опирающегося на физическое присутствие посетителей.

Помощь, которая предоставлялась со стороны государственных органов, не рассматривалась этой группой как подходящая, либо воспринималась как институциональное давление. Информанты отмечали длительность оформления и бюрократизированность процесса подачи документов, небольшие по своим размерам выплаты, невозможность реализации льготных условий кредитования и «невидимость» самих предпринимателей для государственных служб. Ожидаемым максимумом поддержки со стороны государства стало невмешательство.

Но вообще мне кажется, что лучшая поддержка от государства — это не мешать. То есть как бы просто вот, если бы они, э, не мешали, это было бы очень хорошо. Помогать не надо. (Интервью № 9, ж., 34 года, владелица бара)

В сложной ситуации владельцы крафтовых пространств ориентировались на ресурсы и возможности своей среды. Поле крафтовой экономики, где протекает предпринимательская деятельность участников исследования, включает в себя разнообразных социальных агентов. Каждый из них имеет различный доступ к ресурсам, что определяет специфику их отношений и тех ролей, которые они играют в поддержке крафтового бизнеса в кризисные моменты.

Прямое или косвенное воздействие на ведение дела информантов оказывают следующие агенты: комьюнити, сложившееся вокруг пространства; потребители, включающие в себя постоянных и случайных гостей заведения; наемные сотрудники; бизнес-партнеры; другие крафтовые предприниматели; арендодатели; поставщики и близкий круг общения.

Близкие люди (друзья, хорошие знакомые, родители и партнеры) могут быть неофициально включены в бизнес через оказание помощи в своей профессиональной сфере. Среди друзей и знакомых предприниматели находят фотографов, таргетологов, упаковщиков, менеджеров, помощников на кухню, доставщиков и разработчиков. К ним обращаются за советом для поиска наемных работников под конкретную задачу и для кратковременной помощи в кризисной ситуации. Включенность в рабочий процесс может оказываться и платно, и по бартеру, и на добровольных началах. Таким образом, близкие знакомства прямо или косвенно обеспечивают рабочую силу.

Другой не менее важный ресурс, который крафтовые предприниматели получают от близких людей, — эмоциональная поддержка. Ее могут оказывать друзья, романтические партнеры и родители. Информанты называют такую поддержку верой в человека, в его навыки, его идею. В кризисных ситуациях эта вера показывала символическую значимость их дела для окружающих.

Да, да, были люди. Э-э-э, моя девушка, например, очень меня сильно поддерживала в этом плане и давала мне... и хорошие советы, и, э-э, какую-то тоже стержневую поддержку. (Инт. № 2, м., 24 года, владелец кофейни)

Роль и значимость **наемных сотрудников** в период локдауна проявлялась, во-первых, в качестве финансовой поддержки. Она могла выражаться в предложениях самих сотрудников снизить им зарплату, во вложении заработанных денег в поддержание бизнеса крафтового предпринимателя. Во-вторых, наемные работники обеспечивали мотивацию продолжать свое дело даже в период локдауна, ведь закрыть дело — значит «подвести людей». Такая солидаризация наблюдалась и со стороны предпринимателей, стремящихся выстроить с наемными сотрудниками горизонтальные дружеские отношения, оказать эмоциональную и финансовую поддержку коллективу.

А я специально шила шоперы из постельного белья списанного, и мы их продавали и из этого платили зарплату. То есть, короче, я работала, чтобы они работали, вот. (Инт. № 1, ж., 30 лет, владелица хостела).

Функция **бизнес-партнеров**, в качестве которых могут выступать супруг, бывшие коллеги, друзья, другие предприниматели, заключалась в их психологической помощи в формате разделения ответственности. Участники исследования отмечают, что не отважились бы начать дело одни, а благодаря поддержке смогли продолжать его в кризисных условиях. Кроме того, партнеры могли обмениваться опытом, что способствовало развитию новых направлений в бизнесе.

Я как будто еще кому-то должен чего-то в этот момент, а не только себе. Когда я должен только себе, мне [машет рукой], а так вот я могу кого-то подвести, кого-то подставить. И вот буду делать сильно лучше, когда я, я не хотел бы никого подводить. Так к себе отношусь «а, ладно», а там у нас как бы общее, там нельзя сделать плохо. (Инт. № 14, м., 36 лет, владелец кофейни)

Важное значение в качестве агентов, высвобождающих экономический ресурс владельцев крафтовых пространств, имеют **арендодатели**. Это могло выражаться в снижении арендной платы либо ее полной отмене на момент локдауна, так как арендодатели напрямую заинтересованы в платежеспособности их арендаторов. При этом с арендодателями информанты поддерживают сугубо профессиональные отношения, не ожидая послаблений с их стороны, но надеясь на них, не стремясь завести дружбу и не создавая других форм взаимодействия, кроме деловых.

...По истечению двух месяцев — май и апрель — нам пришел счет на аренду, и он составлял два рубля, по рублю за месяц. С нас не брали коммуналки, с нас не брали аренды, вообще ниче не брали. (Инт. № 3, м., 32 года, владелец паста-бара)

Такие же сугубо профессиональные отношения выстраиваются у информантов с их **поставщиками**. Так как существует сильная взаимозависимость поставщиков и крафтовых предпринимателей, в ситуации пандемии им пришлось пойти на взаимные уступки и договоренности, чтобы не закрыться. Такие договоренности каса-

лись единовременных скидок, снижения цены, отсрочки платежа. Все это позволяло крафтовым предпринимателям экономить в кризисный для их дела момент.

То есть, например, если к нам не приходят гости, мы не получаем деньги, мы не покупаем пиво. Соответственно, мы его не покупаем у пивоваров. Соответственно, пивовары начинают закупать меньше солода у фермеров. Там меньше солода, меньше хмеля. А они его вырастили огромное количество. У них, соответственно, портится. (Инт. № 9, ж., 34 года, владелица бара)

В сферу профессиональных отношений входят и **другие крафтовые предприниматели**, которые активно поддерживали малый бизнес из сферы креативной индустрии. Предприниматели рассказывали друг о друге в социальных сетях, обмениваясь аудиторией, заказывали рекламу. Это также могли быть предложения о бартере, скидках на продукцию. Из-за карантина связи создавались в основном в онлайн-пространстве и мессенджерах. Они обменивались информацией о коронавирусных ограничениях, правовых изменениях, контактах проверенных поставщиков, сообщали об инициативах в поддержку локального бизнеса. То есть через взаимодействие с коллегами по цеху владельцы крафтовых пространств могли повышать свой культурный капитал, получая актуальные сведения, в соответствии с которыми предпринимали те или иные меры.

Мы общаемся с некоторыми владельцами хостелов, как-то с ними познакомились, общаемся. Но это не то что сообщество какое-то, это мы не собираемся на тайные сходки с целью обсуждения картельных схем. Но мы периодически общаемся, обмениваемся контактами там каких-то служб, прачки, еще кого-нибудь. (Инт. № 4, м., 34 года, владелец хостела)

Местом солидаризации, обмена эмоциями (в том числе негативными) служили общие чаты. Особую важность это приобрело в начале введения в городе коронавирусных ограничений, то есть в момент особой уязвимости и неопределенности дальнейшей судьбы бизнеса. Информанты отзываются о других предпринимателях как о друзьях, хороших соседях, участвуют в акциях поддержки, однако редко переходят черту информационной помощи, держат границы, считая, что справиться с трудностями, вызванными COVID-19, нужно самостоятельно.

Солидаризация в период пандемии наблюдалась и с **потребителями** услуг крафтового пространства. Категорию потребителей можно разделить на две группы: постоянные («возвращенцы», «постоянники») и случайные («невозвращенцы»). Случайные потребители — люди, единоразово приобретающие услугу или продукт заведения или эпизодически становящиеся посетителями заведения предпринимателя — посетители «с улицы», туристы или клиенты соседних заведений. Для предпринимателя наиболее ценны постоянные посетители, и в период пандемии информанты отмечают свою переориентацию на работу с ними.

В контексте пандемии «постоянники» стали источником экономической и психологической поддержки, реализуемой под лозунгом «поддержать малый бизнес»: покупка сертификатов на будущее, пожертвование денег самому бизнесу, заказ

доставки продуктов питания, участие в благотворительных акциях, проводимых крафтовыми предпринимателями.

И у нас очень много людей, вот как только мы запустили, сначала много людей купили сертификаты, и ими, кстати, мало кто пользуется. То есть это было явно как типа пожертвование, потому что очень мало кто воспользовался сертификатом за год. И были иностранцы, которые в большом количестве присылали нам деньги тоже. (Инт. № 1, ж., 30 лет, владелица хостела)

Среди потребителей крафтовых пространств мы обнаружили различные сообщества, объединенные вокруг некоторой идеи, увлечений или профессии. В ряде случаев дело информанта было построено на базе разделяемых ценностей какой-либо группы — веганское кафе, кофейня для велосипедистов, диджеев, соседей, проживающих в определенном районе. Помимо таких сообществ сами крафтовые места образовывали вокруг себя комьюнити.

Комьюнити описывается информантами как группа молодых людей, разделяющих общие практики и ценности, включенных в непосредственную коммуникацию друг с другом. Эта категория охватывает целый ряд перечисленных выше агентов: потребители, другие крафтовые предприниматели, наемные сотрудники, поставщики. Критерием отнесения этих агентов к комьюнити становится наличие общих разделяемых смыслов и практик. Крафтовое пространство здесь выступает нейтральной территорией их равного взаимодействия и общения, то есть «третьим местом», где может формироваться локальное сообщество [Ольденбург, 2014].

Описывая возникающие комьюнити, информанты выделяли следующие его функции: помощь в предоставлении ресурсов для открытия заведения, включая личное участие в ремонте и создании предметов интерьера; получение обратной связи относительно продукта с целью его улучшения и продвижения; сбор ресурсов для поддержания дела в период локдауна; участие в организации совместных мероприятий. Получение большого отклика и выражение желания поддерживать говорят о значимости места для определенной группы.

Мне довольно честно, то есть у меня есть, вот, э-э-э, это комьюнити, которое мне говорит, если че-то хреново, да. На это ориентируюсь. Какие отзывы, я спрашиваю ребят: вот там у меня новый работник, как тебе, что он там, да? Сделали там новое блюдо до какое-то, я там даю кентам попробовать. (Инт. № 5, м., 29 лет, владелец кофейни)

Роль комьюнити, таким образом, заключалась в демонстрации важности пространства, то есть определении символической значимости дела. Создание комьюнити становится для владельцев бизнеса целью: организовать пространство для тех, кто разделяет твои ценности и взгляды, готов поддерживать твою деятельность. Достижение этой цели стало возможно, во-первых, за счет социального капитала — социальных связей с участниками комьюнити. Во-вторых, за счет культурного капитала — имеющихся компетенций в области крафтовой экономики и ее признания со стороны потребителей.

Создание сообщества предполагает, что в рассматриваемой локации есть общественный запрос. Он выражается в том, как владельцы крафтовых пространств понимают миссию своего дела: предоставление рабочих мест, организация места для коллективного развития и улучшения уже сложившегося комьюнити на основании общих ценностей, например, сообщества веганов, велосипедистов, соседей; организация «своего» места для проведения совместного досуга и общения.

...На тот момент, э-э, вариантов было немного, где поесть, э-э, ну, считай, в такой кухне. И мы сами... веганим. Ну, то есть мы, как бы, это... это была наша потребность, потребность наших друзей, и мы решили — почему бы не готовить для себя и своих друзей, и при этом еще, ну как бы, работать. (Инт. № 6, м., 28 лет, владелец веганского кафе)

Предпринимательская деятельность для информантов нацелена не столько на коммерческую выгоду, сколько на достижение социально значимых и ценных для них самих смыслов, что проявляется и во включенности информантов в механизмы социальной ответственности и содействие деятельности некоммерческих благотворительных организаций.

...Сейчас вот работает, э-э-э, три человека с инвалидностью. Мы сейчас возьмем еще четыре стажера с инвалидностью тоже. То есть у нас есть такая социальная еще сторона вопроса. Социальная ответственность. (Инт. № 3, м., 32 года, владелец паста-бара)

Видя ценность в комьюнити вокруг своего пространства, участники исследования стремились формировать и поддерживать его. Основой для этого выступала личность самого предпринимателя — как того, кто задает определенные смыслы и предлагает те или иные практики, разделяемые членами сообщества и рабочей командой заведения. В этом процессе — создании комьюнити и его идентичности — проявляются агентность и символический капитал владельца крафтового пространства.

«Особое», «ламповое» место — как центр формирования комьюнити — создается за счет атмосферы — аутентичной обстановки, которой характеризуются «трепья места», располагающие людей к общим практикам и взаимодействию друг с другом. Атмосфера места выступает особым ресурсом, привлекающим потребителей, которые предпочитают крафтовые пространства как места для встреч и общения. Информанты описывают ее через категорию уникальности, которая заключается в оригинальности продукта, его высоком качестве, личном участии в создании со стороны владельца пространства. Уникальность отражает направленность крафтового бизнеса на создание продукта, имеющего не только функциональную значимость для потребителей, но и символическую ценность за счет эмоциональной привязанности [Smagina, Ludviga, 2021]. Эта символическая значимость способствует возникновению общих смыслов крафтового пространства у вовлеченных в его деятельность агентов.

И щас больше, конечно, там, не знаю, люди любят какие-то прикольные пространства, там даже не обязательно, чтоб... крафтовое пиво везде может быть. Но многие там уже, главное, чтоб атмосфера была классная. (Инт. № 12, м., 28 лет, владелец бара)

Созданию необходимой атмосферы способствует также репрезентация своего дела как «эмпатичного бизнеса», то есть направленного на открытые дружелюбные и равные отношения с наемными работниками и гостями, которые вовлекаются в общение и взаимодействие друг с другом и самими владельцами бизнеса. Это взаимодействие происходит в том числе через вовлечение в ведение дела, например, посредством различных интерактивов: знакомство посетителей с поставщиками продукции, выбор мебели для заведения, совместная организация мероприятий.

Это отдельные моменты, люди помогают нам... Мы делали веранду, люди выбирали столики из двух вариантов, люди выбирали стулья, цвет. Мы это делали так интерактивно. Там мы это все сфотали, типа «мы забыли заказать стулья, я просто забыла нажать. Но раз уж такая тема пошла, давайте выберем цвет все вместе», да. И вот когда мы просим помощи вот в таком интерактивном виде, они всегда нам помогают. (Инт. № 13, ж., 23 года, владелица кофейни)

Вовлечение в комьюнити может быть направлено и на других предпринимателей крафтового сектора. Например, через взаимную поддержку, консолидацию на уровне проведения совместных акций, таких как акция #alltogether, когда владельцы пивоварен дешево поставляли определенный сорт пива в крафтовые бары, чтобы поддержать их. В этой акции принимала участие одна из информантов — владелица бара и пивоварни, что можно рассматривать как проявление формируемой «коллективной агентности» в области крафтовой экономики [Hewson, 2010].

Комьюнити, таким образом, выступает ключевым агентом для владельцев крафтовых пространств. Оно формируется информантами вокруг их мест через выстраивание доверительных отношений с гостями и сотрудниками, через интеракцию и вовлечение в ведение дела разных социальных агентов. Благодаря этому между ними и информантами возникает ощущение сопричастности к делу, оно разделяется общими смыслами. Эти смыслы и обратная связь со стороны комьюнити обеспечивают владельцам крафтовых пространств осознание значимости их деятельности. Комьюнити выступает специфическим источником ресурсов и за счет характера связей: оно включает как черты «сильных» связей из-за доверительного характера выстраиваемых отношений на основе общих разделяемых ценностей, так и черты «слабых» связей — ситуативность взаимодействия, гетерогенность.

Все сказанное выше демонстрирует особую роль социального капитала, складывающегося из взаимодействий и связей владельцев крафтовых пространств с перечисленными социальными агентами. Социальный капитал оценивается как желанный в том случае, если он закрывает определенные потребности. При этом социальный капитал реализуется в тесной связи с культурным капиталом предпринимателя, его компетенциями и навыками как создателя аутентичной и важной для потребителей продукции. Помимо экономических ресурсов, группа крафтовых предпринимателей высоко оценивает значимость эмоциональной поддержки и социального одобрения со стороны различных агентов. Это придавало сил продолжать свое дело в кризисный момент пандемии. Особой ценностью обладает

и создание комьюнити из людей, разделяющих общие идеи и практики, а также их соучастие в ведении бизнеса. Возможность задавать смыслы и составляющие идентичности того или иного локального комьюнити, включенного в деятельность крафтового пространства, является проявлением символического капитала владельцев этих пространств.

Заключение

Крафтовое микропредпринимательство, характеризующееся, с одной стороны, автономностью и возможностью самовыражения, а с другой — высокой степенью риска и прекарности, во время пандемии COVID-19 переживало кризисный период. С особыми трудностями сталкивались владельцы крафтовых пространств в связи с мерами, которые ограничили возможности рыночных продаж у небольших локальных предприятий. В этой ситуации включенность в социальные сети и взаимоотношения с теми или иными агентами обеспечила предпринимателям доступ к необходимым в новых условиях ресурсам.

Для решения возникших сложностей рассматриваемые предприниматели задействовали альтернативные формы капитала — социальный и культурный. Эти неэкономические составляющие позволили молодым владельцам крафтовых пространств сохранить свое дело и его ценность для окружающих, то есть обрести символическую значимость бизнеса в сегменте крафтовой экономики.

По оценкам участников исследования, социальный капитал имел положительный эффект. С его помощью они смогли преодолеть сложности, возникшие у владельцев крафтовых пространств в ситуации локдауна и ограничений. Высоко оценивалась роль тех социальных агентов, которые не только предоставили доступ к экономическим и финансовым ресурсам, но и позволили разглядеть символическую значимость собственного дела через проявление эмоциональной поддержки, солидаризацию, включенность в проблемы ведения бизнеса. Такими агентами выступили наемные сотрудники, близкий круг общения, бизнес-партнеры, другие крафтовые предприниматели, потребители.

Выстраиваемые с этими социальными агентами дружеские неформальные отношения привели к проявлению лояльности с их стороны, стремлению оказать поддержку и проявить солидарность. Ключевую роль предприниматели здесь отводят постоянным посетителям их мест и складывающемуся вокруг их дела комьюнити. Демонстрируемая этими агентами привязанность к заведению связана с общими для них и владельцев крафтовых пространств ценностями и смыслами, в чем проявляется взаимосвязь культурного и социального капиталов информантов. Выстраиваемая связь между комьюнити и владельцами бизнеса включает черты «сильных» связей, что проявляется в доверительных отношениях. Это, однако, не приводит к замкнутости сообщества: владельцы крафтовых пространств продолжают активно взаимодействовать с другими агентами, не относящимися к локальному комьюнити.

Формирование комьюнити становится значимой неэкономической задачей для современного крафтового предпринимателя, так как позволяет ему реализовать разделяемые с другими людьми ценности, задавать смыслы и нормы этого сообщества. Со своей же стороны комьюнити дает осознание символической значимости ведения дела — солидаризации людей, укрепления связей внутри

сообщества, создания крафтового места для объединения единомышленников. Комьюнити формируется за счет выстраивания доверительных отношений с наемными работниками и посетителями через их вовлечение в ведение дела, что создает чувство сопричастности к крафтовому пространству, наделяет его общими для предпринимателя и окружающих его социальных агентов смыслами. Таким образом, молодые крафтовые предприниматели переопределяют для себя экономическую ценность социального капитала в его символическую значимость, позволяющую реализовывать бизнес с опорой на личные ценности.

Список источников

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. Beck U. (2000) *Risk Society. Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 04.04.2023).

Bourdieu, P. (2002) The Forms of Capital. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 5. P. 60—74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (accessed: 04.04.2022). (In Russ.)

Грановеттер М. Сила слабых связей. Экономическая социология. 2009. № 10. С. 31—50. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf (дата обращения: 04.04.2023).

Granovetter, M. S. (2009) The Strength of Weak Ties. *Journal of Economic Sociology*. No. 10. P. 60—74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf (accessed: 04.04.2022). (In Russ.)

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкановой. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Oldenburg R. (2014) *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Adler P., Kwon S. (2002) Social Capital: Prospects for a New Concept. *Academy of Management Review*. Vol. 27. No. 1. P. 17—40. <https://doi.org/10.5465/amr.2002.5922314>.

Äyväri A., Jyrämä A. (2007) The Networking Abilities of Craft Entrepreneurs. In: *23rd IMP Conference. Exploiting the b2b Knowledge Network: New Perspectives and Core Concepts*. Manchester Business School. P. 1—9. https://www.impgroup.org/paper_view.php?viewPaper=5827.

Black S., Fox Miller C., Leslie D. (2019) Gender, Precarity and Hybrid Forms of Work Identity in the Virtual Domestic Arts and Crafts Industry in Canada and the US. *Gender, Place & Culture*. Vol. 26. No. 2. P. 272—292. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2018.1552924>.

- Colclough G., Sitaraman B. (2005) Community and Social Capital: What Is the Difference? *Sociological Inquiry*. Vol. 75. No. 4. P. 474—496. <https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.2005.00133.x>.
- Comunian R., England L. (2020) Creative and Cultural Work without Filters: COVID-19 and Exposed Precarity in the Creative Economy. *Cultural Trends*. Vol. 29. No. 2. P. 112—128. <https://doi.org/10.1080/09548963.2020.1770577>.
- Cope J., Jack S., Rose M. (2007) Social Capital and Entrepreneurship: An Introduction. *International Small Business Journal*. Vol. 25. No. 3. P. 213—219. <https://doi.org/10.1177/0266242607076523>.
- Hewson M. (2010) Agency. In: Mills, A. J., Durepos, G., & Wiebe, E. (eds.) *Encyclopedia of Case Study Research*. Thousand Oaks: Sage. Vol. 1. P. 12—14.
- Jack S. L. (2005) The Role, Use and Activation of Strong and Weak Network Ties: A Qualitative Analysis. *Journal of Management Studies*. Vol. 42. No. 6. P. 1233—1259. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2005.00540.x>.
- Johannisson B., Olaison L. (2007) The Moment of Truth — Reconstructing Entrepreneurship and Social Capital in the Eye of the Storm. *Review of Social Economy*. Vol. 65. No. 1. P. 55—78. <https://doi.org/10.1080/00346760601132188>.
- Krupets Y., Epanova Y. (2021) Developing Craft Business in Russia: Capitals and Tactics of Young Cultural Entrepreneurs. *Cultural Trends*. Vol. 32. No. 1. P. 20—34. <https://doi.org/10.1080/09548963.2021.1996203>.
- Lin N. (2000) Inequality in Social Capital. *Contemporary Sociology*. Vol. 29. No. 6. P. 785—795. <https://doi.org/10.2307/2654086>.
- Marcketti S. B., Niehm L. S., Fuloria R. (2006) An Exploratory Study of Lifestyle Entrepreneurship and Its Relationship to Life Quality. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. Vol. 34. No. 3. P. 241—259. <https://doi.org/10.1177/1077727X05283632>.
- McKeever E., Jack S., Anderson A. (2015) Embedded Entrepreneurship in the Creative Re-Construction of Place. *Journal of Business Venturing*. Vol. 30. No. 1. P. 50—65. <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2014.07.002>.
- Neumeyer X., Santos S., Caetano A., Kalbfleisch P. (2019) Entrepreneurship Ecosystems and Women Entrepreneurs: A Social Capital and Network Approach. *Small Business Economics*. Vol. 53. No. 2. P. 475—489. <https://doi.org/10.1007/s11187-018-9996-5>.
- Scott M. (2012) Cultural Entrepreneurs, Cultural Entrepreneurship: Music Producers Mobilising and Converting Bourdieu's Alternative Capitals. *Poetics*. Vol. 40. No. 3. P. 237—255. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2012.03.002>.
- Scott M. (2017) 'Hipster Capitalism' in the Age of Austerity? Polanyi Meets Bourdieu's New Petite Bourgeoisie. *Cultural Sociology*. Vol. 11. No. 1. P. 60—76. <https://doi.org/10.1177/1749975516681226>.

Shaw E., Wilson J., Pret T. (2017) The Process of Embedding a Small Firm in Its Industrial Context. *International Small Business Journal*. Vol. 35. No. 3. P. 219—243. <https://doi.org/10.1177/0266242616671170>.

Shi H.X., Shepherd D.M., Schmidts T. (2015) Social Capital in Entrepreneurial Family Businesses: The Role of Trust. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. Vol. 21. No. 6. P. 814—841. <https://doi.org/10.1108/IJEBR-04-2015-0090>.

Smagina A., Ludviga I. (2020) Craft Entrepreneurship and Created Value. *The Proceedings of the International Scientific Conference Rural Environment. Education. Personality (REEP)*. Jelgava: Latvia University of Life Sciences and Technologies. Vol. 13. P. 359—365. <https://doi.org/10.22616/REEP.2020.044>.

Smagina A., Ludviga I. (2021) What is Crafts Entrepreneurship? The Development of its Definition Through Entrepreneurs and Consumers Perceptions. *The Proceedings of the International Scientific Conference Rural Environment. Education. Personality (REEP)*. Jelgava: Latvia University of Life Sciences and Technologies. Vol. 14. P. 401—414. <http://doi.org/10.22616/REEP.2021.14.045>.

Stam W., Arzlanian S., Elfring T. (2014) Social Capital of Entrepreneurs and Small Firm Performance: A Meta-Analysis of Contextual and Methodological Moderators. *Journal of Business Venturing*. Vol. 29. No. 1. P. 152—173. <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2013.01.002>.

Threadgold S. (2018) Creativity, Precarity and Illusio: DIY Cultures and ‘Choosing Poverty’. *Cultural Sociology*. Vol. 12. No. 2. P. 156—173. <https://doi.org/10.1177/1749975517722475>.

Turner S., An Nguyen P. (2005) Young Entrepreneurs, Social Capital and Doi Moi in Hanoi, Vietnam. *Urban Studies*. Vol. 42. No. 10. P. 1693—1710. <https://doi.org/10.1080/00420980500231563>.

Vaandrager N.B. (2021) Managerial Attributes and Their Effect on Craft Business Performance during the COVID-19 Pandemic. MSc Thesis, Wageningen University & Research. https://www.nederlandsebieercultuur.nl/images/site/WUR/Volledig_MSc_Thesis_Nicolaas_Vaandrager.pdf.

Приложение

Таблица 1. **Выборка исследования**

№ интервью	Пол	Возраст	Тип пространства
№ 1	Ж	30	Хостел (бизнес-партнер Информанта 4)
№ 2	М	24	Кофейня
№ 3	М	32	Паста-бар
№ 4	М	34	Хостел (бизнес-партнер Информанта 1)
№ 5	М	29	Кофейня
№ 6	М	28	Веганское кафе
№ 7	М	28	Кафе азиатской кухни
№ 8	Ж	34	Кафе азиатской кухни
№ 9	Ж	34	Бар
№ 10	Ж	33	Кофейня
№ 11	М	31	Кофейня
№ 12	М	28	Бар
№ 13	Ж	23	Кофейня (бизнес-партнер Информанта 14)
№ 14	М	36	Кофейня (бизнес-партнер Информанта 13)

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2335](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2335)

Н. Н. Куницына, Е. И. Дюдикова

МАСШТАБЫ ЗАНЯТОСТИ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ: ПАРАДОКСЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Куницына Н. Н., Дюдикова Е. И. Масштабы занятости в неформальном секторе экономики: парадоксы измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 217—238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2335>.

For citation:

Kunitsyna N. N., Dudikova E. I. (2023) The Scale of Employment in the Informal Economy: Measurement Paradoxes . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2335>. (In Russ.)

Получено: 08.11.2022. Принято к публикации: 29.05.2023.

МАСШТАБЫ ЗАНЯТОСТИ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ: ПАРАДОКСЫ ИЗМЕРЕНИЯ

КУНИЦЫНА Наталья Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита Института экономики и управления, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

E-MAIL: nkunitcyna@ncfu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9336-8100>

ДЮДИКОВА Екатерина Ивановна — доктор экономических наук, младший научный сотрудник научно-образовательно-центра «Инновационное развитие кредитно-финансовой сферы» Института экономики и управления, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

E-MAIL: dudikova.e@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8126-6529>

Аннотация. Наличие достаточного количества рабочих мест в формальном секторе экономики способствует сокращению размеров неформальной и теневой занятости. Их измерение требует оценки фактических масштабов неформализованной занятости, рассматриваемой мировым сообществом в двух взаимодополняющих аспектах: занятости в неформальном секторе и неформальной занятости. Сегодня отсутствует единый методологический базис измерения неформальной занятости в целом, в основу отечественного подхода положена методика 1993 г., не отражающая современных тенденций. В этой связи авторы статьи преследовали несколько целей: аргументировать несоответствия официально представляемых данных реалиям рынка труда, определить недостатки характеристик,

THE SCALE OF EMPLOYMENT IN THE INFORMAL ECONOMY: MEASUREMENT PARADOXES

Natalia N. KUNITSYNA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Management

E-MAIL: nkunitcyna@ncfu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9336-8100>

Ekaterina I. DUDIKOVA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Junior Researcher at the Scientific and Educational Center "Innovative Development of the Credit and Financial Sphere", Institute of Economics and Management

E-MAIL: dudikova.e@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8126-6529>

¹ North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The presence of a sufficient number of jobs in the formal sector of the economy helps to reduce the size of informal and shadow employment. Its measurement requires an assessment of the actual scale of informal employment considered by the world community in two complementary aspects, namely, employment in the informal sector and informal employment. The literature lacks a single methodological basis for measuring informal employment, and the domestic Russian approach is based on the 1993 methodology, which does not reflect modern trends. Thereby, the authors of this article pursue several goals: to argue the inconsistencies of officially reported data with the realities of the labor market, to identify the shortcomings of the characteristics applied to the sampling units of the informal sec-

применяемых к единицам выборки неформального сектора, на основе результатов проведенного социологического опроса оценить масштабы неформальности в сегменте малого и среднего предпринимательства (МСП), сформулировать рекомендации по совершенствованию методологического базиса оценки занятости в неформальном секторе. В ходе исследования применена адаптированная методика Путниньша-Сауки, позволившая определить Индекс неформальной экономики и границы занятости в неформальном секторе. Полученные результаты имеют прикладное значение для проведения региональных социально-демографических исследований.

В результате выявлены неточности статистической информации о занятости в неформальном секторе МСП, охарактеризован комплекс факторов, влияющих на степень вовлеченности предпринимателей в неформальную экономику как социальное явление. Установлено, что в отсутствие интенсивного сдерживающего государственного вмешательства на рынке, а также при разумной поддержке бизнеса и обеспечении условий для его развития интерес предпринимателей к теневой деятельности снижается. Отмечается невозможность полного искоренения неформализованной занятости, акцентируется внимание на перспективности сокращения ее границ с позиции как репрессивных мер воздействия, так и полномасштабной реализации превентивных процедур и внедрения стимулов в рамках социальной экосистемы взаимодействия.

Ключевые слова: занятость в неформальном секторе, неформальная за-

тор, to assess the extent of informality in the segment of small and medium-sized enterprises (SMEs) based on the results of a sociological survey, and to formulate recommendations for improving the methodological basis for assessing employment in the informal sector. The study employs the adapted Putniņš-Sauka methodology, which allowed determining the Informal Economy Index and the boundaries of employment in the informal sector. The results obtained are of practical importance for conducting regional socio-demographic research.

The study revealed inaccuracies in statistical data on employment in the informal sector of SMEs and characterized the factors affecting the degree of involvement of entrepreneurs in the informal economy regarded as a social phenomenon. It was established that in the absence of intensive restraining state interventions, on the one hand, and with the support of business and the provision of conditions for its development, on the other hand, the interest of entrepreneurs in shadow activities decreases. The authors note that it is impossible to completely eradicate informal employment and discuss the prospects of reducing its scale both from the standpoint of repressive interventions and the full implementation of preventive procedures introducing incentives within the social ecosystem of interaction.

Keywords: employment in informal sector, informal employment, entrepreneur-

нятость, предпринимательство, рынок труда, теневая экономика, региональное социологическое исследование

ship, labour market, shadow economy, regional sociological study

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Северо-Кавказского федерального университета.

Acknowledgments. The study was funded by North Caucasus Federal University.

Введение

В период формирования цифрового государства негативное влияние на национальную экономику оказала пандемия COVID-19, ее последствия, а также рост напряженности на международной арене. В наибольшей степени пострадал сектор малого и среднего предпринимательства (МСП), представители которого ощутили спад производства и, как следствие, снижение уровня доходов. Начиная с 1990-х годов, и особенно в шоковые периоды, данная категория хозяйствующих субъектов способствовала масштабируемости процесса теневизации экономики в целом и рынка труда в частности. Согласно официальной информации¹, доля неформально трудоустроенных в общей численности занятых за последние 10 лет выросла более чем на 6 процентных пунктов (в 2001 г. — 14,1%, в 2010 г. — 16,4%, в 2021 г. — 20,3%) и по итогам 2021 г. превысила 15 млн человек². Скрытый фонд оплаты труда составляет 12,6% ВВП, потери бюджетной системы из-за неформальной занятости — около 3 трлн руб. ежегодно (порядка 3% ВВП), потери социальных фондов — примерно 2,3 трлн руб.³ Оценка данных показателей важна в силу ряда причин — это и необходимость выявления национальных и региональных тенденций в сфере занятости, и ориентир для разработки эффективной социальной политики, способствующей трудоустройству в легальной среде, и средство информирования населения, и инструмент анализа взаимосвязей между экономическим ростом и занятостью. Последнее особенно актуально, так как без детальной структуры занятости в неформальной экономике, дополняющей статистику официального рынка труда, сложно определить направления стимулирования социально-экономического роста в векторе увеличения количества рабочих мест и масштабов поддержки формального сектора. Концептуально в статье авторы придерживаются позиции, выдвинутой на Международных конференциях труда (МКТ): неформальная экономика включает все виды экономической деятельности лиц, занятых в экономических единицах, которые с точки зрения законодательства или в реальной практической деятельности не охвачены или учтены не в полной мере формальными трудовыми договоренностями, а также официальными право-

¹ Рынок труда, занятость и заработная плата / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 05.09.2022).

² Полагаем, что реальный показатель доли занятых в неформальном секторе значительно превышает ее официальный уровень, по некоторым оценкам он достигает 46%.

³ Обеление с тенью сомнения. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/09/24/5d81ec209a7947a916d86aad> (дата обращения: 19.09.2022).

выми положениями⁴. Подтверждением данного подхода выступают исследования С. Б. Барсуковой: «неформальная экономика включает в себя разнородную экономическую деятельность, которая может вести или не вести к получению дохода, <...> может осуществляться в разных формах и масштабах. Однако то общее, что объединяет это качественное разнообразие и позволяет сводить к понятию „неформальная экономика“, состоит в дистанции подобной деятельности от государственного формального регулирования, учета и контроля» [Барсукова, 2004: 32]. Экономические субъекты неформальной экономики осуществляют легитимную, общественно одобряемую и полезную деятельность без нанесения прямого вреда людям и окружающей среде [Покида, Зыбуновская, 2021], их трудовая деятельность может не соответствовать правовым требованиям, но и не подпадать под предмет уголовного права⁵.

Однако до сих пор не разработана единая методика оценки неформальной занятости. Разнообразие применяемых прямых и косвенных методов ее измерения приводит к существенному разбросу результатов. Кроме того, не всегда удается достоверно определить масштаб проблемы, которая усугубляется еще и тем, что Россия не принимает регулярного участия в международных социологических исследованиях, служащих источниками для расчета Индекса теневой экономики. «Неформальная занятость как таковая Росстатом не отслеживается. <...> для ее оценки большинство исследователей пользуется статистикой занятости в неформальном секторе, не задумываясь о том, что неформальная занятость не идентична занятости в неформальном секторе» [Кубишин, 2021: 55].

На существенные различия между нелегальными и неформальными практиками обращали внимание А. Портес, М. Кастелс и Л. Бентон [Portes, Castells, Benton, 1989; Портес, 2003]. Государственный орган статистического учета определяет нелегальную экономическую деятельность как незаконную, отделяя ее от скрытой и неформальной⁶. При этом с последними двумя терминами связан ряд научных дискуссий, отсутствует четкое их разграничение и/или указание на их взаимозависимость. Более того, не тождественны понятия неформальной занятости и занятости в неформальном секторе, подробно рассмотренные Международной организацией труда (МОТ)⁷, Межгосударственным статистическим комитетом СНГ и Всемирным банком: «занятость в неформальной экономике касается двух родственных концепций, дополняющих друг друга, но представляющих два разных аспекта „неформализации“: занятость в неформальном секторе и неформальная занятость»⁸. В основе концепции первой лежит характеристика производствен-

⁴ Decent Work and the Informal Economy. Report VI. International Labour Office. Geneva, 2002. URL: <https://www.ilo.org/public/english/standards/relm/ilc/ilc90/pdf/rep-vi.pdf> (дата обращения: 24.06.2023).

⁵ Измерение занятости в неформальной экономике: Рекомендации по применению в статистической практике методологических положений по измерению неформальной занятости и занятости в неформальном секторе // Статкомитет СНГ и Всемирный Банк. 2018. URL: <http://new.cisstat.org/social-labour> (дата обращения: 24.06.2023).

⁶ Понятие скрытой и неформальной экономической деятельности / Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d010/i010020r.htm (дата обращения: 24.06.2023).

⁷ Доклад МКТ. 90-я сессия. Достойный труд и неформальная экономика: пункт 6 повестки дня. Женева, 2002. 167 с. URL: <https://e-catalog.nlb.by/Record/BY-NLB-br413227> (дата обращения: 24.06.2023).

⁸ Измерение занятости в неформальной экономике: Рекомендации по применению в статистической практике методологических положений по измерению неформальной занятости и занятости в неформальном секторе / Статкомитет СНГ и Всемирный Банк. 2018. URL: <http://new.cisstat.org/social-labour> (дата обращения: 24.06.2023).

ной единицы, второй — характеристика рабочих мест (а не конкретных работников, так как одно лицо может одновременно работать на двух и более формальных и/или неформальных рабочих местах); при этом практически все категории занятости в неформальном секторе также классифицируются как неформальная занятость. В соответствии с рекомендациями 17-й Международной конференции статистиков труда (МКСТ), неформальная занятость определяется в ракурсе общей численности неформальных рабочих мест предприятий формального сектора, неформального сектора и домашних хозяйств в течение периода обследования⁹.

Приведенные аргументы по несоответствию данных, предоставляемых официальными органами учета, реальному положению дел актуализируют назревшую потребность в корректировке применяемой методики измерения занятости в неформальном секторе для измерения масштабов неформальной экономики.

Подбирая исходные данные для расчета Индекса теневой экономики и определения масштабов неформальной занятости, авторы опирались на принцип достижения наибольшего сходства формулировок вопросов социологического опроса с оригинальной методикой Путниньша — Сауки, адаптируя ее к современным российским условиям.

Теоретический обзор

Измерение теневой, скрытой, неформальной занятости является сложной задачей, решению которой посвятили свои работы ученые-социологи и экономисты С. Ю. Барсукова [Барсукова, 2003], Т. И. Заславская и М. А. Шабанова [Заславская, Шабанова, 2004], Е. С. Кубишин [Кубишин, 2021], А. Ю. Чепуренко [Чепуренко, 2022] и др. Отсутствие конкретного решения объясняется неучитываемым характером и недостаточно выраженными границами, тогда как большинство обобщений, по мнению Л. М. Капица, «представляют собой экстраполяции результатов отдельных целевых исследований» [Капица, 2014: 76]. В настоящее время существует огромное многообразие прямых и косвенных методов аналитической оценки ненаблюдаемого сегмента, каждый из которых «применим в определенных условиях и к сфере общественных отношений» [Косач, 2016] и позволяет получить приблизительную либо предположительную величину заданных параметров. Подчеркнем одноаспектность косвенных методов анализа отдельных компонентов потенциально скрытой экономики (балансового, монетарного, методов оценки занятости населения и др.), которые оценивают определенные факторы или явления на основании предположений и допущений широкого охвата индикаторов, не имеющих к ней непосредственного отношения. Достоверность информации снижается в силу громоздкости учета, погрешности расчетов и постоянно меняющейся методологии, ограничивающей возможность сопоставления данных, что подчеркивают А. Портес, С. Ю. Барсукова, А. Ю. Чепуренко, Д. Джайлс [Portes, Castells, Benton, 1989; Портес, 2003; Барсукова, 2003; Чепуренко, 2022; Giles, Tedds, Werkneh, 2002] и др. При этом прямым методам анализа ненаблюдаемого сектора экономики (анкетирование,

⁹ Guidelines Concerning a Statistical Definition of Informal Employment. *Report of the XVII International Conference of Labour Statisticians*. Geneva: 2003. P. 12—15. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--dgreports/--stat/documents/normativeinstrument/wcms_087622.pdf (дата обращения: 24.06.2023).

социологические опросы, глубинные интервью, наблюдение и др.), позволяющим получить более детальную, структурированную информацию с учетом многозначности роли человеческого фактора, присущ субъективный и ограниченный характер отношений участников выборки к эмпирическому исследованию [Medina, Schneider, 2018; Воловская, Плюснина, Русина, 2017], а результаты обследования в значительной степени зависят от объекта, объема и структуры выборки, а также времени проведения исследования.

Еще одним немаловажным фактором масштабирования нерегистрируемых сделок, с позиции Б. Торглер, С. Шальтеггер, М. Халла, С. Ицхаки [Torgler, Schaltegger, 2005; Halla, 2012; Yitzhaki, 1974], выступает уровень налоговой морали в обществе: чем выше налоговая ответственность, тем ниже степень участия в серой экономике¹⁰. Налоговая мораль обуславливает отношение экономических субъектов к государству: в случае недоверия населения к власти снижается уровень мотивации к исполнению налоговых обязательств, усиливающийся особенностями налогового менталитета [Phillips, 2014]. Расширению границ ненаблюдаемой экономики также способствует и неудовлетворенность реализуемой государственной политикой (законодательством), что получило подтверждение в исследованиях [Torgler, 2003; Marien, Hooghe, 2011 и др.].

Поскольку ни один из существующих методов не является универсальным и признанным научным сообществом, не имеет целостного и глобального практического применения, в неизменном виде не позволяет всеобъемлюще и безусловно определить фактический масштаб ненаблюдаемого сегмента рынка труда, ученые проявляют все больший интерес к методике Путниньша — Сауки [Putniņš, Sauka, 2015], предполагающей посредством расчета «Индекса теневой экономики»¹¹ определение в том числе границ неформализованной занятости и выявление факторов, влияющих на вовлеченность в нее экономических субъектов. Аналитическую основу методики составляют сведения, полученные непосредственно в результате социологического опроса (анкетирования) менеджеров высшего звена, владеющих информацией о сокрытии видов или участков экономической деятельности при их непосредственном или неявном участии. В отличие от косвенных методов, подобный подход позволяет сократить количество предположений и «подстроиться» под изменяющиеся условия, что делает его более «полезным инструментом для оценки эффективности политики, направленной на минимизацию масштабов» [Путниньш, Саука, 2020: 7] серой экономики в благоприятный период развития «подпольного» сектора — ограничительных мер пандемии и усиливающейся санкционной нагрузки.

Очевидно, что в неформальном / скрытом / ненаблюдаемом / сером секторе экономики трудятся специалисты, определение численности которых выступает важной исследовательской задачей. Согласно положениям резолюции 15-й МКСТ, к лицам, занятым в неформальном секторе, относятся занятые в учетном перио-

¹⁰ Под налоговой моралью как степенью осознанного морального долга по уплате обязательных налогов (сборов, страховых взносов) понимаем индивидуальное отношение экономического субъекта к исполнению налоговых обязательств как социально значимому действию и в целом к налоговым преступлениям как девиантному поведению.

¹¹ Предлагаем название показателя «Индекс теневой экономики» в методике Т. Путниньша и А. Сауки интерпретировать как «Индекс неформальной экономики» для конкретизации сущности измеряемых показателей.

де хотя бы на одном предприятии неформального сектора независимо от статуса сотрудников и от характера выполняемой ими работы (основной или дополнительной). Иными словами, при интерпретации занятости в неформальном секторе акцент делается на нахождении рабочих мест именно на предприятиях неформального сектора, что доказывает целесообразность правильного и точного определения соответствующих единиц учета (выборки). Так, согласно методике Росстата¹², к занятым в неформальном секторе относятся: граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица или на индивидуальной основе, независимо от того, имеют или не имеют они государственную регистрацию в качестве предпринимателя (статус субъекта МСП); лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей (ИП) и физических лиц; помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; работающие на индивидуальной основе, без регистрации в качестве ИП; занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена.

Методологические подходы к измерению неформальной занятости заложены в положениях 15-й, 17-й, 19-й МКСТ (1993, 2003, 2013). Не приводя их в тексте статьи полностью, остановимся на ряде противоречий в части определения участников неформального сектора, с одной стороны, как самостоятельной концепции, с другой — как составного элемента неформальной занятости в целом¹³:

- такой критерий, как «низкий уровень организации и малый масштаб деятельности», утрачивает свое значение в силу ведения ФНС России Единого реестра субъектов МСП, предоставления им специальных налоговых режимов и преференций, требований минимальных объемов государственных закупок у субъектов малого предпринимательства и др.;
- критерий «организация производственной деятельности владельцами бизнеса на свой риск и личная без ограничений ответственность по любым обязательствам, связанным с производственным процессом» также подлежит критическому переосмыслению в свете активной работы государства в направлении официального вывода из тени предпринимателей и самозанятых, отвечающих по своим обязательствам всем принадлежащим имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание;
- неоправданным сегодня выглядит и критерий «осуществление предпринимательской деятельности отдельными лицами или с привлечением одного или нескольких оплачиваемых работников», поскольку индивидуальное предпринимательство подлежит регистрации в установленном порядке в соответствии с Гражданским кодексом РФ: гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве ИП;

¹² Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 88. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 24.06.2023).

¹³ Официальная статистическая методология / Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d030/i030150r.htm (дата обращения: 21.09.2022).

- сомнительной представляется формулировка «отсутствие доступа (или малый доступ) к кредитным учреждениям, современной технологии, профессиональному обучению и др.» в части несоответствия реалиям активного дистанцирования, интеграционных процессов разного типа, глубокого проникновения электронных технологий в обществе, политике и экономике. Так, МОТ уже разграничивает понятия «работа в удаленном режиме», «работа с помощью дистанционного доступа», «надомная работа» и «работа из дома»¹⁴.

Анализ теоретических положений исследуемого явления приводит к выводу, что неформальная экономическая деятельность является частью скрытой легальной / серой экономики (серая как сегмент теневой экономики включает легальную финансово-хозяйственную деятельность с элементами нарушения налогового, трудового, гражданского законодательства, в отличие от криминальной как изначально противоправной деятельности [Капица, 2014]), следовательно, обоснованно относить абсолютно всех ИП и самозанятых к числу субъектов, осуществляющих деятельность, специально или непреднамеренно скрываемую / занижаемую с целью уклонения от уплаты налогов и социальных взносов, выполнения определенных административных обязанностей или предписаний по охране труда, санитарных и других норм. Возникает вопрос не только к правомерности определения единиц неформального сектора отсутствием государственной регистрации в качестве юридического лица и включения в категорию занятых в неформальном секторе 1) ИП, 2) лиц, официально работающих по найму у них, и 3) лиц, имеющих официальный статус самозанятых, но и к способу обследования неформального сектора — охвату выборки, ее достоверности, методам опроса, составу первичных данных, правильности интерпретации, неоднозначности содержания и всеохватывающему характеру пунктов анкетирования населения по проблемам занятости в целом, не позволяющим достоверно оценить масштаб неформального сектора рынка труда и не учитывающим отношение самих ИП и самозанятых к проблеме обособления законопослушных экономических субъектов. МКСТ неоднократно рекомендовали рассматривать сами единицы неформального сектора и их собственников в качестве единиц наблюдения и единиц учета, однако в российской практике такое предложение не было реализовано. Данные аргументы обусловили исследовательский интерес к проблеме пересмотра существующей методологии измерения масштабов занятости в неформальном секторе.

Методология

Изучение состояния ненаблюдаемого сегмента рынка труда через масштабированность занятости в неформальном секторе (с учетом отсутствия официальных данных о неформальной занятости и принятых государственными органами методик ее учета) в переломный период развития российской экономики 2020—2022 гг. требует определения Индекса неформализации основного сегмента рыночной экономики МСП России (далее — Индекс неформальной экономики)

¹⁴ Новые формы занятости и качество занятости: последствия для официальной статистики. Серия рабочих документов ЕЭК ООН по статистике. 2021. Вып. 8. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-06/New_forms_of_employment_RUS.pdf (дата обращения: 24.06.2023); 20-я МКСТ. Важнейшая конференция под эгидой МОТ выработала стандарты оценки новых и скрытых форм труда. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_647828/lang-ru/index.htm (дата обращения: 24.06.2023).

по методике Путниньша — Сауки, скорректированной с учетом специфического влияния шоковых условий в годы противозидемиологических ограничений и постковидного восстановления, осложненного санкционной нагрузкой и накапливающимся политическим противостоянием.

Адаптируя методику Путниньша — Сауки¹⁵ под исследовательские задачи, мы посчитали правомерной ее модификацию в части 1) интерпретации показателя «Индекс теневой экономики» с уточнением его названия как «Индекс неформальной экономики», 2) введения дополнительных пунктов в стандартный перечень опросной анкеты Путниньша — Сауки [Putniņš, Sauka, 2015; Путниньш, Саука, 2020] с соблюдением правил обследования и сбора информации:

- раздел «Внешние факторы влияния» дополнен положениями по оценке: 1) удовлетворенности реализацией, содержательностью, доступностью господдержки бизнеса и предпринимательства в шоковый период ограничительных мер пандемии, постковидного восстановления и санкционной нагрузки; 2) удовлетворенности уровнем содействия уполномоченных должностных лиц в решении возникающих вопросов в отрасли с целью администрирования в интересах экономических субъектов; 3) удовлетворенности работой ФНС, ПФР и отраслевых ведомств (ФАС, ФТС, Минтранс и др.); 4) уровня межведомственного взаимодействия в отрасли;
- раздел «Неформальный бизнес» расширен авторскими положениями по оценке: 1) степени сокрытия / фальсификации сведений в отрасли с целью получения необоснованной специализированной «ковидной» господдержки; 2) степени выявленных правонарушений (сумм сокрытия) с целью получения необоснованной специализированной «ковидной» господдержки (любой поддержки шокового периода) в организациях отрасли; 3) процента прекративших деятельность субъектов МСП в отрасли вследствие проведенных государством ковидных мероприятий разнонаправленного характера;
- раздел «Характеристика единиц учета» включил дополнения в части оценки уровня региональных условий, в том числе региональной поддержки ведения бизнеса в отрасли;
- в раздел «Деловой климат в отрасли» добавлены вопросы, оценивающие способность организаций отрасли влиять на рост региональной экономики и развитие региона в целом, а также определение возможности достижения совместных целей.

Выдержана и гарантирована полная конфиденциальность респондентов; принят во внимание косвенный характер провокационных вопросов, в том числе связанных с проблемой преднамеренного предоставления в государственные органы недостоверных сведений; увеличена степень остроты и чувствительности вопросов для исключения противоречивости ответов [Gerxhani, 2007; Hanousek, Palda, 2004]. Чтобы снизить риск недооценки масштабов явления в результате получения фальсифицированных данных или нежелания респондентов сотрудничать в связи с деликатным характером тематики, отобраны ответы участников, соддержательно непротиворечащие друг другу.

¹⁵ Не приводим в статье полный текст методики Путниньша — Сауки, полагая, что заинтересованные читатели ознакомятся с ней самостоятельно.

Расчет модифицированного Индекса неформальной экономики¹⁶ с применением метода Путниньша — Сауки проводился в три этапа.

Первый этап включал обработку ответов на вопросы анкеты с целью оценки степени сокрытия / занижения сведений о корпоративных доходах субъектов МСП ($UR_i^{CorporateIncome}$) и доли неучтенных заработных плат работников ($UR_i^{EmployeeRemuneration}$). Последний показатель учитывал сведения о приватно выплачиваемых сотрудникам вознаграждениях при наличии трудового договора (соглашения) — «заработных платах в конвертах» ($UR_i^{Salaries}$) — и количестве неофициально трудоустроенных с допущением равенства размера их заработной платы размеру оплаты труда сотрудников, имеющих легитимные трудовые отношения с работодателем ($UR_i^{Employees}$):

$$UR_i^{EmployeeRemuneration} = 1 - (1 - UR_i^{Salaries})(1 - UR_i^{Employees}) \quad (1).$$

На втором этапе рассчитана неучтенная доля доходов предпринимателей как средневзвешенная сумма занижения личного и корпоративного доходов, отражающая не только долю названных показателей в структуре ВВП (α_c), но и дополнительно введенное нами отношение средней заработной платы по данным Росстата к сумме средней налогооблагаемой заработной платы по оценке ФНС (f_c), позволяющее учесть необоснованное расхождение в статистическом учете:

$$UnobservableProportion_i = (\alpha_c UR_i^{EmployeeRemuneration} + (1 - \alpha_c) UR_i^{CorporateIncome}) f_c \quad (2).$$

На третьем этапе определен Индекс неформальной экономики путем расчета средневзвешенного значения, относящегося к скрытой деятельности предпринимателя:

$$INDEX_c^{InformalEconomy} = \sum_{i=1}^{N_c} (w_i + g_c) UnobservableProportion_i \quad (3),$$

где w_i — относительный вклад каждого субъекта МСП в ВВП России¹⁷, аппроксимируемый с использованием показателя относительной суммы выплачиваемой им заработной платы;

g_c — относительный показатель, отражающий долю в ВВП России¹⁸ объема оцениваемых в денежном эквиваленте выявленных правонарушений с целью получения необоснованной специализированной «ковидной» государственной поддержки / любой поддержки шокового периода¹⁹.

Базовыми компонентами Индекса неформальной экономики являются а) заниженные сведения о корпоративных доходах субъектов МСП, б) фальсифицированные / скрытые данные о суммах официально выплачиваемой заработной платы и иных вознаграждениях работникам, в) утаенная информация о численности фактически работающих сотрудников, то есть не состоящих в легальных трудовых отношениях с субъектами МСП (согласно применяемой Росстатом методике, это

¹⁶ Индекс измеряется в процентах ВВП и определяется на базе показателей дохода как суммы общей заработной платы работников и валового корпоративного дохода субъектов МСП. Показатель характеризует исключительно серую экономическую деятельность в частном секторе и не включает аспекты криминальной экономики.

¹⁷ При расчетах применяются положения Методики расчета показателя «Доля малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321029/ (дата обращения: 24.06.2023).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Дополнительно введен авторами.

неформальные рабочие места на предприятиях неформального сектора). Однако полученные нами результаты опроса, представленные ниже, продемонстрировали необоснованное включение в расчет занятости в неформальном секторе неформальных рабочих мест предприятий формального сегмента.

Результаты

Опрос бизнесменов и предпринимателей²⁰ по методике Путниньша — Сауки, с учетом введенных нами корректив, проводился в период с января по июнь 2022 г. с целью оценки ненаблюдаемого сегмента МСП в течение последних трех лет с учетом социально-психологических установок, характеризующих «нормы правового и экономического сознания, ценностные ориентации, мотивы поведения» [Покида, Зыбуновская, 2021: 62]. В ходе исследования проведен социологический опрос 2854 предпринимателей и топ-менеджеров МСП Ставропольского, Краснодарского краев, Астраханской, Волгоградской, Ростовской, Саратовской областей, в том числе 357 индивидуальных формализованных очных интервью с владельцами бизнеса и менеджерами высшего звена и 2497 онлайн-опроса. При построении стратифицированной выборки использована процедура простого случайного отбора (SRS).

Динамика изменения масштабов неформальной экономики в России за период 2017—2022 гг., рассчитанная по методике Путниньша — Сауки (Индекс неформальной экономики в России), варьируется от 44,6% ВВП до 51,9% ВВП²¹: 2017 г. — 45,8%; 2018 г. — 44,7%; 2019 г. — 44,6%; 2020 г. — 51,9%; 2021 г. — 48,4%; 2022 г. — 47,9%. Причин резкого роста уровня ненаблюдаемой экономики в 2020 г. несколько: 1) в исследовании 2017—2019 гг. не конкретизирована и не сегментирована выборка экономических субъектов, в нее могли войти представители крупного бизнеса, составив основную долю опрошиваемых; 2) охват авторского обследования для определения Индекса в 2020—2022 гг. значительно шире по сравнению с числом респондентов применяемой методологии 2017—2019 гг.: 2854 против 500 опрошенных; 3) негативное влияние ограничительных мер, связанных с пандемией, побудивших субъекты МСП прибегнуть к сокрытию части доходов с целью сохранения клиентской базы, минимизации разрыва между выручкой и расходами и пр. Полагаем, что статистические данные, характеризующие теневую экономику в России (с учетом отсутствия четкой методологии определения ее границ)²², занижены и противоречат результатам опросов общественного мнения, полученным в ходе определения Индекса неформальной экономики, равно как и косвенным методом скрытых переменных [Putniņš, Sauka, 2015], что позволяет считать их скорее нижней границей масштабов ненаблюдаемого сектора, а не безоговорочным объективным ориентиром для оценки и принятия управленческих решений.

²⁰ Для определения респондентов использован метод стратифицированной случайной выборки из Единого реестра субъектов МСП (URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 23.06.2023)): исследованием охвачены более половины административно-территориальных единиц (субъектов РФ) всех федеральных округов.

²¹ Показатель Индекса теневой экономики 2017—2019 гг. представлен в исследованиях Т. Путниньша и А. Сауки, за 2020—2022 гг. и определен нами в ходе проведенного исследования.

²² Официальная статистическая методология / Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d030/i030150r.htm (дата обращения: 21.09.2022); Государственная статистика ведомств. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 19.10.2022) и др.

Согласно результатам исследования, более 70% объема неформальной экономики обусловлено фальсификацией сведений о выплачиваемой заработной плате (иных вознаграждениях) и сокрытием численности реальных работников, при этом последний показатель преобладает над первым и продолжает возрастать. Выявлены следующие значения трех базовых составляющих неформальной экономики в России: предоставление неполных / фальсифицированных сведений о численности работников: 2020 г. — 39,3%; 2021 г. — 41,1%; 2022 г. — 41,3%; выплачиваемой заработной плате: 2020 г. — 32,2%; 2021 г. — 31,8%; 2022 г. — 31,7%; корпоративных доходах субъектов МСП: 2020 г. — 28,5%; 2021 г. — 27,1%; 2022 г. — 27,0%.

Неформальный характер трудовых отношений поощряется согласием самих работников и зачастую инициируется с их стороны с учетом ежегодного повышения общего уровня их цифровой грамотности и роста степени доступности специализированной информации в понятном виде (основные причины: недостаток рабочих мест с достойной зарплатой на формальном рынке труда, наличие свободного / гибкого графика работы, увеличение доходов путем уклонения от уплаты налогов, сокрытие доходов для получения социальных льгот / выплат, сложности в поиске работы из-за ограничений здоровья / возраста / образования / регистрации и др. [Покида, Зыбуновская, 2021]). Показатели 2020 г. структурно отражают наименее благоприятный период развития «подпольного» сектора в сфере трудовых отношений на фоне жестких ограничительных мер и «блокировки» предпринимательской деятельности без освобождения от исполнения обязательных отчислений и выплат. Все же имеют место случаи умышленного сокрытия / фальсификации сведений о численности работников и фондах оплаты труда, что позволяет работодателю существенно снизить размеры обязательных отчислений и налоговую нагрузку, избежать выплат в случае наступления временной нетрудоспособности, нивелировав риск непредвиденных действий официально трудоустроенных сотрудников, а также выполнить требования соответствия критериям субъектов МСП для применения предусмотренных специальных условий (налоговых режимов, упрощенной системы бухгалтерского учета, сокращения количества плановых проверок и др.).

Результаты исследования свидетельствуют, что наиболее высокая степень сокрытия информации приходится на ковидный 2020 г. (см. табл. 1), при этом в период постпандемийного восстановления при снижении степени государственного вмешательства на рынке уменьшилось и количество респондентов, указавших в анкетах на сокрытие / фальсификацию сведений в отчетном периоде (в 2022 г. зафиксировано более половины таких опрошенных, что подтверждает приведенный выше тезис о необходимости корректировки методологии, применяемой Росстатом).

Таблица 1. Сведения о занижении размера доходов от предпринимательской деятельности, числа работников и сумм заработной платы в России, % от соответствующих фактических значений

Составляющие неформальной экономики	2020	2021	2022
Фальсифицированные сведения о численности работников	48,6	44,3	43,2
Заработная плата «в конверте»	39,2	36,1	35,4
Фальсифицированные сведения о размере корпоративных доходов субъектов МСП	32,5	30,4	30,0

Источник: составлено авторами.

Следующий этап исследования, посвященный анализу причин «общественно принимаемой» теневизации экономической деятельности с позиции отношения субъектов МСП к девиантному поведению, налоговой морали, восприятия вероятности разоблачения серых схем, удовлетворенности государственной политикой и действиями уполномоченных ведомств (структур власти), уровня осознания принадлежности к социальному сообществу и влияния институциональной среды, позволил получить следующие результаты. Так, согласно опросу, в России в ненаблюдаемый сектор в 2020—2022 гг. в той или иной степени были вовлечены экономические субъекты абсолютно всех отраслей: неформальный сектор не относится к числу феноменов, прослеживаемых преимущественно у экономических субъектов, отличающихся малым масштабом деятельности и низким уровнем организации. Доля субъектов МСП с численностью более 50 работников, вовлеченных в неформальную экономику, за три года повысилась с 35,2% до 38,6%, а с численностью менее 15 сотрудников снизилась с 31,0% до 26,5%. «Возраст» единицы учета и размер экономического субъекта не являются определяющими параметрами причисления к неформальному сектору: независимо от размера, времени регистрации, продолжительности функционирования на рынке, субъекты МСП в равной степени скрывают элементы хозяйственной деятельности с целью «оптимизации» расходов, укрепления позиций в отрасли, сохранения клиентской базы и поддержания конкурентоспособности.

Среди факторов, способствующих принятию решения об участии в серых схемах и уклонении от уплаты налоговых (иных обязательных) отчислений, триггером в пользу выбора решения о совершении противоправных уголовно не преследуемых действий выступает преобладание ожидаемых выгод над негативными последствиями в случае разоблачения [Yitzhaki, 1974]. В соответствии с результатами опроса, пятая часть респондентов высоко оценивают риск разоблачения фальсификации сведений, понимая рост масштабов вовлеченности экономических субъектов в теневизацию легальной хозяйственной деятельности. Подчеркнем, что в целом в России фиксируются высокие показатели, указывающие на серьезную проблему взяточничества (коррупции), на чем акцентируется внимание в Указе Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»²³. Абсолютная уверенность в состоятельности сделки коррупционного характера обосновывается бюрократизмом и заинтересованностью сторон.

Вместе с тем более половины опрошенных уверены в низкой вероятности обнаружения преднамеренного предоставления недостоверных сведений о численности работников и суммах выплачиваемой заработной платы (иных вознаграждений), полагаясь на недоказанность фактов и наличие потенциально возможных вариантов «обходных путей» решения деликатных вопросов. Так, распределение ответов респондентов по наиболее вероятным последствиям обнаружения преднамеренной фальсификации сведений для субъектов МСП определены следующим образом:

- прекращение деятельности — 3,4%;
- серьезный штраф, риск банкротства/неплатежеспособности — 12,2%;

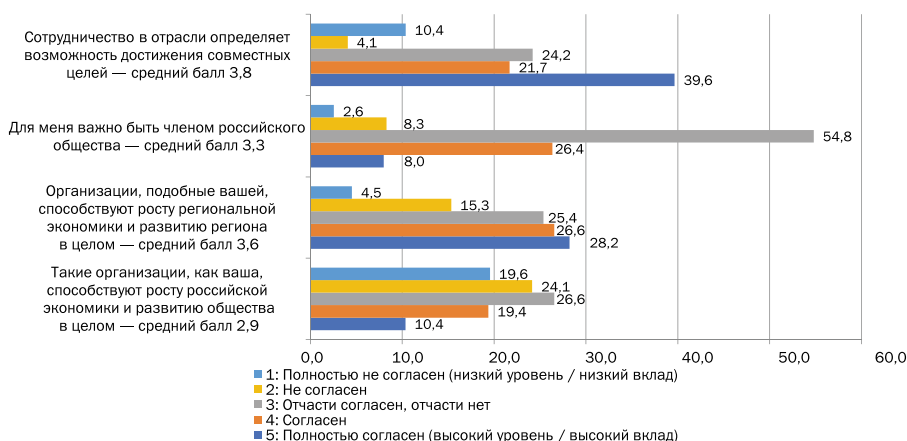
²³ Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 24.06.2023).

- серьезный штраф, влияющий на конкурентоспособность — 23,4%;
- посильный штраф — 38,2%;
- несерьезное наказание — 22,8%.

В ходе исследования выявлено отношение субъектов МСП к оправданию мошенничества с налогами и обязательными отчислениями и оценена степень их терпимости к вовлеченности в неформальную экономику. Так, результаты указывают на невысокий уровень налоговой морали²⁴: в среднем значение варьируется от 2,5 (взятничество и уклонение от исполнения налоговых обязательств — поволиительный образ действий) до 3,0 (мошенничество с налогами и отчислениями, если возникает возможность — всегда оправданно) баллов по шкале Лайкерта. Более того, преднамеренное уклонение от исполнения налоговых обязательств отечественным деловым сообществом не воспринимается как девиантное поведение. К взяточничеству представители МСП относятся довольно терпимо: лояльное восприятие как допустимого и нормального явления для нашей страны подобных действий в 2022 г. зафиксировано у 67,5% респондентов (в 1,74 раза больше аналогичного показателя 2018 г., заявленного Т. Путиньшем и А. Саукой).

Важное значение в становлении налоговой морали имеет выраженный уровень осознания экономическими субъектами их принадлежности к социальной группе (сообществу) [Heinemann, 2011; Konrad, Qari, 2012], для определения которого в опрос включены дополнительные положения, позволяющие оценить общее восприятие респондентами своего места в региональной экономике и деловой климат в отрасли. Согласно полученным результатам (см. рис. 1), российские предприниматели в среднем не отличаются высоким уровнем осознания своей принадлежности к сообществу, отмечая незначительный вклад с их стороны в экономический рост страны, в то же время оценка их роли в развитии региона значительно выше.

Рис. 1. Ощущение принадлежности к российскому обществу и восприятие вклада в рост экономики и развитие общества в целом: распределение ответов респондентов, %

Источник: составлено авторами.

²⁴ Налоговая мораль в период шоковых событий оценена как средние значения полученных ответов: полное согласие респондента оценивалось в 1 балл (самая низкая граница налоговой морали); полное несогласие — 5 баллов (наивысший уровень налоговой морали).

Поскольку анкета Путниньша — Сауки предусматривает вопросы, определяющие отношение менеджеров высшего звена только к налогообложению, мы модифицировали ее с учетом удовлетворенности а) работой ФНС, ПФР (с 2023 г. СФР) и отраслевых ведомств; б) содействием уполномоченных должностных лиц в решении возникающих вопросов и споров в интересах субъектов МСП; в) содействием, доступностью, реализацией государственной поддержки бизнеса в периоды вынужденных ограничительных мер, постковидного восстановления и санкционной нагрузки.

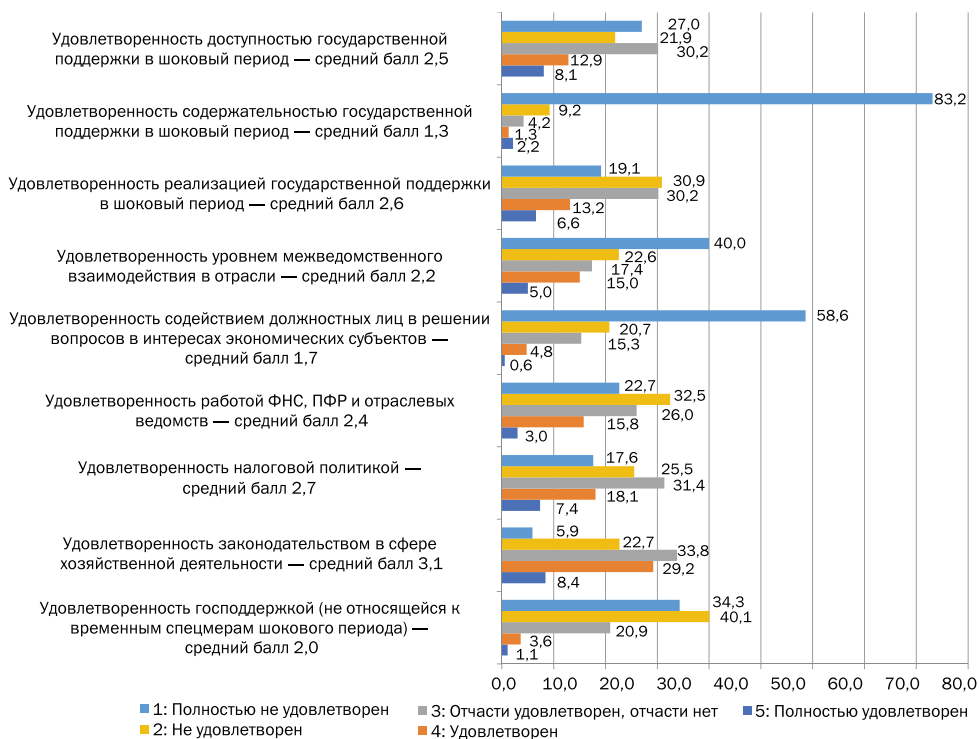
Так, согласно результатам проведенного исследования (см. рис. 2), представители российского предпринимательства в целом не удовлетворены государственной поддержкой (средний балл по шкале Лайкерта составляет 2,0), при этом их абсолютно не устраивает содержательность государственной спецподдержки в шоковый период: ответы сопровождаются многочисленными комментариями о нецелесообразности большинства финансируемых мероприятий, которые не проводятся / недоступны / бессмысленны). По мнению респондентов, результативность такой поддержки низкая, ее условия не нашли своевременного доступного отражения через средства массовой коммуникации, равно как и на государственной цифровой платформе МСП.РФ²⁵, тестируемой с начала 2022 г.; процедуры оформления требовали большого массива документов в ограниченный промежуток времени, а принятие решений умышленно и безосновательно затягивалось. Активное государственное вмешательство, по мнению опрошенных, вынудило прекратить деятельность в среднем около пятой части организаций, а с учетом разнонаправленного характера принимаемых мер в большей степени способствовало искажению сведений с целью получения «ковидной» поддержки государства.

Вместе с тем экономическими субъектами на низком уровне (в среднем 1,7 балла) оценивается содействие должностных лиц в решении возникающих вопросов: наиболее популярные пояснения — бюрократизм, неуважительное отношение, обесценивание времени предпринимателя, превышение полномочий, отсутствие согласованных действий, низкий уровень доверия, переложение обязанностей, намеренное усложнение обязательных процедур, двойственная трактовка решений и др. Согласно общественному мнению, взаимодействие с позиции силы и власти преобладает над правом и интересами бизнеса, особенно на фоне продолжительного удаленного режима работы в отрыве от клиентов: сотрудники многих ведомств и подразделений до сих пор не практикуют полноценное взаимодействие в онлайн-режиме с учетом снятия всех противоэпидемиологических ограничений, отсутствует реальная возможность коммуникации по телефону, электронные системы работают с перебоями, в том числе не отражают актуальную информацию. При этом взятый курс на цифровизацию экономики и проактивный режим предоставления государственных и муниципальных услуг не реализуются на практике с заявленной эффективностью, что подтверждается низкой оценкой уровня межведомственного взаимодействия. Отмечаются несоответствие сведений, дублирование / потеря данных, сбои в работе программ, нежелание / высокая продолжительность межведомственного обмена, необоснованное назначение штрафов / проверок, размещение в личных кабинетах

²⁵ URL: <https://msp.rf/> (дата обращения: 24.06.2023).

вводящей в заблуждение информации и др.; доказательство невиновности, своевременности и правильности совершаемых действий перекладывается на плечи МСП, что, в свою очередь, создает лазейку для обходных мер и способствует процветанию серой экономики. Вместе с тем опрошенные подчеркивают перспективность дистанционного взаимодействия в векторе конструктивного снижения привлекательности теневых процессов и серых схем ведения бизнеса при условии реализации его потенциала в полной мере. Усугубляет положение и громоздкая российская законодательная база, отличающаяся догоняющим характером по принципу «ускоренного латания дыр», неоднозначностью трактовки норм права и непредсказуемостью изменений, поддерживающих социальную несправедливость и усиливающих нагрузку на экономические субъекты. Респонденты отрицательно отзываються о вынужденной непрекращающейся искусственной трансформации процессов хозяйственной деятельности с целью взаимодействия с государственными органами: регулярно меняющиеся формы отчетности с неизменной содержательностью, увеличение количества дублирующих информацию отчетов и запросов, создание новых ведомств, предъявление необоснованных требований к ведению бизнеса и др.

Рис. 2. Степень удовлетворенности²⁶ взаимодействием экономических субъектов с представителями власти и реализуемой государственной политикой в России: распределение ответов респондентов, %

Источник: составлено авторами.

²⁶ Представлены средние значения полученных ответов, оцененных по пятибалльной шкале Лайкерта: низкая степень удовлетворенности респондента оценивалась в 1 балл; наивысшая степень — 5 баллов.

Таким образом, терпимое отношение респондентов — представителей МСП к уклонению от исполнения налоговых обязательств и взяточничеству, российский менталитет, низкая степень удовлетворенности реализуемой государственной политикой и взаимодействием с представителями власти в шоковый период способствуют увеличению числа неформальных рабочих мест, не соответствующих критериям достойного труда, как в неформальном секторе, так и за его пределами, а также дальнейшей эскалации проблемы теневизации экономики в целом. Безусловно, выявленное общественное мнение полностью согласуется с выводами моделей рационального выбора: чем выше уровень осознания вероятности разоблачения сделок коррупционного характера / факта фальсификации сведений и суровость наказания, тем ниже заинтересованность экономических субъектов в неформальной деятельности и ниже вероятность проявления ими признаков делинквентного поведения — респонденты также подчеркивают особый интерес контролирующих органов к небольшим объемам финансово-хозяйственной деятельности, что позволяет быстро и примитивно проводить проверки (осмотры и ревизии), сравнительно просто выявлять правонарушения. Очевидно, что послабления со стороны контрольно-регулирующих органов (снижение контрольно-надзорной нагрузки, амнистия за совершенные правонарушения и др.) и иные антикризисные мероприятия государства не способствуют снижению уровня серой экономики в критические периоды (тезис подтверждается и в научных трудах Ф. Шнайдера [Schneider, 2012], Л. М. Капицы [Капица, 2014] и др.). Это указывает на необходимость изменения содержания и характера реализации комплекса специальных мер государственной поддержки с учетом адекватной оценки напряженных реалий.

Заключение

Предложенный теоретико-методологический подход заключается в уточнении границ неформальной занятости как социального явления за счет пересмотра позиции восприятия неформального сектора и его переоценки в части безусловного установления «производственных» единиц учета (выборки) в новых реалиях правовой основы ведения хозяйственно-экономической деятельности / трансформирующихся бизнес-моделей. Его применение предусматривало проведение социологического опроса предпринимателей и топ-менеджеров МСП и расчет модифицированного Индекса неформальной экономики, что позволило определить границы неформализованной занятости и выявить факторы, влияющие на вовлеченность в нее экономических субъектов. Создаваемые условия для представителей МСП, характер и уровень взаимодействия с властными структурами, реализуемые предпочтения, финансовая культура и налоговый менталитет российского общества — все это в целом определяет уровень неформальной активности экономических субъектов. В современном мире уже наблюдается тенденция к «обелению» деятельности субъектов МСП и готовность российского общества к формализации трудовых отношений.

Исследование общественного мнения представителей делового сообщества позволило выявить масштаб нерегистрируемой экономики в сегменте МСП, а также определить комплекс взаимообуславливающих факторов, влияющих на степень вовлеченности предпринимателей в нее. Обобщение мнений респондентов при-

вело к выводу о несоответствии официально применяемой методологии по измерению занятости в неформальном секторе экономики современным реалиям и назревшую объективную необходимость трансформации методики проведения исследования в предложенном авторами ракурсе. Данный аспект является также преградой для эффективного выполнения задачи 8.3 Целей устойчивого развития²⁷: содействовать проведению ориентированной на развитие политики, которая способствует производительной деятельности, созданию достойных рабочих мест, предпринимательству, творчеству и инновационной деятельности, и поощрять официальное признание и развитие микро-, малых и средних предприятий.

Обработка результатов анкетирования продемонстрировала ошибочное мнение об отнесении абсолютно всех самозанятых, ИП и работников, состоящих с ними в официальных трудовых отношениях, к единицам учета (выборки) неформального сектора. При этом рассмотренные факторы и обусловленные причины вовлеченности в неформальную экономику позволили выявить низкую результативность направлений государственной спецподдержки в шоковый период и определить эффективные рычаги государственного воздействия на масштабы серой экономики.

Полагаем, что качественное изменение отношения к субъектам МСП со стороны власти и предпринимаемые в интересах бизнеса меры будут способствовать сужению границ неформальной экономики, а реально отражающие положение дел статистические данные позволят объективно характеризовать состояние исследуемого сектора для принятия эффективных мер воздействия. Предложенная авторами методика по определению Индекса неформальной экономики на базе глубокого исследования общественного мнения позволит получать достоверные подлинные вторичные сведения, что обеспечит оперативность реагирования на возникающие проблемы и повысит надежность оценки потенциальных последствий принимаемых решений.

Вместе с тем в условиях отсутствия интенсивного сдерживающего государственного вмешательства на рынке, реализации разумной поддержки бизнеса и обеспечения условий для его развития интерес предпринимателей к уходу в неформальную экономику значительно снижается. Следует подчеркнуть, что полное искоренение неформальной занятости как социального явления на рынке труда невозможно, однако сокращение границ необходимо мотивировать не только с позиции административных (репрессивных) мер воздействия, ограничивающих свободу действий субъектов МСП, но и полномасштабной реализации превентивных процедур, внедрения экономических стимулов и иных привлекательных условий, назначаемых в том числе по результатам онлайн-взаимодействия в проактивном режиме (практической реализации комплекса налогового, финансового, социального, коммерческого и иного взаимодействия).

Список литературы (References)

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

²⁷ ООН. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/economic-growth/> (дата обращения: 24.06.2023).

Barsukova S. Yu. (2004) *Informal Economy: Economic and Sociological Analysis*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Барсукова С. Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 3—15. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-07/Barsukova_Neform.pdf (дата обращения: 23.06.2023).

Barsukova S. Yu. (2003) Formal and Informal Employment: Paradoxical Similarity Against the Backdrop of an Obvious Differences. *Sociological Studies*. No. 7. P. 3—15. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-07/Barsukova_Neform.pdf (accessed: 23.06.2023). (In Russ.)

Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В. Скрытые формы оплаты труда: специфические черты, вовлеченность, мотивация (на материалах исследований в Новосибирской области в 2008, 2010, 2015 гг.) // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 1. С. 25—36. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2017-1-1-18-26>.

Volovskaya N. M., Plyusnina L. K., Rusina A. V. (2017) Shadow Wages: Specific Features, Involvement Rates, Motivation (Based on Data Obtained in the Novosibirsk Region in 2008, 2010 and 2015). *Siberian Socium*. Vol. 1. No. 1. P. 25—36. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2017-1-1-18-26>. (In Russ.)

Заславская Т. И., Шабанова М. А. Неправовые трудовые отношения: реакция россиян // Человек и труд. 2004. № 4. С. 39—46.

Zaslavskaya T. I., Shabanova M. A. (2004) Illegal Labor Relations: The Reaction of the Russians. *Human and Labor*. No. 4. P. 39—46. (In Russ.)

Капица Л. М. Теневая глобализация // Вестник МГИМО. 2014. № 3. С. 69—81. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-3-36-69-81>.

Kapitsa L. M. (2014) Shadow Globalization. *MGIMO Review of International Relations*. No. 3. P. 69—81. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-3-36-69-81>. (In Russ.)

Косач О. Ф. Современные методы аналитической оценки теневой экономики и их совершенствование // Бухгалтерский учет и анализ. 2016. № 11. С. 37—41. URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/73113> (дата обращения: 23.06.2023).

Kosach O. F. (2016) Modern Methods of Analytical Assessment of the Shadow Economy and Their Improvement. *Accounting and Analysis*. No. 11. P. 37—41. URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/73113> (accessed: 23.06.2023). (In Russ.)

Кубишин Е. С. Неформальная занятость в России: влияние и уроки пандемии // Вопросы политической экономии. 2021. № 3. С. 53—69. URL: https://disk.yandex.ru/i/bmtmqHtufeH_Gg (дата обращения: 23.06.2023).

Kubishin E. S. (2021) Informal Employment in Russia: The Influence and Lessons of the Pandemic. *Problems in Political Economy*. No. 3. P. 53—69. URL: https://disk.yandex.ru/i/bmtmqHtufeH_Gg (accessed: 23.06.2023). (In Russ.)

Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика теневой занятости российского населения // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 60—87. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-60-87>.

Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. (2021) Dynamics of Shadow Employment of the Russian Population. *Economic Policy*. Vol. 16. No. 2. P. 60—87. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-60-87>. (In Russ.)

Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 34—53. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204955/ecsoc_t4_n5.pdf#page=34 (дата обращения: 23.06.2023).

Portes A. (2003) The Informal Economy and Its Paradoxes. *Economic Sociology*. Vol. 4. No. 5. P. 34—53. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204955/ecsoc_t4_n5.pdf#page=34 (accessed: 23.06.2023). (In Russ.)

Путниньш Т., Саука А. Индекс теневой экономики в России в 2017—2018 годах: сравнение с размером теневой экономики в Украине, Кыргызстане, Косово, Молдове, Румынии, Латвии, Литве, Эстонии и Польше // Отчет проекта SHADOW: Центр устойчивого бизнеса. 2020. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.14998.29761>.

Putniņš T., Sauka A. (2020) Shadow Economy Index in Russia in 2017—2018: Comparison with the Size of the Shadow Economy in Ukraine, Kyrgyzstan, Kosovo, Moldova, Romania, Latvia, Lithuania, Estonia and Poland. *Project SHADOW Report: Centre for Sustainable Business*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.14998.29761>. (In Russ.)

Чепуренко А. Ю., Бершадская М. Д. Как обеспечить стыковку социологического образования и рынка труда: кейс разработки профессионального стандарта социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 312—331. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2193>.

Chepurenko A. Yu., Bershadskaia M. D. (2022) How to ensure the connection of sociological education and the labor market: a case study of the development of a professional standard of a sociologist. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 4. P. 312—331. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2193>. (In Russ.)

Giles D., Tedds L. M., Werkneh G. (2002) The Canadian Underground and Measured Economies: Granger Causality Results. *Applied Economics*. Vol. 34. No. 18. P. 2347—2352. <https://doi.org/10.1080/00036840210148021>.

Halla M. (2012) Tax Morale and Compliance Behavior: First Evidence on a Causal Link. *The B. E. Journal of Economic Analysis and Policy*. Vol. 12. P. 1—27. <https://doi.org/10.1515/1935-1682.3165>.

Hanousek J., Palda F. (2004) Quality of Government Services and the Civic Duty to Pay Taxes in the Czech and Slovak Republics, and other Transition Countries. *Kyklos*. Vol. 57. P. 237—252. <https://doi.org/10.1111/j.0023-5962.2004.00252.x>.

Heinemann F. (2011) Economic Crisis and Morale. *European Journal of Law and Economics*. No. 32. P. 35—49. <https://doi.org/10.1007/s10657-010-9165-z>.

Konrad K. A., Qari S. (2012) The Last Refuge of a Scoundrel? Patriotism and Tax Compliance. *Economics*. Vol. 79. P. 516—533. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2011.00900.x>.

Marien S., Hooghe M. (2011) Does Political Trust Matter? An Empirical Investigation into the Relation Between Political Trust and Support for Law Compliance. *European*

Journal of Political Research. Vol. 50. P. 267—291. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2010.01930.x>.

Medina L., Schneider F. (2018) Shadow Economies Around the World: What Did We Learn over the Last 20 Years? *IMF Working Paper*. Vol. 2018. No. 017. <https://doi.org/10.5089/9781484338636.001>.

Phillips M. (2014). Deterrence vs. Gamesmanship: Taxpayer Response to Targeted Audits and Endogenous Detection. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 100. P. 81—98. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2014.01.018>.

Portes A., Castells M., Benton L. A. (1989) The Policy Implications of Informality. In: Portes A., Castells M., Benton L. A. *The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries*. Baltimore (Md): Johns Hopkins University Press. P. 298—311.

Putniņš T., Sauka A. (2015) Measuring the Shadow Economy Using Company Managers. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 43. P. 471—490. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.04.001>.

Schneider F. (2012) The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? *IZA Discussion Paper*. No. 6423. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2031951>.

Torgler B. (2003). Tax Morale, Rule-Governed Behavior and Trust. *Constitutional Political Economy*. Vol. 14. P. 119—140. <https://doi.org/10.1023/A:1023643622283>.

Torgler B., Schaltegger C. (2005) Tax Morale and Fiscal Policy. *CREMA Working Paper Series 2005—30, Center for Research in Economics, Management and the Arts (CREMA)*. No. 30. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/crawpaper/2005-30.htm> (accessed: 24.06.2023).

Yitzhaki S. (1974) A Note on Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis. *Journal of Public Economics*. Vol. 3. P. 201—202. [https://doi.org/10.1016/0047-2727\(74\)90037-1](https://doi.org/10.1016/0047-2727(74)90037-1).

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2253](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2253)

Н. А. Авдеенко

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТОВ В ШКОЛЕ: АНАЛИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ УЧИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ КРЕАТИВНОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Авдеенко Н. А. Имплементация обучения на основе проектов в школе: анализ высказываний учителей в контексте системной модели креативности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 239—258. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2253>.

For citation:

Avdeenko N. A. (2023) Implementation of Project-Based Learning at School: Analysis of Teachers' Comments in the Context of Systems Model of Creativity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 239–258. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2253>. (In Russ.)

Получено: 08.06.2022. Принято к публикации: 31.03.2023.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТОВ В ШКОЛЕ: АНАЛИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ УЧИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ КРЕАТИВНОСТИ

*АВДЕЕНКО Надежда Александровна — аналитик Лаборатории проектирования содержания образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nad-avdeenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3127-4499>*

Аннотация. Креативность — способность продуцировать оригинальные, новые идеи и решения — понимается рынком труда как важная компетенция. Сложности, связанные с развитием креативности в учебном процессе, в научной литературе рассматриваются через списки барьеров и условий, которые выявляются в ходе эмпирического исследования. Одной из возможных педагогических практик для формирования способности выдвигать и исследовать идеи является обучение при помощи проектов. В данной статье процессы, связанные с имплементацией такого обучения в школе, рассматриваются сквозь призму системной модели креативности М. Чиксентмихайи. На материале 15 фокус-групп со 144 учителями начальной школы и учителями-предметниками в шести школах Московской области исследуются роли, которые играют в процессе имплементации такие составляющие системной модели, как индивид (ученик), поле (учитель) и область культуры (содержание образования). Получившийся в итоге список факторов позволяет конкретизировать выделенные ранее препятствия: перегружен-

IMPLEMENTATION OF PROJECT-BASED LEARNING AT SCHOOL: ANALYSIS OF TEACHERS' COMMENTS IN THE CONTEXT OF SYSTEMS MODEL OF CREATIVITY

*Nadezhda A. AVDEENKO¹ — Analyst at the Laboratory for Curriculum Design, Institute of Education
E-MAIL: nad-avdeenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3127-4499>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Creativity, or the ability to produce original and novel ideas and solutions, is an important competence on the labor market, and it needs to be fostered starting from school. The difficulties associated with the development of creativity in the educational process are reviewed in the research literature through lists of barriers and enablers that are identified empirically. Project-based learning is one of the possible pedagogical practices for the formation of the ability to generate and explore ideas. In this article, the implementation of project-based learning at school is investigated through the prism of the Systems Model of Creativity by Csikszentmihalyi. The research focuses on such categories of the Systems Model as Individual (student), Field (teacher), Domain (curriculum). The role of these categories in the implementation process is explored using the data of 15 focus groups with teachers ($N=144$) from six schools of the Moscow region. The resulting list of factors specifies such previously identified obstacles as overloaded curriculum, students' poor knowledge base, and lack of necessary teachers' training. A systematic consideration of the conditions

ность учебной программы, отсутствие у учащихся необходимой базы знаний и умений, отсутствие необходимой квалификации у учителей. Системное рассмотрение условий для успешной имплементации проектов в школе может позволить в будущем предложить более эффективные способы поддержки этого процесса.

Ключевые слова: учителя, креативность, имплементация практики преподавания, учебные проекты, системная модель креативности

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928). Автор выражает признательность М. А. Пинской и А. М. Михайловой, а также анонимным рецензентам журнала за ценные замечания.

Введение

В различные списки компетентностей, необходимых человеку для успешности в современном мире [Добрякова, Фрумин, 2020], обычно включают креативность — способность порождать и разрабатывать инновационные для того или иного контекста идеи и решения [Sternberg, Lubart, 1999]. В России с сентября 2022 г. начал действовать новый образовательный стандарт основного общего образования¹, в котором среди метапредметных результатов перечислены и те, которые связаны с выдвижением нестандартных идей и дальнейшей работой с ними, например, формулирование гипотез и вопросов, выбор способа решения учебной задачи, формулирование обобщений и выводов. Международное сравнительное исследование PISA в 2022 г. впервые провело тестирование 15-летних учащихся разных стран в области креативного мышления [Framework for the Assessment..., 2021]. Формирование креативности становится обязательным требованием для образовательных институтов, в том числе для школы.

Успешность имплементации в учебный процесс практик, которые, согласно исследованиям, способствуют развитию креативности, часто обсуждается в научной

for successful implementation of project-based learning at school may offer more effective ways to support this process in the future.

Keywords: teachers, creativity, implementation of teaching practices, project-based learning, systems model of creativity

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928). The author is grateful to M. A. Pinskaya, A. M. Mikhailova, and to anonymous reviewers of the journal for valuable comments.

¹ Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 04.06.2022).

литературе [Kampylis, Berki, Saariluoma, 2009; Olivant, 2015; Mullet et al., 2016]. Барьеры и условия для такого внедрения обычно изучаются через исследование учительских и преподавательских представлений (убеждений, установок) при помощи анкет, интервью, фокус-групп. Периодически выходят системные обзоры этих исследований [Andiliou, Murphy, 2010; Bereczki, Kárpáti, 2018]. Среди препятствий для креативности в школе перечисляются отсутствие времени в плотном школьном расписании, перегруженность учебной программы и традиционные методы обучения, стандартизированные экзамены, отсутствие адекватных учебных материалов, отсутствие у учителей необходимой для этой цели квалификации, их общая перегруженность, сложности оценивания креативности. Среди условий, способствующих развитию креативности, — учебная программа, согласованная с этой задачей, использование информационно-коммуникационных технологий, благоприятная школьная культура, наличие у учащихся необходимой базы знаний и умений.

Изучение условий и барьеров для устойчивого использования практики, показавшей свою эффективность и/или считающейся экспертами перспективной для решения определенной задачи, — достаточно часто встречающийся в исследованиях имплементации ход. П. Нильсен [Nielsen, 2015] в обзоре теорий, рамок и моделей имплементации для области здравоохранения² выделяет отдельную подгруппу рамок, описывающих факторы успешности имплементации (determinant frameworks). Он разводит внутри нее рамки, фиксирующие отдельные барьеры, и рамки, содержащие попытку рассмотреть контекст, в котором происходит внедрение, как холистическую систему, где все части взаимосвязаны. По мнению автора, последние более перспективны, поскольку учитывают сложные отношения, возникающие между разными факторами.

Списки барьеров и условий для развития креативности в образовании основаны скорее на полученных данных, чем на какой-либо теоретической модели. В разного рода группы они объединяются в теоретических обзорах. Поэтому продуктивной представляется попытка использовать модель, позволяющую посмотреть на контекст, в котором проводится имплементация, как на систему. Изучение вопроса имплементации практики, способствующей развитию креативности, сквозь призму данных теоретических моделей может придать исследованию более комплексный характер, чем одно только номенклатурное перечисление подходящих и неподходящих условий для внедрения.

В данном исследовании мы будем использовать для этой цели системную модель креативности М. Чиксентмихайи. Поскольку автор модели проработал ее для описания креативности выдающихся людей, а для креативности школьников только наметил, мы уделим внимание и ее первоначальному варианту.

М. Чиксентмихайи долгое время занимался изучением креативности выдающихся людей. По его мнению, креативность возникает в связях системы, состоящей из трех частей: определенной области человеческой культуры («домена»), поля экспертов («привратников» у ворот домена) и собственно индивида

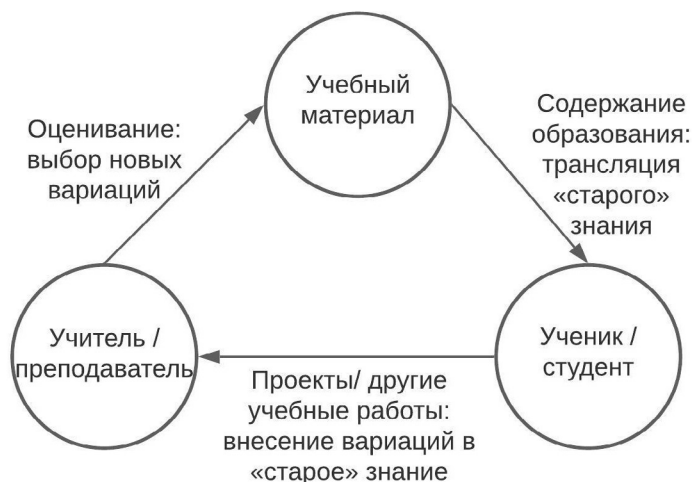
² Поскольку изучение имплементации практики как тематическое поле особенно популярно в исследованиях здравоохранения, то наиболее серьезная методологическая рефлексия подходов, используемых для выделения и классификации барьеров и условий, встречается также в этом поле.

[Csikszentmihalyi, 2014]. Креативность возникает, когда индивид, работающий с определенной областью человеческой культуры, придумывает новую идею, и поле опознает данную идею как ценную для того, чтобы она была усвоена областью.

Чиксентмихайи на основе проведения многочисленных интервью с выдающимися людьми [Чиксентмихайи, 2017] подробно описывает факторы, влияющие на судьбу креативной идеи в рамках системной модели. В других работах Чиксентмихайи и соавторы заявляют, что системная модель креативности релевантна и для школьного образования — но с существенными оговорками [Csikszentmihalyi, Wolfe, 2014]. По их мысли, школа как институт ориентируется на репликацию знания, а не на то, чтобы поощрять новые интересные идеи. Однако хорошие учителя внимательны к демонстрации оригинального мышления у учеников, и небольшие проявления креативности в школе все же возможны.

Системная модель, актуальная для школьного класса, содержит те же три компонента (индивид, поле, домен). Под индивидом понимается ученик, под «полем» — учителя, способные или неспособные опознать в ученических идеях проявления креативности, под «доменом» — учебный материал, учебное содержание, которое может как содержать в себе потенциал для проявления креативности, так и не содержать его.

Рис. 1. Системная модель креативности применительно к образованию

Системная модель Чиксентмихайи применялась при рассмотрении барьеров и условий для формирования креативности в образовании по крайней мере в двух исследованиях. В одном из них [Chien, Hui, 2010] при помощи опросников и интервью проверялось, насколько хорошо учителя из Шанхая, Гонконга и Тайваня опознают барьеры со стороны каждого из узлов системной модели. Выяснено, что учителя в Шанхае видят барьеры со стороны «индивида» (учащегося) и «поля» (ограничения в собственной квалификации, ограничения со стороны админист-

рации — насколько инновационные практики обучения она поощряет), но не считают влиятельными барьеры со стороны «домена» (содержания обучения). Учителя же в Гонконге и Тайване в целом видят больше ограничений со стороны всех трех узлов, чем учителя в Шанхае. В другой работе [Barker, McDonald, 2021] рассказывается о проектировании в Университете Ньюкасла программы обучения PR-специалистов на основе системной модели Чиксентмихайи. Также приводятся результаты 15 интервью с преподавателями, которые в качестве барьеров выделяют напряженное отношение студентов к заданиям, направленным на проявление оригинальности, и их установку относительно того, что PR — не та профессия, в которой нужно проявлять оригинальность. Стоит отметить, что в этом случае выделение барьеров не привязано к системной модели, она использована только для создания курса.

В нашем исследовании мы рассматриваем условия и препятствия для имплементации формирующих креативность практик в школе сквозь призму системной модели креативности. Практикой, на примере которой мы исследуем возможные барьеры, является обучение на основе проектов.

Обучение на основе проектов (project-based learning) тесно связано с формированием универсальных ключевых компетентностей в школе [Bell, 2010], в том числе креативного мышления. Работа над проектом посвящена претворению в жизнь некоего замысла. В случае прохождения полного цикла проектирования учащиеся следуют за этапами решения нестандартных проблем: переориентацией ситуации в задачу, выделением существенных свойств задачи, генерированием идей для ее решения, оценкой этих идей, выбором оптимального решения, его реализацией и презентацией перед аудиторией. Согласно метаанализу Дж. Скотт и ее коллег [Scott, Leritz, Mumford, 2004], высокоэффективны в части развития креативного мышления практики, направленные на прохождение этапов решения проблем (неструктурированных и полуструктурированных задач), в особенности таких как формулирование проблемы (задачи), комбинирование понятий или категорий (для выделения аналогий и пересечений) и генерация идей.

Школьный педагог при реализации обучения на основе проектов меньше регламентирует действия учащихся, чем в случае фронтального обучения. Он становится фасилитатором, мягко направляющим процесс постановки задачи и поиска средств для ее решения. Смещение фокуса с учителя на ученика, характерное для проектной деятельности, — важное условие для формирования креативности [Dole, Bloom, Doss, 2016]. Такие учительские стратегии, как предоставление возможности генерировать и изучать идеи, стимулирование ученической инициативы и проактивности, предоставление пространства для совместного действия и коммуникации, передача контроля за обучением самим учащимся, готовность обсуждать идеи и размышлять совместно с учащимися, в ряде системных обзоров выделяются как продуктивные для развития креативности учащихся [Cremin, Chappell, 2019; Davies et al., 2013].

В качестве доказательства того, что в процессе работы над проектами в образовании может быть развита креативность, можно привести экспертные мнения [Seechaliao, 2017; Поливанова, 2011: 31—35], исследования с использованием как качественной [Syarifah, Emiliasari, 2019; Albar, Southcott, 2021; Ummah,

In'am, Azmi, 2019; Zhou, Kolmos, Nielsen, 2012], так и количественной [Storer, 2018; Ismuwardani, Nuryatin, Doyin, 2019] методологии. Отмечается, что еще более значительный прирост в креативности возникает, когда к обучению на основе проектов добавляются дополнительные инструменты, например методика SCAMPER, позволяющая эксплицитно использовать самые разные способы генерации новых идей [Wu, Wu, 2020], или инструменты виртуальной среды, дающие возможность осваивать естественные науки с использованием симуляций [Gunawan et al., 2017].

Несмотря на то что для России идея обучения в школе с использованием проектов не нова [Кларин, 2018], она до сих пор воспринимается как обладающая некоторым инновационным потенциалом. В отечественной традиции в понятие «проект» вкладывается в том числе такой важный смысл, как пространство для свободного действия в зоне ближайшего развития учащихся: «...преимущество сегодня приходится отдавать даже не проектам, а некоторым заданиям со свободным пространством для действия. <...> Проект <...> никак не может превращаться в упражнение. Вот здесь (на границе упражнения и свободного действия) и проходит граница между развивающим проектом и просто еще одной формой традиционной учебной работы» [Поливанова, 2011: 113—114].

Задачи и методология исследования

Целью данного исследования было описание возможностей и препятствий для имплементации в учебный процесс проектов с опорой на системную модель креативности. Мы искали ответы на следующие исследовательские вопросы:

1. Какие возможности и препятствия для имплементации проектов в учебный процесс видят учителя?

2. Как наблюдения учителей о возможностях и препятствиях для имплементации проектов в учебный процесс соотносятся с системной моделью креативности? Каков вклад учителя, ученика, учебного содержания в формирование этих возможностей и препятствий, по мнению учителей?

Для выявления представлений учителей о возможностях и препятствиях для имплементации обучения на основе проектов в школе в апреле — мае 2018 г. было проведено 15 фокус-групп в шести школах Московской области. Четыре школы находятся в городах, две — сельские. В фокус-группах приняли участие 144 учителя этих школ. Директора школ самостоятельно принимали решение, кого из учителей пригласить участвовать. Если говорить о сельских школах, то в разговоре было задействовано большинство их учителей.

Подробная информация об учителях представлена в таблицах 1 и 2. В таблице 1 описано общее количество фокус-групп и общее количество принявших в них участие учителей начального звена и учителей-предметников в каждой из шести школ разных муниципальных образований Московской области.

В таблице 2 показано распределение 85 респондентов, принимавших участие в фокус-группах для предметников, по преподаваемым предметам. Также в данных фокус-группах участвовало несколько человек, не занимающих должность учителя, но погруженных в содержание учительской работы.

Таблица 1. Школы, участвовавшие в исследовании

Муниципальное образование Московской области	Кол-во фокус-групп	Кол-во учителей начальной школы	Кол-во учителей-предметников	Общее кол-во учителей
Городской округ Подольск	3	12	15 (из них двое мужчин)*	27
Городской округ Фрязино	2	8	9 (из них 1 мужчина)	17
Дмитровский район (школа 1)	3	8	17	25
Дмитровский район (школа 2)	2	11	12	23
Раменский район	2	10	10	20
Воскресенский район	3	10	22 (из них 5 мужчин)	32
ВСЕГО	15	59	85	144

* В тех фокус-группах, где пол респондентов не оговаривается, принимали участие одни женщины.

Таблица 2. Распределение учителей средней школы по предметам

Предметы	Кол-во учителей
Русский язык и литература	16
Иностранный язык	14
Математика	11
История и обществознание	8
Физика	6
Физкультура	5
Информатика	4
Биология	3
Технология	3
Искусство, музыка	3
Химия	2
География	2
Участники фокус-групп, которые не занимают учительскую должность (заместители по УМР, психологи)	6
Учителя, которые не назвали свою специализацию	2

Далее по тексту статьи школы анонимизированы. Буквы А–Е присвоены школам в случайном порядке.

Проведение групповых интервью в форме управляемых дискуссий считается продуктивным способом выявления чувств, отношения, сомнений респондентов относительно такой темы, как изменения в образовании [Gilflores, Alonso, 1995; Naukâs, 2016]. Сопоставление своих реакций с чужими может вызывать отклик и стремление прояснить свою позицию.

Методика проведения фокус-групп, долгое время развивавшаяся в русле маркетинговых исследований, предполагает, что в них участвуют ранее незнакомые друг с другом люди [Белановский, 1996]. Ограничением исследования может считаться то, что фокус-группы проводились среди учителей определенной школы, то есть интервьюируемые знали друг друга. Возможно, это вело к исключению отдельных участников из дискуссии или к тому, что они неохотно высказывали свое мнение. По субъективным ощущениям, дискуссии все же получались достаточно эмоционально насыщенными и отражали разнообразные точки зрения.

Гайд для фокус-групп разрабатывался нами совместно с коллегами по проекту «Универсальные компетентности и новая грамотность» Института образования НИУ ВШЭ. Вопросы гайда соотносились с целями другого исследования [Добрякова и др., 2018]. Для выявления ответов на наши исследовательские вопросы мы используем только часть информации, полученной в ходе фокус-групп.

Важные для нашего исследования вопросы гайда строились вокруг следующих тем:

- ассоциации учителей, связанные с понятием «проект»;
- примеры удачного и неудачного воплощения проектов в школе;
- отношение к проектам как педагогической практике, возможные причины ее использования или неиспользования.

Большая часть фокус-групп проходила в дружественной обстановке. В начале двух-трех фокус-групп ощущалось недоверие к модератору со стороны учителей, которое, как нам кажется, преодолевалось в процессе разговора.

Автор данной статьи модерировал восемь фокус-групп и был наблюдателем при проведении четырех. Таким образом, была возможность отслеживать непосредственные учительские реакции, которые могут быть частично утеряны при транскрибировании аудиозаписи.

При анализе полученных данных реплики учителей о возможностях и препятствиях для имплементации проектов в школе подразделялись на три группы, соответствующие компонентам системной модели (ученик, учитель, учебный материал), и в дальнейшем анализировались при помощи открытого тематического кодирования. Коды объединялись в обобщающие категории. Цитаты, вошедшие в те или иные категории, заново рассматривались, после чего названия отдельных категорий корректировались, а некоторым цитатам присваивался новый код из более подходящей категории.

Результаты

Мы представим результаты в трех разделах, соответствующих компонентам системной модели креативности (индивид, поле, домен). Говоря об обобщенных категориях условий для имплементации проектов в школе, мы будем приводить примеры цитат из фокус-групп, вошедших в ту или иную категорию.

Вклад в успешность имплементации проектов в школе со стороны учащегося («индивида»)

Нестандартная, оригинальная, интересная идея зарождается у отдельного человека, в нашем случае — у ученика, и может быть реализована в ходе работы

над проектом. Перечислим выделенные в ходе анализа категории, которые связаны с вкладом самих учащихся в успешность имплементации проектов в школе:

1) интерес, любопытство, «страсть» учащегося к теме проекта;

2) самостоятельность учащегося в работе, желание сделать работу самому, готовность к интенсивной работе; включает такую подкатегорию, как внешняя мотивация в виде конкурсов проектных работ, олимпиад и т. д.;

3) предварительный уровень базовых умений; включает такую подкатегорию, как помощь родителей в случае недостаточного уровня умений.

В таблице 3 представлены цитаты, относящиеся к определенным категориям и подкатегориям, с некоторыми комментариями там, где они необходимы.

Таблица 3. **Цитаты, описывающие вклад в успешность имплементации проектов со стороны ученика**

Категории и подкатегории	Цитаты
1. Интерес, любопытство, «страсть» учащегося к теме проекта.	<p>— Школа Е, учителя начальной школы: «У меня ребенок сделал проект о своем прадеде, который участвовал в военных действиях. Видимо, с помощью родителей. Он подошел ответственно к этому вопросу, были написаны такие интересные факты в биографии, которые, наверно, не каждый знает. И детей тоже очень увлекло, и для меня это было очень показательно, что он сам увлекся этой темой, он с удовольствием об этом говорил. Для него это было важно».</p> <p>— Школа А, учителя-предметники: «Интерес, во-первых, должен быть к этому. Допустим, какую-то проблему решить <...> — и детям интересно, им дается база, где они будут работать, допустим, какая-то большая молочная компания или пищевая. Они их там куда-то водят, они там берутся, это что-то новое».</p>
2. Желание сделать самому, готовность к самостоятельной интенсивной работе. Отсутствие такой самостоятельности становится препятствием для имплементации проектов.	<p>— Школа Д, учителя начальной школы: «Вообще, конечно, проекты, то, что в начальной школе, — они как-то более... ну, низкого уровня <...> мне кажется, ребенок <...> должен уметь и расти прежде всего перед самим собой. То есть вот ты добился вот этого результата, ты вот это вот сделал, и надо продолжать дальше. То есть как бы ребенок сам копаются в чем-то, и вот достигает результата».</p> <p>— Школа Б, учителя-предметники: «Да, к сожалению, сейчас дети воспринимают — проект — это просто скачал что-то из интернета и представил как свое. <...> У меня сейчас приходят пятиклассники с темами — приносят уже что-то — и я заворачиваю, мне это не нравится. Вот негатив я чувствую. Потому что это все отписка, это все просто один плагиат сплошной, а это должна быть исследовательская работа».</p>
2.1. Внешняя мотивация в виде конкурсов проектных работ, олимпиад и т. д. Оценивается двояко: некоторые учителя считают, что конкурсы «подстегивают» учащихся, другие — что фрустрируют.	<p>— Школа Г, учителя-предметники: «Вот у меня сейчас ребята не прошли на районную <конференцию/презентацию проектов>, ошибки у них там были, но они ко мне подошли, сказали, что мы уже дальше начинаем работать. У них есть мотивация, вот в этом году они не смогли пройти, а уже сейчас на будущий год летом будут работать, а осенью придут, и мы доработаем».</p> <p>— Школа Б, учителя-предметники: «...Просто очень трудно иногда бывает понять, что хотят и какой проект выигрывает <на конкурсах>. Иногда кажется, что ребенок сделал действительно такое, чего нет ни у кого и в единственном экземпляре. А вдруг выигрывает что-то такое, что тебе кажется вообще обыденным и среднечковым. Потому что проект, он всегда может быть... в нем присутствует субъективная оценка. То есть нету каких-то объективных критериев, чтобы можно было оценить и понять, действительно чего не хватает в твоём проекте, и что есть у другого проекта».</p>

Категории и подкатегории	Цитаты
<p>3. Предварительный уровень базовых умений. Например, умение работы с информацией, умение распределять рабочие роли. В цитатах справа учительница начальной школы вспоминает один из успешных учебных проектов, в котором требовалось распределение рабочих ролей в группе, а учитель истории делится мнением, по какой причине его ученики еще не могут делать исследовательские проекты.</p>	<p>— Школа Е, учителя начальной школы: «И потом они делали книжку-раскладушку, как-то там складывали, приклеивали, то есть были и авторами этой книги, и иллюстраторами, и редакторами. Им было так интересно, они несколько дней, несколько уроков это все... Самое главное — они распределяли свою работу. Вот ты будешь этим, ты — этим».</p> <p>— Школа А, учителя-предметники: «...Они эту информацию могут подбирать, но с ее обработкой пока еще проблема. Мы с этим будем еще работать. Но это значит, что они могут искать информацию и применять ее на деле. „На основе мы узнали...“, „Мы получили...“ <...> Продуктом стал их красиво оформленный рассказ, слайды и презентация».</p>
<p>3.1. Помощь родителей в случае недостаточного уровня умений. Оценивается учителями как положительно, так и отрицательно: важна именно «умная» помощь, предполагающая выстраивание опоры для ребенка.</p>	<p>— Школа Е, учителя начальной школы: «Мальчик <...> делал из Лего летающий корабль. Он сам создал проект, распланировал все это, схему, по этой схеме он собирал — довольно долго, конечно, но у него очень ответственные в этом плане родители, он под контролем, конечно, но делал все самостоятельно».</p> <p>— Школа В, учителя начальной школы: «Делали проект „Города России“. <Имя ученика> приносит мне листочек. Здесь мама нарисовала памятник, здесь она написала немного про город. Я ему говорю: „Скажи мне, пожалуйста, а что ты вложил, какой твой труд в этом проекте? <...> Ты должен это сделать своими руками. Мама тебе может помочь. Это будет ваш совместный проект“».</p>

Вклад в успешность имплементации проектов в школе со стороны учителя («поля»)

После того как новая интересная идея озвучена индивидом, ее оценивает общество, обладающее определенной степенью экспертизы в данной области. Идеи учащихся, которые высказываются в рамках какой-либо ассоциирующей с развитием креативности практики, такой как работа над проектом, оцениваются учителем и могут быть им как приняты, так и отвергнуты. В ходе нашего анализа были выделены следующие категории, связанные с вкладом учителей в успешность имплементации проектов в школе:

1) имеющийся опыт проведения проектов или наблюдения за их проведением и оценка этого опыта как положительного или отрицательного; включает такую подкатегорию, как признаваемая извне ценность работы над проектами;

2) достаточный уровень знаний или квалификации учителя; включает такие подкатегории, как умение фасилитировать, «направлять» работу учащихся над проектами и умение предоставлять ученикам определенное пространство свободы, например возможность выбора темы или способа работы над проектом.

В таблице 4 представлены цитаты, относящиеся к определенным категориям и подкатегориям.

Таблица 4. **Цитаты, описывающие вклад в успешность имплементации проектов со стороны учителя**

Категории и подкатегории	Цитаты
<p>1. Имеющийся опыт проведения проектов или наблюдения за их проведением и оценка этого опыта как положительного или отрицательного.</p> <p>В первой цитате учительница с воодушевлением описывает, почему ей хочется продолжать заниматься проектами. Во второй цитате учитель говорит о негативном опыте наблюдения за тем, как реализуется обучение на основе проектов.</p>	<p>— Школа В, учителя начальной школы: «Потому что ты таким образом понимаешь, как ребенок думает, дышит и что у него в голове. Хоть каким-то образом понять, что у него в голове. <...> У <имя учительницы> ребенок средней учебы, как раскрылось в этом году. Оказалось, что у него направление совершенно другое. Руками работает, открывает все время что-то новое».</p> <p>— Школа Г, учителя-предметники: «Мы, учителя, мы в школе должны чему-то учить, вот я не понимаю, какую цель учебную преследовать должен проект, то, что я вижу, ничему не учит. Списывать только».</p>
<p>1.1. Признаваемая извне ценность работы над проектами, внешняя мотивация.</p> <p>В данной цитате учитель объясняет, как внешняя мотивация стимулирует заниматься проектами.</p>	<p>Школа А, учителя-предметники: Учитель: «Чтобы эти слова <проект> вызывали у нас положительные эмоции, это должна быть какая-то, наверное, мотивация. Я вот написал, что проект — это группа, инновация, смесь и что-то новое. Это прекрасно описывает слово проект. Здесь должны быть какие-то тандемы, может быть, больше. Интерес, во-первых, должен быть к этому. Допустим, какую-то проблему решить?» Интервьюер: «Интерес у педагога, или у учеников?» Учитель: «У обоих. Здесь заинтересованность у обоих нужна. Вот опять же, Долгопрудный, там приходит очень крупная компания в школу и говорит: „Сделайте нам вот этот проект, мы вам даем 30 тысяч учителю и по 5 тысяч ученикам“. Грех там не заморочиться».</p>
<p>2. Достаточный уровень знаний или квалификации учителя.</p> <p>В данной цитате учитель ссылается на отсутствие должной квалификации для профессиональной работы с проектами.</p>	<p>Школа Г, учителя-предметники: «А мне кажется, что проекты, может быть, и должны быть в школе, но этим должен заниматься отдельный человек. Понимаете учитель <должен> не только урок отдать, но надо еще к уроку подготовиться. Вот это должна быть отдельная единица, с какой-то научной основой. <...> Чтобы у человека было определенное образование, чтобы это „подбито“ было под эту работу. Мы не можем расслаиваться. Распыляться. И проекты, и уроки, и классное руководство».</p>
<p>2.1. Умение фасилитировать, направлять работу учащихся над проектами.</p> <p>Учителя в положительном ключе описывают, как можно «направлять» работу учащихся над проектом.</p>	<p>— Школа Г, учителя-предметники: «У нас по положению так и прописано, что учителя, каждый по своему предмету формируют перечень тем и складывают в копилочку, ученики из нее выбирают, и летом они уже начинают думать, может, в отпуске с родителями, уже ресурсы какие-то ищут. В сентябре когда приходят, они уже приходят с мыслями и наработками, и учитель дальше работает с ними, направляет по этой работе, и уже к январю мы получаем первичный результат».</p> <p>— Школа Е, учителя начальной школы: «С помощью, наверно, учителя <ребенок> разбирает, какую цель должен преследовать проект — хотя, возможно, это и сам ребенок сможет сказать — зачем он хочет это сделать. Дальше идет уже чем может помочь учитель. Что ребенок добывает сам прежде всего, а потом уже какая-то помощь извне».</p>

Категории и подкатегории	Цитаты
2.2. Предоставление ученикам пространства свободы, например возможности выбора темы или способа работы над проектом. В обеих цитатах учителя рассказывают о работе над теми или иными проектами, в рамках которой ученикам предоставлялась возможность выбирать. Контекст разговора связан с тем, что учителя приводят примеры успешных, получившихся, «дельных», с их точки зрения, проектов.	— Школа Б, учителя-предметники: «Там на их внимание предлагалось много тем. Наверное, десять. И каждый выбирал ту тему, которая ближе. Кто-то выбирал тему „Вымысел и реальное в рассказе, допустим, Льва Николаевича Толстого“. Кто-то выбирал „Изображение Ходынской трагедии“. Кто-то... Ну, кто что. И вот, допустим, отдельная группа детей очень достойно работала, <нрзб> сидели вместе — цели, задачи, и выводы хорошие...» — Школа А, учителя начальной школы: «До этого в каждом классе проходит свой День науки. <...> Дети готовят все проекты. Выбираются детьми. <...> Кто-то исследует имена свои. Кто-то что-то строит. Кто-то про ежика, который к ним домой забрел, рассказывает, как в домашних условиях выкармливали».

Вклад в успешность имплементации проектов в школе со стороны учебного содержания («домена», области культуры)

В понятие «учебное содержание» мы вкладываем тот смысл, который привычен для отечественной дидактики. Это педагогически адаптированный социальный опыт, включающий совокупность знаний, деятельностный опыт (как освоение известных способов действия, так и опыт творческой деятельности) и опыт эмоционально-ценностного отношения к действительности. Такое определение резонирует с тем, что данный компонент системной модели М. Чиксентмихайи исходно связан с той или иной областью человеческой деятельности, областью культуры.

Перечислим выделенные в ходе анализа категории, связанные с вкладом учебного содержания в успешность имплементации проектов в школе:

- 1) влияние предмета и традиций проведения проектов по этому предмету;
- 2) связь темы проекта с реальной жизнью (внешкольными интересами ребенка или его постановкой в роль взрослого);
- 3) достаточное количество времени для работы над проектами;
- 4) реализация потребности учащихся в общении при работе над проектом;
- 5) возможность получить результат проекта в виде продукта (или осмыслить полученное новое знание как продукт).

В таблице 5 представлены цитаты, относящиеся к определенным категориям. Ко многим категориям добавлены комментарии, описывающие, по каким причинам данная категория помещена в блок «учебное содержание».

Таблица 5. Цитаты, описывающие вклад в успешность имплементации проектов со стороны учебного содержания

Категории	Цитаты
1. Влияние предмета и традиций проведения проектов по этому предмету. В первой цитате учительница химии говорит, что ее предмет по своей сути подходит для проведения проектов в логике микроисследования	— Школа Д, учителя-предметники: «У меня предмет просто располагает к проектам. У нас проекты, если мы и делаем, то это исследовательские проекты, в котором определенная цель ставится, ну, например, <...> мы пытались выяснить, какие из мощных средств являются более безопасными, мы проверили, провели химический анализ,

Категории	Цитаты
<p>(постановка гипотезы и ее дальнейшая проверка). Во второй цитате учительница математики сетует на то, что в целом для ее предмета сложно придумать тему проекта, и ей удалось ее найти, только выйдя на межпредметные связи математики и лингвистики.</p>	<p>провели какие-то эксперименты, пришли к интересным выводам, которых даже не ожидали. <...> Вот такого рода проекты мы с детьми делаем регулярно. <...> Порой выводы оказываются весьма и весьма интересные, и они надолго откладываются в памяти, они помогают научиться практическому применению, провести эксперимент, вычленив какой-то нужный материал, для того чтобы проект составить. <...> Это просто нужно. Моему предмету, он к этому располагает».</p> <p>— Школа А, учителя-предметники: «Математикам вообще с проектами и с исследованиями очень тяжело. Все темы уже настолько разобраны, и все проекты сделаны. А доказать теорему, которую ученые еще не доказали, мы в школе не можем. У меня в этом году получилось чисто случайно. <...> Нас отправили летом в школу для учителей. И пришла женщина, сказала: „Я не математик, я лингвист“. Начала рассказывать. <...> Я зацепилась, потому что у меня есть дети, которые очень любят английский, русский и которым будет очень интересно покопаться на этой грани математики и структуры языка. <...> Ребенок сам загорелся этой идеей. И у нас получилось. Мне очень понравилось. Первый раз, когда получилось и есть результаты от этой работы».</p>
<p>2. Связь темы проекта с реальной жизнью: внешкольными интересами ребенка или его постановкой в роль взрослого.</p>	<p>— Школа В, учителя-предметники: «Когда это напрямую с их деятельностью внеурочной связано, они, конечно, загораются. <имя ученика>, он выступает с коллективом. Конечно, ему не составило труда описать свою работу, деятельность, подобрать немножко исторических фактов и представить свой проект».</p> <p>— Школа Е, учителя начальной школы: «Им очень нравится, когда к ним относятся, как ко взрослым людям. Я даже сама обращала внимание — когда на уроке ты говоришь: вот сегодня ты будешь выполнять должность работника такой-то сферы. Естественно, ему интересно, потому что он понимает, что на данный момент он сам в этой сфере поучаствовать не может в силу возраста, а тут ему такая возможность предоставляется. Ты можешь сделать что-то сам, внести какой-то вклад. Мама у тебя чем занимается? Тебе интересно это? Хочешь почувствовать себя на ее месте? Им нравится именно вовлечение во взрослую жизнь. Они чувствуют себя более значимыми».</p>
<p>3. Достаточное количество времени для работы над проектами. Учителя говорят о том, что проекты как форма работы по своей временной протяженности не укладываются в традиционную классно-урочную систему. Мы поставили эту категорию в блок «учебное содержание», поскольку представление о нагрузке учителя как о «часах», разбивка учебного времени на уроки по 45 минут — это формы, в которых существует культура преподавания учебного содержания в школе.</p>	<p>— Школа Б, учителя-предметники: «Чисто для меня проект... я отталкиваюсь от этого всего, то есть отбрасываю, не хочу этим заниматься, потому что это глубокая, серьезная работа. И с 36 часами в неделю мне, например, вести какие-то проекты — это нереально».</p> <p>— Школа В, учителя начальной школы: Интервьюер: «Я правильно понимаю, что в программе заложено очень много проектов, но вам не нравится, как они поданы?» Учитель: «Времени не хватает. Только не успеваешь один проверить, как другой. Понимаете, дети ведь не осият. Им надо все это осмыслить, им надо рассказать, показать. Они не успевают даже нарабатывать навыков».</p>

Категории	Цитаты
<p>4. Реализация потребности учащихся в общении при работе над проектом. Мы поставили эту категорию в блок «учебное содержание», поскольку способы работы над проектами (например, работа в группах, дискуссии, презентации решения или продукта) — это способы действия, которые осваиваются на уроке.</p> <p>Во второй цитате учительница описывает, как ей пришлось изменить форму работы над проектом на коллективную, хотя школой было утверждено выполнение индивидуальных проектов (по типу индивидуальных исследовательских работ).</p>	<p>— Школа Д, учителя начальной школы: «У нас дети по группам разделялись по определенной теме. Вот они знали заранее, по какой теме готовиться, на группы разбивались заранее, и приносили информацию, картинки — ну, что-то готовили. И вот они садились вместе, тут одна группа, там вторая, там третья, делали всякую там... обсуждательно всякую, что важно взять, что не нужно взять, где что наклеить, как написать, ну, допустим, измерения <...> потом делали выводы — какие более удачные виды, какие — нет, в чем плюсы, в чем — минусы. <...> И потом презентовали друг другу. Это очень интересно, познавательно, и групповая работа, и что-то новое узнают. И общаться начинают.</p> <p>— Школа В, учителя-предметники: «Им <учащимся> хочется действия в коллективе. А проект-то индивидуальный. Поэтому мы из индивидуального все-таки сделали форму коллективную. <...> То есть помогли одноклассники почти во всех проектах вот у меня. Потому что детям нужно общение. Нужна друг с другом коммуникация».</p>
<p>5. Возможность получить результат проекта в виде продукта (или осмыслить полученное новое знание как продукт). Мы поставили эту категорию в блок «учебное содержание», поскольку постановка цели и достижение результата в виде продукта (вещественного или в виде нового знания) — это еще один способ действия, который осваивается на уроке. Хотя данный способ действия напрямую связан с понятием проекта как такового, учителя говорят, что отнюдь не каждый школьный проект предполагает получение продукта, то есть проекты «пустые». Первые две цитаты описывают продукт «осязаемый», вещественный, третья — скорее продукт как результат интеллектуальных усилий.</p>	<p>— Школа А, учителя-предметники: «Например, девушка из нашей школы делала проект, <...> биология плюс физкультура, правильное, сбалансированное питание, за счет этого сама похудела. Вот опять же, плюски, не просто так, пустой проект, а именно какая-то цель и результат. Продукт. Сама цель исследовательской работы — чтобы был продукт».</p> <p>— Школа В, учителя начальной школы: «Просто детям интересно в итоге, когда получают продукт. <...> Потрогать, увидеть, сделать. Допустим, получить информацию какую-то, рассказать — они просто не умеют рассказывать. У них не получается эта работа. Как минимум то, что они что-то делают, и в итоге что-то получается — им это интересно, это их заинтересовывает».</p> <p>— Школа Д, учителя-предметники: «Здесь много очень фантазии такой разной с научной точки зрения. <...> Мы однажды делали проект с детьми по освещению кабинета. То есть мы брали освещение кабинета, сделали спектральный анализ, измеряли там эти окна, освещенность считали там, в зависимости от ламп, такую лампу, такую, и в конце концов мы выяснили, что у нас вообще неправильное освещение, там что-то фонит везде, мы вышли на директора, <сказали>, что невозможно у нас вообще заниматься, такой вот получился у нас продукт так называемый. Потом мы вышли на мэра города, там вот это все закрутилось».</p>

Итак, мы описали выделенные в ходе анализа категории, связанные с тремя компонентами системной модели креативности применительно к школе: учеником, учителем, учебным содержанием. Попробуем еще раз соотнести полученные результаты с теоретической рамкой и попытаемся понять, какого рода практические решения могут рождаться на основе данного соотнесения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, факторы, способствующие и препятствующие формированию креативности

в учебном процессе (на примере такой практики, как обучение на основе проектов), можно описывать с опорой на системную модель креативности М. Чиксентмихайи, ранее использовавшуюся скорее для описания факторов, влияющих на креативность выдающихся людей. Такое описание позволяет структурировать разрозненные списки условий и препятствий для формирования креативности, характерные для предыдущих исследований.

Во-вторых, прямым результатом эмпирического исследования является описание условий для успешной имплементации обучения на основе проектов в школе сквозь призму системной модели креативности.

Со стороны ученика факторами, влияющими на успешность имплементации проектов в школе, являются ученические интерес и любопытство, готовность к интенсивной самостоятельной работе, которая может как «подстегиваться», так и фрустрироваться конкурсами проектов, и предварительный уровень базовых для работы над проектами умений, включающий то, насколько помощь родителей может восполнять дефицит такого рода умений.

Со стороны учителя факторами, влияющими на успешность имплементации проектов в школе, выступают имеющийся у учителя опыт взаимодействия с данной практикой и его оценка самим учителем и извне, а также достаточный уровень знаний и умений для такого рода работы, в том числе умения фасилитировать работу учащихся и умение предоставлять ученикам пространство свободы — например, выбора темы проекта.

Со стороны учебного содержания на успешность имплементации проектов в школе воздействуют следующие факторы: влияние предмета и традиций проведения проектов по данному предмету, связь темы проекта с реальной жизнью, перестройка учебного времени для работы над проектами и формы работы, способствующие реализации потребности учащихся в общении.

Часть условий для успешной имплементации, выделенных нами на примере такой практики, как обучение на основе проектов, пересекается с уже выявленными в предыдущих исследованиях. Однако распределение этих факторов по составляющим позволяет осмыслить их более структурно и в дальнейшем предложить более адресные способы облегчить имплементацию.

Дискуссия

У данного исследования есть ряд ограничений. Во-первых, участники каждой фокус-группы были знакомы друг с другом и работали в одной школе, что могло оказывать влияние на уровень откровенности высказываний. Во-вторых, тема нашего исследования связана с факторами успешности или неуспешности внедрения в учебный процесс формирующих креативность практик, однако в эмпирической части респонденты обсуждали конкретную практику — обучение на основе проектов, не затрагивая вопрос, насколько данная практика связана с формированием креативности. Таким образом, связь данной части эмпирического материала с тематикой формирования креативности остается теоретической и обосновывается свидетельствами, полученными в других работах, описанных в литературном обзоре. При этом с формированием креативности на уроке связаны и другие практики, и если говорить о них, то препятствия могут различаться. Однако нам видится, что

у такого хода есть и некоторые преимущества: в частности, разговор о формировании креативности вообще мог бы дать более абстрактные ответы, реплики же наших респондентов наполнены конкретными деталями и примерами, позволяющими уточнить и дополнить существующие обобщенные списки барьеров и условий. Получившийся в итоге список факторов позволяет конкретизировать такие ранее выделенные препятствия, как перегруженность учебной программы, отсутствие у учащихся необходимой базы знаний и умений, недостаток квалификации у учителей.

Новизна исследования состоит в попытке выделить препятствия для внедрения в школе формирующих креативность практик с системной, холистической точки зрения. Данный эффект достигается благодаря использованию системной модели креативности и благодаря тому, что формирование креативности рассматривается на примере не отдельных действий учителя, а в контексте размышления о целостной практике обучения на основе проектов.

На основе выделенных факторов возможно дальнейшее эмпирическое исследование эффективности разных видов имплементации обучения на основе проектов. К примеру, в квазиэкспериментальном исследовании можно выделить классы или целые школы, в которых обучение на основе проектов внедряется с учетом описанных условий, и оценить эффективность такого способа внедрения по сравнению с прохождением учителями отдельного тренинга без дальнейших усилий по снятию барьеров для имплементации. Помимо этого, на основе полученных результатов можно разрабатывать инструменты для оценки готовности к внедрению формирующих креативность практик в школе и дополнять существующие инструменты, например анкеты, используемые в мониторингах.

Список литературы

Белановский С. А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996.

Belanovskiy S. A. (1996) *The Method of Focus Groups*. Moscow: Magister. (In Russ.)

Добрякова М. С., Новикова Е. Г., Юрченко О. В. Навыки XXI века в российской школе: взгляд педагогов и родителей. М.: НИУ ВШЭ. 2018. URL: <https://publications.hse.ru/books/228987019> (дата обращения: 26.08.2019).

Dobryakova M. S., Novikova E. G., Yurchenko O. Yu. (2018) *21-Century Skills in the Russian School: A View of Teachers and Parents*. Moscow: HSE. URL: <https://publications.hse.ru/books/228987019> (In Russ.)

Добрякова М. С., Фрумин И. Д. Меняется мир — меняется образование // Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / под ред. М. С. Добряковой, И. Д. Фрумина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С. 23—33.

Dobryakova M. S., Froumin I. D. (2020) *The World Is Changing, Education Is Changing*. In: Dobryakova M. S., Froumin I. D. (eds.) *Universal Competences and New Literacy: From Slogans to Reality*. Moscow: HSE University Publishing House. P. 23—33. (In Russ.)

Кларин М. В. Глава 7. Сделано в СССР. В поисках технологии творчества: перспективы синергии // Инновационные модели обучения: исследование мирового опыта. М.: Луч, 2018. С. 369—373.

Klarin M. V. (2018) Chapter 7. Made in USSR. In Search of Creative Technology: Prospects for Synergy. In: *Innovative Learning Models: a Study of World Experience*. Moscow: Luch. P. 369—373. (In Russ.)

Поливанова К. Н. Проектная деятельность школьников: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2011.

Polivanova K. N. (2011) Project-Based Learning: Teacher's Manual. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)

Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений. М.: Карьера Пресс, 2017.

Csikszentmihalyi M. (2017) Creativity. Flow and the Psychology of Discovery and Invention. Moscow: Career Press. (In Russ.)

Albar S., Southcott J. (2021) Problem and Project-Based Learning through an Investigation Lesson: Significant Gains in Creative Thinking Behaviour within the Australian Foundation (Preparatory) Classroom. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 41. Art. 100853. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2021.100853>.

Andiliou A., Murphy P. K. (2010) Examining Variations among Researchers' and Teachers' Conceptualizations of Creativity: A Review and Synthesis of Contemporary Research. *Educational Research Review*. Vol. 5. No. 3. P. 201—219. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2010.07.003>.

Barker R., McDonald Sh. (2021) Practically There? Exploring Public Relations Educators' Perceptions of Creativity in the Curriculum and Classroom. *Journal of Communication Management*. Vol. 26. No. 1. P. 115—129. <https://doi.org/10.1108/JCOM-01-2021-0008>

Bell S. (2010) Project-Based Learning for the 21st Century: Skills for the Future. *The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas*, Vol. 83. No. 2. P. 39—43. <https://doi.org/10.1080/00098650903505415>.

Berezcki E., Kárpáti A. (2018) Teachers' Beliefs about Creativity and Its Nurture: A Systematic Review of the Recent Research Literature. *Educational Research Review*. Vol. 23. P. 25—56. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2017.10.003>.

Chien Ch., Hui A. (2010) Creativity in Early Childhood Education: Teachers' Perceptions in Three Chinese Societies. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 5. P. 49—60. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2010.02.002>.

Cremin, T., Chappell, K. (2019) Creative Pedagogies: A Systematic Review. *Research Papers in Education*, Vol. 36. No. 3. P. 299—331. <https://doi.org/10.1080/02671522.2019.1677757>.

Csikszentmihalyi M., Wolfe R. (2014) New Conceptions and Research Approaches to Creativity: Implications of a Systems Perspective for Creativity in Education. In: *The Systems Model of Creativity*. P. 161—184. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9085-7_10.

Csikszentmihalyi M. (2014) Society, Culture, and Person: A Systems View of Creativity. In: *The Systems Model of Creativity*. Dordrecht: Springer. P. 47—61. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9085-7_4.

Davies D., Jindal-Snape D., Collier C., Digby R., Hay P., Howe A. (2013) Creative Learning Environments in Education — a Systematic Literature Review. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 8. P. 80—91. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2012.07.004>.

Dole S., Bloom L. A., Doss K. K. (2016) Rocket to Creativity: A Field Experience in Problem-Based and Project-Based Learning. *Global Education Review*. Vol. 3. No. 4. P. 19—32.

Framework for the Assessment of Creative Thinking in PISA 2021: Third Draft. OECD, 2021. URL: <https://www.oecd.org/pisa/publications/PISA-2021-creative-thinking-framework.pdf> (accessed: 04.06.2022).

Gilflore J., Alonso C. (1995) Using Focus Groups in Educational Research. *Evaluation Review*. Vol. 19. No. 1. P. 84—101. <https://doi.org/10.1177/0193841X9501900104>.

Gunawan G., Sahidu H., Harjono A., Suranti N. (2017) The Effect of Project-Based Learning with Virtual Media Assistance on Student's Creativity in Physics. *Cakrawala Pendidikan*. Vol. 2. No. 30. <https://dx.doi.org/10.21831/cp.v36i2.13514>.

Haukås Å. (2016) Teachers' Beliefs about Multilingualism and a Multilingual Pedagogical Approach. *International Journal of Multilingualism*, Vol. 13. No. 1. P. 1—18. <https://doi.org/10.1080/14790718.2015.1041960>.

Ismuwardani Z., Nuryatin A., Doyin M. (2019) Implementation of Project-Based Learning Model to Increased Creativity and Self-Reliance of Students on Poetry Writing Skills. *Journal of Primary Education*. Vol. 8. No. 1. P. 51—58.

Kampylis P., Berki E., Saariluoma P. (2009) In-Service and Prospective Teachers' Conceptions of Creativity. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 4. No. 1. P. 15—29. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2008.10.001>

Nilsen P. (2015) Making Sense of Implementation Theories, Models and Frameworks. *Implementation Science*. Vol. 10. Art. 53. <https://doi.org/10.1186/s13012-015-0242-0>.

Mullet D., Willerson A., Lamb K., Kettler T. (2016) Examining Teacher Perceptions of Creativity: A Systematic Review of the Literature. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 21. P. 9—30. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2016.05.001>.

Olivant K. F. (2015) "I Am Not a Format": Teachers' Experiences with Fostering Creativity in the Era of Accountability. *Journal of Research in Childhood Education*. Vol. 29. No. 1. P. 115—129. <https://doi.org/10.1080/02568543.2014.978920>.

Scott G., Leritz L., Mumford M. (2004) The Effectiveness of Creativity Training: A Quantitative Review. *Creativity Research Journal*. Vol. 16. No. 4. P. 361—388. <https://doi.org/10.1080/10400410409534549>.

- Seechaliao T. (2017) Instructional Strategies to Support Creativity and Innovation in Education. *Journal of Education and Learning*. Vol. 6. No. 4. P. 201—208. <http://doi.org/10.5539/jel.v6n4p201>.
- Sternberg R. J., Lubart T. I. (1999) The Concept of Creativity: Prospects and Paradigms. In: R. J. Sternberg (ed.) *Handbook of Creativity*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 3—15.
- Storer T. (2018) The Effect of Project-Based Learning on the Creativity of Elementary Students. Wilkes University. ProQuest Dissertations Publishing.
- Syarifah E., Emiliasari R. (2019) Project-Based Learning to Develop Students' Ability and Creativity in Writing Narrative Story. *Indonesian EFL Journal*. Vol. 5. No. 1. P. 85—94. <http://dx.doi.org/10.25134/iefj.v5i1.1627>.
- Ummah S., In'am A., Azmi R. (2019) Creating Manipulatives: Improving Students' Creativity through Project-Based Learning. *Journal on Mathematics Education*. Vol. 10. No. 1. P. 93—102. <http://dx.doi.org/10.22342/jme.10.1.5093.93-102>.
- Wu T., Wu Y. (2020) Applying Project-Based Learning and Scamper Teaching Strategies in Engineering Education to Explore the Influence of Creativity on Cognition, Personal Motivation, and Personality Traits. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 35. Art. 100631. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100631>.
- Zhou C., Kolmos A., Nielsen J. F.D. (2012) A Problem and Project-Based Learning (PBL) Approach to Motivate Group Creativity in Engineering Education. *International Journal of Engineering Education*. Vol. 28. No. 1. P. 3—16.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2333](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2333)

Р. К. Тангалычева

ФЕМИНИСТСКАЯ ВОЛНА В ЖЕНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Правильная ссылка на статью:

Тангалычева Р. К. Феминистская волна в женском кинематографе Южной Кореи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 259—278. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2333>.

For citation:

Tangalycheva R. K. (2023) Feminist Wave in South Korean Women's Cinema. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 259–278. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2333>. (In Russ.)

Получено: 05.11.2022. Принято к публикации: 23.05.2023.

ФЕМИНИСТСКАЯ ВОЛНА В ЖЕНСКОМ
КИНЕМАТОГРАФЕ ЮЖНОЙ КОРЕИFEMINIST WAVE IN SOUTH KOREAN
WOMEN'S CINEMA

ТАНГАЛЫЧЕВА Румия Кямильевна — доктор культурологии, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: rimma98@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-0692-383X>

Rumiya K. TANGALYCHEVA¹ — Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor at the Department for Sociology of Culture and Communication
E-MAIL: rimma98@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-0692-383X>

¹ St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. В статье проводится социологический анализ репрезентации гендерного неравенства в фильмах женщин-режиссеров Юн Гаын, Чон Гоун, Ким Бора и Ким Доён. Демократизация общественной жизни в Республике Корея привела к включению женщин-режиссеров в кинематографические процессы. Женщины-режиссеры, рожденные в 1980-х годах, сконцентрировались на репрезентации гендерных отношений сквозь призму феминистского взгляда, а не стереотипов и культурных стандартов, которые были широко распространены в стране. Картины этих режиссеров сформировали феминистскую волну в южнокорейском кинематографе. В анализируемых фильмах они обращаются к проблематике социализации девочек, гендерного неравенства в семье и обществе, а также самоопределения женщины в обществе. Теоретической рамкой исследования стали феминистские концепции в изучении кино и культурные исследования в социологии. В статье показано, что женщины — режиссеры феминистской волны оставляют открытым вопрос о будущем гендерного неравенства в южнокорейском обществе, намечая противоречивые перспективы.

Abstract. The article is devoted to a sociological analysis of the representation of gender inequality in the films of female directors Yoon Ga-eun, Jeon Go-woon, Kim Bo-ra, and Kim Do-young. The democratization of social life in the Republic of Korea has led to the inclusion of women directors in cinematographic processes. Women filmmakers born in the 1980s focused on representing gender relations through a feminist lens rather than the stereotypes and cultural standards still prevalent in South Korea. The films of these directors formed a modern feminist wave in South Korean cinema. In the films analyzed, the directors address the issues of the socialization of girls, the ingrained practice of preference for sons, gender inequality in the family and society, and the self-determination of women in society. The theoretical framework of the study was feminist concepts in film study and cultural studies in sociology. The article shows that female directors of the feminist wave leave open the question of the future of gender inequality in South Korean society, outlining conflicting perspectives.

Ключевые слова: феминистская волна, южнокорейский кинематограф, репрезентация гендерного неравенства, женщины-режиссеры

Keywords: feminist wave, South Korean cinematography, representation of gender inequality, women directors

Введение

В последние десятилетия южнокорейский кинематограф получил заслуженное признание во всем мире. Фильмы таких выдающихся режиссеров, как Им Квонтхэк, Ким Кидук, Ли Чхандон, Хон Сансу, Пон Чжунхо, Пак Чханук, и многих других получали самые престижные призы на международных кинофестивалях. Триумфом корейского кинематографа стал 2020 г., когда фильм «Паразиты» (реж. Пон Чжунхо) был удостоен Оскара сразу в четырех номинациях — «Лучший сценарий», «Лучший фильм на иностранном языке», «Лучшая режиссерская работа», а также «Лучший фильм года». В основном корейский кинематограф представлен именами мужчин-режиссеров, каждый из которых репрезентирует женскую тематику и роль женщин, часто сводимую к роли объекта социальных отношений и изменений.

Среди мужчин-режиссеров, так или иначе ассоциирующихся в южнокорейском кинематографе с феминизмом, можно назвать имена Хон Сансу, Пак Чханука и Ли Чхандона. Хон Сансу известен тем, что практически во всех своих картинах стоит на стороне женщин, проникается их внутренним миром и показывает, как нелегко их путь, если приходится делать самостоятельный жизненный выбор, невзирая на стереотипы и предрассудки, широко распространенные в южнокорейском обществе. Особенно это характерно для поздних картин режиссера, таких как «Прямо сейчас, а не после» (*Jigeumeun makgo geuttaeneun tteulrida*, 2015), «Ночью у моря одна» (*Vamui haebuunaeseo honja*, 2017), «Отель у реки» (*Gangbyeon hotel*, 2018), «Женщина, которая убежала» (*Domangchin yeoja*, 2020). Тем не менее часто женские проблемы в его фильмах бывают связаны с личной жизнью, переживаниями по поводу выбора мужчины или отношений с ним. Режиссер неизменно независимо от пола показывает маленького незащищенного человека в его/ее повседневной жизни, погруженного в мелкие, почти бытовые ситуации ревности, измен, совместных выпивок. Кинематографический почерк режиссера Хон Сансу как бы приоткрывает зрителю завесу того, что и мужчины, и женщины бывают слабыми, смешными, часто поступают наперекор устоявшимся культурным канонам, но одновременно открывают для себя новые возможности и приобретают новый опыт.

Пак Чханук в популярной мелодраме «Служанка» (*Agassi*, 2016) изобразил любовный роман двух женщин — госпожи и ее служанки, — пошедших наперекор патриархальным устоям и мужскому господству. Часть исследователей признают этот фильм феминистским. Вместе с тем нельзя не отметить и того факта, что «Служанка» представляет собой чистейший пример «вуайеризма» в терминологии Лоры Малви [*Mulvey*, 1975], когда во всех сексуальных сценах между любовницами кинокамера смакует красоту женского тела, тем самым привлекая и заманивая не в последнюю очередь мужскую аудиторию.

Также можно упомянуть фильмы Ли Чхандона, особенно его последнюю работу «Пылающий» (Beoning, 2018), где он показывает молодежные проблемы в глобальном и локальном южнокорейском контекстах и, конечно же, уделяет внимание женскому персонажу — молодой девушке, бесследно исчезнувшей в середине фильма. Сцены с участием молодой женщины также содержат элементы «вуайеризма», и в особенности танец главной героини топлес на закате. Несмотря на то, что режиссер явно симпатизирует молодой героине и фокусируется на рисках современного общества, зацикленного на потреблении, южнокорейские феминистки были недовольны изображением девушки пассивной и даже протестовали против выхода фильма на широкие экраны [Тангалычева, 2022: 161—163].

Алла Хван, затрагивая тему женской проблематики в корейском кинематографе, пишет, что фильмы для женской аудитории в стране начали снимать в 1950-х годах. Мелодрамы тех лет сыграли важную роль в деле высвобождения женщин от жестких норм конфуцианской морали, согласно которым «в традиционном корейском обществе женщине отводилась роль настоящей рабыни. Всю жизнь она должна была служить другим — родителям, пока была молода, мужу после замужества и сыну в старости. Корейки с самых юных лет были в домашнем заточении» [Хван, 2021: 146].

Первая корейская женщина-режиссер Пак Намок (1923—2017) сняла свой единственный художественный фильм «Вдова» (Mimang-in) в 1955 г. Она показала социальные причины падения нравов и возникновения нового для патриархальной Кореи явления — корейнок-проституток. В послевоенном Сеуле для малограмотных женщин и девушек из деревни карьера проститутки была едва ли не самой прибыльной из всех доступных. Главная героиня фильма Синча переживает внутренний конфликт между романтической и материнской любовью и в итоге выбирает любовь к молодому мужчине. Такой выбор привел ее к трагическому финалу. Мелодрама «Вдова» не получила коммерческого успеха в послевоенные годы, поскольку зрители тогда предпочитали голливудские фильмы со счастливым концом. По некоторым сведениям, кинопрокатчики не захотели поддержать женщину-режиссера, так что Пак Намок столкнулась с явной дискриминацией по половому признаку [там же: 147—148].

Во время работы над фильмом муж Пак Намок не оказал ей помощи. Она проводила съемки с привязанной к спине маленькой дочерью, так как денег на няню не было. Ей даже приходилось готовить обеды для всей съемочной группы, чтобы удержать актеров. После окончания съемок Пак Намок развелась с мужем, известным драматургом и режиссером Ли Бора, и основала журнал «Киноман» (Cinemafan). Кинорежиссурой она больше никогда не занималась [Хван, 2021: 148], ее единственный фильм оказался в центре внимания лишь в 1997 г. — на Первом женском кинофестивале в Сеуле, где обсуждалась тема гендерного равенства в Южной Корее.

Начало XXI в. стало временем пересмотра гендерных ролей и отношений в Южной Корее. По состоянию на 2005 г. число женщин достигло 23,65 млн, что на 30 000 больше, чем мужчин (23,62 млн). Таким образом, впервые с 1944 г. в стране было зарегистрировано больше женщин, чем мужчин. Согласно публикации газеты Chosunilbo, это случилось потому, что традиционное представление

«о том, что сыновья предпочтительнее дочерей», стало менее популярным¹. Для женщин улучшились возможности в области семейного права, они получили права на работу, равный с мужчинами доступ к здравоохранению и образованию.

Тем не менее, согласно отчету Всемирного экономического форума (WEF), в 2022 г. Южная Корея занимала 99 место в мире (из 146) по уровню обеспечения гендерного равенства (в 2021 г. — 102). Из четырех рассматриваемых в рейтинге ключевых областей страна показала худшие результаты по участию женщин в экономике и предоставляемым возможностям. Так, доля женщин в рабочей силе составила 53,39 %, а для женщин на государственных и высокопоставленных руководящих должностях — 16,27 % (90 и 125 места соответственно). Политические права и возможности женщин — 18,6 % от членов парламента и 27 % министерских должностей².

Демократизация общественной жизни в Республике Корея привела к инклюзии женщин-режиссеров в кинематографические процессы. Режиссеры, рожденные в 1980-х годах, сконцентрировались на репрезентации гендерных отношений сквозь призму феминистского подхода, а не стереотипов и культурных стандартов, до сих пор широко распространенных.

Наиболее известными представительницами современной феминистской волны в южнокорейском кинематографе стали Юн Гаын с фильмами «В нашем мире» (Urیدهul, 2016) и «Наш дом» (Urijip, 2019), Чон Гоун — «Маленькая принцесса» (Sogongnyeou, 2018), Ким Бора — «Дом колибри» (Beolsae, 2018), а также Ким Доён — «Ким Чжиён, 1982 года рождения» (82nyeonsaeng Kim Ji-yeong, 2019). Молодые женщины-режиссеры Южной Кореи обращаются в своем творчестве к тематике социализации девочек, гендерного неравенства в семье и обществе, роли отца и матери в воспитании детей, межпоколенных отношений, самоопределения женщин, а также пагубной практики предпочтения сыновей. Целью данного исследования является социологический анализ репрезентации выделенных тематик в женском кинематографе Южной Кореи.

Теоретико-методологическая рамка исследования

Феминистская теория фильмов начала складываться в 1970-х годах и связана с деятельностью британского журнала Screen. Этот подход фокусировался на выявлении того, каким образом патриархальная идеология структурирует визуальные представления о гендере и различиях между полами [Mulvey, 1975, 2009; Penley, 1988; Nichols, 1995; Kaplan, 2000]. Одной из ранних работ стало эссе Лоры Малви «Визуальное удовольствие и нарративное кино», в котором автор рассматривает парадоксальную роль женщин в голливудском кино. В нарративном кино женщины довольствуются подчиненным положением, ролью Другого по отношению к мужчинам, и выступают при этом как универсальные объекты происходящего на экране. Л. Малви описывает мужскую часть зрительской аудитории именно потому, что кино является продолжением патриархальной идеоло-

¹ Women Outnumber Men for First Time Since 1945 // Chosunilbo. 2006. May 25. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2006/05/25/2006052561013.html (дата обращения: 16.06.2023).

² Lee H.-j. Korea Ranks Near Bottom of Annual Gender Equality Index // The Korea Times. 2022. July 14. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/07/281_332744.html (дата обращения: 16.06.2023).

гии, в соответствии с которой женская внешность «кодируется для достижения интенсивного визуального и эротического воздействия». Женщина при этом уподобляется «бытию под взглядом» и показывается как пассивный объект. Для описания этого феномена Л. Малви пользуется термином «вуайеризм», подразумевая желание рассматривать других, особенно что-то запретное, оставаясь при этом невидимым. Герой-мужчина становится «носителем взгляда», и это наделяет его дополнительной властью в том смысле, что он служит точкой идентификации для зрителя. Такая взаимосвязь — часть структурной основы доминирующего кино. Она позволяет кинематографическому аппарату отрицать свою роль в увековечении сексистских идеологий патриархального общества [Mulvey, 1975: 6—18]. Эти приемы, как мы видели, до сих пор активно используются в фильмах мужчин-режиссеров, включая и современных южнокорейских.

Постепенно феминистские исследования кино привели к появлению альтернативного женского контркино, в рамках которого женщины-режиссеры конструируют гендерные роли и высвечивают аспекты неравенства сквозь призму женского видения и перспективы. Эта тенденция наметилась в южнокорейском кинематографе с появлением в последние годы так называемой феминистской волны, фильмы которой можно интерпретировать не столько с позиций господства посредством привилегии разглядывать мужские или женские тела, эротизма, сколько с точки зрения разоблачения традиционно отведенной женским персонажам второстепенной роли, а также предписанных норм и стандартов общества без их осмысления, понимания и чувствования происходящего. Поэтому женщины-режиссеры опираются на соответствующие визуальные средства, используя главным образом средние и среднеобщие планы и мягкий монтаж, тем самым показывая, что все персонажи обладают равными правами и нет превосходства одних над другими, будь то старшие по возрасту или мужчины.

Женщины-режиссеры феминистской волны сосредоточены не столько на любовных отношениях или изображении сексуального господства, сколько на социально-культурных аспектах современного южнокорейского общества, на укоренившихся практиках гендерного неравенства, которые лучше прослеживаются со стороны так называемого угнетенного класса. Это, например, практики предпочтения сыновей в корейских семьях, уязвлявшие девочек в структуре семейного воспитания; практики двойной занятости женщин дома и на работе, хотя в обществе манифестировалась роль отца как кормильца семьи и добытчика, и многие другие. Анализируемые фильмы воспринимаются в Южной Корее в качестве контркультурных и вызывают ожесточенную критику со стороны молодых мужчин и антифеминисток.

Феминистские исследования тесно связаны с культурными исследованиями в области изучения кино, массмедиа, литературы. Этот подход определяет культуру в терминах борьбы за культурный капитал и доступ к нему, за производство идентичностей внутри и посредством культурных репрезентаций. Культура для сторонников культурных исследований не только выступает как легитимация социального неравенства, но также предлагает способы его преодоления: любая «революция» (от социалистической до женского освободительного движения) начинается с борьбы за переоценку культурных ценностей и изменение культурной

политики. Культурная политика класса, пола или расы — это борьба за то, чтобы сделать «видимой» историю и культуру данной социальной группы, это борьба за репрезентацию, борьба с доминирующей идеологией, узурпировавшей право на «именование», на натурализацию так называемого здравого смысла, за представление «официальных версий» и реконструкцию исторического прошлого [Усманова, 2000].

Культурные практики, репрезентации являются важнейшей темой феминистских дискуссий именно потому, что сегодня властные отношения, связанные с сексистскими практиками, становятся все более заметными. Феминистское киноведение, во многом опираясь на традиции культурных исследований, привлекает идеи марксизма и левой политики, обращаясь к опыту прогрессивных политических движений и артикулируя проблемы вне академического мира, способствуя лучшему пониманию отношений власти и неравенства. Перед феминистскими исследованиями кино ставится задача не только разоблачить сексистское изображение женщин, но и переосмыслить отношения между гендером, властью и кинематографом [Ярская-Смирнова, 2001: 17—18].

Женщины-режиссеры работают в жанре урбанистической драмы, поддерживая семейные ценности, но осознают, что модели современной семьи сильно изменились. В конечном счете это заставляет менять и нарратив. Женщины подталкивают к другому взгляду на мужчин и женщин, а вместо мифологизации и поэтизации реальности и субъекта они скорее используют критический взгляд. Женщины любят нюансы, детали, из которых часто и складывается стереотипический взгляд на субъект. Кажется, они держат в голове, что кино — это не только развлечение, перформанс, философия, политический месседж, но также своего рода изучение человека и его слабостей и вместе с тем инструмент психологической и социальной терапии [Артюх, 2018: 30].

Анализ картин, предпринятый в данной статье, осуществлялся главным образом на основе элементов контекстуального анализа, способствующего лучшему раскрытию социального содержания фильмов [Корте, 2018; Агафонова, 2008]. Гельмут Корте в своей книге представил модель анализа фильмов, базирующуюся на таких контекстуальных факторах, как факты о фильме (имманентные характеристики), факты о возникновении фильма (почему кинокартина актуализирует именно это содержание в такой форме?), фактическая основа фильма (как соотносится кинематографическое отображение с реальным значением фильма) и факты воздействия (ключевые тенденции в восприятии фильма его современниками) [Корте, 2018: 49]. Таким образом, методом сбора эмпирических данных стал контент-анализ фильмов южнокорейских женщин-режиссеров с выделением таких единиц наблюдения, как ключевые персонажи, хронометраж / число появлений в кадре, реплики и общая характеристика персонажа. Все это позволило выявить ключевую тему каждого фильма. Также были проанализированы рецензии российских и зарубежных кинокритиков и отзывы зрителей, содержащие реакции на гендерную проблематику изучаемых фильмов.

Системный анализ фильма по Г. Корте помимо контекстуального анализа подразумевает еще и обзор изобразительных средств кинематографа: крупность плана, движение камеры, связь между монтажными планами, угол съемки. Сто-

ит заметить, что фильмы молодых южнокорейских женщин-режиссеров Юн Гаын, Чон Гоун, Ким Бора и Ким Доён погружают зрителей в повседневный мир девочек и молодых женщин. Этому способствуют общие и среднеобщие планы, позволяющие наблюдателям событий отождествлять себя с героинями, сочувствовать и сопереживать им. Зрители как будто оказываются в семьях главных героинь, школах, местах их работы. Режиссеры не злоупотребляют крупными планами и тем самым не давят на эмоции зрителей — напротив, они стремятся максимально объективно изобразить перипетии, в которых оказываются женские персонажи. Особенно это характерно для фильмов «Дом колибри» Ким Бора и «Ким Чжиён, 1982 года рождения» Ким Доён. Единственное исключение — это работа Чон Гоун «Маленькая принцесса», где мы видим несколько «жесткий» монтаж кадров. С помощью этого приема создатели фильма целенаправленно комбинируют разные сюжетные линии и места действия, когда главная героиня в поисках временного дома посещает своих бывших друзей, поддавшихся общепринятым культурным стандартам и изменившим ценностям своей юности. Таким образом, появляется определенный ритм фильма, усиливающий напряжение происходящего с Мисо — главным женским персонажем.

Разобраться с гендерной и социальной спецификой развития современного южнокорейского общества помогли работы Андрея Ланькова [Ланьков, 2021], Олега Кириянова [Кириянов, 2017], Дэниела Тюдора [Тюдор, 2019], Юни Хонг [Хонг, 2021], а также ряд публикаций в периодической печати. Гендерная проблематика, нашедшая отражение в женском южнокорейском кинематографе феминистской волны, концептуализирована в рамках таких тем, как социализация девочек, самоопределение женщины в современном корейском обществе и гендерное неравенство в семье.

Социализация девочек в южнокорейских семьях

Проблематика детской социализации лежит в основе фильмов Юн Гаын («В нашем мире», 2016; «Наш дом», 2019) и Ким Бора («Дом колибри», 2018).

Первая полнометражная картина Юн Гаын «В нашем мире» погружает зрителя в мир беззащитной, одинокой десятилетней девочки по имени Сан. Отношения в школе, которую режиссер Юн Гаын перенесла на экран, строятся на социальных иерархиях и барьерах, а критерием отбора является социальный успех — хорошие оценки, карманные деньги, красивые вещи, благополучная семья, посещение дополнительных занятий, позволяющих лучше учиться в школе. Самой успешной и популярной среди сверстниц стала девочка по имени Бора — она определяет правила и лиц, которые включаются в круг общения с ней или, наоборот, исключаются. Аутсайдеры подвергаются жестокому обращению, в ход идут обман, лицемерие, высмеивание и пр. Сначала роль козла отпущения досталась Сан, затем перешла к ее подруге Дзя. Насмешки и издевательства валяются на десятилетних девочек за то, что у одной из них развелись родители, а у другой отца увидели на улице пьяным.

В другом фильме Юн Гаын «Наш дом» мы видим историю трех двенадцатилетних подруг во время летних каникул. Фильм повествует о непростых жизненных ситуациях девочек из двух семей. Главный персонаж Хана живет с родителями и бра-

том во внешне благополучной семье, однако родители постоянно ругаются между собой и выясняют отношения. В семье других девочек Юми и ее младшей сестры Юджин все еще хуже: родители уехали на заработки в другой городок, оставив дочерей проживать якобы под присмотром дяди, который, однако, ни разу не появился на экране. Более того, квартиру, где проживают сестры, арендодатель хочет сдать другим жильцам, и над девочками нависает угроза остаться на улице.

Только дружба делает их жизнь веселее. Стараясь помочь друг другу, они находят смысл своего существования. Девочки сбегают на море, теряют дорогу и только после полного отчаяния чудом возвращаются обратно. Казалось бы, их пропажа должна заставить родителей задуматься, насколько нелегко приходится детям, и вникнуть в их чувства и переживания. Однако режиссер не показывает нам разрешения семейных ситуаций детей, мы видим лишь временную разрядку, после которой все, скорее всего, вернется в прежнее состояние.

Ведущей темой фильмов женщин-режиссеров стали семейные отношения между мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Конфуцианские ценности на протяжении долгого времени поддерживали в южнокорейском обществе традиционные представления, согласно которым от мужчин ожидалось, что они будут основными кормильцами, а женщинам предписывалось главным образом выполнять обязанности жен, матерей и домохозяек.

Вопреки распространенному в Южной Корее представлению, что мужчины — главные ответственные за семью, женские персонажи в фильмах Юн Гаын и Ким Бора отличаются большей энергией и влиянием в семьях. Мама Сан из фильма «В нашем мире» справляется со многими делами: работает вне дома, ведет домашнее хозяйство, поддерживает коммуникацию и добрые отношения в семье, прежде всего с детьми, заботится об отце своего мужа. Сама Сан присматривает за младшим братом, помогает матери по дому, самостоятельно решает свои проблемы с одноклассницами в школе. Отец Сан, который недостаточно зарабатывает, почти не занимается домашними делами и воспитанием детей, пьет и даже не задумывается над многими важными вопросами, которые беспокоят других членов семьи.

В кинокартине «Наш дом» зрители также наблюдают за тем, как мать девочки Ханы, не в состоянии совмещать семейные обязанности и свою профессиональную деятельность, оказывается недовольной семейной жизнью. Она планирует поехать на работу в Германию и уже собрала для этого все документы. Отец девочки представлен слабовольным и неудачливым: он пьет и, как выясняется, имеет любовницу, устраивающую ему сцены ревности и скандалы. Старший брат Ханы погрузился в учебу и личные отношения со своей девушкой, тем самым отстранившись от семейных проблем. И только Хана пытается собрать семью воедино, уговорить всех поехать вместе на море, потому что однажды после такой поездки в семье наступило примирение.

В Корее долгое время существовал институт предпочтения сыновей, согласно которому сыновей в семье ценили больше дочерей, им выделялось больше семейных ресурсов. Семейное право основывалось на конфуцианском убеждении, что глава семьи, являясь самым взрослым мужчиной, имеет власть управлять ею и ее членами. Полномочия главы семьи распространялись на поддержание мужской

семейной линии в родословной (в то время как женская линия не учитывалась), а также на опеку над ребенком и владение имуществом в случае развода. После 1989 г. наследование всего имущества мужчинами после развода было запрещено; родительские права более справедливо разделились между матерью и отцом, что предоставило обоим родителям право встречаться с детьми после развода. Несмотря на то, что многое изменилось в лучшую сторону, проблемы главы семьи и экзогамии одной фамилии или происхождения еще предстоит решить³.

Фильм «Дом колибри» Ким Бора основан на событиях ее детства, происходивших в Сеуле в 1994 г. В центре повествования оказывается 14-летняя школьница Ынхи, которая любит рисовать комиксы. Учителя в ее школе слишком строгие, а родители постоянно ссорятся и даже дерутся, после чего ведут себя так, словно ничего не произошло. Они склонны игнорировать потребности дочери и поддерживают главным образом ее старшего брата, обижающего Ынхи физически и вербально. Он обращается к ней коротким словом «Эй!» и периодически бьет ее.

Единственной отрадой Ынхи стало общение с учительницей каллиграфии и китайского языка, с которой она поделилась тем, что старший брат жестоко с ней обходится. Учительница навестила девочку в больнице и посоветовала никогда никому не позволять обижать себя. Когда Ынхи выписалась из больницы, оказалось, что ее любимую учительницу уволили, объявив «странной». Вскоре также выяснилось, что в городе обрушился мост и погибло много людей, в числе которых была та самая учительница. Перед этим она успела прислать Ынхи альбом для рисования, как бы оставляя девочке завет: не стоит оставлять свою мечту стать мультипликатором.

В «Доме колибри» Ким Бора изображает равнодушных и жестоких персонажей, лишенных эмпатии. Особенно это относится к мужским героям. Единственная свободная от предрассудков, справедливая и честная женщина, учительница, оказывается нежизнестойкой в Корее. Тем самым Ким Бора показывает, что в 1994 г. южнокорейское общество еще было переполнено патриархальными нравами и устоями.

Схожую картину предпочтения сыновей мы видим в фильме «Ким Чжиён, 1982 года рождения», снятом Ким Доён. А в предисловии к книге, легшей в основу сюжета, даже говорится, что главный женский персонаж относится к тому поколению женщин, «чья мать после ее рождения была вынуждена извиняться перед родителями мужа за то, что ее ребенок девочка» [Нэм Джу, 2016].

Стоит отметить, что фильмы Юн Гын и Ким Бора не отличаются острой феминистской направленностью. Они скорее констатируют близкие к реальности ситуации социализации девочек в корейских семьях и школе, показывая их глазами самих детей. Картины этих режиссеров имеют общее гуманистическое содержание: они призывают взрослых обратить внимание на непростые условия социализации детей, особенно девочек. Яркой иллюстрацией гуманизма и отсутствия мужененавистничества в этих фильмах является высказывание маленького брата Сан из фильма «В нашем мире», которого периодически бьет его друг, а он не может постоять за себя. Отвечая на вопрос сестры, почему он не дает сдачи,

³ Феминизм в Южной Корее — Feminism in South Korea // Викибриф. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Feminism_in_South_Korea (дата обращения: 18.06.2023).

он говорит: «Если мы будем все время давать сдачу, то когда мы будем играть? А я просто хочу играть». В уста самого младшего персонажа режиссер Юн Гаын вложила слова о том, что надо когда-то остановиться во взаимной вражде, иначе для всего остального просто не останется места.

Проблематика женского самоопределения

На экраны англоязычных стран фильм Чон Гоун «Маленькая принцесса» вышел под названием «Microhabitat» («Микросреда обитания»). Содержание картины в художественной форме передает ситуацию вынужденного выбора главной героиней между свободой, самоопределением и социальными стандартами, навязываемыми современной молодежи, особенно женщинам, в условиях неолиберального капитализма.

Главная героиня фильма тридцатилетняя домработница по имени Мисо живет в крошечной квартирке в Сеуле и делит все заработанные деньги между своими пороками (алкоголь и сигареты) и необходимостью (лекарства и аренда жилья). Она не богата, но вполне счастлива в своей привычной жизни; однако, столкнувшись с повышением цен на жилье, она должна выбирать, на что тратить свои доходы. Выбирая выпивку и курение вместо оплаты комнаты, Мисо составляет список бывших друзей, с которыми когда-то выступала в музыкальной группе и у которых могла бы пожить какое-то время.

По мере перемещений Мисо из одного дома в другой перед зрителями постепенно высвечивается одна из ключевых проблем неолиберального капитализма в Южной Корее — репрессивность социальной системы⁴. Каждая ситуация, в которой оказывается героиня, изображена с юмором и сильным преувеличением, но тем не менее передает представление о суровых реалиях жизни в стране. Показательным примером является первый визит Мисо к бывшей участнице музыкальной группы Мунён, работающей в крупной компании. При встрече подруга говорит, что ей надо работать как можно больше, чтобы получить «еще лучшую работу» и добиться большего профессионального успеха. Тем не менее ей приходится прямо перед Мисо ставить себе капельницу из-за перенапряжения на работе. Российскому зрителю такая сцена кажется избыточно жесткой, однако в корейских компаниях это никого не удивляет.

Фильм характеризует также и давящее на человека воздействие семейных стереотипов. Другая подруга Мисо, бывшая клавишница, хоть и встречает ее тепло и позволяет переночевать у себя, оказывается несчастлива в своем замужестве. Она ощущает себя в ловушке у своего мужа и свекрови, которые требуют, чтобы она «заткнулась и готовила еду». Еще один женский персонаж, бывшая гитаристка, стала матерью и не может скрыть своего недовольства по этому поводу. Она изображает себя счастливой супругой и матерью, при этом весело восклицая, что «рождение ребенка — это единственное страдание в жизни человека», не успеваешь исправить сделанную оговорку и заменить слово «страдание» на «благословение».

Не лучше обстоят дела и с мужскими персонажами. Один из них настолько травмирован стыдом и финансовым бременем своего развода, что не может выйти

⁴ Heinz B. KOFFIA 2018 Review: Microhabitat // Filmed in Ether. 2018. August 29. URL: <https://www.filmedinether.com/reviews/koffia-2018-review-microhabitat/> (дата обращения: 18.06.2023).

из депрессивного состояния, постоянно плачет и сообщает Мисо, что у него «аллергия на женщин». При всем своем сопротивлении социальным нормам Мисо пришлось назвать его «биологически мужчиной, но психологически женщиной». Следующий герой-мужчина оказался под давлением своей одержимой матери, намерившейся во что бы то ни стало женить его на Мисо. Контроль матери над романтической жизнью ее сына реализуется в одной из самых комедийных и в то же время трагических сцен фильма: мамаша устраивает семейное выступление перед Мисо, в ходе которого все члены семьи играют на музыкальных инструментах, а сама она исполняет вокальную партию. При этом выражение ее лица выдает мольбу о победе из показного «семейного рая».

На фоне всех этих персонажей, оказавшихся под давлением социальных институтов работы и семьи, Мисо остается единственной героиней, сохранившей верность себе и идеалам своей молодости. Разменяв свою комнату на рюмку виски и пачку сигарет, она оказывается на улице с полным чемоданом. Путешествие Мисо парадоксальным образом ставит под сомнение значение слова «жилье»⁵. С одной стороны, иметь свой дом — значит быть способным выжить в современном мире. Вместе с тем в нынешних условиях многим представителям молодежи, даже тем, кто имеет регулярный заработок, трудно купить хотя бы крошечную квартиру. В Корее говорят о поколении «сампо», то есть людей, которые из-за отсутствия жилья вынуждены отказаться от трех ключевых вещей — любви, брака и детей. С другой стороны, путешествуя вместе с Мисо по домам бывших участников музыкальной группы, мы как зрители задумываемся о ценности человеческой жизни, измеряемой экономической ценностью «жилья», и задаемся вопросом: «Стоит ли отказываться от привычных вещей, чтобы соответствовать стереотипам („повзрослеть“) и купить жилье?» Мисо выбирает маленькое, но вполне определенное счастье жить приятной для нее жизнью — ей достаточно рюмки виски и пачки сигарет, которые, по мнению большинства, приносят больше вреда, чем пользы. В этом контексте вопрос бывших друзей Мисо «ты все еще куришь?» звучит как «ты еще не выросла?».

Бойфренд Мисо Хансоль, чтобы пригласить ее в кино, сдает кровь за бесплатные билеты. Поначалу он разделяет бедность своей возлюбленной, отказываясь от своей мечты стать веб-карикатуристом, однако затем с целью заработать деньги на покупку их общего дома уезжает работать в Саудовскую Аравию, где зарплата значительно выше. В мире, где мечты и идея своего «дома» откладываются, Мисо становится трудно приобрести даже лекарство для предотвращения появления преждевременной седины. В отношениях Мисо с бойфрендом мы видим проявление идеи постлюбови, когда невозможность влюбленных воссоединиться диктует каждому собственный путь самоопределения. Постфеминистская культура развивается вразрез феминистской политике и делает акцент на образовании женщин и девушек, на их профессионализации, свободе выбора с уважительным отношением к работе, домашнему и родительскому труду, а также физическим и сексуальным правам и возможностям [Артюх, 2018: 24].

⁵ Lee J.-H. The Film Microhabitat Poses Macro-Questions. A Little Princess in Search of Housing // The Dissolve. 2018. April 23. URL: <https://thedissolve.kr/the-film-microhabitat-poses-macro-questions/> (дата обращения: 18.06.2023).

Концовка фильма «Маленькая принцесса» схожа с одной из сюжетных линий картины «Дом колибри». Обе героини — Мисо и учительница китайского языка, — будучи неподверженными массовым стереотипным представлениям женщинами, погибают, что в очередной раз свидетельствует о силе воздействия и неизменности социальных практик и институтов, базирующихся на косном вековом укладе консерватизма и патриархальности.

Женщина в современной корейской семье

В Южной Корее после мощного экономического подъема и роста благосостояния населения произошла демократизация социальной и культурной жизни. Демократизация корейского общества, набиравшая обороты с 1980-х годов, привела к отмене и ослаблению многих патриархальных норм семейных и гендерных отношений. Принятие в 1988 г. «закона о равноправии полов» и официальная отмена дискриминационных ограничений в 1992 г. означали серьезные изменения в отношении к работающим женщинам [Ланьков, 2021: 324]. Тем не менее многие патриархальные нормы оказались глубоко встроенными в социальные институты и практики, определяющие гендерные отношения в Южной Корее и в наши дни. Вследствие неравенства в семье южнокорейские женщины выходят замуж позже и рожают меньше детей. В отчете Центра стратегических и международных исследований за 2007 г. отмечалось, что по сравнению с другими развитыми странами коэффициент рождаемости в Корее был самым низким, равно как и уровень занятости женщин — 60% для женщин в возрасте от 25 до 54 лет по сравнению с 75% в США и 76% в ЕС. Доля корейских женщин, полагающих наличие детей «необходимым», снизилась с 90% в 1991 г. до 58% в 2000 г. Более того, если в 1970 г. средний возраст женщин, вступающих в первый брак, составлял 23 года, то к 2005 г. речь шла уже о 28 годах⁶. В 2020 г. в стране была зафиксирована самая низкая рождаемость в мире — суммарный коэффициент составил 0,81⁷. Вместе с тем согласно исследованиям, новым трендом в современных обществах становится многодетность, особенно в семьях, где оба родителя ориентированы на профессиональную деятельность и карьеру.

Яркий пример семейных отношений в Южной Корее представлен в картине Ким Доён «Ким Чжиён, 1982 года рождения» (2019). Фильм поставлен по одноименному роману корейской писательницы Чо Намджу, опубликованному тремя годами ранее [Нэм Джу, 2016]. Это история обычной кореянки Ким Чжиён, ставшей собирательным образом корейских замужних женщин в возрасте 30—40 лет. Книга и фильм стали своего рода феминистским манифестом современных южнокорейских женщин и вызвали ожесточенные споры в обществе. Ким Чжиён — одно из самых распространенных корейских имен для целого поколения кореянок. В кинокартине главная героиня проходит путь от детства до материнства, вспоминает историю своей семьи, в ходе которой женщинам приходилось сталкивать-

⁶ Gender Equality: Korea Has Come a Long Way, but There is More Work to Do // Organisation for Economic Co-operation and Development. 2021. October 25. URL: <https://www.oecd.org/country/korea/thematic-focus/gender-equality-korea-has-come-a-long-way-but-there-is-more-work-to-do-8bb81613/> (дата обращения: 18.06.2023).

⁷ В Южной Корее зафиксирован рекордно низкий коэффициент рождаемости // Regnum. 2022. 24 августа. URL: <https://regnum.ru/news/society/3677985.html> (дата обращения: 18.06.2023).

ся с глубоко укоренившимся гендерным неравенством, начавшимся, в частности для Ким Чжиён, с непонимания со стороны отца — с его постоянным подчеркиванием того, что для семьи сыновья гораздо важнее, чем дочери.

Обсуждаемый фильм представляет базовые женских типажи в южнокорейском обществе. Матери женщин, появившихся на свет в 1980-е годы, стали носителями традиционных норм и ценностей. В 1961—1979 гг. при режиме генерала Пак Чонхи, автора «корейского экономического чуда», сложилась стратификационная пирамида, в нижнем слое которой оказались 70—75% населения. Бедняками, составлявшими в тот период подавляющее большинство южнокорейского общества, становились сельские жители, вынужденные продавать свою продукцию по низким ценам, и низкооплачиваемые рабочие в урбанизированных промышленных зонах, мирившиеся с тяжелыми условиями труда и быта [Модернизация Кореи..., 2022: 202]. В те времена Южная Корея имела репутацию страны с самой продолжительной рабочей неделей в мире и самым высоким уровнем несчастных случаев на производстве. И, несмотря на то что женщинам предписывалось выполнять главным образом домашнюю работу, они были активно вовлечены в процессы индустриализации и работали на фабриках по производству электроники, текстиля, одежды и в пищевой промышленности. Они трудились в ужасающих условиях — например, жили в общежитиях прямо на производствах, где одними и теми же матрасами пользовались две смены женщин непрерывного производства. Молодым работницам, приехавшим из сельской местности, платили низкую заработную плату, а сами они часто подвергались сексуальным домогательствам⁸. Именно такой жизненный путь был у матери Ким Чжиён, взвалившей на себя дополнительно все семейные обязанности, включая уход за свекровью, которая до смерти проживала в семье своего сына, и потакание всем ее капризам.

Молодые персонажи представлены руководителем компании — новым типом корейской женщины с сильным характером, которая, являясь женой и матерью, открывает собственное дело и целиком посвящает себя профессиональной деятельности. Стоит заметить, что подобный тип «женщины-карьеристки» открыто порицается как мужскими персонажами (за то, что оставила ребенка на бабушку), так и в публичном пространстве южнокорейского общества. Другой женский персонаж — подруга Ким Чжиён — незамужняя кореянка, работающая в местной компании, попала под давление стереотипных общественных настроений, согласно которым в определенном возрасте женщины должны быть замужем и иметь детей.

Сама Ким Чжиён — носительница наиболее типичных черт и чаяний молодых корейских женщин. Она была прилежной девочкой, хорошо училась в школе и университете, помогала матери по хозяйству. После учебы устроилась на работу в компанию, где поначалу выполняла обычные для молодой кореянки обязанности — подавала кофе старшим сотрудникам. Со временем ее способности были отмечены руководителем, и она стала выполнять более сложные профессиональные задачи, однако, когда встал вопрос о карьерном росте, повышение по должности получили только ее коллеги-мужчины, поскольку, в отличие от молодых женщин, рассматривались как долгосрочные работники. Все праздники

⁸ Феминизм в Южной Корее — Feminism in South Korea // Викибриф. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Feminism_in_South_Korea (дата обращения: 18.06.2023).

и семейные торжества Ким Чжиён отмечает в семье своего мужа и его родителей, где ей по несколько дней следует помогать свекрови в приготовлении традиционных корейских блюд. При этом сестры мужа в этих ритуалах не участвуют, поскольку относятся к семьям своих мужей.

Ухаживая за маленькой дочерью, Ким Чжиён повсеместно слышит насмешки окружающих и обвинения в том, что «молодые мамыши» хорошо устроились в жизни, целыми днями бездельничают и гуляют с колясками. В какой-то момент она начинает терять саму себя и входит в образы окружающих ее людей, говорит голосами других людей. Обращаясь к словам автора книги, можем сказать: «Чжиён время от времени превращалась в других людей. Кто-то из них был жив, кто-то умер, но все они были знакомыми ей женщинами. Не важно, как это выглядело — это не было ни шуткой, ни притворством. Она становилась ими совершенно искренне, полностью и целиком» [Нэм Джу, 2016: 62]. Такое состояние Ким Чжиён беспокоит ее мужа, и он уговаривает жену отправиться к психиатру, чтобы начать лечение.

Сюжет базируется на ряде реальных событий, имевших место в Южной Корее. К примеру, в фильме мы видим, что в компании, где работала Ким Чжиён, женщины случайно узнают, что охранник установил на одном из этажей скрытые камеры в кабинках женского туалета, а сотрудники-мужчины просматривают заснятые кадры. Зная о происходящем, директор компании не предпринимает никаких мер. Позже зрители видят страх Ким Чжиён посещать общественные туалеты.

Киноистория о жизни Ким Чжиён, как и книга, вызвала бурные дискуссии в Южной Корее. Сильная отрицательная реакция была среди антифеминисток, некоторые из которых даже пытались обратиться к правительству с просьбой приостановить выпуск фильма. Часть мужской аудитории также пыталась создать негативный резонанс на фильм в социальных сетях, где, в отличие от киносайтов, не требуется предварительного просмотра фильма для последующего его обсуждения⁹. Мужчины увидели в романе и фильме «посягательство на традиционные ценности», посчитали, что автор «беспричинно драматизирует жизнь обычной корейской женщины и искажает реальную картину», а некоторые высказывались в таком духе: «Я согласен с тем, что сорокалетние и пятидесятилетние женщины чем-то жертвовали, но я не считаю, что женщины в возрасте двадцати и тридцати лет подвергаются дискриминации»¹⁰. Немалая доля критики выпала и на исполнителей главных ролей — актеров Чон Юми (Ким Чжиён) и Кон Ю (ее муж). Оба столкнулись с нелюбезными комментариями еще до того, как приступили к работе над своими ролями. «Я знаю, что различия во взглядах всегда существуют. <...> Я решил сыграть главную роль в фильме, содержащем, с моей актерской точки зрения, взгляды, которым я симпатизировал», — сказал после съемок Кон Ю¹¹.

⁹ Conran P. Kim Ji-young, born 1982. Silences Anti-Feminist Backlash in Powerful Debut // Korean Film Council. 2019. October 28. URL: <https://www.koreanfilm.or.kr/eng/news/reports.jsp?mode=VIEW&seq=559&blbdComCd=601008> (дата обращения: 18.06.2023).

¹⁰ Госпожа Ким Чжи Ён, 1982 года рождения — отзывы о книге // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/review/1489465-gospozha-kim-chzhi-en-rozhdennaya-v-1982-godu-te-nem-dzhu> (дата обращения: 18.06.2023).

¹¹ Lee J.-L. Despite Backlash, «Kim Ji Young» Stars Persevere: Adaptation of Controversial Book Aims to Help Start Conversations across Korea // Korea JoongAng Daily. 2019. September 30. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2019/09/30/movies/Despite-backlash-Kim-Ji-Young-stars-persevere-Adaptation-of-controversial-book-aims-to-help-start-conversations-across-Korea/3068503.html> (дата обращения: 18.06.2023).

Начиная с 2018 г. в Республике Корея был проведен ряд радикальных феминистских демонстраций против женоненавистнических практик. Движение «Избавься от корсета» состоит в основном из женщин, которые стремятся бросить вызов общепринятым стандартам красоты в южнокорейском обществе¹². Кореянки выступают против использования декоративной косметики, окрашивания волос и косметических процедур (все эти практики весьма популярны в стране и приносят корпорациям огромные доходы). Подобные демонстрации получили широкую поддержку, и десятки тысяч молодых корейских женщин вышли протестовать против несправедливого обращения и предвзятых стандартов в их отношении. Радикальные феминистки проводят постоянные дебаты с корейскими мужчинами, недовольными «обратным сексизмом» из-за обязательной военной службы в Республике Корея. Также молодые корейцы настаивают на оправдании некоторых известных мужчин, обвиненных в сексуальных домогательствах. В эти дебаты был втянут и предыдущий президент страны Мун Чжэин, сказавший, что «такие проблемы, как горечь среди женщин, будут разрешены только тогда, когда мы сможем убедить их в том, что мы особенно уважаем чувства стыда и достоинства, связанные с женской сексуальностью»¹³. Многие корейские женщины остались недовольны этим заявлением и утверждали, что он сможет решить проблему женоненавистничества, если будет продолжать рассматривать женские демонстрации как выражение «горечи». Нынешний президент Юн Сокёль известен как сторонник более консервативных взглядов на вопросы гендерного равенства — накануне своих выборов он заручился поддержкой антифеминистов¹⁴.

Стоит обратить внимание на разницу между книгой Чо Намджу и фильмом режиссера Ким Доён. Книга написана строгим языком документального эссе: в ней хронологически представлены события из биографии главной героини Ким Чжиён, начиная с детства и юности и заканчивая взрослой жизнью, замужеством и болезнью. Усредненность главной героини и сходство ее жизни с жизнью многих кореянок подчеркиваются многочисленными ссылками на статистические данные, научные исследования, отчеты официальных органов управления Республики Корея и другие документы, описывающие статус корейской женщины в семье и обществе. Характерно, что Ким Чжиён обратилась к психиатру-мужчине, который, рассуждая о схожих сложностях в своей семейной жизни и воспитании сына-школьника, все же в самом конце, сожалея об уходе своей квалифицированной помощницы Суюн в декретный отпуск, думает: «Я позабочусь, чтобы та, кто придет вместо Суюн, была не замужем» [Нэм Джу, 2016: 65]. Фильм Ким Доён, напротив, отличается высокой эмоциональностью и художественностью, что во многом определяется выбором на главные роли популярных корейских актеров. Киноадаптация наполнена множеством психологических деталей, заставляющих зрителей сочувствовать Ким Чжиён и ее семье.

¹² Феминизм в Южной Корее — Feminism in South Korea // Викибриф. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Feminism_in_South_Korea (дата обращения: 18.06.2023).

¹³ Там же.

¹⁴ Курмангалиева А. Антифеминист стал президентом Южной Кореи. Что ему помогло // Steppe. 2022. 10 марта. URL: <https://the-steppe.com/novosti/antifeminist-stal-prezidentom-yuzhnoy-korei-cto-emu-pomoglo> (дата обращения: 18.06.2023).

Заключение

Корейский кинематограф второй половины 2010-х годов связан с появлением заметных режиссеров-женщин, рожденных в 1980-е годы — Юн Гын, Чон Гоун, Ким Бора и Ким Доён. Их фильмы вызвали сильный резонанс в стране и ознаменовали собой возникновение феминистской волны: они содержат в себе женский взгляд на гендерные отношения и неравенство в корейском обществе, и этот взгляд отличается от общепринятого. В данной статье проведен социологический анализ репрезентации выделенных в женском южнокорейском кинематографе таких тематик, как социализация девочек в Южной Корее, несправедливая практика предпочтения сыновей в семьях, гендерное неравенство в семье и в профессиональной сфере, роль отца и матери в воспитании детей, самоопределение женщин.

Во всех без исключения фильмах мы встречаем некатегоричный взгляд на гендерные отношения и неравенство. Режиссеры дают зрителю возможность как бы заглянуть за ширму приватной повседневности девочек и женщин разных времен без расстановки акцентов или моральных оценок. Тем не менее в этих фильмах гендерные отношения представлены как совокупность практик, закрепленных в южнокорейском обществе. Согласно структурно-конструктивистскому подходу в гендерных исследованиях, такого рода практики, так же как и модели властных взаимодействий, разделения труда, эмоциональных и сексуальных отношений и репрезентаций, существуют на индивидуальном, интеракционном и структурном (институциональном) уровнях [Здравомыслова, Тёмкина, 2015: 294]. На институциональном уровне ключевая роль принадлежит культуре и идеологии в формировании гендерных различий. Гендерные различия воспроизводятся в разных секторах социальной жизни: в семье, экономике, правовой сфере, образовательных и прочих учреждениях.

Режиссеры феминистской волны оставляют открытым вопрос о будущем гендерного неравенства в южнокорейском обществе, намечая противоречивые перспективы. Фильм Ким Доён «Ким Чжиён, 1982 года рождения» снят по одноименному литературному эссе Чо Намджу, однако оба произведения — книга и фильм — передают разные перспективы гендерных отношений. Книга предлагает пессимистичный сценарий, согласно которому вековые патриархальные устои глубоко укоренены в практики повседневной и профессиональной жизни Южной Кореи и будут меняться довольно долго и медленно. По Лоре Малви, женщина — это Другой, то есть она вынуждена довольствоваться второстепенным социальным статусом и считается подчиненной привилегированному положению мужчины как универсального субъекта [цит. по: МакДональд, 2018: 139]. Фильм режиссера Ким Доён сделан в духе феминистской концепции «обретения голоса», достижения героиней уверенной идентичности в личной и публичной сферах. Есть и более важное отличие: режиссер фильма изменила концовку, преобразовав психиатра-мужчину, не дававшего хороших прогнозов насчет состояния Ким Чжиён, на психиатра-женщину, полностью вылечившую главную героиню. В фильме Ким Чжиён, обретая свою самость, сначала дает отпор молодым офисным работникам, смеющимся над ней из-за пролитого по неловкости кофе, а в последних кадрах картины зритель видит, как она совсем окрепла и листает свою только

что изданную книгу-биографию. Эта же идея «обретения голоса» просматривается в фильме «Дом колибри» Ким Бора, главная героиня которого, Ынхи, с подачи учительницы китайского языка учится отстаивать себя и свои увлечения.

Вместе с тем фильмы женщин-режиссеров фокусируются и на очевидной обреченности нетипичных для корейского общества женских типажей. В картине «Маленькая принцесса» Чон Гоун со всей силой воздействия художественного произведения продемонстрировала отсутствие жизнестойкости типажа своей героини Мисо: она не может в полной мере противостоять жестким репрессивным практикам существования в южнокорейском обществе, где каждому предписано «быть как все», то есть стремиться к высокооплачиваемой работе, успешной семье и материнству. В конце фильма бывшие друзья Мисо, с которыми она играла в молодости в музыкальном коллективе, собираются и обсуждают ее преждевременную кончину. Такая же судьба постигла и учительницу китайского языка из картины «Дом колибри» Ким Бора — она не смогла приспособиться к школьному коллективу, где ее сочли «странной» и вынудили уволиться. В результате зрители узнают, что молодая учительница погибла при разрушении моста в Сеуле. Эти примеры свидетельствуют о том, что корейское общество, хотя и изменяется в плане пересмотра гендерных отношений и неравенства, все же по-прежнему функционирует в достаточно жестких рамках патриархальных представлений и конфуцианского наследия, согласно которым мужчины обладают большей свободой профессионального и личного самоопределения, им позволительно многое из того, за что женщинам приходится расплачиваться психическим расстройством и даже жизнью.

А. Ланьков, обращаясь к вопросу гендерного неравенства в Южной Корее, отмечает, что в настоящее время в стране разворачивается третий этап феминизма с присущими ему современными западными идеями [Ланьков, 2021: 320—321]. Тем не менее проблема занятости женщин и выравнивания заработной платы с мужчинами решается не в ходе борьбы за права, а в свете изменения демографической ситуации. Старение населения и низкая рождаемость неизбежно ведут к занятости женщин во всех сферах экономики. А масштабные изменения в практиках и институтах южнокорейского общества, в свою очередь, обеспечивают большее гендерное равенство.

Список литературы (References)

Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008. Agafonova N. A. (2008) *General Film Theory and the Fundamentals of Film Analysis*. Minsk: Tesey. (In Russ.)

Артюх А. Кинофеминизм: женщины-режиссеры XXI века (Основы кинокритики). СПб.: Петрополис, 2018.

Artyukh A. (2018) *Cine-Feminism: Women Directors of the 21st century (Fundamentals of the Film Criticism)*. Saint Petersburg: Petropolis. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2015) *12 Lectures on Sociology of Gender*. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Кирьянов О. В. Южная Корея. М.: РИПОЛ-классик, 2021.

Kiryarov O. V. (2021) *South Korea*. Moscow: Ripol Classic Publishing House. (In Russ.)

Корте Г. Введение в системный киноанализ. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2018. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1103-9>.

Korte H. (2018) *Einführung in die Systematische Filmanalyse*. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1103-9>. (In Russ.)

Ланьков А. Н. Корея: рывок в современность. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2021.

Lan'kov A. N. (2021) *Korea: A Breakthrough into the Present*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publishing House. (In Russ.)

МакДональд К. Теория фильмов. Харьков: Гуманитарный центр, 2018.

McDonald K. (2018) *Film Theory. The Basics*. Kharkiv: Humanitarian Center. (In Russ.)

Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура: коллективная монография / отв. ред. Р. К. Тангалычева. М.: ВЦИОМ, 2022.

Tangalycheva R. K. (ed.) (2022) *Modernization of Korea: Politics, Economics, Society, Culture*. Moscow: Russian Public Opinion Research Center. (In Russ.)

Нэм Джу Т. Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году. М.: Эксмо, 2016.

Cho N.-J. (2016) *Palsip Yi Nyeon Saeng Kim Jiyeong*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Тангалычева Р. К. Молодежные проблемы в южнокорейском кинематографе (на материале фильма Ли Чхандона «Пылающий») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. № 2. С. 155—171. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.204>.

Tangalycheva R. K. (2022) *Youth Problems in South Korean Cinema (On the Material of Lee Chang-don's Film "Burning")*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 15. No. 2. P. 155—171. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.204>. (In Russ.)

Тюдор Д. Невозможная Корея: К-POP и экономическое чудо, дорамы и культура на экспорт, феминизм по-азиатски и гендерные роли Дальнего Востока. М.: АСТ, 2019.

Tudor D. (2019) *Korea. The Impossible Country. South Korea's Amazing Rise from the Ashes: The Inside Story of an Economic, Political and Cultural Phenomenon*. Moscow: AST. (In Russ.)

Усманова А. От локального к глобальному: политика «культурных исследований» (международная конференция по Cultural Studies в Бирмингеме) // Топос. 2000. № 3. С. 161—165.

Usmanova A. (2000) *From Local to Global: The Policy of "Cultural Research"*. *Topos*. No. 3. P. 161—165. (In Russ.)

Хван А. Г. Очерки истории корейского кино (1903—2006). М.: Litres, 2021.

Khvan A. G. (2021) *Essays on the History of Korean Cinema (1903—2006)*. Moscow: Litres. (In Russ.)

Хонг Ю. *Корейская волна: как маленькая страна покорила весь мир*. М.: Бомбора, 2021.

Hong E. (2021) *The Birth of Korean Cool: How One Nation Is Conquering the World Through Pop Culture*. Moscow: Bombora. (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р. Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001. Т. 4. № 2. С. 100—118. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/1828> (дата обращения: 04.07.2023).

Iarskaia-Smirnova E. R. (2001) Gender, Power, and Cinema: The Main Directions of Feminist Film Criticism. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 4. No. 2. P. 100—118. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/1828> (accessed: 04.07.2023). (In Russ.)

Kaplan E. A. (ed.) (2000) *Feminism and Film*. Oxford: Oxford University Press.

Lee S. (ed.) (2019) *Rediscovering Korean Cinema (Perspectives on Contemporary Korea)*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press.

Mulvey L. (1975) Visual Pleasure and Narrative Cinema. *Screen*. Vol. 16. No. 3. P. 6—18. <https://doi.org/10.1093/screen/16.3.6>.

Mulvey L. (2009) *Visual and Other Pleasures*. London: Palgrave Macmillan.

Nichols B. (1995) *Blurred Boundaries: Questions of Meaning in Contemporary Culture*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Penley C. (ed.) (1988) *Feminism and Film Theory*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203699362>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2400](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2400)**М. Ю. Милованова, Е. А. Ирсетская****ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ
КАК ОСНОВА ЗДОРОВОГО ОБЩЕСТВА.
ОБЗОР ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПЕРВЫЕ ШАНЯВСКИЕ ЧТЕНИЯ****Правильная ссылка на статью:**

Милованова М. Ю., Ирсетская Е. А. Гендерный баланс и социальная справедливость как основа здорового общества. Обзор по материалам международной научно-практической конференции Первые Шанявские чтения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 279—298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2400>.

For citation:

Milovanova M. Y., Irsetskaya E. A. (2023) Gender Balance and Social Justice as the Basis of Healthy Society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 279–298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2400>. (In Russ.)

Получено: 17.03.2023. Принято к публикации: 21.04.2023.

ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ОСНОВА ЗДОРОВОГО ОБЩЕСТВА. ОБЗОР ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПЕРВЫЕ ШАНЯВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МИЛОВАНОВА Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: m_milovanova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

ИРСЕТСКАЯ Елена Александровна — кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; старший научный сотрудник, ИПИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: e.irs@rggu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0191-6486>

Аннотация. 3 марта 2023 г. в РГГУ прошли Первые Шанявские чтения «Гендерные ресурсы как потенциал развития социума: культурно-исторические традиции и новации». Научно-практическая конференция продемонстрировала реализацию междисциплинарного и экспертного подходов в гендерных исследованиях, а также накопленный опыт научных школ, сложившихся в России за более чем тридцать лет.

Реализация гендерного равноправия концептуально рассматривается как основа принципа социальной справедливости, выступает неотъемлемой частью политической практики и современного социогуманитарного знания. Общим мотивом научного поиска на конференции стала ориентация

GENDER BALANCE AND SOCIAL JUSTICE AS THE BASIS OF HEALTHY SOCIETY

*Marina Yu. MILOVANOVA*¹—Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor
E-MAIL: m_milovanova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Elena A. IRSETSKAYA^{1,2,3}—Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor; Senior Researcher; Assistant Professor
E-MAIL: e.irs@rggu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0191-6486>

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

² Institute for Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. On March 3, 2023, the First Shanyav Readings “Gender Resources as a Potential for the Development of Society: Cultural and Historical Traditions and Innovations” were held at the Russian State University for the Humanities (RSUH). The scientific and practical conference demonstrated the implementation of interdisciplinary and expert approaches in gender studies and the experience accumulated by the scientific schools established in Russia over the past thirty years.

Gender equality is conceptually regarded as a basis for the social justice principle, an essential component of political practice and modern social and humanitarian knowledge. The conference’s scientific inquiry was focused on the trans-

на преобразование общественных отношений в сторону здорового общества. Гендер рассматривается как наиболее динамично развивающийся социальный конструкт, отражающий стремительность социальных изменений, делающий актуальным ресурсный подход для поиска адаптационных механизмов и объективной оценки нематериального ресурсного потенциала российского населения, выработку основ национальной модели гендерного равноправия с глубокой проработкой культурно-исторических традиций и новаций в условиях социальных изменений.

В современном социуме чрезвычайно актуален запрос на социальную справедливость как равенство возможностей, соблюдение прав и свобод человека, интересов и потребностей как женщин, так и мужчин, исключение любого вида дискриминации, в том числе по признаку пола. В этой связи российскому обществу необходимы новые социальные конструкты, опора на исторические примеры гендерно равноправных моделей. Примером восстановления исторической правды и справедливой оценки гендерно равноправной модели стала деятельность проектно-научного коллектива социологического факультета РГГУ и полученный результат, заключенный в новом статусе конференции Первые Шанявские чтения и ее содержания.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендерные ресурсы, социальные изменения, социальная справедливость, здоровое общество

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Национальная модель гендерного равноправия: меж-

formation of public relations toward a healthy society. Gender is regarded as the most dynamically developing social construct, reflecting the rapidity of social changes and making a resource approach relevant for finding adaptation mechanisms and an objective assessment of the intangible resource potential of the Russian population, laying the groundwork for a national model of gender equality through a thorough examination of cultural and historical traditions, along with innovations in the context of social change.

In contemporary society, the demand for social justice, defined as equal opportunities, respect for human rights and freedoms, the interests and needs of both men and women, and the elimination of all forms of discrimination, including discrimination based on gender, is extremely important. In this regard, Russian society requires new social constructs that are founded on historical examples of gender-equal models. The activity of the project research team of the Faculty of Sociology of the RSUH and the results obtained, led to the new status of the conference — the First Shanyav Readings — which is an example of the restoration of historical truth and a fair assessment of the gender-equal model.

Keywords: gender studies, gender resources, social change, social justice, healthy society

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the RSUH project “National Model of Gender Equality:

дисциплинарный и экспертный подход (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ», 2023 г.), руководитель НИР — к. ист. н., доцент РГГУ М. Ю. Милованова.

An Interdisciplinary and Expert Approach (competition “Project Research Teams of RSUH”, 2023)”, head of research — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor at the RSUH Marina Yu. Milovanova.

Реализация гендерного равноправия выступает неотъемлемой частью как политической практики, так и современного социогуманитарного знания. Общими для научного поиска и практической реализации становятся ориентация на преобразование общественных отношений в сторону здорового общества, ориентированность на идеалы социальной справедливости, ликвидации социального и в том числе гендерного неравенства. Организаторы международной научно-практической конференции Первые Шаньвские чтения «Гендерные ресурсы как потенциал развития социума: культурно-исторические традиции и новации», прошедшей 3 марта 2023 года в РГГУ, были нацелены на закрепление в научном дискурсе ресурсного подхода исследования гендера. Женщины и мужчины как социологические категории, во все времена имеют определенный круг деятельности, способ существования, стиль жизни, обязанности, повинности, ту или иную меру престижа, профессиональные шансы и т. п. Лишь четверть века назад гендерный тренд дал новую ветвь развития, состоящую в переносе осознанного внимания с положения женщин на концепцию полов, признание необходимости переоценки всей структуры общества и всего комплекса отношений между женщинами и мужчинами как гендерных. Изменение гендерного дискурса произошло в 1995 г. в Пекине, где состоялась Четвертая Всемирная конференция по положению женщин и были приняты Пекинская Декларация и Платформа действий¹.

Нестабильная внешняя среда уже стала мощнейшим стимулятором поиска адаптационных механизмов, свидетельствовала о необходимости объективной оценки нематериального ресурсного потенциала российского населения. Именно ресурсный подход позволяет воплощать балансировку интересов и потребностей женщин и мужчин в качестве объекта исследования [Милованова, 2022], при этом учитывается глубинная трактовка гендера как исследования не столько женщин и мужчин, сколько действующих между ними социальных взаимодействий, их потенциальности, отношений, детерминированных воспроизводимыми действующими в том или ином обществе социальными нормами, ролями, статусами, гендерными установками и стереотипами. Запрос на гендерные исследования связан не с их исключением, а, скорее, с более широким раскрытием содержания принятых конституционных поправок к ст. 72 и Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Концептуальное обоснование данного научного мероприятия было также актуализировано специфичным социогендерным ресурсным состоянием

¹ Четвертая Всемирная конференция по положению женщин, 4—15 сентября 1995 года, Пекин, Китай // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/women/beijing1995> (дата обращения: 23.06.2023).

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 26.06.2023).

России. Демографическая проблема возведена до уровня геополитической стратегии и народосбережения. Россия обладает 17 % суши Земли, но при этом население сегодня составляет только 1,9 % от всего населения планеты, а доля страны в экономике мира по паритету покупательной способности — 3,1 %. Поэтому самой насущной, гендерно-обусловленной стратегической национальной целью является сохранение населения, здоровья и благополучия людей³. По данным Федеральной службы государственной статистики, на начало 2022 г. в Российской Федерации проживали 145,6 млн человек, из них 77,9 млн — женщины (53,5 %), 67,7 млн — мужчины (46,49 %). На 1000 мужчин к началу 2021 г. приходилось 1154 женщины. Гендерный диспаритет в сторону женщин в составе населения отмечается с 35 лет и с возрастом увеличивается.

Первые Шанявские чтения стали ключевым событием в рамках поддержанного РГГУ в 2023 г. научно-исследовательского проекта «Национальная модель гендерного равноправия: междисциплинарный и экспертный подход» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2023 г.). Научно-исследовательская работа проектного научного коллектива нацелена на выявление национальных особенностей реализации принципа гендерного равноправия в России с учетом отечественных культурно-исторических традиций и новаций социальных изменений. Данный проект подразумевает применение междисциплинарного подхода и метода экспертных оценок. На конференции были представлены сложившиеся в современной России, научные школы и направления гендерных исследований. Назовем основные из них:

- Научная школа Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) под руководством д. ист. н. Н. Л. Пушкаревой [Пушкарева, 2007; Пушкарева, Пушкарева, 2017; Пушкарева и др., 2018; Пушкарева, Большакова, 2020], известная как научная школа «ее истории» — женской истории⁴;
- Научная школа «Гендерная и экономическая социология» под руководством д. филос. н., проф. социологии Г. Г. Силласте⁵ [Силласте, 2021; Силласте, 2017; Силласте, 2012];
- Исследовательский комитет по гендерной политологии (ИК-1) РАПН под руководством д. полит. н. С. А. Айвазовой [Айвазова, 2017] и ее коллег д. соц. н. Т. Б. Рябовой [Рябова, 2008], д. полит. н. О. Г. Овчаровой [Овчарова, 2023; Овчарова, 2019; Овчарова, 2016], д. полит. н. Н. Н. Козловой [Козлова, 2022; Козлова, 2021; Козлова и др., 2022], к. полит. н. А. А. Гнедаш [Гнедаш, 2017];
- Ивановская школа гендерных исследований под научным руководством д. ист. н., главного редактора научного журнала «Женщина в российском обществе»⁶ О. А. Хасбулатовой [Хасбулатова, 2021];
- ИПИ ФНИСЦ РАН, д. псих. н., зам. директора по научной работе Н. М. Великая [Великая, 2022; Великая, Березкина, 2022; Великая, 2021; Великая, Милованова, 2012], ставший соорганизатором конференции.

³ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 23.06.2023).

⁴ Подробнее см. официальный сайт Российской ассоциации исследователей женской истории. URL: <http://www.rarwh.ru/> (дата обращения: 26.06.2023).

⁵ Подробнее см. официальный сайт Г. Г. Силласте. URL: <https://sillaste.ru/> (дата обращения: 26.06.2023).

⁶ Подробнее см. официальный сайт журнала «Женщина в российском обществе». URL: <https://womaninrussiansociety.ru/> (дата обращения: 26.06.2023).

Отметим попытку А. А. Гнедаш провести сравнительный анализ национальных механизмов гендерного равенства в России и странах постсоветского пространства [Гнедаш, 2017], а также работу по историческому анализу гендерных моделей М. И. Мирошниченко [Мирошниченко, 2015].

Безусловно, этот перечень не претендует на полноту, обозначает лишь некоторые векторы и имена экспертов, вносящих большой вклад в отечественные гендерные исследования и, что особенно важно, традиционно являющихся партнерами гендерных конференций в РГГУ⁷.

В контексте сформулированной организаторами задачи — выявить национальные особенности реализации принципа гендерного равноправия в России с учетом отечественных культурно-исторических традиций и новаций социальных изменений, подчеркнем, что сама концептуальная постановка цели конференции отличается новаторским подходом.

В 2023 г. третья по счету научно-практическая конференция получила новый статус — Первые Шанявские чтения как дань уважения и признания героических усилий Лидии Алексеевны Шанявской — женщины, не занимавшей официальных постов, но преданной делу народного образования. Она, с одной стороны, в традициях того времени исполняла волю мужа, Альфонса Леоновича Шанявского, выраженную им в завещании — направить финансовые средства на создание народного университета в Москве и сформировать попечительский совет, а с другой — уже в начале XX века воплощала собой деловую женщину, наравне с супругом участвующую собственным капиталом в открытии доступного для всех высшего учебного заведения. Того самого учебного заведения, с которого начинался РГГУ. Об этом на открытии конференции говорила председатель оргкомитета М. Ю. Милованова⁸. Она подчеркнула:

Имя Лидии Алексеевны Родственной (Шанявской) чаще всего упоминалось в традиции признания исключительной роли ее супруга А. Л. Шанявского в создании Народного университета, тогда как она сама персонально внесла, пожалуй, больший практический вклад, проявила ум, дипломатию, упорство в дело открытия доступного учебного заведения высшего образования без ограничения пола, сословий, национальности и образовательного уровня [Буланова, Милованова, 2021: 146].

Лейтмотивом научного обсуждения пленарного заседания стал доклад М. Б. Булановой, д. соц. н., проф., зав. кафедрой теории и истории социологии РГГУ по теме «Роль женщин в сохранении российского историко-культурного наследия (на примере М. К. Тенишевой и Л. А. Шанявской)». Докладчик резюмировала:

За спинами этих замечательных женщин стояли их мужья — Альфонс Леонович и Вячеслав Николаевич, у которых хватило мужества не соревноваться с женщинами, а предоставить им возможность раскрыть свои таланты, проявить себя. При-

⁷ Подробнее о партнерах и программе конференции см. официальную страницу социологического факультета РГГУ. URL: <https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=902824> (дата обращения: 10.03.2023).

⁸ Приказом РГГУ от 28.02.2023 аудитории № 273 седьмого корпуса РГГУ присвоено имя Л. А. Шанявской. Седьмой корпус РГГУ находится в историческом здании бывшего Московского вольного народного университета.

мер М. К. Тенишевой и Л. А. Шанявской вдохновляет нас на дальнейшие исследования, просветительство и благотворительность.

В условиях конфликтных политических межгосударственных отношений, проведения СВО и связанных с этим санкционных войн особенно важно было участие экспертов по гендерным исследованиям из зарубежных стран — Вьетнама, Индии, Италии, Пакистана, Южно-Африканской Республики, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана. На репрезентативность международного представительства и идею совместности, интернациональности науки особо обратила внимание и. о. проректора по международному сотрудничеству, д. фил. н., проф. В. И. Заботкина. Не последнюю роль, по ее словам, в этом играет:

Статус РГГУ как центра гуманитарного знания, где рождаются новые гуманитарные идеи, получающие развитие в России и за рубежом.

Глубокий макросоциологический анализ был сделан в докладе Г. Г. Силласте, д. филос. н., проф., заслуженного деятеля науки РФ, научного руководителя департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Она осветила тему «Мировой гендерный ландшафт и страновые гендерные порядки как отражение социального потенциала развития общества». Известный российский гендеролог отметила остроту отношений ко всем, кто занимается гендерными исследованиями, в связи с дихотомической позицией в научной лексике и политическом восприятии гендера.

Мы не собираемся забывать гендер как научное понятие, будем насыщать сложившееся мощное отечественное научное направление гендерной и экономической социологии. Это вопрос гражданско-научной позиции.

В докладе Н. А. Омуралиева, д. соц. н., проф., президента Социологической ассоциации Кыргызстана, заведующего Центром социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики была проанализирована современная гендерная ситуация в Кыргызской Республике и результаты внедрения квотной политики на выборах (представленность женщин в избирательных списках — 30 %).

В. Г. Ушакова, к. ист. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета была солидарна с позицией интеллектуальной защиты научной гендерной терминологии. В выступлении она дала обзор основных теорий феминизма, проанализировала деятельность исторически беспрецедентного количества женщин в политическом процессе и государственном управлении современных европейских обществ. Особое внимание было уделено процессам идеологизации и политизации радикально-феминистских концепций:

Постмодернистские, глобалистские концепции радикального феминизма разрушают традиционную систему ценностей, основанных на концепции взаимодополняемости маскулинности и феминности, что приводит к антифеминизму, постфеминизму. Радикаль-

но-феминистские позиции женщин-политиков в современных европейских обществах позволяют сделать вывод о крушении традиционного гендерного принципа «Мужчины = война, женщины = мир». Анализ теории, идеологии и социальной практики феминизма XIX—XXI веков сохраняет научную актуальность. Появляется понимание причин возникновения и динамики постфеминистских радикальных концепций феминонацизма и феминофашизма, транс-, мульти- и пост-гендерности, которые быстро распространяются по миру благодаря цифровым информационным технологиям. Это новые цивилизационные вызовы, связанные с дегуманизацией общества и антропологической катастрофой.

Т. В. Чубарова, д. эк. н., главный научный сотрудник Института экономики РАН, остановилась на актуальных гендерных аспектах развития здравоохранения в России, факторах здоровья, гендере как социальной детерминанте здоровья человека, возможностях влияния поведенческой экономики на здоровый образ жизни человека. У. А. Винокурова, д. соц. н., к. псих. н., руководитель научно-исследовательского Центра арктической цивилизации, народный депутат Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) первого-второго созыва на реализации лидерского женского потенциала на примере личности Сарданы Авксентьевой.

Отметим наиболее важные направления научной дискуссии и сделаем акцент на наиболее интересных выступлениях (их прозвучало около 100) на секциях конференции.

Секция «Гендер в поле политики: социальные ожидания VS политические практики»⁹

Тема гендерного дисбаланса в сфере политики стала ключевой на этой секции. В докладах были представлены не только проблемы российского общества, но и описаны острые ситуации в западных странах. Рассматривались различные аспекты роли женщины во властных и управленческих процессах, анализировались механизмы, способные обеспечить социально-политическую активность женщин в условиях демократизации российского общества. Сегодня в зарубежном обществе, с одной стороны, можно отметить тенденцию усиления и признания большей значимости участия женщин в политической жизни страны: женщины выбирают в качестве первых лиц государств, и в ряде европейских стран такие тенденции со временем усиливаются. С другой стороны, несмотря на позитивные тенденции, проблема гендерного дисбаланса в европейском обществе все еще носит острый характер и нуждается в общественной дискуссии и внимании не только со стороны общественности, но и со стороны властных структур, способных на законодательном уровне регулировать эту проблему и формировать гендерно справедливую систему общественных отношений. В России пока сильны патриархальные порядки и общественные нормы, что часто становится основанием усиления роли мужчин в государственно-управленческих процессах и затрудняет развитие профессионального и карьерного потенциала женщин.

Открыл секцию доклад аспирантки ИСПИ ФНИСЦ РАН, старшего преподавателя РЭУ им. Г. В. Плеханова Е. Ю. Березкиной. Спикер на примере Италии рассказала

⁹ Проходила в Институте социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Подробнее см. URL: <https://испи.рф/гендерные-ресурсы-потенциал-социума/> (дата обращения: 25.06.2023).

о вовлеченности женщин в политическую сферу и показала данные о представленности женщин во власти. Анализ касался популистских политических партий Италии: Fratelli d'Italia, Forza Italia, Lega, Movimento 5 Stelle. Автор рассуждала о том, почему популистские партии так важны и востребованы. Говоря о представленности женщин в итальянском парламенте, отметила, что их количество снижается (с 240 человек в 2018 г. до 129 человек в 2022 г.). При этом общее количество мест в парламенте в 2018 г. составляло 630 мест, а в 2022 г. уже 400 мест. Спикер отметила, что все члены итальянских партий в основном преимущественно представлены мужчинами. Женщин-депутатов значительно меньше. Среди наиболее интересных выводов, которые вызвали оживленную дискуссию, можно отметить следующие: в популистских партиях Италии не представлены женщины (максимальное их количество составляет 20 %); недостаточно возможностей для реализации участия женщин в процессах политического управления; темы, которые освещают женщины в политике довольно ограничены; затруднен рост представленности женщин на высоких руководящих должностях, а также усиление их роли в общественно-политической жизни страны.

Значимой проблемой является образ женщины в СМИ. Он накладывает отпечаток на имидж женщин в целом, что в дальнейшем может стать препятствием на пути их политической карьеры, так как в общественном мнении женщины будут выглядеть слабыми, менее значительными и важными, чем мужчины, а значит, не способными эффективно представлять общественные интересы, формировать справедливую социально-политическую повестку и отстаивать интересы различных групп населения.

Ученые из Италии представили интересное исследование, посвященное виктимизации женщин в СМИ. Они провели контент-анализ итальянских газет и выявили наиболее часто встречающиеся сюжеты, содержащие факты, направленные на дестабилизацию социального положения женщин в обществе, а также описания ситуаций насилия, в которые часто попадают женщины. Одним из значимых выводов являлся тезис, что в СМИ «оправдывается» поведение мужчин, которые проявили агрессию — то есть журналисты практически в каждом подобном сюжете приводят факты, которые могут сгладить факт произошедшего насилия над женщинами. Так, среди наиболее часто встречающихся, в СМИ приводились следующие доводы: «влюбленные ссорятся — только тешатся»; такая огромная любовь не может считаться преступлением; «любовь не прекрасна и не весела, если она не остра и не сопровождается разбирательствами (судебными)»¹⁰. Мужчины, совершившие преступление или насилие над женщинами, никогда не описываются и не оцениваются журналистами однозначно как преступники; их никогда не обвиняют напрямую за насильственные действия. С другой стороны, пострадавшие женщины описываются в СМИ с позиции присутствия их вины (хотя бы частичной) в том событии, которое произошло, даже если было совершено убийство.

Еще одно наблюдение, которые сделали итальянские спикеры, касается репрезентации социальных ролей женщин в СМИ. Так, исследователи отмечают, что часто в газетных заголовках указываются только имена женщин, но опускается

¹⁰ Итальянская поговорка, прозвучавшая на английском как: Love isn't beautiful or fun if it's not spicy and litigious (перевод Е. А. Ирсетской).

информация об их профессии или сфере деятельности, даже если они являются представителями таких социально значимых профессий, как врач или учитель. В то же время, когда речь идет о мужчинах, обычно указывается их род деятельности, а также иная позитивная социальная характеристика. Это дает основание говорить о том, что СМИ, подавая такой материал, изначально занижают социальный статус женщин, представляют их менее сильными, значительными и независимыми, а также не включают значимую социальную информацию, характеризующую героинь с позитивной стороны.

Обозначенные выводы говорят о необходимости политического вмешательства и регулирования проблем насилия над женщинами в Италии на законодательном уровне со стороны государственных представителей.

Е. А. Назарова, д. соц. н., проф. кафедры социологии МГИМО МИД России представила доклад о гендерном неравенстве в российских СМИ. В докладе подчеркивается, что медиа имеют огромное влияние на формирование общественного мнения. Была проанализирована гендерная повестка в российских СМИ за 2020—2022 гг. с использованием данных Медиалогии. Критерием анализа были сюжеты гендерной дискриминации, гендерного неравенства и гендерного насилия, содержащиеся в статьях. Всего было проанализировано 6701 статей. Автором выделены наиболее заметные общественные события, которые касались гендерного баланса и получили наибольший резонанс в общественном мнении. Данные события представлены следующими основными заголовками: «Минтруд планирует убрать „стеклянный потолок“ и „липкий пол“ для женщин»; «Прогноз рынка труда на 2023 год в России: станет ли сложнее найти работу»; «Эксперты оценили разрыв в зарплатах между женщинами и мужчинами в России»; «87 % готовы прийти на помощь жертвам домашнего насилия»; «В ООН заявили, что продвижение гендерного равенства приведет к росту экономики на 12 трлн»; «Казахстан поднялся до 65 места в глобальном рейтинге гендерного равенства»; «Мужчины в РФ заявили о более снисходительном отношении руководства к женщинам» и др. Можно отметить, что все перечисленные сюжеты касаются наиболее острых проблем, решение которых могло бы уменьшить гендерный разрыв и предоставить женщинам возможность справедливого, наравне с мужчинами, участия в социально-политической жизни страны.

Представляет интерес замечание спикера о гендерной представленности в сфере журналистики. В докладе отмечено увеличение числа женщин в этой профессии. В 1929 г. соотношение мужчин и женщин, работающих в газетах, было 75 % и 25 % соответственно, причем среди самих журналистов женщины составляли только 10 %. В 2020 г., по данным исследования профессии «журналист» на российском рынке, компания Head Hunter заявляет о 70 % женщины.

Как видно из проведенного автором анализа российских СМИ, в статьях много внимания уделяется существующим гендерным проблемам, а также путям их решения. Это рассматривается как позитивный тренд в российских СМИ, так как общественно-политическая дискуссия и экспертное обсуждение гендерных проблем позволяет привлечь внимание к особо острым моментам, связанным с ущемлением прав и интересов женщин, сформулировать основу действий и рекомендаций, которые в конечном итоге могут лечь в основу соответствующих законов

и указов, направленных на преодоление гендерного дисбаланса в российском обществе, сформировать в общественном сознании глубокое понимание необходимости обеспечения и вовлечения большего количества женщин в процессы социально-политического управления, а также увеличить их представленность на всех уровнях государственной управленческой системы.

Интересный доклад о роли мужчин в создании гендерного паритета и развитии культуры разнообразия был зачитан к. биол. н., старшим научным сотрудником Е. П. Дибровой. Спикер отметила, что для достижения гендерного паритета необходимо довольно много времени, 217 лет. Данный процесс идет довольно медленно, так как прирост женщин на руководящих позициях по всему миру составляет 1%, а в ряде отраслей и компаний в России представленность женщин снижается. Необходимо вовлекать мужчин в повестку разнообразия, однако в связи с высоким уровнем недоверия женщин к мужчинам, реализация данного процесса затруднена. При этом сами женщины в большей степени вовлечены в программы развития гендерного равенства и разнообразия.

Спикер отметила значимую на сегодняшний день задачу по необходимости продвижения гендерно-справедливых институциональных культур и практик в организациях. С данной целью сегодня ведут свою деятельность такие проекты, как The good Men's Project, Oxfam's Gender Equality and Men Project (Великобритания, Кения), The Gender Journey (международный проект), The White Ribbon Campaign (Канада). Деятельность этих проектов направлена на работу с мужчинами, преимущественно руководителями организаций. Участники проектов проводят с ними тренинги о гендерном равенстве, разъясняют принципы справедливого корпоративного устройства компании, где соблюдаются права и предоставляются равные возможности занимать руководящие позиции мужчинам и женщинам.

Н. С. Григорьева, д. полит. наук, проф., зав. кафедрой социологии управления МГУ им. М. В. Ломоносова, представила доклад «Передача знания в социальной политике: гендерный мейнстрим». Спикер говорила о применении социальных технологий для решения проблемы гендерного дисбаланса. В российском обществе, в связи с переходом от социалистической модели к капитализму, схемы и образцы подобного опыта формировались медленнее, чем в странах Европы, а также встречали препятствия вследствие сильного влияния традиционных норм на формирование гендерных отношений и поддержание гендерно-справедливого общественного устройства.

В. С. Алексеева, зам. директора РЦИОМ «Ижтимоий фикр», Узбекистан, проанализировала гендерные различия в социальном самочувствии граждан Республики Узбекистан. Была отмечена актуальность гендерных вопросов и прав женщин и мужчин в обществе Узбекистана. Так, Стратегия развития Нового Узбекистана содержит раздел, посвященный проблемам женщин и обеспечению их прав, свобод и возможностей участия в жизни общества. Были представлены результаты двух масштабных исследований, проведенных РЦИОМ «Ижтимоий фикр»: мониторинговое исследование «Общественное мнение» и мониторинговое исследование «Граждане Узбекистана о гендерном равенстве». Спикер заметила, что проводимые сегодня в Узбекистане социально-политические реформы позволяют в целом позитивно оценивать существующий в обществе гендерный ба-

ланс. Кроме того, в целом позитивное социальное самочувствие узбекистанцев в 2022 г., по сравнению с 2021 г. выросло. 45,7% респондентов отметили, что для них 2022 г. был легким, спокойным, без потрясений (в то время как в 2021 г. доля таких респондентов была 24,1%).

Если подходить к анализу социального настроения с точки зрения гендерного распределения, то можно отметить некоторые особенности. Женщины чаще, чем мужчины находятся в ровном и нормальном настроении (36% и 32% соответственно), в то время как мужчины чаще пребывают в приподнятом, прекрасном настроении (57% и 51%). В категории «напряжение, тоска, раздражение» больше женщин, чем мужчин (11% и 8% соответственно). Такое распределение может быть объяснено с точки зрения психологии, так как женщины в целом более эмоциональны и склонны к тревожности и беспокойству. Поэтому естественно, что женщины более эмоционально воспринимают те изменения, которые происходят в обществе, и сильнее переживают. Такой показатель, как уровень удовлетворенности жизнью, также демонстрирует гендерные различия в ответах. Здесь присутствует больше положительных оценок среди мужчин, чем среди женщин: 69% мужчин ответили, что удовлетворены жизнью, и 61% женщин также ответили положительно.

Социальное самочувствие является довольно значимым показателем при анализе общественных процессов, так как оно отражает то, как человек реагирует на наиболее острые, беспокоящие его проблемы в государстве. По результатам исследования, проведенного спикером, мужчины более склонны опираться на себя в решении каких-то проблем, а женщины в большей степени склонны ничего не предпринимать или обращаться в органы государственной власти или управления, а также к родственникам.

Критерии социального самочувствия мужчин и женщин предлагается рассматривать, используя следующие индикаторы: возможности получения образования, трудоустройства и карьерного роста. Было выявлено, что на рынке труда в современном Узбекистане в процессе устройства на работу приоритет преимущественно на стороне мужчины. Даже несмотря на то, что женщины преобладают в ряде социально-значимых профессий, таких как учителя и медработники, их зарплата ниже, чем у мужчин. В вопросе значимости образования исследование показало, что большинство респондентов полагают, что если девушка выходит замуж, то возможности для нее получить высшее образование уменьшаются — так полагают 52,7% опрошенных.

Несмотря на то, что политические основания и нормативные документы в Узбекистане гарантируют равенство прав мужчин и женщин, фактически данные нормы в обществе работают неэффективно, в связи с чем вопрос гендерного дисбаланса и справедливости очень актуален для современных узбекистанцев.

Исследование гендерного состава избирательных комиссий города Санкт-Петербурга было представлено в выступлении магистрантки РГПУ им. А. И. Герцена Е. В. Фесик. Автором были исследованы комиссии разного уровня на момент формирования в 2016, 2017, 2018, 2020 и 2022 гг. Так, данные показали, что в комиссии «субъектовой» в 2017 г. принимали участие 14 человек, семь из них были женщинами. Выявилась отрицательная тенденция — при формировании комиссии в 2022 г. число участников-женщин сократилось, их осталось четыре.

Количество женщин-председателей в комиссиях территориальных также изменялось год от года: в 2016 г. — 50 %, 2020 г. — 44 %, 2021 — 47 %. В целом работа в избирательной комиссии воспринимается как дополнительный заработок, который способен усилить потенциал женщин в удовлетворении их экономических и социальных потребностей. Чем выше уровень избирательной комиссии, тем выше представительство мужчин. Такой же тренд наблюдается в возможности занять ту или иную высокую управленческую должность. Так, например, в территориальных комиссиях представленность женщин не более 50 %; в участковых — не более 80 %, а в комиссии «субъектовой» за все время анализа всего одна женщина занимала пост председателя, и совсем непродолжительное время — 1,5 года.

Спикер спрогнозировала, что количество женщин в территориальных и «субъектовых» комиссиях, будет уменьшаться, а в комиссиях участковых — возможно, увеличиваться. Это также связано с более низкой оплатой труда членов участковых комиссий. По результатам опроса жителей Санкт-Петербурга, в общественном мнении преобладает точка зрения о необходимости равного доступа и возможностей для мужчин и женщин занимать высокие руководящие позиции (так считают 89 % опрошенных), но на деле мы сталкиваемся с обратной ситуацией.

Гендерную проблематику и основы социально-политического общественного устройства рассмотрел в своем докладе коллега из Индии. Доцент Синдху Ройдал представила доклад «Роль маскулинности в понимании феминистского: основа для социальных изменений в Индии». Спикер отметила, что проблемы гендерного дисбаланса являются одной из причин напряжения общественных отношений, а также дестабилизации социально-политической жизни. Для индийского общества большое значение сегодня имеет исследование среднего класса, а также общественное мнение его представителей. В Индии средний класс делится на высший средний, средний средний и низший средний класс. Большие усилия правительство направляет на стабилизацию общества в целом, и в данном контексте устойчивость среднего класса имеет большое значение для Индии. Общественное мнение, нормы и взгляды во многом определяют жизнедеятельность человека, поэтому изучение представлений о соотношении гендерных ролей в среднем классе индийского общества позволит сделать значимые практические выводы, на основе которых будет возможно обеспечить его дальнейший рост, а также усиление участия его представителей в экономике и политической жизни страны.

Для индийского общества характерно во многом традиционное понимание ролей мужчины и женщины. Так, мужчина в сознании индийцев обычно сильный, мужественный, он герой и основной кормилец, на нем лежит ответственность за семью, он является основным источником дохода. Роль женщины — домашнее хозяйство, уход за детьми и заботы по дому. Уровень занятости женщин на рынке труда в Индии является крайне низким. Иногда мужчины берут на себя часть домашних обязанностей и помогают женщинам по дому, но это происходит только если мужчина сам этого захочет. Во всех остальных случаях обязанности по дому полностью ложатся на плечи женщины, семья — ее приоритет. Спикер отмечает ярко выраженную гендерную дифференциацию в индийском обществе в экономической, политической, культурной и социальной сферах. Однако сегодня, в связи

с влиянием глобализации, а также распространением образования, появляются новые течения и новые ценности, новое понимание соотношения гендерных ролей. Мужчины проявляют больше внимания к женщине, учитывают большую хозяйственную нагрузку, которую она выполняет по дому.

Сегодня эксперты и исследователи отмечают, что дискриминация по полу получает все большее распространение во всех сферах жизнедеятельности людей [Ирсетская, 2022].

Секция «Женский трудовой ресурс в жизни старых и новых советских и постсоветских городов: историко-антропологическое измерение»

Секция была организована Российской ассоциацией исследователей женской истории (РАИЖИ), руководитель секции д. ист. н., засл. проф. РФ Н. Л. Пушкарева

Главная проблема, обсуждаемая участниками секции, касалась механизмов воспроизведения социально-полового неравенства, асимметрий в распределении трудовых ресурсов, при которых женщины постоянно оказывались (и остаются) «вторым полом» с более низкими зарплатами и малыми возможностями получения высокодоходных должностей и званий (в том числе в такой кажущейся привилегированной сфере, как наука). Историко-антропологический подход предполагал большее внимание к голосу самих дискриминируемых (письменному и устному, к текстам воспоминаний, мемуаров, других эгодокументов), нежели к статистической обработке анкет и вообще материалов массовых источников.

В выступлениях участников были проанализированы ранее не введенные в научный оборот исторические источники по истории женского участия в Гражданской войне, в ходе сопротивления и борьбы за выживание в годы голода в Поволжье и в послевоенное лихолетье, редкие источники по использованию женских трудовых ресурсов на оборонных предприятиях Сталинграда в годы ВОВ.

Отдельный блок выступлений касался историко-антропологического изучения женских трудовых ресурсов в послевоенные десятилетия, в годы оттепели 1950—1960-х годов — прозвучали доклады о возникновении новых советских городов, в которых, однако, стал воспроизводиться не обновленный, а традиционный гендерный контракт.

Так, О. И. Секенова, к. ист. н., доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого рассказала о внутренней миграции женщин-ученых из столицы в провинцию в 1900—1922 гг. как ресурсе культурного и интеллектуального развития российских регионов. Исследовательницы из Волгограда Е. В. Ануфриева, к. филос. н., доцент, и Н. В. Дулина, д. соц. н., профессор, проанализировали ограничения и возможности женского труда на оборонительных предприятиях Сталинграда (1941—1945 гг.) М. В. Золотухина, к. ист. н., доцент кафедры социокультурных практик и коммуникаций факультета культурологии РГГУ, представила тему довоенного и военного детства сквозь призму гендера. А. В. Жидченко, к. ист. н., описал женское лицо авиации в контексте повседневной жизни жительниц Жуковского в 1950—1960-е годы. Были представлены результаты исследований, которые выходили за обозначенную повестку секции, но вызвали интерес и вопросы аудитории. В частности, М. В. Ломоносова, к. соц. н., доцент кафедры теории и истории социологии

Санкт-Петербургский государственный университет о женских образах как слепке с жизни, о голоде в судьбе и творчестве советского скульптора Наталии Данько.

Секция «Современные подходы к обеспечению прав женщин: между равноправием и феминизмом».

Сектор прав человека Института государства и права РАН выступил организатором этой секции. Были заслушаны доклады и. о. зав. сектором, ведущего научного сотрудника, к. юр. н., доцента Н. В. Колотовой «Гендер как основание уязвимости (в аспекте социальных прав)», д. юр. н., профессора кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии С. В. Ворошиловой о реализации репродуктивных прав женщин в советской России, главного научного сотрудника, д. юр. н., доцента Т. А. Васильевой «Феминистское прочтение судебных решений: специфическое направление в юридических исследованиях, ориентированное на защиту прав женщин», ведущего научного сотрудника, к. юр. н., доцента Н. В. Варламовой «Гендерная дискриминация: понятие и методики установления»; научного сотрудника, к. юр. н. Е. А. Сорокиной «Гендерные стереотипы и права женщин в практике Европейского суда по правам человека о возрастной дискриминации», главного научного сотрудника, д. юр. н. Э. В. Талапиной «Профилирование и риски гендерной дискриминации», аспиранта С. А. Карпова «Право на информационное самоопределение и возможности защиты от stalking», научного сотрудника Я. И. Лебедевой «Директива ЕС о балансе работы и личной жизни 2019 г.: гендерный аспект», старшего научного сотрудника, к. юр. н., доцента В. И. Чехариной «Репродуктивное самоопределение женщин: современные правовые гарантии и проблемы», ведущего научного сотрудника, к. юр. н., доцента А. И. Черкасова «Проблемы обеспечения гендерного равенства на рынке труда в странах Скандинавии», научного сотрудника, к. юр. н. А. В. Дзюбак «Развитие атипичных форм занятости женщин в Королевстве Саудовская Аравия». Подводя итоги работы секции, Н. В. Колотова подчеркнула актуальность и дискуссионность поднятых научных проблем и обозначила перспективы дальнейших исследований.

Секция «Родительство как социальный ресурс в условиях формирования нового гендерного порядка».

Палитра докладов, представленных в программе секции, была достаточно широкой и позволила перейти от теоретических вопросов к анализу социальных практик, осуществляемых жителями России, Казахстана и Киргизии (суррогатного материнства, семейного волонтерства, отцовства и др.). Внушительное географическое представительство участников секции и разнообразие тем докладов подтвердило актуальность и необходимость обсуждения вопросов, связанных с формированием нового гендерного порядка в современной России и родительством как особым социальным институтом. Важность продолжения практики проведения подобных мероприятий подчеркнули в своих выступлениях Н. В. Солодкова, учитель истории высшей категории из Волгоградской области, И. А. Симонова, к. филос. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, а также другие участники конференции, подчеркнувшие необходимость продол-

жения изучения социогендерных ресурсов, способствующих укреплению социальных институтов семьи и брака в современной России.

В заключение мероприятия М. Ю. Милованова подытожила основные результаты его работы, выраженные в междисциплинарности и экспертном уровне дискуссии. Руководители секций выразили согласие с тем, что гендер — это наиболее динамично развивающийся социальный конструкт, который отражает стремительность социальных изменений, требует новой философии мышления и парадигм развития. Председатель оргкомитета также резюмировала, что есть множественные качественные характеристики социальных изменений: «общество риска», «общество травмы», «гибридный мир», «новый гендерный порядок» и пр. Состоявшийся научный диалог подтвердил злободневность исследовательских вопросов о субъектности и ресурсности, связанности реальности и ее репрезентации в переживаемых нами трансформациях (виртуализация), череде вызовов (пандемия COVID-19, СВО), получивших название — пермакризис¹¹, объективной оценки нестабильной внешней среды и российского социума.

Ориентация на преобразование общественных отношений в сторону здорового общества, выработка эффективных государственных механизмов сбережения гендерных ресурсов в условиях поиска новых образцов миропорядка стали общими для всей научной дискуссии.

Список литературы (References)

Айвазова С. Г. Революция: гендерный передел поля политики. // Столетие революции в России и современный социализм: материалы международной конференции (Санкт-Петербург, Таврический дворец, 18 марта 2017 года) / отв. ред. и сост. А. К. Никитин. Москва: Ключ-С, 2017. С. 79—87.

Aivazova S. G. (2017) Revolution: Gender Reparation of the Field of Politics. In: Nikitin A. K. (ed.) *Centenary of the Revolution in Russia and Modern Socialism: Materials of the International Conference (St. Petersburg, Tauride Palace, March 18, 2017)*. Moscow: Klyuch-S. P. 79—87.

Буланова М. Б., Милованова М. Ю. Вклад женщин в развитие народного образования в России (на примере борьбы Л. А. Шанявской за открытие народного университета) // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 144—152. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.12>

Bulanova M. B., Milovanova M. Yu. (2021) The Contribution of Women to the Development of Public Education in Russia (On the Example of L. A. Shanyavskaya's Struggle for the People's University). *Woman in Russian Society*. № 3. P. 144—152. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.12>

Великая Н. М. Гендерный вопрос в современном социалистическом движении Европы: сравнительный анализ партийной политики // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество. Материалы Всероссийской научной конференции, Иваново, 25 июня 2021 г. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 19—27.

¹¹ Понятие «пермакризис» означает «длительный период нестабильности и отсутствия безопасности». По версии британского словаря английского языка Collins English Dictionary стало словом 2022 г.

Velikaya N. M. The Gender Question in the Modern Socialist Movement in Europe: A Comparative Analysis of Party Politics. In: *Gender Policy in Russia and in the World: Economy, Management, Society: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Ivanovo, June 25, 2021*. Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. P. 19—27.

Великая Н. М. Женщины в политическом поле современной России: особенности политического участия и политического выбора // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 332—344.

Velikaya N. M. Women in the Political Field of Modern Russia: Features of Political Participation and Political Choice. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art Studies"*. 2022. No. 1. Part 3. P. 332—344.

Великая Н. М., Березкина Е. Ю. Особенности женского представительства в законодательных органах власти Европы: левые против популистов // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 2S. С. 8—23. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.1>

Velikaya N. M., Berezkina E. Yu. (2022) How Do Women Are Represented in the European Legislative Assemblies: Comparative Analysis of the Left and Populist Political Parties' Practices. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 2S. P. 8—23. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.1>. (In Russ.)

Великая Н. М., Милованова М. Ю. Женские общественные объединения как социальный ресурс политической модернизации в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 127—129.

Velikaya N. M., Milovanova M. Yu. (2012) Women's Public Associations as a Social Resource of Political Modernization in Modern Russia. *Historical and Socio-Educational Idea*. No. 4. P. 127—129. (In Russ.)

Гнедаш А. А. Национальные механизмы гендерного равенства в России и Казахстане: акторы, уровни, институциональные ресурсы // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2017. Т. 87. № 3. С. 25—31. URL: <http://rmebrk.kz/magazines/journal/show/3787> (дата обращения: 27.06.2023).

Gnedash A. A. (2017) National Mechanisms of Gender Equality in Russia and Kazakhstan: Actors, Levels, Institutional Resources. *Bulletin of Karaganda University. "History. Philosophy" Series*. Vol. 87. No. 3. P. 25—31. URL: <http://rmebrk.kz/magazines/journal/show/3787> (accessed: 27.06.2023). (In Russ.)

Ирсетская Е. А. Особенности организации трудовой деятельности женщин в России в период пандемии коронавируса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 2. С. 215—226. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-215-226>.

Irsetskaya E. A. (2022) The Organization Features of the Russian Women Labor Activity During Pandemic of Coronavirus. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art Studies"*. No. 1. Part 2. P. 215—226. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-215-226>. (In Russ.)

Козлова Н. Н. Образы будущего России и молодежная политика: социально-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 2. С. 100—109.

Kozlova N. N. (2021) Images of the Future of Russia and Youth Policy: A Socio-Philosophical Analysis. *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*. No. 2. P. 100—109. (In Russ.)

Козлова Н. Н. Память о женщинах-героинях Великой Отечественной войны как символическое наследие российских регионов // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV-ой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН в двух частях, Пенза, 29 сентября — 02 октября 2022 г. Т. 1. Пенза: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022. С. 335—338.

Kozlova N. N. (2022) Memory of Women-Heroines of the Great Patriotic War as a Symbolic Heritage of Russian Regions. In: *Past, Memory, Narrative: The Gender Dimension of Everyday Life: Materials of the XVth International Scientific Conference of the Russian Academy of Sciences and IEA RAS in Two Parts. Penza, September 29—October 02. 2022*. Vol. 1. Penza: N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. P. 335—338. (In Russ.)

Козлова Н. Н., Овчарова О. Г., Рассадин С. В., Васильева Е. Н. Сетевые ресурсы молодых депутатов региональных legislatures РФ: анализ публичного дискурса (женский сегмент) // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 43—56. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.2.4>.

Kozlova N. N., Ovcharova O. G., Rassadin S. V., Vasilyeva E. N. (2022) Network Resources of Young Deputies of Regional Legislatures of the Russian Federation: Analysis of Public Discourse (Women`s Segment). *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 43—56. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.2.4>. (In Russ.)

Логинов Д. М. Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 40—60. <https://doi.org/10.31857/S086904990017876-5>.

Loginov D. M. Non-Material Resources of the Population in the New Adaptation Cycle. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 6. P. 40—60. <https://doi.org/10.31857/S086904990017876-5>. (In Russ.)

Милованова М. Ю. Гендерные ресурсы социальных изменений: к вопросу о методологии исследования // Социология в постглобальном мире. Материалы всероссийской научной конференции XVI Ковалевские чтения 17—19 ноября 2022 года. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022.

Milovanova M. Yu. (2022) Gender Resources of Social Changes: On the Issue of Research Methodology. In: *Sociology in the Post-global World. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference XVI Kovalev Readings November 17—19, 2022*. St. Petersburg: Scythia-Print Publishing House. (In Russ.)

Мирошниченко М. И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 1. С. 35—42. URL: <https://vestnik.susu.ru/humanities/article/view/3113> (дата обращения: 27.06.2023).

Miroshnichenko M. I. (2015) Contents of the First Soviet Gender Patterns in 1920-s. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*.

Vol. 15. No. 1. P. 35—42. URL: <https://vestnik.susu.ru/humanities/article/view/3113> (accessed: 27.06.2023). (In Russ.)

Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: измерение мировой конфигурации // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. Т. № 2. С. 70—81.

Ovcharova O. G. (2016) Gender Asymmetry of Politics: Changes in the Global Configuration. *South-Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 17. No. 2. P. 70—81. (In Russ.)

Овчарова О. Г. Гендерные аспекты политологических исследований // Современная политическая наука: Методология. Москва: Аспект Пресс, 2019. С. 509—524.

Ovcharova O. G. (2019) Gender Aspects of Political Science Research. In: *Modern Political Science: Methodology*. Moscow: Aspect Press. P. 509—524.

Овчарова О. Г. Гендерная политология: объяснение современных политических процессов // Гендерное равенство XXI века: глобальные вызовы и локальные ответы. Москва: Ключ-С, 2023. С. 13—28.

Ovcharova O. G. (2023) Gender Political Science: An Explanation of Modern Political Processes. In: *Gender Equality of the XXI Century: Global Challenges and Local Responses*. Moscow: Klyuch-S. P. 13—28.

Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (Советская и постсоветская историография) // Женщина в российском обществе. 2017. № 2. С. 15—34. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.2.2>.

Pushkareva I. M., Pushkareva N. L. (2017) Women's Participation in Russian Political Life at the Beginning of the XX C. (Soviet and Post-Soviet Historiography). *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 15—34. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.2.2>. (In Russ.)

Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. Pushkareva N. L. (2007) *Gender Theory and Historical Knowledge*. Saint Petersburg: Alethea.

Пушкарева Н. Л., Большакова О. В. Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 1. С. 318—328. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.119>.

Pushkareva N. L., Bolshakova O. V. (2020) Gender Studies of the Russian Twentieth Century. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. Vol. 65. No. 1. P. 318—328. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.119>. (In Russ.)

Пушкарева Н. Л., Трошина Т. И., Белова А. В., Мицук Н. А. «Сила слабых»: мощь единенности и взаимоподдержки мужчин и женщин в культурах мира // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 115—119. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.11>.

Pushkareva N. L., Troshina T. I., Belova A. V., Mitsuk N. A. (2018) “The Weak Force”: The Power of Unity and Mutual Support of Men and Women in the Cultures Around of the World. *Woman in Russian Society*. 2018. No. 1. P. 115—119. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.11>. (In Russ.)

Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008.

Ryabova T. B. (2008) *Gender of Power: Gender Stereotypes in Contemporary Russian Politics*. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russ.)

Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2012.
Sillaste G. G. (2012) *Gender Sociology and Russian Reality*. Moscow: Alfa-M. (In Russ.)

Силласте Г. Г. Российская миграция и ее гендерная специфика // Социальная защита детей и молодежи в условиях глобализации: образование, экономика, право: Сборник статей в рамках реализации проекта программы Европейской Комиссии Темпус IV «Создание транснациональных программ для подготовки магистров и аспирантов в области социального обеспечения детей и молодежи» (TACHYwe). Ростов-на-Дону, 29—30 мая 2017 г. Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2017. С. 34—47.

Sillaste G. G. (2017) Russian Migration and Its Gender Specificity. In: *Social Protection of Children and Youth in the Context of Globalization: Education, Economics, Law: A Collection of Articles Within the Framework of the Tempus Iv Project of the European Commission “Creation of Transnational Programs for the Preparation of Masters and Postgraduates in the Field of Social Welfare of Children and Youth”* (TACHYwe). Rostov-On-Don, May 29—30, 2017. Rostov-On-Don: Individual Entrepreneur Sergey Vladimirovich Bepamyatnov, P. 34—47. (In Russ.)

Силласте Г. Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 28—46.
<https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.3>.

Sillaste G. G. (2021) Russian Women’s Organizations as a Form of Social Community and Its Social Dynamics in the Modes of Globalization and the Formation of a New Gender Order. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 28—46. URL: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.3>. (In Russ.)

Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Женское движение и государство: историко-социологический анализ. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021.

Khasbulatova O. A., Smirnova I. N. (2021) *Women’s Movement and the State: Historical and Sociological Analysis*. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russ.)

